

БЕРНАРД
ШОУ

Пьесы

Ш 810

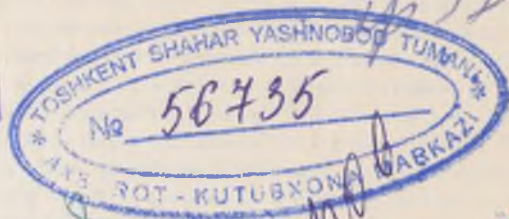
БЕРНАРД ШОУ

Тъесы

53884
251 (538)

mp 2000

1001

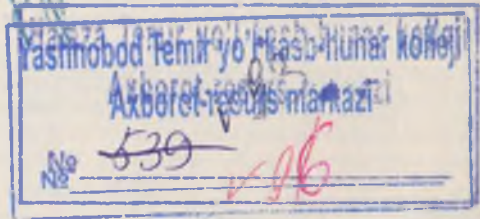

mp 92

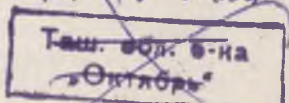
mp 98

mp 100

mp 03

Ф.К. 48 Ш.К. 10

251

МОСКВА ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

1981

53884

И (Англ)

Ш 81

Перевод с английского

Вступительная статья
З. Гражданской

Шоу Б.

Ш 81 Пьесы.— М.: Правда, 1981.—352 с.

ИСБН

В книгу вошли избранные пьесы видного английского писателя и драматурга Б. Шоу «Профессия миссис Уоррен», «Цезарь и Клеопатра», «Пигмалион», «Дом, где разбиваются сердца».

И (Англ)

Ш ~~70304—303~~
~~080(02)-81~~ 81 4703000000

© Издательство «Правда». Составление.

БЕРНАРД ШОУ

Двадцатилетнему светловолосому ирландцу, прибывшему с маленьким саквожем в Лондон из далекого Дублина в апрельский день 1876 года, будущее его не могло быть известно. Он не мог знать, что станет кумиром этого шумного чужого города и вечным ниспровергателем его традиционных лживых кумиров. Что за малейшей его шуткой, за каждым остроумным замечанием газеты и журналы всего мира будут гоняться еще долгие годы после его смерти, как за самой свежей сенсацией. Что он проживет почти столетие и станет легендарным еще при жизни. Всего этого он, конечно, не мог знать. Но предполагал он многое: он был талантлив и остро ощущал свою одаренность. Жизнь его складывалась пока трудно, прошлое и настоящее были полны невзгод.

У него не было счастливого детства. В горькую минуту он назовет свое детство страшным, лишенным любви. Но, может быть, благополучное детство в идеальной викторианской семье меньше способствовало бы формированию гения, чем его детство в странном, причудливом доме, где разбивались сердца, где родители враждовали между собою, но где вечно звучала музыка и велись умные, интересные разговоры—о судьбах Ирландии, о судьбах искусства.

А потом отец с матерью разошлись—это было пять лет назад. Матери надоело пьянство отца и презрение богатых родственников, особенно когда она стала артисткой. Она уехала в Лондон, забрав с собою двух дочерей, Люси и Агнес,—друг дома, музыкант Ванделер Ли, обещал найти ей хорошие уроки пения, а девочек устроить на сцену. Пятнадцатилетнего сына она оставила в Дублине без всяких средств, в обществе опустившегося, больного отца. Подросток тосковал о музыке, покинувшей дом вместе с его матерью, а может быть, и о матери и сестрах, хотя не признавался себе в этом. О музыке он позаботился сам: купил самоучитель и за короткий срок выучился играть

Бетховена и Моцарта. Позаботился он и о заработке: поступил на службу в одну из дублинских земельных контор и проработал там все эти пять лет, пройдя порядочное расстояние — от рассыльного до кассира. Для мальчика его лет это была головокружительная карьера, хозяева ценили его добросовестность и аккуратность, — но он ненавидел свою работу, ему казалось, что он теряет время, выпускает что-то главное в своей жизни.

Сейчас он приехал в Лондон, потому что умерла от чахотки сестра Агнес, подруга его детских лет. Приехал не плакать о ней (у них в семье было принято скрывать свои чувства) и не утешать мать, с которой у него не было душевной близости, а просто занять место Агнес в той борьбе за существование, которую вела здесь эта талантливая ирландская семья. Но планы его и матери расходились: мать рассчитывала, что он, заручившись рекомендацией от прежних хозяев, найдет здесь хорошее место, а он даже не взял с собой этой рекомендации. Он знал, что должен посвятить свою жизнь тому главному, что ранее было упущено, и ради этого он был готов голодать. Он решил стать писателем.

Молодого ирландца звали Джорджем Бернардом Шоу. Ему суждено было увидеть свою родину только через тридцать лет. И все же Ирландия оставила в нем неизгладимый след. Именно эта страна, отразившая противоречия эпохи с особенной силой, клокотавшая от постоянного гнева и сопротивления, сформировала его характер, одновременно кипучий и насмешливо-спокойный, его жажду справедливости и ядовитый скептицизм.

Он засел за писание романов, видя в них свою будущность и свое призвание. В первые годы в Лондоне он зарабатывал гроши в телефонной компании, а потом и вообще отказался от любого заработка, кроме пока недоступного ему — литературного. Он плохо питался, носил рваную обувь и тщательно закрашивал на ней дыры; он жил на средства своей матери, учительницы музыки, и эта замкнутая, гордая женщина, которую считали плохой матерью, никогда не упрекала его за это. Но он старался все же поменьше обременять ее, а потому зачастую оставался вообще без обеда. Зато он писал роман за романом и отсылал их во все существующие английские издательства и даже в Австралию и Канаду. Рукописи возвращались; Шоу впоследствии вспоминал, что ему отказали шестьдесят издательств.

Но в 80-е годы начинающий литератор стал выдающимся общественным деятелем и оратором. Это было время бурного подъема английского рабочего и социалистического движения. Шоу не раз принимал участие в митингах и демонстрациях, в том числе в знаменитом столкновении с полицией на Графальгарской площади 13 ноября 1886 года. Ораторские выступления Шоу начались в маленьком дискуссионном клубе еще в 1879 году, а затем развернулись очень широко, привлекая все больше и больше слушателей. Успех его был колоссален. «Не раз я видел, к своему удивлению, улицы, переполненные народом во время моих выступлений»¹, — вспоминал он. Его наперебой приглашали выступить в разных околосоциалистических организациях, ему бы с радостью стали платить за выступления, но денег Шоу никогда не брал: его слово было свободным.

¹ B. Shaw. Sixteen Self Sketches. London, 1949, p. 81.

По своим социальным взглядам Шоу считался вначале последователем американского экономиста Генри Джорджа, придававшего исключительное значение земельному вопросу. Увлечение теориями Г. Джорджа было характерно для многих ирландских патриотов и даже сказалось на ирландском национально-освободительном движении. Проповедуя взгляды Г. Джорджа, Шоу был в 1883 году изобличен английскими социал-демократами в незнании Маркса. Этот справедливый упрек заставил Шоу немедленно заняться изучением Маркса, прежде всего «Капитала». «Маркс открыл мне глаза на факты истории и цивилизации, открыл цель и смысл жизни»,— писал Шоу впоследствии. Он любил называть себя марксистом. Однако вступил он в 1884 году не в социал-демократическую федерацию, где было больше всего марксистов, а в социал-реформистское фабианское общество. Вскоре он стал одним из его лидеров и выдающихся ораторов.

Это была интеллигентская организация, придумавшая себе название в честь римского полководца Фабия Кунктатора (Медлителя), одержавшего победу над карфагенским вождем Ганнибалом именно вследствие своей осторожной, расчетливой политики. Такой замедленности действий, выжидательной тактики в отношении капитализма и решили придерживаться фабианцы. Они отрицали революцию и предлагали идти к социализму путем постепенных реформ. «Пропитывание либерализма социализмом» — стало их любимым лозунгом. Особые надежды они возлагали на так называемый «муниципальный социализм», на проникновение фабианцев в органы городского самоуправления. Санитарная деятельность муниципалитетов, строительство больниц, улучшение жилищных условий трудящихся казались им первым этапом социализма.

В высказываниях Ф. Энгельса и В. И. Ленина неоднократно встречаются резкие оценки фабианства как течения, очень далекого от марксизма. Но характерно, что и Ф. Энгельс и В. И. Ленин отделяют Б. Шоу от других фабианцев, подчеркивая не только его талантливость, но и честность. «Гам есть беллетрист Бернард Шоу, как беллетрист очень талантливый, но никуда не годный как политик, хотя он и честен, и не карьерист»¹,— писал Ф. Энгельс в 80-е годы. В. И. Ленин в беседе с английским журналистом Артуром Рэнсомом назвал Б. Шоу «славным парнем, попавшим к фабианцам»² и подчеркнул, что Б. Шоу гораздо левее тех, кто его окружает.

Ф. Энгельс отметил талантливость Б. Шоу, имея в виду его романы, так как пьесы его в 80-е годы еще не были написаны. Молодой социалистический оратор все-таки добился своего — стал довольно известным писателем. Его лучшие романы — «Социалист-одиночка» и «Профессия Кэшея Байрона» — были напечатаны в середине 80-х годов в небольшом социалистическом журнале «Ту-дэй», издаваемом известным писателем, художником и социалистическим деятелем У. Моррисом. «Великого человека всегда легче удовлетворить, чем маленького»,— заметил по этому поводу Б. Шоу. Два других романа — «Неразумные связи» и «Любовь артистов» — были напечатаны в конце 80-х годов в журнале «Аур корнер», основанном прогрессивной деятельницей и пылкой поклонницей

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXIX, с.114.

² «Иностранная литература», 1957, № 4.

Шоу — Энни Безант. Только один, самый ранний, роман («Незрелость») оставался пока ненапечатанным; он был опубликован почти через пятьдесят лет (в 1930 г.) и вызвал восторженные рецензии.

Публикация романов принесла Шоу громадное моральное удовлетворение и никакой материальной выгоды. Социалистические журналы, напечатавшие их, сами существовали на средства энтузиастов и не выплачивали гонораров. Один из романов («Профессия Кэшеля Байрона») пользовался значительной популярностью, получив высокую оценку Стивенсона. Его заметили и немедленно издали в Соединенных Штатах. Но Шоу оставался таким же бедняком, как был.

Значительную роль сыграло для него знакомство с известным критиком У. Арчером. Это был второй (после У. Морриса) человек, который ему по-настоящему помог. Познакомившись с молодым ирландцем, У. Арчер вскоре предложил ему работу музыкального критика в журнале «Театральное обозрение», а затем — литературное рецензирование в «Пэлл-Мэлл газет». В конце 80-х годов Шоу выступает в газете «Стар» в качестве музыкального критика под звучным итальянским псевдонимом «Корно ди Бассетто», обозначавшим духовой музыкальный инструмент. Блестящее мастерство публициста, неумный критический темперамент, редкое остроумие — все это впервые проявилось в его статьях.

В 1895 году Б. Шоу стал постоянным театральным обозревателем в еженедельном «Субботнем обозрении». Свои блестящие, оригинальные, насыщенные парадоксами и неожиданностями статьи он подписывал инициалами «GBS» (Джи-Би-Эс). Так родились эти три буквы, которым была суждена мировая слава.

Если Шоу-фабианец искренне пытался бороться за новое общество, то Шоу — театральный критик возглавил борьбу за новую драму. А в деятельности Шоу-драматурга, которая началась в 1892 году постановкой «Домов вдовца», слились оба эти стремления.

Английский театр второй половины XIX века был заполнен незначительными, «хорошо сделанными» пьесами, где сентиментально-любовная линия обычно приводила к счастливому концу, а какое-либо социальное обличение было просто немыслимым. Переводные пьесы Скриба, Сарду и Дюма-сына, английские любовно-психологические драмы А. Пинеро и Г. Джонса были образцами этого репертуара. Одновременно в большинстве театров (и прежде всего в лондонском «Лицеуме») шли традиционные шекспировские спектакли. Но почти нигде не ставились глубоко проблемные и уже завоевавшие сцены других европейских стран пьесы Ибсена. Это возмущало Шоу; свою борьбу за новую драму, актуальную и проблемную, он начал с пропаганды творчества Ибсена.

В 1890 году фабианское общество организовало ряд лекций, посвященных наиболее прогрессивным писателям эпохи — Льву Толстому, Тургеневу, Золя и Ибсену. Лекцию об Ибсене прочел Шоу. Она легла в основу его книги «Квинтэссенция ибсенизма», вышедшей в 1891 году. Книга издавалась не раз и постепенно разрасталась. В ней Шоу дал не только яркую и оригинальную характеристику творчества норвежского драматурга: он выдвинул в ней ряд

проблем и требований, необходимых, по его мнению, для современной драмы. Так, главную цель Ибсена, квинтэссенцию ибсенизма, а следовательно, и цель современного театра Шоу видит в срывании масок с respectable буржуазного мира, в разоблачении лживой буржуазной морали; новаторство Ибсена он видит также в наличии острых конфликтов и умных, тонких дискуссий.

Как пример такой дискуссии Шоу приводит тот «неуместный», тяжелый, кончающийся разрывом разговор о положении женщины, который вдруг затевает ибсеновская Нора, когда все трагические недоразумения уже пришли к благополучному концу и с точки зрения буржуазного здравого смысла пора опускать занавес. «Благодаря этому добавлению,— пишет Шоу,— «Кукольный дом» завоевал Европу и стал школой драматического искусства»¹. Дискуссия — в самых различных ее формах — стала основным стержнем пьес самого Шоу.

Борясь за новую драму, неукротимый Жи-Би-Эс неожиданно обрушился ... на Шекспира. Это вызвало негодование прессы и читателей, стало предметом бесчисленных карикатур на Шоу.

В своем «разоблачении барда» Шоу был бесконечно разнообразен. Он помещал мистифицирующие письма «читательниц», в которых добродетельные провинциалки выражали возмущение варварской грубостью пьес Шекспира; писал серьезные статьи, где под предлогом рецензий на шекспировские спектакли давались убийственные оценки философских концепций самого Шекспира; дерзко озглавливал предисловия к собственным пьесам «Лучше, чем Шекспир?»². Но прежде всего он непрерывно атаковал театр «Лицеум» и его прославленного руководителя Генри Ирвинга, считавшегося лучшим исполнителем шекспировских ролей. Шоу подмечал малейшую слабость в игре и особенно в режиссуре этого талантливого актера: он справедливо упрекал его за чрезмерное акцентирование главной роли в ущерб другим исполнителям. Но он часто бывал и несправедлив к нему, и борьба между ними приобрела довольно острый характер. Никогда не знавший личной вражды, Шоу бывал непримирим в вопросах принципиальных. Ни попытки Ирвинга поставить одну из пьес Шоу, ни дружеская переписка с приятельницей Ирвинга и примадонной «Лицеума» Элен Терри ничего не могли изменить. Шоу не прощал Ирвингу его консерватизма, его пренебрежения к новейшей социально-психологической драме (ни одна пьеса Ибсена не была допущена Ирвингом на сцену «Лицеума»).

Шоу поместил в венской газете резкую статью об Ирвинге и, воздавая ему должное как артисту, завоевавшему всеобщее признание, еще раз упрекнул его за то, что он ничего не сделал для современной драмы и только калечил останки мертвого Шекспира.

В войне Шоу против Шекспира была одна парадоксальная сторона, которую нескоро уловили возмущенные обыватели: он знал и любил Шекспира гораздо больше, чем кто-либо из них. Он был редким знатоком его творчества, одним из инициаторов создания национального Шекспировского театра в Стратфорде; он не выносил ни малейшего искажения шекспировского текста или шекспировской мысли на сцене.

¹ B. Shaw. The Quintessence of Ibsenism. N. Y., 1915, p. 219.

² Предисловие к «Пьесам для пуритан», раздел, посвященный «Цезарю и Клеопатре».

Но для английских коммерческих театров шекспировские спектакли превратились в своеобразное убежище консерватизма, в укрытие от живой действительности и современной, актуальной драматургии. Вот почему Шоу решил выступить против Шекспира. В одном из писем Элен Терри в 1897 году он писал: «Шекспир для меня — одна из башен Бастилии, и он должен пасть»¹.

Борьба за новый театр велась Бернардом Шоу в самых разнообразных формах. Он горячо поддерживал в своих театральных рецензиях прогрессивные начинания английского театра и прогрессивных актеров. Одним из первых он оценил талант выдающейся актрисы Стеллы Патрик-Кэмбл. Стал знаменитым его сравнительный анализ игры двух прославленных актрис континента — Сары Бернар и Элеоноры Дузе, выступавших в Лондоне в одной и той же роли в пьесе Зудермана «Родина»; Шоу отдает предпочтение более реалистической манере Элеоноры Дузе.

Б. Шоу один из тех, кто активно поддержал Независимый театр, основанный в 1891 году прогрессивным режиссером Джекобом Грейном и стремившийся пропагандировать современную, проблемную драму. Именно для этого театра и была написана первая пьеса Шоу — «Дома вдовца».

Еще в 1885 году Б. Шоу и У. Арчер пытались написать совместно пьесу, повторяющую в современных условиях сюжет вагнеровского «Золота Рейна»: юный социалист узнает, что приданое его жены составляют деньги, на которых лежат проклятия бедняков. У. Арчер взялся за развитие сюжета: он хорошо представлял себе традиционный ход «хорошо сделанных пьес». Шоу, проявивший в своих романах удивительное мастерство диалога, решил впервые применить его в пьесе. Но сотрудничество продлилось не дольше первого акта. У. Арчер с изумлением обнаружил в своем соавторе исключительную самостоятельность и даже строптивость. Приятная и чувствительная пьеса превращалась под его пером в беспощадное разоблачение, молодые герои пьесы оказывались плотью от плоти грязного мира дельцов. У. Арчер отказался от сотрудничества; Шоу дописал второй акт и положил неоконченную пьесу куда-то в глубину своего письменного стола. Он извлек ее оттуда и дописал в короткий срок в 1892 году, когда Джекобу Грейну понадобилась английская пьеса, отвечающая современным, прогрессивным требованиям. Шоу придумал для нее причудливое заглавие, с трудом поддающееся расшифровке: одновременно и пародию на евангельские «дома вдов» и насмешливое указание на семейное положение владельица труппы, богача Сарториуса. Первая постановка «Домов вдовца» Независимым театром Грейна в декабре 1892 года прошла в бурной, накаленной обстановке, всегда знаменующей рождение прогрессивной драмы. «Я молниеносно обесславился как драматург, — вспоминает Шоу в предисловии к первому изданию своих пьес. — Социалисты и независимые яростно аплодировали мне из принципа; завсегдатаи премьер неистово свистели из таких же побуждений; сам же я выступил в уже привычной для меня роли митингового оратора и произнес речь перед занавесом. Газеты добрых две недели обсуждали пьесу...»². Пьеса была воспринята критикой как грубый памфлет, как слегка

¹ «E. Terrespy and B. Shaw: a Correspondence». L., 1949, p. 136.

² Б. Шоу. Избранные произведения. М., 1956, Т. I, с. 8.

зашифрованная социалистическая пропаганда, ничем не отличающаяся от обычных выступлений Шоу в Гайд-парке. Шоу слышал теперь часто один и тот же упрек (даже от своего друга У. Арчера), что это вообще не пьеса, что он не умеет писать пьес... и что он даже не знает жизни, оставаясь мечтателем-социалистом. «Это мне-то, который вот этими самыми руками собирал квартирную плату в трущобах... это мне вы говорите, чтобы я обратился к действительности и перестал фантазировать...»¹ — с негодованием восклицает Шоу, раскрыв в этой горькой фразе автобиографический источник своей первой пьесы: когда-то семнадцатилетний мальчик, исполнительный клерк частной земельной конторы, собирал еженедельно в дублинских трущобах жалкие гроши бедняков, и это воспоминание навсегда осталось в нем, как мучительная заноза.

Разруганная и вскоре сошедшая со сцены пьеса «Дома вдовца» была началом долгого и славного пути. В течение восьми лет (с 1892 по 1899 г.) создаются три блестящих драматических цикла: «Неприятные пьесы», «Приятные пьесы» и «Пьесы для пуритан». Десять пьес, самых разнообразных по жанру и тематике, были пронизаны общим чувством саркастического гнева по адресу буржуазных фарисеев, стремлением сорвать маски с «добродетельных» столпов общества и семьи, с великолепных завоевателей, почитающихся героями, с исторических и современных кумиров буржуазного общества. Они были объединены и новаторским методом драматурга — его настойчивым и смелым обращением к парадоксу, к постоянному выворачиванию наизнанку прописных истин, к аргументированной и острой дискуссии. Герои ведут спор в любых ситуациях и обстановке — в светских салонах, в мрачных жилищах пуритан, в египетских дворцах — над трупами убитых врагов — и перед лицом несправедливых судей, с петлей на шее. Некоторые из этих пьес можно назвать легкими комедиями («Никогда бы вы этого не сказали» из цикла «Приятных пьес»), другие — психологическими драмами в духе Ибсена («Кандида» из того же цикла), в третьих преобладает социальная тема, определяющая поступки и решения героев («Дома вдовца» и «Профессия миссис Уоррен» из «Неприятных пьес»). Наконец, ряд пьес может быть отнесен к историческому жанру, со всем богатством присущих этому жанру оттенков. Такова изящная миниатюра «Муж рока»² (цикл «Приятных пьес»), посвященная Наполеону и отчасти пародирующая известную пьесу В. Сарду «Мадам Сан-Жен»; такова великолепная историческая драма «Цезарь и Клеопатра», в которой Шоу смело соревнуется с римскими трагедиями Шекспира; исторической драмой может быть названа и одна из лучших пьес 90-х годов, которую сам Шоу назвал мелодрамой, — «Ученик дьявола». И, наконец, гораздо более заслуживает названия мелодрамы последняя пьеса этого периода, действие которой разворачивается в Африке, — «Обращение капитана Брассбаунда». И при всем том тщетно было бы искать среди этих пьес (даже среди так называемых «приятных») хоть одну, которая не была бы подчинена единой и главной цели — осмеянию и обличению капитализма и воинствующего империализма во всех его самых отдаленных истоках, в его различных аспектах и проявлениях. И в то же время пьесы Шоу не были

¹ Э. Хьюз. Бернард Шоу. М., 1966, с. 59

² В других переводах — «Человек судьбы», «Избранник судьбы».

экономическими и социальными трактатами в диалогической форме, как их пытались иногда характеризовать: это были самые настоящие драмы с живыми героями и острыми конфликтами; в Англию пришел наконец долгожданный драматург, способный возродить ее национальную славу, завещанную Шекспиром, Шелли, комедиографами XVII и XVIII веков.

Но пока этому драматургу не очень-то удавалось проникнуть на сцену. Лучшая из «Неприятных пьес» — «Профессия миссис Уоррен» — была запрещена театральной цензурой, ибо в ней со всей смелостью был поставлен вопрос о проституции как социальной проблеме. Попытка поставить эту пьесу в Америке вызвала арест всей труппы по обвинению в безнравственности и враждебные вопли американской прессы. Шоу ядовито отметил, что больше всего усердствовали газеты, систематически помещавшие рекламные объявления публичных домов.

Первый сценический успех принесла пьеса «Война и человек», поставленная Независимым театром в 1894 году и шедшая под гром аплодисментов. Однако бурное негодование, с которым принц Уэльский (будущий король Эдуард VII) покинул ложу, говорило о том, что монархическим и буржуазным кругам был ясен антивоенный и демократический характер пьесы. Прошло еще восемь лет, прежде чем пьесы Шоу окончательно вошли в репертуар английских театров. Большую роль при этом сыграло Театральное общество, основанное тем же Джекобом Грейном и ставившее драмы Л. Толстого, Чехова, Горького, Ибсена и Шоу. В дальнейшем Шоу был долго связан с прогрессивным режиссером и актером Гренвил-Баркером, ставившим его пьесы в лондонском Корт-театре.

В значительной мере переломным был для Шоу 1897 год, когда в Америке с огромным успехом прошла его пьеса «Ученик дьявола», посвященная борьбе североамериканских колоний за независимость. Присланный из Америки гонорар фактически означал для Шоу конец борьбы с бедностью.

В 1898 году сорокадвухлетний драматург женился на Шарлотте Пейн-Тауншенд, которая происходила из богатой ирландской семьи и была моложе его на один год. В письмах друзьям он называл ее «зеленоглазой миллионершей». Его пугало ее богатство — это было главнейшим препятствием для брака с нею. Шарлотта являлась членом фабианского общества, их взгляды на жизнь во многом совпадали.

Присланный из Америки гонорар в какой-то мере уравнил Шоу с ирландской «миллионершей» в имущественном положении, и он перестал сопротивляться наметившемуся браку. Свадьба состоялась летом 1898 года.

Вместе с Шарлоттой в жизнь Шоу вошли уют и порядок, которые были ему так необходимы. Появился человек, неусыпно следивший за его здоровьем. В лице Шарлотты писатель приобрел верную спутницу жизни, умную собеседницу, помощницу в литературном труде.

Рубеж XIX и XX веков был ознаменован для Англии англо-бурской войной. Ее империалистический характер был ясен, но фабианцы поддержали в этом вопросе правительство. В своих трактатах и резолюциях они доказывали, что

¹ В русских переводах — «Шоколадный солдатик», «Оружие и человек».

экспансия экономически сильных держав необходима отсталым странам, что только она позволит им развить свои природные и хозяйственные ресурсы. После выхода трактата «Фабианство и империя», написанного в таком духе, фабианцев стали называть «фабианскими империалистами».

Для Шоу наступил тяжелый, кризисный период. Неукротимый защитник справедливости, писатель, уже прославивший национально-освободительную борьбу в «Ученике дьявола», был вынужден теперь молчать. Среди голосов, осуждавших британскую политику и англо-бурскую войну, не было слышно голоса Бернарда Шоу. Правда, это было временное молчание: через каких-нибудь два года он снова выступит с обличением английского колониализма (пьеса «Другой остров Джона Булля», статья «Ужасы Деншевая»). Но в период англо-бурской войны Шоу, связанный своей принадлежностью к фабианской партии, тщетно пытался найти для поведения фабианцев какое-то высшее, философское оправдание. Отстаивая фабианские взгляды, он даже написал лидеру английских социал-демократов Гайндману письмо, где доказывал, что истинные «реалисты» должны принять колониальные войны и империалистическую экспансию как нечто неизбежное на пути человечества к социализму.

Неудивительно, что именно в этот период атеистические, философские взгляды Шоу претерпели некоторые изменения. Он остался воинствующим атеистом в своем отношении к церкви и христианству, но увлекся модными идеалистическими теориями, искавшими в мироздании некую таинственную первопричину. Шоу назвал ее «Жизненной силой», и с тех пор она довольно часто фигурирует в его предисловиях, проникает и в философскую концепцию его пьес.

«Жизненная сила», по мнению Шоу, непрерывно стремится к прогрессу и проявляется в создании все новых и новых видов, в биологической эволюции. Шоу нигде не говорит, что эта сила управляет миром извне, он не отделяет ее от самой материи. Она оказывается как бы атрибутом материи, ее имманентной сущностью. На смену современному человечеству с его низким моральным и умственным уровнем должно прийти новое человечество, сплошь состоящее из сверхчеловеков. В понятие «сверхчеловек» Шоу не вкладывал ничего нищенского, хотя, к сожалению, он заимствовал свой термин у Ницше. Сверхчеловек, в понимании Шоу,—это гуманист, морально готовый для восприятия и построения социалистического общества. Недаром к числу сверхчеловеков прошлого он относит Гете, Льва Толстого, Шекспира. Так своеобразно выразилась мечта Шоу о счастливом, добром и мудром человеке. В этой философской теории очень большое место отводилось женщине-матери. Именно она оказывалась носительницей и главным орудием «Жизненной силы», сначала выбирая себе мужа, а затем решаясь на родовые муки, рискуя собой и приближая этим грядущую эру сверхчеловеков.

Свою новоявленную теорию Шоу попытался развить в философской комедии «Человек и сверхчеловек» (1903).

Именно эта пьеса послужила первым поводом для переписки Б. Шоу с Л. Н. Толстым. Б. Шоу послал ее великому русскому писателю, которым всегда восхищался. Однако ни философия Шоу, ни самое содержание пьесы не привлекли Л. Толстого. Ему гораздо больше понравилось приложение к ней.

иногда смелое название: «Справочник революционера». О самом Шоу он написал в своем дневнике: «He has got more brains than is good for him» («У него больше мозгов, чем следует»). Это была немного видоизмененная фраза одного из героев пьесы, и ею Л. Толстой, видимо, выразил недовольство не только философией Б. Шоу, но и слишком головным, несколько искусственным построением пьесы. Высоко оценив в той же дневниковой записи остроумие Шоу, Л. Толстой, однако, упрекнул его в письме за то, что он слишком несерьезно говорит о больших и важных вещах. Толстой писал: «В вашей книге я вижу желание удивить, поразить читателя своей большой эрудицией, талантом и умом. А между тем все это... очень часто отвлекает внимание читателя от сущности предмета, привлекая его блеском изложения»¹.

Сатирик и юморист не мог не задуматься с некоторой долей изумления над этими упреками. Ведь в этом была его специфика, он не мог писать иначе. «Разве нужно изгонять юмор и смех?—лукаво спросил он Толстого.—Если даже мир—одна из божьих шуток, почему бы нам не пытаться превратить плохую шутку в хорошую?»

И все-таки Толстой действительно подметил слабую сторону Шоу, проявляющуюся в некоторых его пьесах, в том числе и в «Человеке и сверхчеловеке»,—стремление в первую очередь поразить, эпатировать читателя.

В 1905 году под влиянием событий первой русской революции и русско японской войны Б. Шоу написал остро социальную, но очень противоречивую пьесу «Майор Барбара».

Из многочисленных пьес, написанных в последующее десятилетие, выделяется яркая и своеобразная пьеса «Пигмалион» (1912—1913), чья сценическая жизнь отмечена долгим и всевозрастающим успехом. Работа над ее постановкой ознаменовалась увлечением Шоу, оставившим заметный след в его жизни и творчестве. Главную роль в ней играла известная артистка Стелла Патрик-Кэмбл. С потрясающим мастерством и убедительностью сорокасемилетняя актриса сыграла семнадцатилетнюю цветочницу: эта роль стала ее сценической вершиной; впрочем, она и была написана для нее, но ссоры и бурные объяснения потрясали союз актрисы и автора. От их недолгой любви, причинившей много огорчений Шарлотте, осталась большая переписка. Она легла потом в основу пьесы, написанной и поставленной американским режиссером и драматургом Джеромом Килти. Эта эпистолярная пьеса («Милый лжец») обошла почти все театры мира. Ее успех объясняется громадным интересом зрителей к личности Шоу.

Когда началась империалистическая война 1914—1918 годов, Шоу откликнулся на нее со всем пылом искреннего противника войн. Он опубликовал в ноябре 1914 года статью «Здравый смысл о войне». Шоу проявил в ней смелость, почти невероятную в условиях военного времени и военной цензуры. Он заклеил как виновников войны правящие круги всех воюющих держав, в том числе и Англии. Он предложил самый неожиданный, парадоксальный и, в сущности, революционный выход: солдаты враждующих армий должны перестрелять своих офицеров, вернуться домой, произвести революции в своих странах и заняться выращиванием и сбором урожая.

¹ Л. Н. Толстой о литературе. М., 1955, с. 586.

Неудивительно, что на Шоу обрушились шовинисты всех оттенков, что английские газеты подняли крик, обвиняя его в предательстве, в отсутствии патриотизма. Его исключили из клуба драматургов, от него отвернулись многие друзья, его обрекли на одиночество. Но одиночество это было, в сущности, мнимым. Его популярность как уличного оратора возросла, а среди полученных им сочувственных писем было письмо А. М. Горького.

В годы первой мировой войны Шоу написал ряд блестящих антивоенных фарсов («Инка Перусалемский», «Огэстос исполняет свой долг», «О'Флаэрти, кавалер Креста Виктории») и большую пьесу с трагическим подтекстом — «Дом, где разбиваются сердца» (1913—1917).

Это одна из самых сложных и противоречивых пьес Шоу, знаменующая собой начало нового периода в его творчестве. В подзаголовке Шоу назвал ее «фантазией в русском стиле на английские темы». Этим он подчеркнул ее сходство с пьесами своих любимых русских драматургов — Л. Толстого и Чехова. Но в ней необычайно возросло условное, гротескно-символическое изображение мира, что станет характерным и для его последующих пьес.

В пьесе «Дом, где разбиваются сердца» Шоу вслед за Чеховым поставил вопрос об интеллигенции и ее роли. Именно ее мир показался ему поэтическим, но никчемным «домом разбитых сердец». Обитателям этого дома противопоставлены подлинные правители Англии, толкнувшие страну в бездну войны, — наездники из манежа и дельцы из банковских контор. Так, в сущности, Шоу определяет аристократию и буржуазию.

Причудливый дом, построенный в форме корабля и оглашаемый свистками и криками хозяина, старого капитана Шотовера, мудреца и безумца, споры о любви и смысле жизни, которые ведут обитатели дома, и внезапно завершающий их налет германской авиации, неожиданное включение темы войны — все это непохоже на ранние пьесы Шоу, написанные в классических традициях критического реализма.

Октябрьскую революцию в России Шоу воспринял и приветствовал как спасение человечества. Он боялся, что она будет подавлена полицией и войсками, но каждый день приносит все новые и новые вести о полном ее торжестве. Фабианская теория, по которой вооруженное народное восстание обречено на провал, потерпела крах на глазах старого фабианца, и это приводило его в восторг. Видимо, прав был Палм Датт, написавший позднее о Шоу: «Если он и отвергал концепцию социалистической революции, как иллюзию, пока 1917 год не открыл ему глаза, он отвергал ее не с самодовольством ренегата, а с отчаянием лишенного наследства... Теперь Шоу приветствовал большевистскую революцию»¹.

С первых лет существования Советского государства Шоу стал его другом и остался им до конца своей жизни. Он присоединился к движению «Руки прочь от России!», он горячо защищал Октябрьскую революцию в печати. Здесь особенно следует отметить его статью «Диктатура пролетариата» (1921). С искренней любовью и восхищением он говорил о В. И. Ленине. В 1921 году он послал Владимиру Ильичу свою книгу — пенталогию «Назад, к Мафусаилу», которой

¹ Palm Dutt. G. B. Shaw, a Memoir, «Labour Monthly pamphlet». I., 1951, series N 1, pp. 9—11.

там он придавал очень большое значение. Шоу называл В. И. Ленина величайшим государственным деятелем Европы.

В июле 1931 года Шоу посетил Советский Союз и отпраздновал здесь свое семидесятипяtilетие. 26 июля этот знаменательный день был торжественно отмечен в Москве, в Колонном зале Дома Союзов. На вечере присутствовали писатели, журналисты, актеры, представители общественных организаций, главы иностранных миссий. С приветственной речью и докладом о творчестве Шоу выступил А. В. Луначарский. Ответная речь Шоу блистала остроумием и в то же время была серьезной и пылкой.

В дни пребывания в Советском Союзе Шоу поража! своих собеседников энергией и неутомимостью. Осматривая города и их окрестности, колхозы и детские коммуны, заводы и музеи, семидесятипяtilетний писатель доводил своих спутников до изнеможения. При этом знавшие его люди отмечали, что он держался необычно: очень мягко и серьезно, без свойственной ему колкости. «Маска арлекина слетела с него в России»¹,— скажут о нем потом зарубежные биографы.

Вернувшись в Англию, Шоу открыл кампанию в защиту СССР, и это имело громадное значение для международного авторитета нашей страны. В дальнейшем, во время кругосветного путешествия, предпринятого супругами Шоу, публичные выступления писателя всегда содержали положительные высказывания о Советском Союзе.

Но не только биографические факты и публицистика Шоу говорят о его постоянном сочувственном интересе к Советской стране. И для его драматургии события Октябрьской революции имели переломное, решающее значение. Им он обязан своей «второй жизнью».

Эта вторая эпоха в творчестве Шоу непохожа на первую. Она отмечена новым резким ростом критических, сатирических тенденций. Шоу одним из первых вступил на путь причудливого и откровенного гротеска и тем самым еще раз стал у истоков сатирической традиции в драматургии XX века. Парадоксальность, ранее проявлявшаяся более зашифрованно и тонко, в построении и раскрытии характеров, в речах персонажей, теперь была вынесена на поверхность его пьес, стала их ведущим принципом. Все в поздних драмах Шоу стало кривозеркальным, карикатурным, граничащим с фантастикой.

Это усиление парадоксальности и пренебрежение к правдоподобию были вызваны у Шоу (как и у многих более поздних драматургов) обострением социально-политических противоречий, столь характерным для XX века. Шоу считал, что только в кривозеркальной, обнаженно гротескной форме можно передать вопиющие противоречия и уродство империалистической эпохи.

Новаторские искания Шоу этого периода совпали с общим процессом разрушения классической реалистической драмы, с поисками новых драматургических приемов и средств. Империалистическая действительность с ее чудовищными преступлениями, с бешено возросшими жизненными темпами, с массовыми истреблениями людей вызвала у прогрессивных писателей острую реакцию,

¹ A. Henderson. B. Shaw—Man of the Century. N. Y., 1956, p. 315.

стремление осмеять, заклеймить, призвать к суду. Так развивается драматургия Маяковского, Брехта, позднего Шоу.

Произведения Шоу послеоктябрьского периода часто приобретают теперь политический аспект, его излюбленным жанром становится «политическая экстраваганца». Шоу ищет новых, все более разящих средств, клеймящих парадоксов. Его сатира переплетается с фантастикой и утопией. Все чаще в его экстраваганцах начинает звучать тема «Страшного суда». Но и этот «Страшный суд» обычно протекает в неожиданных, гротескных формах. Так, в пьесе «Женева» (1938) тридцатитрехлетний неподкупный судья судит политических преступников и поджигателей войн, среди которых выделяются колоритные фигуры фашистских диктаторов; читатель без труда узнает в них Гитлера и Муссолини.

В пьесе «Простак с Неожиданных островов» (1936) «Страшный суд», разразившийся над капиталистическими странами, выражается в том, что с лица земли исчезают преступные и ничтожные люди. Только Шоу сумел соединить апокалиптическую тему с блестящей карикатурой. Его Судный день, конец мира — это всегда гигантская, мировых масштабов комедия, позволяющая выявить жестокость «боссов», ничтожество буржуазных деятелей и авантюристов.

Влияние Октябрьской революции и интерес к советской действительности проявляются не только в осмеянии буржуазной демократии, но и в часто возникающих у Шоу образах и упоминаниях нового, социалистического мира. Его герои говорят и действуют с постоянной мыслью (дружеской или враждебной) о Советском Союзе.

Шоу всегда стремился к новаторству, был иконоборцем. Во имя проблемной интеллектуальной драмы он когда-то обрушился на Шекспира. Тогда его союзником был Ибсен, позднее — Чехов. Теперь он уходит от Ибсена, Чехова, Толстого, уходит потому, что они уже превратились для него в классику. Порывая с привычными и устоявшимися формами критического реализма, Шоу вступал на очень трудный и опасный путь. Но вместе с ним вступала на этот путь и вся зарубежная драматургия, давшая наряду с шедеврами Брехта или Дюрренматта и нелепейшие образцы драмы абсурда. У Шоу мы также видим очень неравноценные в художественном отношении пьесы. Лучшей из «экстраваганц» остается, безусловно, «Тележка с яблоками» (1929).

Драматургия Шоу последних десятилетий развивается по трем основным направлениям — политическому, историческому и философскому. Его волнуют проблемы смысла жизни и управления государством. Философский характер носит его громадная и очень противоречивая пенталогия «Назад, к Мафусаилу», где знакомая уже нам теория «Жизненной силы» и биологической эволюции причудливо переплетается с политической сатирой, с поэтическими сценами библейских времен и фантастическими картинами далекого будущего. И над всем царит ирония Шоу, его мудрая насмешка. Объектом этой насмешки становятся не только политические авантюристы и жестокие завоеватели, но и собственные идеалистические теории драматурга.

В своих исторических пьесах Шоу ближе к классическим традициям критического реализма. Среди них подлинным шедевром оказалась «Святая

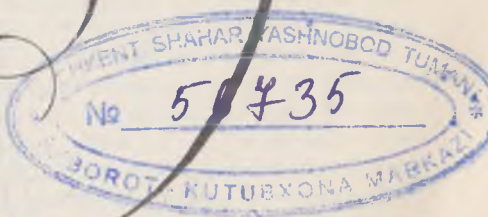
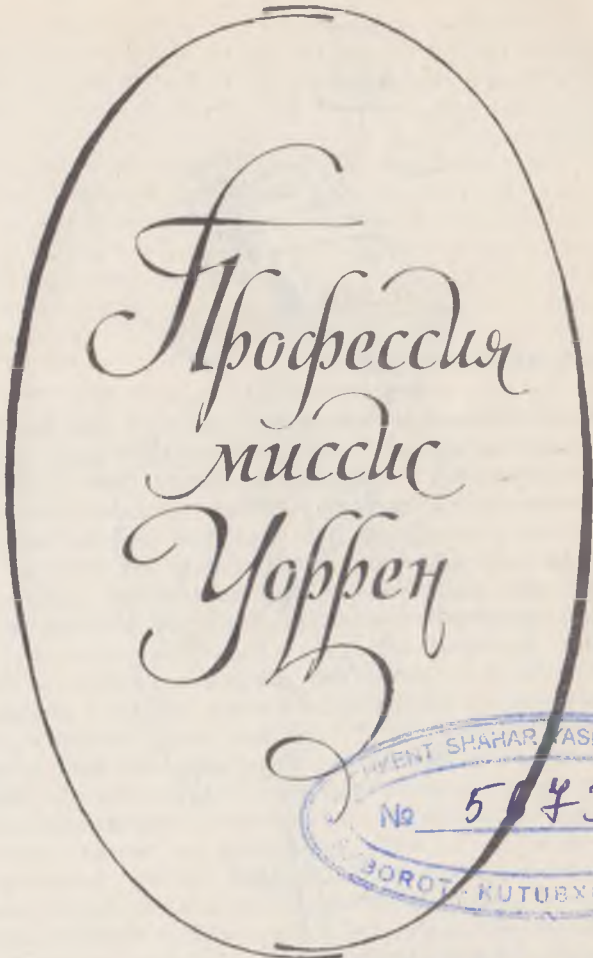
Иванна» (1923), пьеса, носящая скромный подзаголовок «Историческая хроника», но озаренная светом истинной трагедии.

Последние годы жизни Шоу были омрачены второй мировой войной. На долю престарелого писателя выпало много горьких испытаний, но он вынес их, не сломившись. Последние шесть лет своей жизни он (уже одинокий, так как Шарлотта умерла во время войны) провел в Эйотт-Сент-Лоренс, в загородном доме, купленном еще в начале века. Он работал до конца своей почти столетней жизни, и не только пером, но и физически — возделывая свой сад. Голова его оставалась ясной. В 1946 году Англия и все человечество отметили его девяностолетие, а после этого он написал еще несколько пьес, и во всех этих пьесах мы узнаем прежнего Шоу, в них разбросаны блестящие его изумительного таланта. Это «Миллиарды Бойанта» (1947), «Замысловатые басни» (1948) и кукольная пьеса «Шэкс против Шэва» (1949) о боксерском поединке Шоу с Шекспиром. Незаконченной осталась своеобразная и поэтическая пьеса «Почему она отказывалась». Шоу умер девяноста четырех лет. По его желанию тело его было сожжено без всяких обрядов, а прах смешан с прахом жены и рассыпан в его любимом саду. «Я предпочитаю сад монастырю!» — говорил Шоу, имея в виду Вестминстерское аббатство, усыпальницу великих людей Англии.

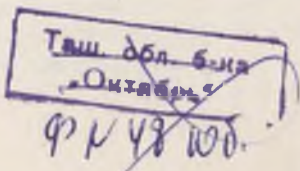
Но истинный памятник Шоу воздвигнут в сердцах людей, его бесчисленных зрителей и читателей на всем земном шаре, — тех, что смеются его островам, задумываются над его парадоксами, жадно спешат в театр, если там идет пьеса Шоу или о Шоу. Теперь, спустя много лет после его смерти, человечеству становится ясно, кого оно имело и потеряло в лице Шоу, становится ясно, что таких, как он, вообще нельзя потерять — они остаются с нами.

3. Гражданская

555
111111
152

Иъса
в четърех действии
1893—1894

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Летний день в Суррее. Садик перед коттеджем на восточном склоне холма к югу от Хэслмира. Налево и несколько выше сам коттедж под соломенной кровлей, с крыльцом и большим решетчатым окном слева от крыльца. Сад обнесен сплошным забором, направо калитка. За забором — луг, поднимающийся по косогору до самого горизонта. На крыльце, рядом со скамейкой, сложены садовые стулья. Под окном прислонен к стене дамский велосипед. Направо от крыльца между двумя столбиками висит гамак. Большой полотняный зонт, воткнутый в землю, защищает от солнца молодую девушку, лежащую в гамаке, головой к коттеджу и ногами к калитке. Она читает, делая пометки. Перед гамаком, так, чтобы можно было достать рукой, стоит простой кухонный стул с грудой увесистых книг и солидным запасом бумаги. За коттеджем показывается джентльмен, идущий по лугу. Он уже немолод, похож на художника, одет не по моде, но очень тщательно, чисто выбрит, с живым, впечатлительным лицом, держится вежливо и просто. Шелковые черные волосы с сильной проседью. Брови седые, усы черные. Он, по-видимому, не вполне уверен, куда ли идет; подойдя к забору, заглядывает в сад и видит молодую девушку.

Джентльмен (снимая шляпу). Простите. Не можете ли вы сказать мне, где здесь Хайндхед-Вью, дом миссис Элисон? Молодая девушка (отрываясь от книги). Это и есть дом миссис Элисон. (Опять углубляется в чтение.)

Джентльмен. Ах, вот как! Быть может... позвольте узнать, не вы ли мисс Виви Уоррен?

Молодая девушка (резким тоном, приподнявшись на локте, чтоб разглядеть его как следует). Да, я.

Джентльмен (робко и миролюбиво). Я, кажется, помешал вам.

Моя фамилия Прейд.

Виви с размаху швыряет книги на стул и соскакивает с гамака.

О, пожалуйста, не беспокойтесь из-за меня.

Виви (идет к калитке и распахивает ее перед гостем). Входите, мистер Прейд.

Прейд входит.

Рада вас видеть. (Решительно и приветливо пожимает ему руку.) Это очень привлекательный образец здравомыслящей, дельной, образованной молодой англичанки средних классов. Ей двадцать два года. Живая, решительная, уверена в себе, хладнокровна. Платье простое, удобное для работы и в то же время изящное. На поясе среди брелоков висят на цепочке вечное перо и разрезальный нож.

Прейд. Вы очень любезны, мисс Уоррен.

Виви с шумом захлопывает калитку. Прейд идет в глубину сада, пошевеливая пальцами, слегка онемевшими от ее пожатия.

Ваша матушка уже приехала?

Виви (быстро, настораживаясь). А она должна приехать?

Прейд (в изумлении). Разве вы нас не ждали?

Виви. Нет.

Прейд. Боже мой, надеюсь, что я не ошибся днем. Я на это способен, знаете ли. Ваша матушка условилась со мной, что она приедет из Лондона, а я приеду из Хоршэма, для того чтобы познакомиться с вами.

Виви (отнюдь не радостно). Вот как? Гм! Моя матушка любит делать мне сюрпризы; должно быть, проверяет, как я веду себя без нее. Что ж, как-нибудь я ей тоже устрою сюрприз: впредь пускай ставит меня в известность, если речь идет обо мне. Она не приехала.

Прейд (в смущении). Мне, право, очень жаль.

Виви (сменив гнев на милость). Ведь это же не ваша вина, мистер Прейд! Я очень рада, что вы приехали, поверьте мне. Из всех знакомых моей матери вы единственный, кого я просила привезти ко мне.

Прейд (успокоенный и обрадованный). Вот это действительно мило с вашей стороны, мисс Уоррен!

Виви. Хотите войти в дом? Или лучше посидим и поговорим здесь, на воздухе?

Прейд. На воздухе будет гораздо приятнее, как вы думаете?

Виви. Ну, так я пойду принесу вам стул. (Идет к крыльцу за садовым стулом.)

Прейд (следует за ней). Ради бога! Позвольте мне. (Завладевает стулом.)

Виви (*выпуская стул из рук*). Берегите пальцы; они довольно-таки каверзные, эти стулья. (*Идет к стулу, на котором лежат книги, сбрасывает их в гамак и одним движением руки переставляет стул вперед.*)

Прейд (*кое-как справившись с раскладным стулом*). Позвольте мне взять этот жесткий стул. Я люблю жесткие стулья.

Виви. Я тоже люблю. Садитесь, мистер Прейд. (*Приглашение звучит добродушно-повелительно — очевидно, его старание угодить кажется ей просто слабостью характера.*)

Прейд медлит.

Прейд. А не лучше ли нам пойти на станцию встречать вашу матушку?

Виви (*равнодушно*). Зачем? Дорогу она знает.

Прейд (*огорченно*). Да, да, надо полагать. (*Садится.*)

Виви. А знаете ли, вы именно такой, как я думала. Надеюсь, мы с вами подружимся.

Прейд (*снова просияв*). Благодарю вас, милая мисс Уоррен, благодарю вас. Боже мой! Как я рад, что ваша матушка не испортила вас!

Виви. Чем это?

Прейд. Ну, вас могли вырастить очень чопорной. Знаете, милая мисс Уоррен, я прирожденный анархист. Ненавижу всякий авторитет. Это портит отношения между родителями и детьми, даже между матерью и дочерью. Я всегда опасался, что ваша матушка злоупотребит своим авторитетом и воспитает вас в самых строгих приличиях. Как хорошо, что она этого не сделала.

Виви. А разве я вела себя неприлично?

Прейд. О нет, боже мой, нет! То есть это не то, что принято считать неприличным, вы же понимаете

Виви кивает и садится.

(Прейд воодушевленно продолжает.) Но как вы это прелестно сказали, что хотите дружить со мной. Вы, современные девушки, замечательный народ, просто замечательный.

Виви. Да? (*Смотрит на него с сомнением, начиная разочаровываться в его уме и характере.*)

Прейд. Когда я был в вашем возрасте, юноши и девушки боялись друг друга; не было товарищеских отношений, ничего настоящего, одна галантность, взятая напрокат из романов, да и то фальшивая и вульгарная до последней степени. Девическая скромность! Рыцарская галантность! Вечно говорили «нет», когда хотелось сказать «да», — сущий ад для чувствительных и робких натур!

- В и в и. Да, могу себе представить. Должно быть, много времени тратилось попусту, особенно у женщин.
- Прейд. Да, тратилась попусту жизнь, время, все решительно. Но теперь все идет к лучшему. Знаете, после ваших блестящих успехов в Кембридже я был в таком волнении от предстоящего знакомства с вами, — в мое время это была неслыханная вещь. Как это хорошо, что вы заняли третье место на экзамене по математике. Именно третье. Первое место всегда занимает какой-нибудь рассеянный, чахлый юнец, который заучился чуть ли не до смерти.
- В и в и. Это себе дороже стоит. В другой раз я бы не взялась держать экзамен за такие деньги.
- Прейд *(в ужасе)*. За какие деньги?
- В и в и. Я выдержала экзамен за пятьдесят фунтов.
- Прейд. За пятьдесят фунтов?
- В и в и. Да, за пятьдесят фунтов. Вы, может быть, не знаете, как это было? Миссис Лейтем, моя преподавательница в Ньюеме, сказала маме, что я могу отличиться на экзамене по математике, если возьмусь за это дело всерьез. А тогда газеты наперебой кричали о Филиппе Саммерс, которая отвоевала первое место по математике — да вы, верно, помните, — вот мама и вбила себе в голову, что я должна сделать то же самое. Я сказала ей напрямик, что не стоит тратить время на зубрежку, раз я не собираюсь идти в учительницы, но что за пятьдесят фунтов попробую занять четвертое или пятое место. На этом мы с ней и порешили, хотя без воркотни не обошлось. Я сделала больше, чем обещала, но в другой раз за такие деньги не возьмусь. За двести фунтов — еще куда ни шло.
- Прейд *(значительно оств)*. Боже правый! Какой практический взгляд на вещи!
- В и в и. А вы разве думали, что я непрактичная?
- Прейд. Нет, нет, что вы. Но ведь практический человек должен принять в соображение, что эта высокая честь не только стоит труда, но и духовно обогащает человека!
- В и в и. Обогащает! Дорогой мистер Прейд, да знаете ли вы, что такое экзамен по математике? Надо зубрить, зубрить и зубрить по шести, по восьми часов в день математику, и только математику. Предполагается, что я что-то смыслю в точных науках; но я не знаю ровно ничего, кроме того, что относится к математике. Я умею делать расчеты для инженеров, электриков, страховых обществ и так далее; но я почти ничего не смыслю ни в технике, ни в электричестве, ни в страховании. Я даже арифметики не знаю как следует. Во всем остальном, кроме математики, тенниса, еды, спанья, езды на велосипеде и ходьбы пешком,

я круглая невежда, не лучше других девушек, которые не сдавали математики.

Прейд (*в возмущении*). Какая дикая, гнусная, подлая система! Я так и знал! Я всегда чувствовал, что она должна губить в женщине все прекрасное...

Виви. Ну, против этого я ничуть не возражаю. Мне это только на пользу, уверяю вас.

Прейд. Ну! Каким это образом?

Виви. Я хочу снять контору в Сити и заняться страховыми расчетами и делами по передаче имущества. Это будет для меня предлогом изучить юриспруденцию и между делом пригладеться к бирже. Я приехала сюда, чтобы на свободе позаниматься правом, а не отдыхать, как воображает моя мамаша. Терпеть не могу отдыхать.

Прейд. Вас послушать — волосы становятся дыбом! Неужели в вашей жизни совсем нет места ни романтике, ни красоте?

Виви. Мне до них никакого дела нет, уверяю вас.

Прейд. Не может быть.

Виви. Нет, почему же. Я люблю работать, люблю получать деньги за свою работу. Когда устану, люблю удобное кресло, хорошую сигару, стаканчик виски и детективный роман с занимательной интригой.

Прейд (*вскакивает вне себя от возмущения*). Не верю! Я художник, и я не могу этому поверить, отказываюсь верить. Вы, я вижу, еще не знаете, какой чудесный мир открывает перед нами искусство.

Виви. Да нет, знаю. Весной я прожила полтора месяца в Лондоне у Онории Фрейзер. Мама думала, что мы вдвоем бегаем по театрам и музеям, а на самом деле я целыми днями работала у Онории на Чансери-лейн, делала для нее расчеты, помогала ей, насколько это возможно для новичка. По вечерам мы курили и разговаривали и даже не думали никуда выходить, разве только на прогулку. Я замечательно провела время, просто как никогда. Оправдала все свои расходы, да еще познакомилась с делом, не платя за обучение.

Прейд. Но, боже правый, при чем же тут искусство, мисс Уоррен?

Виви. Постойте! Я не так начала. Я приехала в город по приглашению одного артистического семейства на Фицджонз-авеню; с одной из дочерей я училась в Ньюнеме. Они водили меня в Национальную галерею...

Прейд (*одобрительно*). Ага! (*Успокоившись, садится на место.*)

Виви (*продолжает*). ...в оперу...

Прейд (*еще более довольный*). Отлично!

Виви. ...и на концерт; там оркестр целый вечер играл Бетховена, Вагнера и тому подобное. Во второй раз я ни за какие коврижки не пошла бы. Из вежливости я терпела три дня, а потом сказала напрямик, что больше не в состоянии выдержать, и уехала на Чансери-лейн. Теперь вы видите, какая перед вами замечательная современная девица. Как вы думаете, полажу я с матерью?

Прейд (*растерявшись*). Ну, я надеюсь, э... э...

Виви. Нет, мне не так уж важно, на что вы надеетесь, а вот что вы думаете, это я хотела бы знать.

Прейд. Откровенно говоря, боюсь, что ваша матушка будет разочарована. Не то чтобы у вас были какие-нибудь недостатки, я вовсе не то хочу сказать... Но вы так не похожи на ее идеал.

Виви. На... что?

Прейд. На ее идеал.

Виви. То есть на тот идеал, каким она меня вообразила?

Прейд. Да.

Виви. Какой же у нее идеал?

Прейд. Вы, наверное, заметили, мисс Уоррен, что люди, недовольные собственным воспитанием, обычно думают, что жизнь станет лучше, если воспитывать молодежь по-другому. А жизнь вашей матушки была... э-э ... как вы, вероятно, знаете...

Виви. Ничего я не знаю. С самого детства я живу в Англии, в школе, или в колледже, или у людей, которым платят за то, чтобы они обо мне заботились. Я всю свою жизнь провела среди чужих; моя мать жила то в Брюсселе, то в Вене и ни разу не позволила мне приехать к ней. Я вижу ее только тогда, когда она приезжает на несколько дней в Англию. Я не жалею. Ко мне относились хорошо, все это было очень приятно, и денег было всегда много, а с ними легче живется. Но не воображайте, будто я что-нибудь знаю о моей матери. Я знаю гораздо меньше вашего.

Прейд (*чувствуя себя очень неловко*). В таком случае... (*Умолкает, совершенно растерявшись, затем делает отчаянную попытку перейти на веселый тон.*) К чему, однако, мы все это говорим! Разумеется, вы отлично поладите с вашей матушкой. (*Встает и любуется видом.*) У вас тут очаровательно!

Виви (*непреклонно*). Вы сильно уклонились от темы, мистер Прейд. Почему же нам нельзя говорить о моей матери?

Прейд. Подумайте сами, мисс Виви. Ведь так естественно, что я считаю неудобным говорить о моей старой приятельнице с ее дочерью. У вас будет много случаев побеседовать об этом с ней самой, когда она приедет.

Виви. Нет, она тоже не захочет. *(Вставая.)* Что ж, вам виднее. Только вот что, мистер Прейд. Нам не обойтись без генерального сражения, когда мать узнает о моем плане основаться на Чансери-лейн.

Прейд *(сокрушенно)*. Боюсь, что не обойтись.

Виви. Я это сражение выиграю, потому что мне ничего не нужно, разве только на дорогу до Лондона, а там я начну зарабатывать на жизнь, помогая Онории. Кроме того, у меня нет никаких тайн, а у матери, кажется, есть. Я и это пушу в ход, если понадобится.

Прейд *(глубоко взмущенный)*. Нет, нет, ради бога! Этого никак нельзя.

Виви. Тогда скажите, почему нельзя.

Прейд. Право, ну как же это можно. Я обращаюсь к вашим лучшим чувствам.

Виви улыбается его сентиментальности.

Кроме того, вы, может быть, слишком много берете на себя.

С вашей матушкой шутки плохи, если она рассердится.

Виви. Вы меня не запугаете, мистер Прейд. На Чансери-лейн я имела случай изучить двух-трех дам, очень похожих на мою матушку; они приходили за советом к Онории. Можете держать пари, я непременно выиграю. Но если я, по неведению, задену больше, чем рассчитывала, не забудьте, что вы сами отказались просветить меня. А теперь переменяем тему. *(Берет стул и переставляет его обратно к гамаку, так же как и раньше, одним взмахом руки.)*

Прейд *(в отчаянии идет напролом)*. Одно слово, мисс Уоррен. Пожалуй, лучше сказать вам. Это очень нелегко, но...

К калитке подходят миссис Уоррен и сэр Джордж Крофтс. Миссис Уоррен — женщина лет сорока пяти, видная собой, одета очень крикливо — в яркой шляпке и пестрой, в обтяжку кофточке с модными рукавами. Порядком избалованная и властная; пожалуй, слишком вульгарная, но, в общем, весьма представительная и добродушная старая мошенница. Крофтс — высокий, плотный мужчина лет пятидесяти; одет модно. Голос гнусавый, гораздо тоньше, чем можно ожидать, судя по его мощной фигуре. Гладко выбрит, бульдожьей челюсти, большие плоские уши, толстая шея — замечательное сочетание самых низкопробных разновидностей дельца, спортсмена и светского человека.

Виви. Вот они. *(Встречает их у калитки.)* Здравствуй, мама. Мистер Прейд уже полчаса тебя дожидается.

Миссис Уоррен. Ну, если вам пришлось ждать, Предди, вы сами виноваты: я думала, у вас хватит догадки сообразить, что я поеду с поездом в три десять. Виви, надень шляпу, деточка, ты загорись. Ах, я забыла познакомить вас. Сэр Джордж Крофтс; моя маленькая Виви.

Крофтс подходит к Виви с самым галантным видом, на какой способен. Она кланяется, не подавая ему руки.

Крофтс. Могу ли пожать руку молодой особе, с которой я очень давно знаком понаслышке, как с дочерью одной из самых моих старинных приятельниц?

Виви (*недружелюбно меряя его взглядом*). Если хотите. (*Берет галантно протянутую ей руку и жмет с такой силой, что у Крофтса глаза лезут на лоб; потом отворачивается и говорит матери.*) Хотите войти в дом или принести вам еще пару стульев? (*Идет к крыльцу за стульями.*)

Миссис Уоррен. Ну, Джордж, что вы о ней думаете?

Крофтс (*жалобно*). Хватка у нее крепкая. Вы с ней за руку здоровались, Прейд?

Прейд. Ничего, это скоро пройдет.

Крофтс. Надеюсь.

Виви несет еще два стула.

(Спешит ей помочь.) Разрешите мне.

Миссис Уоррен (*покровительственно*). Пускай сэр Джордж тебе поможет, милочка.

Виви (*сует ему оба стула*). Вот вам. (*Вытирает руки и обращается к миссис Уоррен.*) Будете пить чай?

Миссис Уоррен (*садится на стул Прейда и обмахивается веером*). Просто умираю, до того хочется пить.

Виви. Сейчас я все устрою. (*Входит в коттедж.*)

Тем временем сэр Джордж раскладывает один из стульев и ставит его возле миссис Уоррен, слева. Второй стул он бросает на траву, садится и сосет набалдашник. Вид у него удрученный и довольно глупый. Прейд, все еще чувствуя себя очень неловко, топчется справа от них.

Миссис Уоррен (*Прейду, глядя на Крофтса*). Поглядите-ка на него, Предди, просто сердце радуется, верно? Он приставал ко мне целых три года, всю жизнь мне отравил, чтобы я ему показала мою девочку; а теперь, когда его познакомили, он и нос на квинту. (*С живостью.*) Ну же! Сядьте прямо, Джордж, и выньте палку изо рта.

Крофтс неохотно подчиняется.

Прейд. Вот что я хочу сказать, если мне будет дозволено: нам пора уже бросить эту привычку считать ее маленькой девочкой. Она выдержала экзамен с отличием; да и, насколько я убедился, она, пожалуй, взрослее нас с вами.

Миссис Уоррен (*весело смеется*). Послушайте-ка его, Джордж! Взрослее нас с вами! Ну, я вижу, Виви успела вам внушить, какая она важная особа.

Прейд. Молодежь очень ценит, когда к ней относятся с уважением.

Миссис Уоррен. Да, но из молодежи следует выбивать эту дурь и еще кое-что в придачу. Не вмешивайтесь, Предди. Я не хуже вашего знаю, как мне обращаться с моей дочерью.

Прейд, грустно качая головой, уходит в глубь сада, заложив руки за спину.

(Притворно смеется, однако смотрит ему вслед с заметной тревогой. Крофтсу, шепотом.) Что с ним такое? Чего это он расстроился?

Крофтс (*угрюмо*). Вы боитесь Прейда?

Миссис Уоррен. Что? Я? Боюсь нашего милейшего Предди? Да его ни одна муха не боится.

Крофтс. А вот вы его боитесь.

Миссис Уоррен (*сердито*). Я попрошу вас не соваться куда не следует и не срывать зло на мне, когда вы не в духе. Вас-то я ни в коем случае не боюсь. Если вы не желаете быть любезным, отправляйтесь лучше домой. *(Встает и, повернувшись к нему спиной, оказывается лицом к лицу с Прейдом.)* Ну, Предди, я же знаю, что всему виной ваше доброе сердце. Вы боитесь, что я с ней буду резка.

Прейд. Милая Китти, вам кажется, что я обиделся. Напрасно вы так думаете, право, напрасно. Ведь вы знаете, я подчас замечаю много такого, что ускользает от вас; и хотя вы никогда не слушаете моих советов, все же сознаетесь иногда, что следовало бы послушать.

Миссис Уоррен. Так что же вы заметили теперь?

Прейд. Только то, что Виви взрослая женщина. Пожалуйста, Китти, отнеситесь к ней со всем возможным уважением.

Миссис Уоррен (*искренне изумлена*). С уважением! Относиться с уважением к моей собственной дочери? Еще чего не угодно ли?

Виви (*показывается в дверях коттеджа и зовет миссис Уоррен*). Мама, не хотите ли до чая пройти в мою комнату?

Миссис Уоррен. Да, милая. *(Снисходительно улыбается Прейду и, проходя мимо него к крыльцу, треплет его по щеке.)* Не сердитесь, Предди. *(Входит в дом вслед за Виви.)*

Крофтс *(торопливо)*. Послушайте, Прейд!

Прейд. Да?

Крофтс. Я хочу задать вам довольно щекотливый вопрос.

Прейд. Пожалуйста. *(Берет стул миссис Уоррен и подсаживается вплотную к Крофтсу.)*

Крофтс. Правильно: они могут услышать нас из окна. Послушайте, Китти никогда не говорила вам, кто отец этой девушки?

Прейд. Никогда.

Крофтс. У вас нет подозрений, кто бы это мог быть?

Прейд. Ни малейших.

Крофтс *(не веря ни единому слову)*. Я, разумеется, понимаю, вы, быть может, считаете своей обязанностью молчать, если она вам даже что-нибудь и сказала. Но такое неопределенное положение очень неудобно, когда мы будем видеться с мисс Уоррен каждый день. Почему мы знаем, как нам следует к ней относиться?

Прейд. Не все ли это равно? Будем относиться к ней так, как она того заслуживает. Какое нам дело, кто был ее отец?

Крофтс *(подозрительно)*. Так, значит, вы знаете, кто он был?

Прейд *(с прорывающимся раздражением)*. Я же только что сказал, что не знаю. Разве вы не слышали?

Крофтс. Послушайте, Прейд... Ну, прошу вас, сделайте мне такое одолжение. Если вы знаете...

Протестующее движение со стороны Прейда.

Я только говорю, если вы знаете, вы могли бы хоть успокоить меня на ее счет. Дело в том, что меня влечет к ней.

Прейд *(сурово)*. Что вы этим хотите сказать?

Крофтс. О, не пугайтесь: это вполне невинное чувство. Вот это-то меня и удивляет. Потому что, насколько мне известно, я и сам мог бы быть ее отцом.

Прейд. Вы? Не может быть!

Крофтс *(ловит его на слове)*. Вы наверное знаете, что это не я?

Прейд. Я ничего на этот счет не знаю, во всяком случае, не больше вашего. В самом деле, Крофтс... да нет, это просто немыслимо. Ни малейшего сходства.

Крофтс. Ну, что до этого, так между ней и ее матерью тоже ни малейшего сходства, сколько я вижу. А может быть, вы ее отец, а?

Прейд *(возмущенно поднимаясь)*. Ну, знаете, Крофтс!

Крофтс. Почему же вы обижаетесь, Прейд! Ведь мы с вами люди светские.

Прейд *(сделав над собой усилие, говорит мягко и серьезно)*. Выслушайте меня, дорогой Крофтс. *(Снова садится.)* Я не

имею никакого отношения к этой стороне жизни миссис Уоррен и никогда не имел. Она не говорила со мной на эту тему, а я, разумеется, ее не расспрашивал. Ваше чутье подскажет вам, что красивая женщина нуждается в таких друзьях, которые... ну, скажем, дружили бы с ней на иных основаниях. Красота стала бы для нее проклятием, если бы всегда действовала без промаха. А вы, вероятно, с Китти в более коротких отношениях: вы бы лучше сами ее спросили.

Крофтс. Я ее спрашивал, и не раз. Но она твердо решила ни с кем не делить свою дочь, и если бы это было можно, говорила бы, что у нее совсем нет отца. *(Вставая.)* Меня это очень беспокоит, Прейд.

Прейд *(тоже вставая)*. Ну что ж, во всяком случае, по возрасту вы ей годитесь в отцы, а потому давайте решим относиться к мисс Виви по-отечески, как к молоденькой девушке, которую мы оба обязаны беречь и защищать. Ну, что вы на это скажете?

Крофтс *(ворчливо)*. Я не старше вас, если уж на то пошло.

Прейд. Нет, мой милый, вы старше; вы родились стариком. А я родился мальчишкой; я никогда в жизни не был уверен в себе, как полагается взрослому человеку. *(Складывает стул и несет на крыльцо.)*

Миссис Уоррен *(зовет из коттеджа)*. Предди! Джордж! Чай пи-и-ть!

Крофтс *(торопливо)*. Она нас зовет. *(Быстро входит в дом.)*

Прейд озабоченно качает головой и не спеша идет вслед за ним, но тут его окликает молодой человек, который только что появился на лугу и направляется к калитке. Это очень милый молодой человек лет двадцати, красивый, изящно одетый и совершенно ни к чему не пригодный, с приятным голосом и добродушно-фамильярными манерами; в руках у него охотничье ружье.

Молодой человек. Эй, Прейд!

Прейд. Боже мой, Фрэнк Гарднер?

Фрэнк входит в сад и дружески здоровается с Прейдом.

Что вы здесь делаете?

Фрэнк. Я в гостях у папы.

Прейд. У папы римского?

Фрэнк. Да, он здешний пастор. Этой осенью я живу у своих, экономии ради. В июле я дошел до точки. Папе римскому пришлось заплатить за меня долги. Поэтому он сидит теперь на мели, и я вместе с ним. А вас как сюда занесло? У вас тут есть знакомые?

Прейд. Да, я приехал в гости к мисс Уоррен.

Фрэнк *(с восторгом)*. Как? Да разве вы знаете Виви? Это такая прелесть! Я учу ее стрелять — видите? *(Показывает ружье.)* Очень рад, что она с вами знакома; вы как раз подходящее для нее знакомство. *(Улыбается, и его приятный голос становится певучим, когда он восклицает.)* Нет, как это здорово, что вы здесь, Прейди!

Прейд. Я старый знакомый ее матушки. Миссис Уоррен пригласила меня сюда, чтобы познакомить с дочерью.

Фрэнк. Ее матушка? Да разве она здесь?

Прейд. Да, в доме, пьет чай.

Миссис Уоррен *(зовет из глубины дома)*. Прейд-и-и! Пирог остынет!

Прейд *(отзывается)*. Да, миссис Уоррен. Сию минуту. Я встретил знакомого.

Миссис Уоррен. Кого?

Прейд *(громче)*. Знакомого.

Миссис Уоррен. Ведите его сюда.

Прейд. Хорошо. *(Фрэнку.)* Ну как? Принимаете приглашение?

Фрэнк *(с сомнением, но заранее радуясь)*. Это и есть мамаша Виви?

Прейд. Да.

Фрэнк. Ну и ну! Вот так потеха! Как, по-вашему, я ей понравлюсь?

Прейд. Не сомневаюсь, что вы и здесь, как везде, добьетесь успеха. Войдите и попробуйте. *(Идет к двери.)*

Фрэнк. Постойте. *(Серьезно.)* Я хочу вам доверить тайну.

Прейд. Не надо. Опять какая-нибудь новая глупость, вроде той кельнерши в Редхилле.

Фрэнк. Ну нет, это куда серьезнее. Скажите, вы только сегодня познакомились с Виви?

Прейд. Да.

Фрэнк *(восторженно)*. Ну, так вы понятия не имеете, что это за девушка! Какой характер! Какой здравый смысл! А какая умница! Нет, Прейд, это такая умница, скажу я вам! И к тому же... надо ли вам говорить... влюблена в меня.

Крофтс *(высовывается из окна)*. Послушайте, Прейд, где вы там застряли? Идите сюда. *(Скрывается.)*

Фрэнк. Ну и тип! На собачьей выставке ему наверняка дали бы приз. Кто это такой?

Прейд. Сэр Джордж Крофтс, старый знакомый миссис Уоррен. Идемте скорее в дом.

По дороге к дому их останавливает оклик из-за калитки. Они оборачиваются: через забор на них смотрит пожилой пастор.

Пастор *(зовет)*. Фрэнк!

Фрэнк. Да! (Прейду.) Папа римский. (Пастору.) Да, да, родитель, сейчас иду, хорошо. (Прейду.) Послушайте, Прейд, ступайте-ка вы пить чай. Я скоро приду.

Прейд. Очень хорошо. (Входит в дом.)

Пастор стоит, облокотившись на калитку. Достопочтенному Сэмюэлю Гарднеру, пастору англиканской церкви, за пятьдесят. Внешне это претенциозный, шумливый, надоедливый человек. По существу — отмирающее социальное явление: сын неудачник, пристроенный отцом к духовному сословию. Он тщетно пытается утвердить свой авторитет главы семейства и пастыря церкви и не способен внушить к себе уважение ни в той, ни в другой роли.

Пастор. Ну, сэр? С кем вы тут водите знакомство, позвольте вас спросить?

Фрэнк. Ничего, родитель, все в порядке, идите сюда.

Пастор. Нет, сэр, не войду, пока не узнаю, чей это сад.

Фрэнк. Ничего, ничего. Это сад мисс Уоррен.

Пастор. Она, кажется, ни разу не заглянула в церковь, как приехала.

Фрэнк. Ну конечно; она передовая женщина и в науках ушла дальше вас, отличилась по математике; зачем же она пойдет слушать вашу проповедь?

Пастор. Что за неуважение, сэр?

Фрэнк. Не беда, нас никто не слышит. Входите. (Открывает калитку и бесцеремонно втаскивает отца в сад.) Я хочу вас с ней познакомить. Родитель, вы помните, что вы мне советовали в июле?

Пастор (строго). Да, помню. Я советовал вам преодолеть свою лень и ветреность, избрать себе достойную профессию и работать, для того чтобы не сидеть на моей шее, а жить своим трудом.

Фрэнк. Нет, это вы придумали после. А тогда вы сказали, что так как у меня ни ума, ни денег, то мне всего лучше будет воспользоваться моей красотой и жениться на какой-нибудь особе, у которой имеется и то и другое. Ну, так вот. Мисс Уоррен умна — эрго вы не можете отрицать.

Пастор. Одного ума тут мало.

Фрэнк. Разумеется мало; есть и деньги.

Пастор (сурово прерывает его). Я думал не о деньгах, сэр. Я имел в виду нечто не столь низменное — например, общественное положение.

Фрэнк. Я за ним не гонюсь.

Пастор. А я гонюсь, сэр.

Фрэнк. Вас никто и не просит на ней жениться. Во всяком случае, она заняла в Кембридже одно из первых мест, и денег у нее, кажется, сколько угодно.

Пастор (*снисходит до попытки сострить*). Очень сомневаюсь, чтобы у нее было столько денег, сколько вам требуется.

Фрэнк. Ну что вы, я вовсе уж не такой расточитель. Живу я очень скромно — не пью, почти не держу пари и не жуирую напропалую, как вы жуировали в мои годы.

Пастор (*грозно, но без достаточной уверенности*). Молчать, сэр!

Фрэнк. Когда я сваял дурака из-за той кельнерши в Редхилле, вы же сами мне говорили, что предлагали одной даме пятьдесят фунтов за ваши письма к ней...

Пастор (*в ужасе*). Ш-ш-ш, Фрэнк, ради бога! (*Боязливо оглядывается по сторонам. Уверившись, что никто не подслушивает, опять собирается с духом и начинает грозно, на более пониженным тоном.*) Ты поступаешь не по-джентльменски. Ты пользуешься тем, что я доверил тебе для твоего же блага, чтобы спасти тебя от ошибки, в которой ты каялся бы всю жизнь. Не повторяй ошибок твоего отца и не оправдывай ими своих собственных.

Фрэнк. Вы слышали анекдот насчет писем герцога Веллингтона?

Пастор. Нет, не слышал и слышать не желаю.

Фрэнк. Железный герцог не выбросил на ветер пятьдесят фунтов, старик был не из таковских. Он просто-напросто написал: «Дорогая Дженни! Печатай, черт с тобой. Твой любящий Веллингтон». Вот бы и вам так.

Пастор (*жалобно*). Фрэнк, мой мальчик, написав эти письма, я оказался во власти этой женщины. А рассказав тебе о них, я, к сожалению, очутился до некоторой степени в твоей власти. Она не взяла денег, и я никогда не забуду ее слов: «Знание — сила, и я его не продам». С тех пор прошло больше двадцати лет, а она так и не воспользовалась своей властью и не доставила мне ни минуты беспокойства. Ты со мной поступаешь хуже, чем она, Фрэнк.

Фрэнк. Ну еще бы! Ведь вы ее не допекали каждый день проповедями, как допекаете меня.

Пастор (*уязвленный чуть ли не до слез*). Прощайте, сэр. Вы неисправимы. (*Идет к калитке.*)

Фрэнк (*нисколько не растроганный*). Скажите там, что я не вернусь домой к чаю, сделайте мне такое одолжение, родитель! (*Идет к дому.*)

Навстречу ему выходит Виви, за ней Прейд.

Виви (*Фрэнку*). Это ваш отец, Фрэнк? Я очень хочу с ним познакомиться.

Фрэнк. Разумеется. (*Кричит вслед отцу.*) Родитель! Пойдите!

Достопочтенный Сэмюэль у калитки оборачивается, растерянно хватаясь за шляпу. Прейд подходит с другой стороны сада и заранее сияет, предвидя обмен любезностями.

Позвольте познакомить вас: мой отец — мисс Уоррен.

ВИВИ (*подходит к пастору и пожимает ему руку*). Очень рада видеть вас, мистер Гарднер. (*Зовет, обращаясь в сторону коттеджа.*)

Мама, подите сюда, вы нам нужны.

Миссис Уоррен появляется на пороге и, узнав пастора, на мгновение застывает от неожиданности.

Виви (*продолжает*). Позвольте вас познакомить...

Миссис Уоррен (*налетая на достопочтенного Сэмюэля*). Да ведь это Сэм Гарднер! Скажите пожалуйста, пастором стал! Вот так так! Не узнаете нас, Сэм! Это Джордж Крофтс, собственной персоной, только вдвое толще прежнего. А меня вы помните?

Пастор (*весь побагровев*). Я, право... э-э...

Миссис Уоррен. Ну, конечно, помните. У меня до сих пор хранится пачка ваших писем, я недавно на них наткнулась.

Пастор (*готовый провалиться сквозь землю*). Мисс Вавасур, кажется?

Миссис Уоррен (*быстро останавливает его громким шепотом*). Ш-ш! Что вы! Миссис Уоррен... разве вы не видите, что здесь моя дочь?

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

В коттедже, после захода солнца. Если смотреть изнутри дома на восток, а не снаружи на запад, то решетчатое окно с задефнутыми занавесками приходится посредине передней стены коттеджа, а входная дверь — слева. В боковой стене слева дверь, ведущая в кухню. В глубине, у той же стены, буфет, на нем спички и свеча; рядом, прислоненное к полке, стоит ружье Фрэнка. Посредине комнаты стол с зажженной лампой. Книги и бумаги Виви лежат на другом столе, у стены, справа от окна. Камин, с правой стороны широкая скамья; огня в камине нет. Два стула стоят справа и слева от стола. Дверь коттеджа открывается; видно, что на дворе звездная ночь. Входит миссис Уоррен, закутанная в шаль Виви, за ней идет Фрэнк. Она устала, ей надоело гулять, и она с облегчением

вздыхает; откалывает шляпу, снимает ее, втыкает булавку в туюлю и кладет шляпу на стол. Фрэнк швыряет кепи на подоконник.

Миссис Уоррен. О господи! Не знаю, право, что на даче хуже — гулять или сидеть дома сложа руки? Я бы с удовольствием выпила виски с содовой, если б оно водилось в здешних местах.

Фрэнк. Может быть, у Виви найдется?

Миссис Уоррен. Какие глупости! На что может понадобиться виски такой молоденькой девушке? Ну да ладно, не беда. Удивляюсь, как она может здесь жить! Эх, вот бы сейчас очутиться в Вене!

Фрэнк. Поедемте со мной в Вену. *(Помогает миссис Уоррен снять шаль и при этом галантно обнимает ее за плечи.)*

Миссис Уоррен. Да ну вас! Я вижу, яблоко от яблони недалеко падает.

Фрэнк. А что? Я напоминаю вам родителя? *(Вешает шаль на спинку стула и садится.)*

Миссис Уоррен. Не ваше дело. Что вы в этом смыслите? Вы же еще мальчишка. *(Отходит к камину, подальше от соблазна.)*

Фрэнк. Так едем со мной в Вену, а? Вот было бы весело.

Миссис Уоррен. Нет, спасибо. В Вене вам не место, сперва подрастите немножко. *(Кивком головы подчеркивает этот совет. Фрэнк делает жалобную гримасу, но глаза его смеются. Миссис Уоррен смотрит на него, потом встает и подходит ближе.)* Послушайте-ка вы, мальчик! *(Берет его лицо в свои руки и повертывает к себе.)* Я вас наизусть знаю, потому что вы вылитый отец; знаю лучше, чем вы сами себя знаете. Так вот, выкиньте меня из головы, оставьте эти глупости. Слышите?

Фрэнк *(нежным голосом, стараясь пленить ее)*. Ничего не могу с собой поделать, миссис Уоррен; это у нас семейное.

Миссис Уоррен делает вид, что хочет надрать ему уши, с минуту смотрит на красивое, улыбающееся лицо Фрэнка, борясь с искушением, наконец целует его и сейчас же отворачивается, сердясь на самое себя.

Миссис Уоррен. Ну вот! Не надо было этого делать. Какая же я дрянь. Ничего, мой милый, не придавайте значения: это материнский поцелуй. Подите поухаживайте за Виви.

Фрэнк. Я и так ухаживаю.

Миссис Уоррен *(резко оборачиваясь к нему, с тревогой в голосе)*. Что-о?

Фрэнк. Мы с Виви большие приятели.

Миссис Уоррен. В каком это смысле? Вот что я вам скажу: я не желаю, чтобы всякий беспутный мальчишка заигрывал с моей дочерью. Слышите? Не желаю.

Фрэнк (*нисколько не смущаясь*). Дорогая миссис Уоррен, не тревожьтесь. У меня честные намерения, в высшей степени честные; а ваша дочка отлично может сама за себя постоять. Она куда меньше нуждается в присмотре, чем ее мамаша. Она, знаете ли, не такая красивая.

Миссис Уоррен (*растерявшись от такой наглости*). Ну и нахал, просто клейма негде поставить! Не знаю, откуда это у вас,—только уж не от папаши. Так помните: я вас предупредила.

Крофтс и distinguished Сэмюэль входят из сада, беседуя.

Ну, куда вы оба пропали? А где Предди и Виви?

Крофтс (*кладя шляпу на скамью, а трость ставя к камину*). Они поднялись на гору. А мы ходили в деревню. Мне захотелось выпить. (*Садится на скамью и кладет ноги на сиденье.*)

Миссис Уоррен. Как же это она ушла, не сказавши мне? (*Фрэнку.*) Подайте отцу стул, Фрэнк. Что за манеры?

Фрэнк вскакивает и с изящным поклоном уступает отцу свой стул; берет другой стул, у стены, ставит его к столу и садится между отцом — справа и миссис Уоррен — слева.

Джордж, а где же вы будете ночевать? Здесь вам оставаться нельзя. И куда денется Предди?

Крофтс. Меня берет к себе Гарднер.

Миссис Уоррен. Ну, конечно, о себе вы позаботились. А как же Предди?

Крофтс. Не знаю. По-моему, он может переночевать в гостиной.

Миссис Уоррен. У вас не найдется для него места, Сэм?

Пастор. Э-э... видите ли, в качестве здешнего пастора я не могу поступать так, как мне лично нравится. Э-э... какое общественное положение занимает мистер Прейд?

Миссис Уоррен. Успокойтесь, он архитектор. Вы сущее ископаемое, Сэм!

Фрэнк. Да, можете быть спокойны, родитель. Он строил это поместье в Уэлсе для герцога... как его, Кернарвонский замок, что ли... Да вы, верно, знаете. (*Подмигивает миссис Уоррен и как ни в чем не бывало переводит взгляд на отца.*)

Пастор. Ах, в таком случае мы, разумеется, будем очень рады! Я полагаю, он лично знаком с герцогом?

Фрэнк. Ну еще бы, как нельзя лучше! Мы его упрячем в бывшую комнату Джорджины.

Миссис Уоррен. Ну, значит, это улажено. Хоть бы они поскорей приходили: надо ужинать. Что за прогулки, когда ночь на дворе.

Крофтс *(ворчливо)*. А вам какая беда?

Миссис Уоррен. Беда или не беда, мне это не нравится.

Фрэнк. Лучше не дожидаться их, миссис Уоррен. Прейда теперь силком не загонишь. Ведь он понятия не имел, что значит бродить в летнюю ночь среди вереска с моей Виви.

Крофтс *(от изумления спускает ноги и садится как следует)*. Послушайте! Нельзя ли полегче?

Пастор *(в испуге забывает о профессиональных манерах и говорит с искренним чувством и силой)*. Фрэнк, раз и навсегда, об этом не может быть и речи. Миссис Уоррен тебе скажет, что об этом нечего и думать.

Крофтс. Разумеется, нечего.

Фрэнк *(с чарующим спокойствием)*. Это верно, миссис Уоррен?

Миссис Уоррен *(в раздумье)*. Право, Сэм, я не знаю. Если девочка хочет выйти замуж, что толку ее удерживать.

Пастор *(пораженный)*. Но выйти за него! Вашей дочери за моего сына! Подумайте сами: это невозможно.

Крофтс. Разумеется, невозможно. Выкиньте это из головы, Китти.

Миссис Уоррен *(сердито)*. Почему это! Разве моя дочь недостаточно хороша для его сына?

Пастор. Но, право же, дорогая миссис Уоррен, вы сами знаете причину...

Миссис Уоррен *(с вызовом)*. Не знаю я никаких причин. А если вы знаете, расскажите Фрэнку, или Виви, или вашим прихожанам, коли хотите.

Пастор *(беспомощно откидываясь на спинку стула)*. Вы прекрасно знаете, что я никому не могу сказать. Но мой сын поверит мне, если я ему скажу, что такие причины есть.

Фрэнк. Совершенно верно, папочка, он вам поверит. Но когда же ваши доводы влияли на поведение вашего сына?

Крофтс. Вы не можете на ней жениться, вот и все. *(Встает, подходит к камину и становится к Фрэнку спиной, решительно, нахмурившись.)*

Миссис Уоррен *(резко набрасывается на Крофтса)*. Вам-то до этого какое дело, скажите, пожалуйста?

Фрэнк *(в самом нежном лирическом тоне)*. Именно это я и сам собирался спросить, только по-своему, более деликатно.

Крофтс *(к миссис Уоррен)*. Я полагаю, вы не захотите выдать девушку за человека моложе ее самой, без профессии и без гроша в кармане. Спросите Сэма, если вы мне не верите. *(Пастору.)* Много ли вы собираетесь дать вашему сыну?

Пастор. Ничего больше не дам. Он уже получил свою долю и в июле истратил последнее.

Лицо миссис Уоррен вытягивается.

Крофтс (*наблюдает за ней*). Ну что? Я же вам говорил. (*Опять садится на скамью и кладет ноги на сиденье, по-видимому считая вопрос решенным.*)

Фрэнк (*жалобно*). Все это так меркантильно. Неужели вы думаете, что мисс Уоррен выйдет замуж ради денег? Если мы любим друг друга...

Миссис Уоррен. Благодарю вас. Ваша любовь недорого стоит, мой милый. Если у вас нет средств содержать жену, то это решает дело: Виви вам не достанется.

Фрэнк (*посмеиваясь*). А вы что скажете, родитель?

Пастор. Я согласен с миссис Уоррен.

Фрэнк. А наш милейший Крофтс уже выразил свое мнение.

Крофтс (*сердито поворачивается, опираясь на локоть*). Вот что: мне надоели ваши дерзости.

Фрэнк (*колко*). Очень жаль, что приходится вас осадить, Крофтс, но вы сейчас позволили себе говорить со мной по-отечески. Мне и одного отца за глаза довольно, благодарю вас.

Крофтс (*презрительно*). Пф! (*Опять отворачивается.*)

Фрэнк (*вставая*). Миссис Уоррен, я не могу отказаться от моей Виви даже ради вас.

Миссис Уоррен (*ворчит*). Негодный мальчишка!

Фрэнк (*продолжает*). И так как у вас, насколько я понимаю, другие виды, то я сию минуту объяснюсь с Виви.

Остальные смотрят на него во все глаза.

(Начинает декламировать.)

Судьбы страшится только тот,
Кто слишком осторожен;
А тот, кто смел, на все идет
И все отдаст—иль все возьмет.

Во время декламации дверь отворяется; входят Прейд и Виви. Фрэнк умолкает. Прейд кладет шляпу на буфет. Манеры всего общества мгновенно изменяются к лучшему. Крофтс снимает ноги со скамьи и садится как следует, уступая Прейду место рядом с собою. Миссис Уоррен тоже подтягивается и отводит душу в воркотне.

Миссис Уоррен. Где ты была, Виви?

Виви (*снимает шляпу и небрежно бросает ее на стол*). На холме.

Миссис Уоррен. Как же ты ушла, не сказавшись мне? Почему я знаю, куда ты девалась? А тут еще ночь на дворе!

Виви (*подходит к двери в кухню и отворяет ее, не обращая внимания на мать*). Как насчет ужина?

Все, кроме миссис Уоррен, встают.

Боюсь, что нам здесь будет тесновато.

Миссис Уоррен. Ты слышишь, что я говорю, Виви?

Виви *(спокойно)*. Да, слышу. *(Возвращаясь к вопросу об ужине.)* Сколько нас тут? *(Считает.)* Один, два, три, четыре, пять, шесть. Ну что ж, двоим придется подождать, пока остальные кончат: у миссис Элисон всего четыре прибора.

Прейд. О, не беспокойтесь обо мне, я...

Виви. Вы долго гуляли и проголодались, мистер Прейд; вы сейчас же сядете ужинать. Сама я могу подождать. Кто-нибудь один составит мне компанию. Фрэнк, вы хотите есть?

Фрэнк. Совсем не хочу... окончательно потерял аппетит, по правде говоря.

Миссис Уоррен. Вы тоже не голодны, Джордж. Вы можете подождать.

Крофтс. Да, как бы не так, я после чая еще ничего не ел. Может быть, Сэм подождет?

Фрэнк. Вы хотите уморить голодом моего бедного папу?

Пастор *(недовольно)*. Позвольте мне говорить самому за себя, сэр. Я с удовольствием подожду.

Виви *(решительно)*. Это совсем не нужно. Ждать придется только двоим. *(Распахивает дверь в кухню.)* Мистер Гарднер, дайте руку маме.

Достопочтенный Сэмюэль ведет миссис Уоррен в кухню, за ним следуют Прейд и Крофтс. Все, кроме Прейда, явно недовольны таким порядком действий, но не знают, как ему воспротивиться. Виви стоит в дверях и смотрит на них.

Вы можете протиснуться в тот уголок, мистер Прейд? Это довольно трудно. Осторожней, не запачкайтесь об стену—вот так. Ну как, теперь вам удобно?

Прейд *(из кухни)*. Вполне, благодарю вас.

Миссис Уоррен *(из столовой)*. Не закрывай двери, милая.

Виви хочет возразить, но Фрэнк останавливает ее жестом, крадется на цыпочках к входной двери и бесшумно распахивает ее настежь.

Господи, какой сквозняк! Лучше закрой дверь, душенька.

Виви хлопает дверью и, с неудовольствием заметив, что шляпа и шаль ее матери валяются на стуле, аккуратно складывает их на подоконник. Фрэнк бесшумно закрывает входную дверь.

Фрэнк *(торжествующе)*. Ага! Наслу отделались. Ну, Виввумс, как вам понравился мой родитель?

- Виви (*задумчиво и серьезно*). Я с ним и двух слов не сказала. По-моему, он пороку не выдумает.
- Фрэнк. Нет, знаете ли, старик вовсе не так глуп, как кажется. Понимаете, он стал священником не по своей охоте и, стараясь выдержать эту роль, строит дурака и пересаливает при этом. Нет, родитель вовсе не так плох, бедняга. Вы не думайте, я его даже люблю. Намерения у него самые благие. Как, по-вашему, вы с ним поладите?
- Виви (*довольно сухо*). Не думаю, чтобы в будущем мне пришлось иметь с ним дело да и со всем кружком маминых старых друзей, исключая, пожалуй, Прейда. (*Садится на скамью.*) А как вам понравилась моя мать?
- Фрэнк. По чистой совести?
- Виви. По чистой совести.
- Фрэнк. Что ж, она занятная. Только и штука же, доложу я вам. А Крофтс!.. О боже ты мой, Крофтс! (*Усаживается рядом с Виви.*)
- Виви. Ну и компания, Фрэнк!
- Фрэнк. Ну и народец!
- Виви (*со всей силой презрения*). Если бы я думала, что буду такая же, что из меня выйдет пустельга без единой мысли в голове, у которой только и забот, как бы убить время от завтрака до обеда и от обеда до ужина, пустельга без выдержки, без характера, я бы ни минуты не колебалась: вскрыла бы себе вены, и дело с концом.
- Фрэнк. Нет, нет, не надо. К чему им себя утруждать, если они могут прожить и без забот? Хотел бы я, чтобы и мне так повезло. А вот что они не в форме, это мне не нравится. Опустились, ужасно опустились, это никуда не годится.
- Виви. А вы думаете, что в старости будете лучше Крофтса, если не возьметесь за дело?
- Фрэнк. Конечно, какое же может быть сравнение! К чему Виввумс читать нотации: ее мальчик неисправим. (*Нежно берет лицо Виви в свои руки.*)
- Виви (*резко отводя его руки*). Отстаньте. Виввумс сегодня не в настроении нежничать со своим мальчиком. (*Встает и переходит на другую сторону комнаты.*)
- Фрэнк (*следуя за ней по пятам*). Какая недобрая!
- Виви (*топает на него*). Перестаньте шутить. Я говорю серьезно.
- Фрэнк. Хорошо. Подойдем к этому научно. Мисс Уоррен, известно ли вам, что все передовые мыслители единогласно утверждают, будто бы значительная часть недугов современной цивилизации объясняется любовным голоданием среди молодежи? Так вот я...
- Виви (*резко прерывает его*). Вы становитесь невыносимы. (*Отворяет дверь в кухню.*) Найдется у вас место для Фрэнка? Он жалуется на голод.

Миссис Уоррен (из кухни). Конечно, найдется. (Гремит ножами и стаканами, передвигая приборы.) Вот рядом со мной есть место. Идите сюда, мистер Фрэнк.

Фрэнк. Виввумс здорово достанется за это от ее мальчика. (Уходит в кухню.)

Миссис Уоррен (из кухни). И ты тоже, Виви, иди сюда, деточка. Ты, верно, проголодалась.

Входит миссис Уоррен, за ней Крофтс, который с подчеркнутым уважением держит дверь открытой перед Виви. Она выходит, не глядя на него; Крофтс закрывает за ней дверь.

Как, Джордж, неужели вы поужинали? Вы же ничего не ели. Что это с вами случилось?

Крофтс. Мне хотелось только пить. (Засовывает руки в карманы и начинает расхаживать по комнате, встревоженный и недовольный.)

Миссис Уоррен. Уж на что я люблю поесть, но тут особенно не разойдешься: холодная говядина, сыр да салат. (Вздыхает, словно не совсем съта, и лениво усаживается на скамью у камина.)

Крофтс. К чему вы поощряете этого щенка?

Миссис Уоррен (сразу настоорожившись). Послушайте, Джордж, что вам далась эта девочка? Я ведь заметила, как вы на нее смотрите. Не забывайте, что я вас знаю, мне понятно, что значат эти ваши взгляды.

Крофтс. Подумаешь, беда, уж и посмотреть на нее нельзя?

Миссис Уоррен. Я бы вас выставила за дверь и спроводила обратно в Лондон, если бы заметила, что у вас на уме глупости. Мне один мизинец моей дочери дороже, чем вы со всеми вашими потрохами.

Крофтс отвечает ей насмешливой улыбкой. Миссис Уоррен, покраснев оттого, что не произвела впечатления в роли любящей матери, сбавляет тон.

Успокойтесь, у этого щенка не больше вашего шансов на успех.

Крофтс. Уж нельзя человеку проявить интерес к девушке!

Миссис Уоррен. Только не такому человеку, как вы.

Крофтс. Сколько ей лет?

Миссис Уоррен. Не ваше дело.

Крофтс. Почему вы из этого делаете тайну?

Миссис Уоррен. Потому что я так хочу.

Крофтс. Что ж, мне еще нет пятидесяти, мое состояние не уменьшилось...

Миссис Уоррен (префывает его). Ну еще бы! Вы хоть и кутила, а скарעד...

Крофтс (*продолжает*) ...а баронеты не каждый день подвертываются под руку. Никто другой с моим положением в обществе не станет терпеть такую тещу, как вы. Почему бы ей не выйти за меня?

Миссис Уоррен. За вас?

Крофтс. Мы отлично зажили бы втроем. Я умру раньше, она останется эффектной вдовой с круглым капиталцем. Почему же нет? Это пришло мне в голову, пока я гулял тут с этим болваном.

Миссис Уоррен (*с возмущением*). Да, да, только такое и приходит вам в голову!

Крофтс останавливается на полдороге, и оба они смотрят друг на друга: она — прямо в глаза, с презрительной миной, за которой таится страх, он — искоса, с плотоядным блеском в глазах, с циничной усмешкой искusstеля.

Крофтс (*начинает беспокоиться и настаивать, видя, что миссис Уоррен не проявляет никакого сочувствия*). Послушайте, Китти, вы рассудительная женщина, вам незачем прикидываться ханжой. Я ни о чем не спрашиваю, и вам не нужно отвечать. Я завещаю ей все мое состояние, а если вам лично понадобится чек в день свадьбы, можете сами назначить сумму... в пределах благоразумия.

Миссис Уоррен. И вы тем же кончили, Джордж, чем кончают все старые развалины!

Крофтс (*свирепо*). Черт бы вас побрал!

Прежде чем миссис Уоррен успеет ему ответить, дверь из другой комнаты открывается; слышны приближающиеся голоса. Крофтс, не в силах овладеть собой, выбегает из коттеджа. Входит пастор.

Пастор (*оглядываясь по сторонам*). А где же сэр Джордж?
Миссис Уоррен. Пошел выкурить трубку.

Пастор берет шляпу со стола и подсаживается к миссис Уоррен. Тем временем входит В и в и, за ней Фрэнк, который бросается на первый попавшийся стул с видом крайнего утомления.

(Оглядывается на Виви и говорит, подчеркивая материнскую заботливость более обычного.) Ну, душенька, хорошо поужинала?

Виви. Вы же знаете, что такое ужины миссис Элисон. (*Обращается к Фрэнку, очень ласково.*) Бедняжка Фрэнк! Неужели всю говядину съели? Неужели ему так-таки ничего и не досталось, кроме хлеба с сыром да имбирного пива?
(Серьезным тоном, словно решив, что шуток на сегодня

довольно.) Масло просто ужасное. Нужно будет заказать в лавке.

Фрэнк. Да, закажите, ради бога!

Виви подходит к письменному столу и делает пометку, чтобы не забыть заказать масло. Из кухни входит Прейд, пряча в карман платок, которым он пользовался вместо салфетки.

Пастор. Фрэнк, мой мальчик, нам пора домой. Твоя мать еще не знает, что у нас будут гости.

Прейд. Боюсь, что мы вас стесним.

Фрэнк. Нисколько, Прейд. Моя мать будет в восторге. Это истинно утонченная, художественная натура, и круглый год она не видит никого, кроме родителя; можете себе представить, каково ей здесь живется! Скучища смертная! (Достопочтенному Сэмюэлю.) Вы ведь не художественная натура, верно? Так вот, берите Прейда и ведите его домой, а я останусь здесь и побеседую с миссис Уоррен. Крофтса вы найдете в саду. Он составит отличную компанию нашему бульдогу.

Прейд (*берет с буфета шляпу и подходит к Фрэнку*). Идемте с нами, Фрэнк. Миссис Уоррен давно не видела мисс Виви, а мы им не дали побыть ни минуты вместе.

Фрэнк (*расчувствовавшись, смотрит на Прейда с сентиментальным восхищением*). Ну, разумеется, я совсем забыл. Благодарю, что напомнили. Джентльмен с головы до пят, Предди! Всегда вы были моим идеалом, на всю жизнь! (*Поднимается с места, но на минуту останавливается между отцом и Прейдом и кладет руку на плечо Прейда.*) Ах, если бы вы были моим отцом вместо этого недостойного старика! (*Кладет другую руку на плечо отцу.*)

Пастор (*кипятится*). Молчать, сэр, молчать! Не кощунствуйте. Миссис Уоррен (*смеется от души*). Вам надо держать его пострее, Сэм. Доброй ночи. Вот передайте Джорджу его шляпу и палку с приветом от меня.

Пастор (*берет и то и другое*). Спокойной ночи. (*Прощается. Проходя мимо Виви, прощается с ней и пожимает ей руку, потом грозно командует Фрэнку.*) Домой, сэр, сию минуту домой! (*Уходит.*)

Миссис Уоррен. До свидания, Предди.

Прейд. До свидания, Китти. (*Дружески жмут друг другу руки и вместе выходят.*)

Миссис Уоррен провожает его до калитки.

Фрэнк. А поцеловаться?

Виви. Нет. Я вас ненавижу. (*Берет книги и бумагу с письменного стола и садится с ними к другому столу, поближе к камину.*)

Фрэнк (с гримасой). Жаль. (Идет за ружьем и кепи.)

Тем временем миссис Уоррен возвращается.

(Берет ее за руку.) Спокойной ночи, дорогая миссис Уоррен.
(Целует ей руку.)

Миссис Уоррен выдергивает руку, поджав губы, и, как видно, очень не прочь надрать ему уши. Фрэнк лукаво смеется и выбегает, хлопнув дверью.

Миссис Уоррен (покорившись мысли, что придется проскучать вечер без мужчин). Ну, видела ли ты когда-нибудь такого болтуна? Вот озорник! (Садится за стол.) Я думаю, милочка, ты напрасно его поощряешь. По-моему, он самый настоящий шалопай.

Виви (встает, чтобы взять еще несколько книг). Да, боюсь, что бедняжка Фрэнк действительно шалопай. Надо будет от него отделаться; но мне его жалко, хоть он этого и не стоит, бедный мальчик. Этот Крофтс тоже, по-моему, не слишком приятная фигура, правда? (Резким движением бросает книги на стол.)

Миссис Уоррен (уязвленная равнодушным тоном Виви). Что ты знаешь о мужчинах, чтобы так о них разговаривать? Сэр Джордж— мой друг, ты теперь часто будешь его видеть, и тебе придется примириться с этим.

Виви (невозмутимо). Почему? (Садится и раскрывает книгу.) Вы думаете, мы так часто будем бывать вместе? Я хочу сказать: мы с вами?

Миссис Уоррен (смотрит на нее в изумлении). Конечно, до тех пор, пока ты не выйдешь замуж. Ты ведь больше не вернешься в колледж.

Виви. Вы думаете, что мой образ жизни подойдет вам? Я в этом сомневаюсь.

Миссис Уоррен. Твой образ жизни! Что ты этим хочешь сказать?

Виви (разрезая книгу ножом, висящим у нее на поясе). Мама, вам никогда не приходило в голову, что у меня тоже есть свой образ жизни, как у других людей?

Миссис Уоррен. Что за вздор ты болтаешь? Тебе, должно быть, хочется показать свою независимость, раз ты стала такой важной особой у себя в школе. Не дури, милая.

Виви (снисходительно). Больше вам нечего сказать по этому поводу, мама?

Миссис Уоррен (растерянно, потом сердито). Что ты ко мне пристала? (В бешенстве.) Придержи язык!

Виви продолжает работать, не теряя времени.

Туда же со своим образом жизни, скажите, пожалуйста!

Еще чего! (Опять смотрит на Виви. Та не отвечает.) Образ жизни у тебя будет такой, какой мне вздумается, вот и все.

Опять пауза.

То-то, я вижу, ты напустила на себя важность, с тех пор как выдержала этот самый экзамен... как он там у вас называется? Если ты думаешь, что я это буду терпеть, то ошибаешься; и чем скорей ты это поймешь, тем лучше. (Бормочет.) Больше мне нечего сказать по этому поводу. Ну-ну! (Опять сердито повышает голос.) Да вы знаете ли, с кем разговариваете, мисс?

Виви (смотрит на нее через стол, не поднимая головы от книги). Нет, не знаю. Кто вы и что вы?

Миссис Уоррен (встает, задыхаясь). Ах ты дрянь!

Виви. Моя репутация, мое общественное положение и профессия, которую я себе выбрала, всем известны. А мне о вас ничего неизвестно. Какой образ жизни вы приглашаете меня разделить с вами и сэром Джорджем Крофтсом, скажите, пожалуйста?

Миссис Уоррен. Смотри! Как бы я не сделала что-нибудь такое, о чем потом пожалею, да и ты тоже.

Виви (спокойно и решительно отодвигая книги в сторону). Что ж, оставим этот разговор, пока вы не будете в состоянии вести его. (Рассматривает мать критически.) Вам нужно побольше ходить пешком и играть в теннис. Вы возмутительно опустили и не в форме; сегодня вы не могли сделать двадцати шагов в гору без одышки, а руки у вас сплошной жир. Смотрите, какие у меня руки. (Показывает руки.)

Миссис Уоррен (беспомощно взглянув на нее, начинает хныкать). Виви...

Виви (вскакивает с места). Пожалуйста, не начинайте плакать. Все, что угодно, только не это. Я совершенно не выношу слез. Я уйду из комнаты, если вы заплачете.

Миссис Уоррен (жалобно). Моя дорогая, как можешь ты быть так резка со мной? Разве я не имею права на тебя как твоя мать?

Виви. А это верно, что вы моя мать?

Миссис Уоррен (в ужасе). Верно ли, что я твоя мать? О Виви!

Виви. Тогда где же наши родные? Где мой отец, где друзья нашей семьи? Вы предъявляете права матери: право называть меня дочкой и глупышкой; говорить со мной в таком тоне, как ни одна преподавательница в колледже не смела со мной говорить; диктовать мне правила поведения и навязывать мне в знакомые скота, лондонского кутилу самого последнего разбора—это всякому сразу видно.

Я еще не оспариваю этих прав, я хочу сперва узнать, имеется ли для них реальное основание?

Миссис Уоррен (*в отчаянии бросается на колени*). О нет, нет! Не надо, не надо! Я твоя мать! Я клянусь тебе! Не может быть, чтобы ты пошла против меня — ты, мое собственное дитя; не выродок же ты. Ты ведь веришь мне? Скажи, что ты мне веришь.

Виви. Кто мой отец?

Миссис Уоррен. Ты сама не знаешь, о чем ты спрашиваешь. Этого я не могу сказать.

Виви (*решиительно*). Нет, можете, если захотите. Я имею право знать, и вам очень хорошо известно, что я имею это право. Можете не говорить мне, если вам угодно, но в таком случае завтра утром мы с вами расстанемся навсегда.

Миссис Уоррен. Я не могу этого слышать, это ужасно! Ты не захочешь... ты не бросишь меня.

Виви (*непреклонно*). Брошу, и не колеблясь ни минуты, если вы не перестанете этим шутить. (*Вздвинув от отвращения.*) Как могу я быть уверена, что в моих жилах не течет отравленная кровь этого прожигателя жизни?

Миссис Уоррен. Нет, нет! Клянусь, что это не он и не кто-нибудь другой из тех, кого ты знаешь. По крайней мере хоть в этом я уверена.

Виви сурово взглядывает на мать, когда до нее доходит смысл этих слов.

Виви (*с расстановкой*). По крайней мере в этом вы уверены... Ага! Вы хотите сказать, что это все, в чем вы уверены. (*Задумчиво.*) Понимаю.

Миссис Уоррен закрывает лицо руками.

Будет, мама, вы же ничего такого не чувствуете.

Миссис Уоррен опускает руки и жалостно взглядывает на Виви. (Достает часы из кармана и говорит.) Ну, на сегодня довольно. В котором часу подавать завтрак? В половине девятого не слишком рано для вас?

Миссис Уоррен (*вне себя*). Боже мой, что ты за женщина?

Виви (*хладнокровно*). Женщина, каких очень много на свете, я надеюсь. Иначе не понимаю, как бы на этом свете делалось дело. Ну же! (*Берет мать за руки и решительно поднимает ее.*) Возьмите себя в руки. Вот так.

Миссис Уоррен (*ворчливо*). Как ты груба со мной, Виви.

Виви. Пустяки. Не пора ли спать? Уже одиннадцатый час.

Миссис Уоррен (*с ожесточением*). Что толку ложиться?

Неужели ты думаешь, что я засну теперь?

Виви. Почему же нет? Я засну.

Миссис Уоррен. Ты! У тебя нет сердца. *(Вдруг раздражается бурной тирадой на естественном для нее языке женщины из простонародья, махнув рукой на материнский авторитет и на светские условности и обретя новую силу в сознании собственной правоты.)* Нет, не могу я больше терпеть. Где же после этого справедливость? Какое ты имеешь право задирать нос передо мной? Ты передо мной хвастаешься, чем ты стала! Передо мной! А кто, как не я, тебе в этом помог? А мне кто помогал? Стыдно тебе! Ты дурная дочь, ханжа и гордячка!

Виви *(садится, пожимая плечами, но без прежней уверенности; ее слова, которые за минуту до этого казались ей самой такими благоразумными и убедительными, звучат сухо и лицемерно по сравнению с той силой, которая слышится в тоне миссис Уоррен)*. Не думайте, ради бога, что я ставлю себя выше вас. Вы напали на меня, пользуясь превосходством порядочной женщины. Скажу прямо, я не намерена терпеть ваши выходки; но если вы прекратите их, вам не придется терпеть от меня. У вас могут быть свои убеждения, свой образ жизни—это ваше право; я вам мешать не буду.

Миссис Уоррен. Мои убеждения, мой образ жизни! Вы послушайте ее только! Что же, по-твоему, я воспитывалась так же, как ты, могла привередничать и выбирать себе образ жизни? По-твоему, я потому на это пошла, что мне нравилась такая жизнь или я думала, что так и следует, и не захотела бы поступить в колледж и стать образованной, если б у меня была возможность!

Виви. Какой-нибудь выбор есть у каждого. Не всякая девушка может стать королевой Англии или начальницей Ньюемского колледжа, но даже самая бедная может стать либо тряпичницей, либо цветочницей, смотря по вкусу. Люди всегда сваливают вину на силу обстоятельств. Я не верю в силу обстоятельств. В этом мире добывается успеха только тот, кто ищет нужных ему условий и, если не находит, создает их сам.

Миссис Уоррен. На словах все легко, очень легко, а вот не хочешь ли, я тебе расскажу, какие были у меня условия?

Виви. Да, расскажите. Может быть, вы сядете?

Миссис Уоррен. Сяду, сяду, не беспокойся. *(С ожесточенной энергией выдвигает стул вперед и садится.)*

Виви смотрит на нее с невольным уважением.

Знаешь, кто была твоя бабушка?

Виви. Нет.

Миссис Уоррен. Нет, не знаешь! Так я тебе скажу. Она называла себя вдовой, торговала жареной рыбой в лавчон-

ке близ Монетного двора и жила на это с четырьмя дочерьми. Две из них были родные сестры — это мы с Лиз; и обе мы были красивые и статные. Должно быть, наш отец был человек сытый и гладкий. Мать врала, будто бы он был из благородных, — ну, не знаю. А другие две — наши сводные сестры — были щуплые, некрасивы, сущие заморыши, зато честные и работающие. Мы с Лиз забили бы их до смерти, если б не мать, — та нас тоже была смертным боем, чтобы мы их не трогали. Ну и чего же они добились своей честностью? Я тебе скажу. Одна работала на фабрике свинцовых белил по двенадцать часов в день за девять шиллингов в неделю, пока не умерла от свинцового отравления. Она думала, что у нее только руки отнимутся, но она умерла. Другую нам всегда ставили в пример, потому что она вышла замуж за рабочего с продовольственного склада и содержала его комнату и трех ребят в чистоте и опрятности на восемнадцать шиллингов в неделю... пока муж не запил. Стоило ради этого быть честной, как ты думаешь?

Виви (*с сосредоточенным вниманием*). Вы с сестрой так думали тогда?

Миссис Уоррен. Лиз думала по-своему, у нее характер сильней. Мы с ней учились в церковной школе, а все для того, чтобы быть похожими на леди и хвастаться перед другими девчонками, которые нигде не учились и ничего не знали. Потом Лиз в один прекрасный вечер ушла из дому да так и не вернулась. Учительница думала, что и я скоро пушусь по той же дорожке; недаром священник все твердил мне, что Лиззи плохо кончит — бросится с Ватерлооского моста. Идиот несчастный, много он смыслил! Ну, а меня фабрика белил пугала больше, чем река; да и ты бы испугалась на моем месте. Священник устроил меня судомойкой в ресторан общества трезвости — за спиртным можно было посылать. Потом я стала кельнершей; потом перешла в бар на Ватерлооском вокзале — четырнадцать часов в сутки подавать и мыть рюмки за четыре шиллинга в неделю, на своих харчах. Это считалось большим повышением. И вот в одну мерзкую, холодную ночь, когда я так устала, что едва держалась на ногах, заходит в бар за полпинтой виски — кто бы ты думала? — Лиззи! В длинной меховой ротонде, нарядная и беззаботная, с целой кучей золотых в кошельке.

Виви (*угрюмо*). Моя тетушка Лиззи?

Миссис Уоррен. Да, и такую тетушку никому не стыдно иметь! Она живет сейчас в Уинчестере, рядом с собором; она там одна из первых дам в городе. Вывозит молодых

девушек на балы, вот как! Станет она топиться, как бы не так! Ты вся в нее: она всегда была деловая женщина — всегда копила деньги, умела казаться настоящей дамой, никогда не теряла головы и не упускала случая. Когда она увидела, какая из меня выросла красавица, она тут же сказала мне через стойку: «Что ты здесь делаешь, дурочка? Убиваешь здоровье и красоту для того, чтобы другие наживались?» Лиз тогда копила деньги, чтобы открыть собственное заведение в Брюсселе, и решила, что вдвоем мы накопим скорее. Она дала мне займы и научила, как взяться за дело; и я тоже начала мало-помалу откладывать деньги — сперва отдала ей долг, а потом вошла в дело компаньоном. Чего ради мне было отказываться? Дом в Брюсселе был самый первоклассный и уж куда более подходящее место для женщины, чем та фабрика, где отравилась Энн-Джейн. Ни с одной из наших девушек не обращались так, как со мной, когда я работала судомойкой в этом ресторане общества трезвости, или в вокзальном баре, или дома. По-твоему, лучше бы я извелась на черной работе и к сорока годам стала старухой?

Виви (*теперь взволнованная рассказом*). Нет, но почему вы выбрали такую профессию? Копить деньги и добиваться успеха можно и во всяком деле.

Миссис Уоррен. Да, копить деньги! А откуда женщине взять эти самые деньги в другом деле? Попробуй-ка отложи что-нибудь из четырех шиллингов в неделю; да еще и одеться надо на эти же деньги. Ничего не выйдет. Другое дело, если ты некрасива и много не зарабатываешь, или если у тебя есть способности к музыке, или к сцене, или к газетной работе. А мы с Лиз ничего этого не умели; только и всего, что были хорошенькие и могли нравиться мужчинам. Так неужели нам с Лиз было оставаться в дураках, чтоб другие, нанимая нас в кельнерши, продавщицы, кассирши, торговали нашей красотой, когда мы сами могли торговать ею и получать на руки не какие-то гроши, а всю прибыль сполна? Как же, держи карман!

Виви. Вы, разумеется, были совершенно правы — с практической точки зрения.

Миссис Уоррен. Да и со всякой другой тоже. Чему учат порядочных девушек, как не тому, чтобы ловить женихов и, выйдя за богатого, жить на его денежки? Как будто брак что-нибудь меняет. Просто с души воротит от такого лицемерия! Нам с Лиз приходилось работать, экономить и рассчитывать, как всем другим людям, иначе мы были бы такие же нищие, как любая распустеха и пьяница, которая воображает, что ей всегда будет везти. (*С большой силой.*)

Презираю таких женщин! Они просто тряпки. А что я ненавижу в женщинах, так это бесхарактерность.

Виви. Но, мама, скажите откровенно: ведь всякой женщине с характером, как вы это называете, должно быть просто противно зарабатывать деньги таким способом?

Миссис Уоррен. Ну да, конечно. Никому не нравится работать и зарабатывать деньги, да ведь приходится. Иной раз пожалеешь бедную девушку: она и устала и не в духе, а тут нужно угождать мужчине, до которого ей дела нет,— какому-нибудь полупьяному дураку, который воображает, что очень любезен, а сам дразнит, пристает и надоедает женщине так, что никаким деньгам не обрадуешься. Ну, тут уж приходится мириться с неприятностями и терпеть всякое, как терпят сиделки в больнице. Ради собственного удовольствия ни одна женщина не пойдет на эту работу; а послушать наших ханжей, так это сплошные розы!

Виви. А все-таки вы считаете, что стоит этим заниматься? Дело выгодное?

Миссис Уоррен. Бедной девушке, разумеется, стоит, если она не поддается соблазну, если она красива, строгих правил и с умом. Это гораздо лучше всех других дорог, какие открыты для женщин. Я, конечно, всегда считала, что это неправильно. Как это несправедливо, Виви, что для женщины нет лучшей дороги. Что бы ни говорили, а я стою на своем: это несправедливо. Но справедливо или нет, а дело от этого не меняется, и простым девушкам приходится с этим мириться. А вот образованной девушке, разумеется, не стоит. Если бы ты за это взялась, то была бы дура, а я была бы дура, если бы взялась за что-нибудь другое.

Виви (*все сильнее и сильнее волнуясь*). Мама, предположим, мы с вами были бы бедны, как вы в те горькие дни,— вы уверены, что не посоветовали бы мне лучше выйти за рабочего, поступить в бар или даже на фабрику?

Миссис Уоррен (*с пегодованием*). Конечно, нет. Хорошая же я, по-твоему, мать! Да ты и сама перестала бы уважать себя, если б голодала и работала, как каторжник! А чего стоит женщина да и вся наша жизнь без уважения к себе? Почему я ни в ком не нуждаюсь и в состоянии дать моей дочери первоклассное образование, а другие женщины, у которых были возможности не хуже моих, очутились на улице? Потому что я никогда не теряла выдержки и уважения к себе. Почему Лиз все уважают в Уинчестере? Да все потому же. А где бы мы были, если б слушали бредни священника? Мыли бы полы за полтора шиллинга в день, и в будущем

рассчитывать нам было бы не на что, кроме дома призре-
ния и больничной койки. Пусть тебя не сбивают с толку те,
кто не знает жизни, моя деточка. Единственный способ для
женщины прилично обеспечить себя— это завести себе
мужчину, которому по средствам содержать любовницу.
Если она одного с ним круга, пускай выходит за него
замуж; если она ниже — ей нечего на это рассчитывать, да и
не стоит: это ей не принесет счастья. Спроси любую даму
высшего круга, и она тебе скажет то же, только я тебе
говорю прямо, а та начнет разводить турусы на колесах.
Вот и вся разница.

Виви (*смотря на нее как очарованная*). Милая мама, вы удиви-
тельная женщина, другой такой нет. И вы в самом деле ни
капельки не сомневаетесь... и... и не стыдитесь?

Миссис Уоррен. Нет, милая. Ведь это только так принято
стыдиться, этого от женщины ждут. Женщине часто
приходится кривить душой, хотя она и не чувствует ничего
такого. Лиз, бывало, сердилась на меня за то, что я все
выкладываю начистоту. Она говорила, что нечего об этом
трубить, каждая женщина сама поймет, как себя держать,
на это есть глаза. Ну да ведь Лиз— настоящая леди! У нее
это от природы, а я всегда была немножко простовата.
Когда ты мне присылала свои карточки, я так бывала рада,
что ты растешь похожей на Лиз; у тебя то же благородство
и решительность в манерах. Ну, а я терпеть не могу
говорить одно, когда все знают, что я думаю другое. Что
голку лицемерить? Если женщину заставляют вести такую
жизнь, незачем притворяться, что она какая-то иная. Нет,
по правде сказать, я никогда ни капельки не стыдилась.
По-моему, я имею право гордиться, что мы все так
прилично устроили, и никто про нас слова худого не
скажет; и нашим девушкам всегда хорошо жилось. Некото-
рые из них очень хорошо устроились, одна даже вышла
замуж за посланника. Но теперь я, конечно, об этом ни
гугу; что о нас подумают? (*Зевает.*) О господи! Я все-таки
спать захотела в конце концов. (*Лениво потягивается,
чувствуя себя умфотворенной после бурной вспышки и готовая
спокойно отойти ко сну.*)

Виви. Зато я теперь, должно быть, не усну. (*Идет к буфету и
зажигает свечу, потом гасит лампу; в комнате становится
гораздо темнее.*) Надо впустить свежего воздуха, прежде
чем запереть окна. (*Распахивает дверь, на дворе ярко светит
луна.*) Какая ночь! Посмотрите! (*Отдергивает занавеску на
окне.*)

Все залито сиянием восходящей луны.

Миссис Уоррен (*окидывая пейзаж небрежным взглядом*). Да,

милая, только смотри не схвати простуду от ночного воздуха.

Виви (*презрительно*). Пустяки.

Миссис Уоррен (*обиженно*). Ну да, все, что я говорю, по-твоему, пустяки.

Виви (*оборачивается к ней*). Нет, что вы, мама, вовсе нет. Вы меня окончательно победили сегодня, а я думала, что выйдет по-другому. Мы подружимся теперь, хорошо?

Миссис Уоррен (*с некоторым унынием качает головой*). То-то и есть, что вышло по-другому. Ну что ж, ничего не поделаешь. Мне всегда приходилось уступать Лиз, а теперь, видно, придется уступать тебе.

Виви. Ну, ничего. Подите ко мне. Спокойной ночи, моя милая старенькая мама. (*Обнимает мать.*)

Миссис Уоррен (*нежно*). Я хорошо тебя воспитала; правда, милая?

Виви. Правда.

Миссис Уоррен. И ты за это будешь ласкова со старухой матерью, правда?

Виви. Буду, мама.

Миссис Уоррен (*елейным тоном*). Дай я тебя благословлю, моя родная, милая деточка, материнским благословением. (*Нежно обнимает дочь и возводит глаза к потолку, словно испрашивает благословения свыше.*)

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Утро следующего дня в пасторском саду; с безоблачного неба сияет солнце. В садовой стене, как раз посредине, деревянная калитка, такая широкая, что проедет карета. Рядом с калиткой колокольчик, соединенный с висящей снаружи ручкой. Аллея для экипажей проходит посредине сада, сворачивает налево и заканчивается перед крыльцом круглой, усыпанной гравием площадкой. За калиткой видна пыльная дорога, идущая параллельно стене, за дорогой узкая полоска травы и неогороженная сосновая роца. На лужайке, между домом и аллеей, подстриженный тис, под ним садовая скамейка. С противоположной стороны сада идет буксовая изгородь; на газоне солнечные часы и рядом с ними железный стул. Узкая тропинка позади солнечных часов ведет к изгороди. Фрэнк сидит на стуле возле солнечных часов, положив на них утренние газеты, и читает. Пастор выходит из дома. Его знобит, глаза у него красные. Он неуверенно смотрит на Фрэнка.

Фрэнк (*вынув из кармана часы*). Половина двенадцатого. Не-
чего сказать, подходящее время для пастора являться
к завтраку!

Пастор. Не издевайся, Фрэнк, не издевайся. Я немного... э-э...
(*Вздрагивает.*)

Фрэнк. Раскис?

Пастор (*с негодованием, протестуя против этого выражения*).
Нет, сэр, нездоров сегодня с утра. Где твоя мать?

Фрэнк. Не бойтесь, ее здесь нет. Забрала с собой Бесси и уехала
в город с поездом одиннадцать тринадцать. Просила
передать вам несколько поручений. Чувствуете ли вы себя
в силах выслушать меня сейчас, или подождать, пока вы
позавтракаете?

Пастор. Я уже завтракал. Удивляюсь, как могла твоя мать
уехать в город, когда у нас гости. Они сочтут это странным.

Фрэнк. Возможно, она это предвидела. Во всяком случае, если
Крофтс останется у нас гостить и вы с ним намерены
каждую ночь просиживать до четырех часов, вспоминая
события вашей бурной молодости, то ее прямой долг как
хорошей хозяйки поехать в город и заказать бочонок виски
и сотни три сифонов содовой.

Пастор. Я не заметил, чтобы сэр Джордж пил через меру.

Фрэнк. Вы были не в состоянии это заметить, родитель.

Пастор. Ты хочешь сказать, что я...

Фрэнк (*спокойно*). Я в жизни не видел менее трезвого пастора.
Анекдоты, которые вы рассказывали о вашем прошлом,
были просто ужасны; я не думаю, чтобы Прейд остался
ночевать под вашим кровом, если б они с матерью не
пришлись так по душе друг другу.

Пастор. Глупости, сэр Джордж Крофтс — мой гость. Должен
же я о чем-нибудь с ним разговаривать, а у него только
одна тема для разговора... Где сейчас мистер Прейд?

Фрэнк. Повез маму и Бесси на станцию.

Пастор. А Крофтс встал?

Фрэнк. О, давным-давно. Он ни в одном глазу! Видно, что
у него было больше практики, чем у вас, а всего вернее,
и сейчас не бросил. Ушел куда-то покурить.

*Фрэнк опять берется за газету. Пастор в унынии поворачивает
к калитке, потом нерешительно возвращается.*

Пастор. Э-э... Фрэнк.

Фрэнк. Да?

Пастор. Как, по-твоему, эти Уоррены ждут, что мы их
пригласим к себе после вчерашнего?

Фрэнк. Они уже приглашены.

Пастор (*в ужасе*). Что?!

Фрэнк. Крофтс сообщил за завтраком, что вы просили его пригласить к нам миссис Уоррен и Виви и передать им, чтобы они располагались здесь как дома. Именно после этого сообщения мама вспомнила, что ей нужно поехать в город с поездом одиннадцать тринадцать.

Пастор (*в отчаянии*). Никогда я их не приглашал! У меня этого и в мыслях не было.

Фрэнк (*сочувственно*). Где же вам знать, родитель, что вы вчера думали и чего не думали?

Прейд (*входит в калитку*). Доброе утро.

Пастор. Доброе утро. Я должен извиниться перед вами, что не вышел к завтраку. У меня... э-э...

Фрэнк. Пасторский катар горла, Прейд. К счастью, не хронический.

Прейд (*меняя тему*). Должен сказать, что ваш дом стоит на замечательно красивом месте. Нет, в самом деле место чудесное.

Пастор. Да, действительно... Фрэнк сходит с вами погулять, если хотите. А меня уж вы, пожалуйста, извините: я должен воспользоваться случаем и написать проповедь, пока миссис Гарднер нет дома. Развлекайтесь без меня. Вы позволите?

Прейд. Ну разумеется, разумеется. Пожалуйста, не церемоньтесь со мной.

Пастор. Благодарю вас. Ну, я... э-э... э-э... (*Бормоча, поворачивает к крыльцу и скрывается за дверью.*)

Прейд. Странное, должно быть, занятие — писать проповеди каждую неделю.

Фрэнк. Ну еще бы не странное! Если б он их писал, а то он их покупает готовые. Просто пошел пить соду.

Прейд. Мой дорогой мальчик, мне хотелось бы, чтобы вы были почтительнее с вашим отцом. Вы можете быть очень милы, когда захотите.

Фрэнк. Мой дорогой Предди, вы забываете, что мне приходится жить с родителем. Когда люди живут вместе — все равно, отец ли это с сыном, муж с женой или брат с сестрой, — они уже не могут притворяться вежливыми, что так легко во время десятиминутного визита. А у родителя, при всех его высоких домашних достоинствах, бесхарактерность овечья, а чванство и злопамятность ослиные.

Прейд. Что вы, что вы, дорогой мой Фрэнк! Ведь он вам отец.

Фрэнк. Ну что ж, я и воздаю ему должное. (*Встает и швыряет газету на скамью.*) Нет, вы подумайте, поручил Крофтсу пригласить к нам миссис Уоррен. Надо полагать, спьяну. Вы знаете, Предди, мама и слышать не хочет о миссис Уоррен. Виви лучше не приходите к нам, пока ее мамаша не уедет.

Прейд. Но ведь ваша матушка ничего не знает о миссис Уоррен? *(Поднимает с земли газету и садится читать.)*

Фрэнк. Понятия не имею. Должно быть, знает, если уехала в город. Не то чтобы мать имела что-нибудь против нее в общепринятом смысле: она оставалась верным другом многим женщинам, которые попали в беду. Но все это были порядочные женщины. Вот в чем существенная разница. У миссис Уоррен, без сомнения, есть свои достоинства, но она уж слишком вульгарна, мать с ней просто не захочет разговаривать. Так вот... Это что такое?

Его восклицание вызвано вторичным появлением пастора: он выбегает из дома в испуге, весь запыхавшись.

Пастор. Фрэнк, миссис Уоррен с дочерью идут сюда вместе с Крофтсом, я видел их из окон кабинета. Что мне говорить, где твоя мать?

Фрэнк. Наденьте шляпу и ступайте им навстречу, скажите, что вы им страшно рады, что Фрэнк в саду, а мама с Бесси вызваны к больной родственнице и очень сожалеют, что не могли остаться дома; выразите надежду, что миссис Уоррен хорошо провела ночь и... и... одним словом, говорите все, что в голову взбредет, кроме правды, а в остальном положитесь на волю Божию.

Пастор. Но как же мы от них отделаемся потом?

Фрэнк. Теперь уж некогда об этом думать. Одну минуту! *(Убегает в дом.)*

Пастор. Он такой несдержанный. Я просто не знаю, что с ним делать, мистер Прейд.

Фрэнк *(возвращается с черной фетровой шляпой и нахлобучивает ее отцу на голову)*. Ну, идите скорей. Мы с Прейдом останемся здесь как ни в чем не бывало.

Пастор растерянно, но покорно спешит к калитке. Прейд встает с земли и отряхивается.

Надо как-нибудь спровадить старуху обратно в город. Ну, по совести, милый Предди, неужели вам приятно видеть их вместе — Виви с мамашей?

Прейд. Почему же?

Фрэнк *(с гримасой отвращения)*. Неужели вас от этого зрелища не коробит? Эта старая карга, способная на любую гнусность, — и Виви! Бр-р!

Прейд. Тише, пожалуйста. Они идут.

Пастор с Крофтсом показываются на дороге, за ними, нежно обнявшись, идут миссис Уоррен и Виви.

Фрэнк. Смотрите-ка, что она делает — ни больше ни меньше

как обняла старуху за талию. И рука правая — значит, это ее затея. Она становится сентиментальна, ей-богу! Бр-р! Неужели вас это не коробит?

Пастор открывает калитку; миссис Уоррен и Виви проходят мимо него и останавливаются посредине сада, разглядывая дом. Фрэнк в притворном восторге бросается к миссис Уоррен.

Как я рад вас видеть, миссис Уоррен! Как вам к лицу этот тихий, старомодный пасторский сад!

Миссис Уоррен. Ну, ну, нечего! Вы слышали, Джордж? Он говорит, что мне к лицу этот тихий, старомодный пасторский сад!

Пастор *(все еще держит калитку открытой для Крофтса, который угрюмо и неохотно проходит в сад)*. Вам все к лицу, миссис Уоррен.

Фрэнк. Bravo, родитель! Ну, а теперь вот что: давайте повеселимся вовсю до завтрака. Сначала осмотрим церковь. Без этого нельзя. Церковь, знаете ли, замечательная, тринадцатого века; родитель к ней питает слабость, потому что собрал деньги на реставрацию и перестроил ее до основания шесть лет назад. Прейд нам растолкует, что в ней хорошего.

Прейд *(поднимаясь)*. С удовольствием, если после реставрации там осталось что-нибудь хорошее.

Пастор *(гостеприимно улыбаясь)*. Я буду очень рад, если сэр Джордж и миссис Уоррен в самом деле захотят посмотреть ее.

Миссис Уоррен. Ну так идем посмотрим, и дело в сторону. Крофтс *(опять поворачивает к калитке)*. Я не возражаю.

Пастор. Нет, не сюда. Мы пройдем полем, если позволите. *(Ведет их по узенькой тропинке мимо буксовой изгороди.)*

Крофтс. Что ж, пожалуйста. *(Идет рядом с пастором.)*

Прейд и миссис Уоррен следуют за ними. Виви не двигается с места и смотрит им вслед, выражение ее лица в эту минуту становится особенно решительным.

Фрэнк. А вы разве не идете?

Виви. Нет. Я хочу вас предупредить, Фрэнк. Вы позволили себе издеваться над моей матерью вот только что, когда говорили насчет пасторского сада. Так вот, чтобы этого больше не было. Прошу вас обращаться с моей матерью так же почтительно, как вы обращаетесь со своей.

Фрэнк. Моя милая Вив, она этого не оценит. Она непохожа на мою мать; не годится с той и другой обращаться одинаково. Но что такое с вами случилось? Вчера вечером у нас с вами было полное единомыслие насчет вашей матери и ее

компании, а сегодня утром вы позируете в роли любящей дочери и ходите, обнявшись с вашей мамашей.

Виви (*вспыхнув*). Позирую!

Фрэнк. Да, я так это понял. Первый раз в жизни вижу, что вы перестаете быть собой и становитесь посредственностью.

Виви (*сдерживаясь*). Да, Фрэнк, произошла перемена, и я не думаю, что она была к худшему. Вчера я вела себя как педантка.

Фрэнк. А сегодня?

Виви (*дрогнула, но смотрит на него в упор*). Сегодня я знаю мою мать лучше, чем вы.

Фрэнк. Боже вас сохрани!

Виви. Что вы хотите этим сказать?

Фрэнк. Вив, у безнравственных людей существует нечто вроде общего языка, о котором вы и понятия не имеете,— вы слишком цельная натура. Вот это и роднит вашу мать со мной, вот поэтому я знаю ее лучше, чем вы,— так, как вам никогда не узнать.

Виви. Ошибаетесь. Вы ничего о ней не знаете. Если б вы знали, с какими обстоятельствами ей пришлось бороться...

Фрэнк (*ловко заканчивая фразу*) ...то я понял бы, отчего она стала такая, правда? А не все ли это равно? Какие бы там ни были обстоятельства, а с вашей матерью вы не уживетесь, Вив.

Виви (*очень сердито*). Почему же?

Фрэнк. Потому что она дрянная старуха, Вив. Если вы при мне еще раз обнимете ее за талию, я тут же застрелюсь в знак протеста.

Виви. Значит, я должна выбирать между вами и моей матерью?

Фрэнк (*любезно*). Ну, зачем же ставить миссис Уоррен в такое невыгодное положение? Нет, Вив, ваш влюбленный мальчик никогда вас не оставит. Но тем больше он тревожится за вас и боится, как бы вы не наделали ошибок. Что уж тут, Вив, ваша мать невозможна. Она, может быть, и добрая старуха, но непорядочная, в высшей степени непорядочная.

Виви (*горячо*). Фрэнк!

(*Он не сдается. Она уходит от него и садится на скамью под тисовым деревом, стараясь успокоиться и взять себя в руки, потом говорит.*) Значит, все должны ее оставить, потому что она, как вы выражаетесь, непорядочная? Значит, она не имеет права жить?

Фрэнк. Не бойтесь, Вив, она не останется в одиночестве. (*Подсаживается к Виви на скамью.*)

Виви. Но я должна ее оставить, так, по-вашему?

Фрэнк (*ребячливо, нежным, подкупающим голосом, стараясь загово-*

речь ее). Не надо к ней переезжать. Все равно не получится семейная группа: маменька с дочкой. Только расстроит нашу семейную группу.

Виви (*впадая в его тон*). Какую семейную группу?

Фрэнк. Дети в лесу: Виви и маленький Фрэнк. (*Обнимает Виви за талию и прижимается к ней, словно сонный ребенок.*) Уйдем в темный лес и зароемся в листья.

Виви (*укачивает его, как ребенка*). И уснем крепким сном под зеленою сенью.

Фрэнк. С милой умницей девочкой глупенький мальчик.

Виви. Милый маленький мальчик с дурнушкой девчонкой.

Фрэнк. В мире и тишине, подальше от безмозглого папаши и сомнительной...

Виви (*заглушает последние два слова, прижав голову Фрэнка к груди*). Ш-ш-ш! Девочке хочется совсем забыть о своей матери.

Они молчат некоторое время, укачивая друг друга. Потом Виви пробуждается, словно от толчка.

Какие же мы идиоты! Ну, сядьте как следует. Боже мой! Ваши волосы... (*Приглаживает их.*) Неужели все взрослые люди играют вот так, по-ребячьи, когда на них никто не смотрит? В детстве я никогда этого не делала.

Фрэнк. И я тоже. Вы моя первая подруга. (*Хочет поцеловать ее руку, но сначала оглядывается и совершенно неожиданно видит Крофтса, выходящего из-за буксовой изгороди.*) О, черт бы его взял!

Виви. Кого, милый?

Фрэнк (*шепотом*). Ш-ш! Тут эта скотина Крофтс! (*Отсаживается подальше как ни в чем не бывало.*)

Крофтс. Могу я сказать вам несколько слов, мисс Виви?

Виви. Разумеется.

Крофтс (*Фрэнку*). Извините меня, Гарднер. Вас ждут в церкви, если вы ничего не имеете против.

Фрэнк (*вставая*). Все, что вам угодно, Крофтс, только не церковь. Если вам что-нибудь понадобится, Виви, позвоните в колокольчик у калитки. (*С безукоризненной учтивостью направляется к дому.*)

Крофтс (*смотрит ему вслед, хитро прищурившись, и говорит Виви тоном близкого друга, пользующегося особыми правами*). Приятный молодой человек, мисс Виви. Жаль, что у него нет денег, верно?

Виви. Вы так думаете?

Крофтс. Ну какое у него будущее? Ни профессии, ни состояния. Куда он годится?

Виви. Я знаю его слабые стороны, сэр Джордж.

Крофтс (*слегка растерявшись оттого, что его так верно поняли*).

О, не в том дело. А просто, пока мы живем на земле, от этого не уйти: деньги есть деньги.

Виви не отвечает.

Хорошая погода, верно?

Виви (с плохо скрытым презрением к такой неудачной попытке завязать разговор). Очень.

Крофтс (грубовато и добродушно, делая вид, что ему нравится ее смелость). Ну, я не о том хотел говорить. *(Садится рядом с ней.)* Послушайте, мисс Виви. Я очень хорошо понимаю, что я не компания для молодых девиц.

Виви. Вот как, сэр Джордж?

Крофтс. И сказать вам по правде, я к этому не стремлюсь. Но у меня слово с делом не расходится, и если я что-нибудь чувствую, так не на шутку, а уж если я что-нибудь дорого ценю, так плачу за это наличными. Вот я какой человек.

Виви. Это, конечно, делает вам честь.

Крофтс. О, я вовсе не собираюсь хвастаться. У меня есть свои недостатки, само собой разумеется, и я это понимаю лучше всякого другого, я знаю, что я не совершенство,— это одно из преимуществ зрелого возраста. А я уже немолод и помню об этом. Но правила жизни у меня простые и, мне думается, хорошие. В отношениях с мужчиной — честь, в отношениях с женщиной — верность; не быть ханжой и не разводить бобов насчет религии, а твердо верить, что все, в общем, идет к лучшему.

Виви (с язвительной иронией). Верить в силу, которая находится вне нас, и стремиться к добру, да?

Крофтс (приняв это всерьез). Вот именно, вне нас. Вы-то понимаете, что я хочу сказать. Ну, а теперь перейдем к делу. Вы, может быть, думаете, что я промотал свои деньги зря? Ничего подобного: я теперь богаче, чем в тот день, когда получил наследство. Жизненный опыт помог мне: я вложил свой капитал в такое дело, которое другие упустили из виду; в чем другом я, может быть, и отстал, зато уж в денежном отношении — будьте покойны, не подкачаю.

Виви. Вы очень любезны, что сообщаете мне все это.

Крофтс. Ну, полно, мисс Виви. Будто бы вы не понимаете, к чему я клоню. Я хочу обзавестись леди Крофтс. Вам, верно, кажется, что я действую уж слишком напрямик?

Виви. Вовсе нет, я очень вам обязана, что вы высказались определенно и по-деловому. Я вполне могу оценить ваше предложение: деньги, общественное положение, титул леди Крофтс и так далее. Но я все-таки должна отказаться,

с вашего разрешения. Лучше не надо. Нет и нет. *(Встает и подходит к солнечным часам, чтобы избавиться от соседства с Крофтсом.)*

Крофтс *(ничуть не обескуражен; пользуясь освободившимся на скамье местом, располагается поудобнее, словно при ухаживании два-три предварительных отказа в порядке вещей).* Я не тороплюсь. Это только чтобы вы знали, на случай, если молодой Гарднер вздумает вас поймать. Вопрос остается открытым.

Виви *(резко).* Мой отказ окончательный. Я не передумаю.

На Крофтса ее отказ не производит никакого впечатления. Он ухмыляется; поставив локти на колени, наклоняется вперед, тычет палкой в какую-то несчастную букашку и хитрым взглядом смотрит на Виви. Она отворачивается в раздражении.

Крофтс. Я гораздо старше вас, на двадцать пять лет—это четверть столетия. Я не собираюсь жить вечно и позабочусь о том, чтобы вы были обеспечены после моей смерти.

Виви. Меня и это не соблазняет, сэр Джордж. Не лучше ли вам примириться с моим ответом? Нет ни малейшей надежды, чтобы я его изменила.

Крофтс *(встает, сбивает палкой маргаритку и начинает прохаживаться взад и вперед).* Что ж, не беда. Я бы мог сообщить вам кое-что, и вы мигом передумали бы. Но не хочу; я предпочитаю честно добиваться вашего расположения. Я был верным другом вашей матери, спросите ее сами. Если б не мои советы и помощь, она бы никогда не нажила тех денег, которые пошли на ваше образование, не говоря уж о деньгах, которыми я ссудил ее. Немного сыщется людей, которые поддержали бы ее, как я. Я вложил в это дело не меньше сорока тысяч фунтов.

Виви *(смотрит на него в изумлении).* Вы хотите сказать, что вы были компаньоном моей матери?

Крофтс. Да. Теперь подумайте сами, от скольких объяснений и хлопот мы избавились бы, если бы все это осталось, так сказать, в кругу семьи. Спросите вашу матушку, захочет ли она рассказать обо всех своих делах постороннему человеку?

Виви. Не вижу, в чем тут затруднение. Насколько я понимаю, дело ликвидировано и капитал положен в банк.

Крофтс *(остолбенев от изумления).* Ликвидировано! Ликвидировать дело, которое дает тридцать пять процентов прибыли в самый плохой год! С какой же стати? Кто это вам сказал?

Виви *(меняясь в лице).* Вы хотите сказать, что оно все еще... *(Резко обрывает фразу и хватается за солнечные часы, чтобы не*

упасть. Потом быстрыми шагами идет к стулу и садится.)
О каком деле вы говорите?

Крофтс. Собственно говоря, это дело не такое, чтобы оно могло считаться... ну, первоклассным, что ли, в моем кругу... в нашем кругу, если вы со временем передумаете насчет моего предложения. Не то чтобы тут была какая-нибудь тайна — не думайте, нет. Вы, разумеется, и сами понимаете: раз в нем принимает участие ваша мать, то в этом деле нет решительно ничего сомнительного, нечестного! Я ее знаю много лет и могу сказать, что она скорее руку себе отрубит, чем возьмется за что-нибудь подозрительное. Да я вам расскажу, если хотите. Не знаю, случилось ли вам замечать, путешествуя за границей, как трудно найти действительно удобный пансион...

Виви (*с отвращением, глядя в сторону*). Да, продолжайте, пожалуйста.

Крофтс. Ну вот, в этом-то и вся суть. А ваша матушка — прекрасный организатор. У нас два пансиона в Брюсселе, один в Остенде, один в Вене и два в Будапеште. Разумеется, кроме нас, участвуют и другие, но в наших руках большая часть капитала, а ваша матушка незаменима как директор предприятия. Вы, я думаю, обратили внимание, что она почти все время в разъездах. Но об этом, понимаете ли, лучше не говорить в обществе. Скажи только слово «пансион», и пойдут слухи, что ты содержишь кабак. Вы же не захотите, чтобы о вашей матери ходили такие слухи, правда? Вот почему мы и молчим на этот счет. Кстати, вы ведь никому не скажете? Уж если оно хранилось в секрете столько времени, пускай и дальше так будет.

Виви. И это-то дело вы приглашаете меня вести вместе с вами?

Крофтс. О нет. Мои дела жены не касаются. Вы будете в них участвовать не больше, чем всегда участвовали.

Виви. Я участвовала? Что вы хотите сказать?

Крофтс. Только то, что вы жили на эти деньги. Этими деньгами заплачено за ваше образование и за платье, которое на вас надето. Не брезгуйте людьми дела, мисс Виви: без них где были бы ваши колледжи, ваши Ньюемы и Гертоны?

Виви (*встав, почти вне себя от гнева*). Берегитесь! Я знаю, какое это дело.

Крофтс (*едва удерживаясь от брани*). Кто вам сказал?

Виви. Ваш компаньон — моя мать.

Крофтс (*задыхаясь от ярости*). Старая...

Виви. Так, так.

Слово застревает у Крофтса на языке, он стоит, задыхаясь от злости и бешено бранясь про себя; однако, понимая, что ему следует держаться сочувственного тона, находит выход в благородном негодовании.

Крофтс. Какое неуважение к вам! Я бы вам никогда этого не сказал.

Виви. Вы, верно, сказали бы мне после свадьбы; это было бы надежное средство держать меня в руках!

Крофтс (совершенно искренне). Вот уж не собирался. Честное слово джентльмена!

Виви (смотрит на него во все глаза; однако, сознавая комизм его протеста, она успокаивается и, сравнившись с силами, отвечает презрительно и сдержанно). Это неважно. Я думаю, вы понимаете, что наше знакомство должно прекратиться сегодня же, как только мы уедем отсюда.

Крофтс. Почему? Потому что я помогал вашей матери?

Виви. Моя мать была бедная женщина, и ей не оставалось другого выбора, вот почему она на это пошла. А вы были богач и джентльмен и пошли на это ради тридцати пяти процентов прибыли. По-моему, вы самый обыкновенный негодяй. Вот что я о вас думаю.

Крофтс (тащит на нее глаза; он несколько не обижен и чувствует себя гораздо легче оттого, что дело пошло начистоту, без прежних церемоний). Ха-ха-ха! Так, так, барышня, валяйте! Мне это не повредит, а вам доставит удовольствие. Почему бы, черт возьми, мне не вложить моих денег в это дело? Я получаю проценты с капитала, как и другие; надеюсь, вы не думаете, что я сам пачкаю руки этой работой? Что вы! Не станете же вы отказываться от знакомства с герцогом Белгрэвиа, кузеном моей матери, из-за того, что часть его доходов достается ему не вполне безгрешным путем? Я думаю, вы не перестанете кланяться архиепископу Кентерберийскому из-за того, что в его доме сдаются квартиры мытарям и грешникам? Вы помните стипендию Крофтса в Ньюнеме? Так вот, она была основана моим братом, членом парламента. Он получает двадцать два процента прибыли с фабрики, где работают шестьсот девушек, и ни одна из них не зарабатывает столько, чтобы можно было на это прожить. Как же, вы думаете, они сводят концы с концами? Спросите вашу матушку! И что же, по-вашему, я должен отказаться от тридцати пяти процентов прибыли, когда все прочие загребают сколько могут, как полагается умным людям? Как же, нашли дурака! Если вы будете выбирать своих

- знакомых по признаку высокой нравственности, вам лучше уехать из Англии или совсем отказаться от общества.
- Виви** (*чувствуя угрызения совести*). Вы можете еще сказать, что я сама никогда не спрашивала, откуда берутся деньги, которые я трачу. Думаю, что я несколько не лучше вас.
- Крофтс** (*совершенно успокоившись*). Ну разумеется! И очень хорошо! Ведь вреда от этого нет, в конце концов. (*Игриво поддразнивает ее.*) Так, значит, вы уж не считаете меня таким негодяем, передумали теперь, а?
- Виви**. Я делила с вами прибыль, а сейчас поставила себя на одну доску с вами, высказав, что я о вас думаю.
- Крофтс** (*серьезно и дружески*). Ну так что же из этого? Вы увидите, что я не так уж плох: я не гонюсь за всякими там умственными тонкостями, зато умею чувствовать по-человечески; к тому же мы, Крофтсы, не терпим вульгарности, это уж у нас в крови, и, я думаю, в этом мы с вами сойдемся. Поверьте мне, мисс Виви, на свете не так уж плохо жить, как каркают все эти пророки. Пока вы не идете против общества в открытую, оно не станет задавать вам щекотливые вопросы; зато с выскочками, которые лезут на рожон, разделяются в два счета. Всего лучше сохраняется в тайне то, о чем все догадываются. В том обществе, в которое я вас введу, ни одна дама, ни один джентльмен не забудутся настолько, чтобы судачить о моих делах или о делах вашей матери. Никто другой не создаст вам такого прочного положения в обществе.
- Виви** (*с любопытством наблюдает за ним*). Вам, верно, кажется, что вы со мной отлично столковались?
- Крофтс**. Я льщу себя надеждой, что теперь вы обо мне лучшего мнения, чем были сначала.
- Виви** (*спокойно*). Теперь я нахожу, что о вас вообще не стоит думать. Когда я думаю о том обществе, которое вас терпит, и о законах, которые вас защищают, когда я думаю, как беспомощны были бы девять девушек из десяти в руках у моей матери — продажной женщины и у вас — ее сутенера-капиталиста...
- Крофтс** (*побагровев*). Ах, мерзкая!
- Виви**. Это лишнее. Я и без того чувствую себя мерзко. (*Поднимает щекалду калитки, намереваясь открыть ее и выйти.*)
- Крофтс бежит за Виви и кладет руку на верхнюю перекладину, не давая ей открыть калитку.*
- Крофтс** (*задыхаясь от ярости*). Вы думаете, что я это так и стерплю от вас, чергенок вы этакий?
- Виви** (*невозмутимо*). Успокойтесь. Сейчас кто-нибудь выйдет на

звонок. *(Не отступая ни на шаг, ударяет по звонку тыльной стороной руки.)*

Звонок резко дребезжит, и Крофтс невольно отскакивает назад. Почти в то же мгновение на крыльце появляется Фрэнк с ружьем.

Фрэнк *(любезно и радостно)*. Дать вам ружье, Вив, или мне самому распорядиться?

Виви. Фрэнк, вы слышали?

Фрэнк *(сбегая по ступенькам в сад)*. Голько звонок, уверяю вас; я боялся, как бы вам не пришлось дожидаться. По-моему, я проявил тонкое понимание вашего характера, Крофтс.

Крофтс. Мне ничего не стоит отнять у вас это ружье и обломать его об вашу голову.

Фрэнк *(осторожно подкрадывается к нему)*. Ради бога, не надо. Я так неосторожен в обращении с оружием. Непременно выйдет несчастный случай, и на следствии мне сделают выговор за небрежность.

Виви. Уберите ружье, Фрэнк, это ни к чему.

Фрэнк. Совершенно верно, Вив. Лучше поймать его в капкан—это как-то больше по-спортсменски.

Уязвленный Крофтс делает угрожающий жест.

Крофтс, у меня тут пятнадцать патронов, а на таком расстоянии я стреляю без промаха, тем более в мишень ваших размеров.

Крофтс. Не бойтесь, пожалуйста. Я вас не трону.

Фрэнк. Очень великодушно с вашей стороны при данных обстоятельствах! Благодарю вас!

Крофтс. Я уйду, но сначала я кое-что сообщу вам. Вам это небезынтересно, ведь вы так привязаны друг к другу. Мистер Фрэнк, позвольте вас представить вашей сводной сестре, дочери distinguished сэмуэля Гарднера. Мисс Виви—ваш сводный брат. Всего лучшего. *(Выходит через калитку на дорогу.)*

Фрэнк *(после минутного оцепенения берется за винтовку)*. Вы засвидетельствуете, Вив, что это был несчастный случай. *(Прицеливается в удаляющуюся фигуру Крофтса.)*

Виви *(хватается за дуло и направляет его себе в грудь)*. Теперь стреляйте. Можно.

Фрэнк *(выпускает из рук винтовку)*. Стойте! Осторожнее.

Виви разжимает руку. Винтовка падает на траву.

Ох, и задали же вы страху своему мальчику. А если б она выстрелила? Уф! *(Как подкошенный падает на скамью.)*

Виви. А если б и выстрелила,— от острой физической боли мне стало бы легче.

Фрэнк *(ласково)*. Не принимайте этого всерьез, милая Виви. Подумайте, даже если этот субъект под дулом винтовки первый раз в жизни сказал правду, то мы теперь только стали настоящими детьми в лесу. *(Протягивает к ней руки.)* Пойдем и зароемся в листья.

Виви *(с криком отшатывается)*. Нет, нет, не надо. Это отвратительно.

Фрэнк. Почему? Что случилось?

Виви. Прощайте. *(Идет к калитке.)*

Фрэнк *(вскакивая)*. Нет! Стойте, Виви! Виви!

Она оборачивается.

Куда вы идете? Где вас искать?

Виви. У Онории Фрейзер, Чансери-лейн, шестьдесят семь, там я и останусь навсегда. *(Быстро уходит в направлении, противоположном тому, в котором пошел Крофтс.)*

Фрэнк. Послушайте, постойте! О черт! *(Бежит за ней.)*

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Квартира Онории Фрейзер на Чансери-лейн. Контора в верхнем этаже Нью-Стоун Билдингс; зеркальное окно, облезлые стены, электрическое освещение и патентованная печь. В окно видны трубы Линколис-Ина и вечернее небо за ними. Посреди комнаты большой письменный стол, заваленный грудами книг и бумаг; на нем коробка сигар, пепельницы и настольная электрическая лампа. С правой и с левой стороны стола — стулья. Конторка клерка, запечатая и прибранная, стоит у стены, ближе к двери, ведущей во внутренние комнаты, возле нее — высокий табурет. В противоположной стене дверь, ведущая в общий коридор. Верхняя панель двери из матового стекла, снаружи на ней черная надпись: «Фрейзер и Уоррен». Угол между этой дверью и окном отгорожен суконной ширмой. Фрэнк, в светлом модном костюме, с тросточкой, перчатками и белой шляпой в руках, ходит взад и вперед по комнате. Кто-то старается отпереть дверь ключом.

Фрэнк. Входите. Не заперто.

Входит Виви, в шляпе и жакетке; она останавливается, глядя на Фрэнка в изумлении.

Виви *(строго)*. Что вы здесь делаете?

Фрэнк. Жду вас. Я здесь уже сколько времени. Кто же так

занимается делом? *(Кладет шляпу и трость на стол, одним прыжком взбирается на табурет клерка и смотрит на Виви, настроенный, по всем признакам, особенно заодно и легкомысленно.)*

Виви. Я уходила ровно на двадцать минут выпить чашку чаю. *(Снимает шляпу и жакет и вешает их за ширмой.)* Как вы сюда вошли?

Фрэнк. Ваш «персонал» был еще на месте, когда я явился. Он пошел играть в крикет на Примроз-хилл. Напрасно вы нанимаете мальчика, вам бы надо выдвигать женщин.

Виви. Зачем вы пришли?

Фрэнк *(соскочив с табурета, подходит к ней)*. Вив, поедем тоже куда-нибудь развлекаться, как ваш персонал. Что вы думаете насчет Ричмонда, мюзик-холла и веселого ужина?

Виви. Это мне не по средствам. Я должна проработать еще часов шесть, прежде чем лягу.

Фрэнк. Не по средствам нам с вами? Эге! Смотрите-ка! *(Достает из кармана горсть золотых и бренчит ими.)* Золото, Вив, золото!

Виви. Откуда оно у вас?

Фрэнк. Выиграл, Вив, выиграл! В покер.

Виви. Фу! Это хуже воровства! Нет, не поеду. *(Садится к рабочему столу, спиной к стеклянной двери, и начинает перелистывать бумагу.)*

Фрэнк *(жалобно)*. Но, моя милая Виви, у меня к вам такой серьезный разговор!

Виви. Очень хорошо. Садитесь на стул Онории и разговаривайте. Я люблю поболтать минут десять после чая.

Фрэнк ворчит.

Нечего стонать, я неумолима.

Фрэнк садится против нее, нахохлившись.

Передайте, пожалуйста, ящик с сигарами.

Фрэнк *(толкает ящик через стол)*. Отвратительная женская привычка. Порядочные мужчины больше не курят сигар.

Виви. Да им не нравится запах в конторе, нам пришлось перейти на папиросы. *(Открывает ящик, берет папиросу и закуривает. Предлагает Фрэнку. Он отказывается, делая кислое лицо. Она откидывается на спинку стула, курит.)* Ну, начинайте.

Фрэнк. Я хочу знать, чего вы добились.

Виви. Все было устроено в двадцать минут, как только я приехала. Оказалось, что у Онории в этом году очень много работы; она как раз собиралась предложить мне стать ее компаньоном, когда я вошла и объявила, что у меня за душой нет ни фартинга. Вот я и водворилась здесь,

а Онорию отправила отдохнуть недели на две. Что было в Хэслмире после моего отъезда?

Фрэнк. Ничего решительно. Я сказал, что вы уехали в город по важному делу.

Виви. Ну?

Фрэнк. Ну, они промолчали, оттого что растерялись или Крофтс подготовил вашу мать. Во всяком случае, она ничего не сказала, и Крофтс ничего не сказал, а Предди только хлопал глазами. После чая они ушли, и с тех пор я их не видел.

Виви (*мирно кивает, следя за струйкой дыма*). Ну и отлично.

Фрэнк (*неодобрительно оглядывая комнату*). Вы что же, так и будете сидеть в этой отвратительной дыре?

Виви (*энергично разгоняет дым и выпрямляется*). Да. За эти два дня ко мне вернулись все силы и самообладание. Я никогда в жизни не поеду больше отдыхать.

Фрэнк (*с кислой миной*). Н-да! Вид у вас счастливый и неприступный.

Виви (*мрачно*). Тем лучше для меня.

Фрэнк (*вставая*). Послушайте, Вив, нам надо объясниться. Мы расстались с вами по недоразумению. (*Садится на стол рядом с ней.*)

Виви (*тушит окурок*). Ну что ж, объясните, в чем дело.

Фрэнк. Вы помните, что сказал Крофтс?

Виви. Помню.

Фрэнк. Это разоблачение должно было совершенно изменить наши чувства друг к другу. Оно поставило нас в отношения брата и сестры.

Виви. Да.

Фрэнк. А у вас когда-нибудь был брат?

Виви. Нет.

Фрэнк. Ну так вы и понятия не имеете, что значит быть братом и сестрой. У меня сестер целая куча. Братские чувства мне знакомы как нельзя лучше; и уверяю вас—то, что я чувствую к вам, нисколько на них не похоже. У девочек своя дорога, у меня своя, и мы ничуть не огорчимся, если никогда больше не увидим друг друга. Вот это братские чувства. А без вас я и дня не проживу. Какие же это братские чувства? Это как раз то, что я чувствовал за час до разоблачений Крофтса. Короче говоря, милая Виви, это юная мечта любви.

Виви (*язвительно*). То есть именно то чувство, Фрэнк, которое привело вашего отца к ногам моей матери. Так, что ли?

Фрэнк (*в возмущении в одну секунду скатывается со стола*). Я решительно не согласен, чтобы мои чувства сравнивали с теми, какие способен питать достопочтенный Сэ-

мюэль; и совершенно не согласен сравнивать вас с вашей матерью. *(Опять взбирается на свой намест.)* Кроме того, я этой истории не верю. Я пристал к отцу и получил от него ответ, равносильный отрицанию.

Виви. Что же он сказал?

Фрэнк. Сказал, что тут, должно быть, какая-то ошибка.

Виви. Вы ему верите?

Фрэнк. Я скорее готов поверить на слово ему, чем Крофтсу.

Виви. Разве это что-нибудь меняет — то есть в ваших глазах, для вашей совести? Ведь на деле это ничего не меняет.

Фрэнк *(качая головой)*. Для меня решительно ничего.

Виви. И для меня тоже.

Фрэнк *(смотрит на нее в изумлении)*. Но это просто поразительно! А я-то думал, что наши отношения совершенно изменились в ваших глазах — для вашей совести, как вы выразились, — в ту же минуту, после слов этой скотины Крофтса.

Виви. Нет, не в том дело. Я ему не поверила. А хотела бы верить.

Фрэнк. Как так?

Виви. По-моему, отношения брата и сестры для нас самые подходящие.

Фрэнк. Вы в самом деле так думаете?

Виви. Да, только такими отношениями я и дорожу, даже если б между нами возможны были какие-нибудь другие. Я так думаю.

Фрэнк *(поднимает брови с видом человека, которого вдруг озарило, и говорит в приливе рыцарских чувств)*. Милая Виви, почему же вы раньше этого не сказали? Мне очень жаль, что я надоедал вам. Разумеется, я понимаю.

Виви *(удивленно)*. Что понимаете?

Фрэнк. О, я вовсе не дурак в обычном смысле слова — я только в библейском, проделываю все то, что мудрец объявил суетой на основании собственного весьма обширного опыта. Вижу, что я уже не милый мальчик, Виввумс. Не бойтесь, я больше не стану звать вас Виввумс, разве только если вам надоест ваш новый друг, кто бы он ни был.

Виви. Мой новый друг?

Фрэнк *(убежденно)*. Непременно должен быть новый. Всегда так. Других причин просто не бывает.

Виви. Ваше счастье, что вы так думаете.

Кто-то стучится в дверь.

Фрэнк. Провалиться бы вашему гостю, кто бы он ни был!

Виви. Это Прейд. Он уезжает в Италию и хочет проститься. Я просила его зайти сегодня. Подите откройте ему.

Фрэнк. Мы можем возобновить наш разговор после его отъезда в Италию. Я его пересяжу. *(Идет к двери и открывает ее.)*

Здравствуйте, Предди. Очень рад вас видеть. Войдите. *Входит Прейд в приподнятом настроении, одетый по дорожному.*

Прейд. Как поживаете, мисс Уоррен?

Виви дружески жмет Прейду руку, хотя ее коробит некоторая сентиментальность его настроения.

Я уезжаю через час с Холборнского вокзала. Как бы мне хотелось уговорить вас поехать в Италию.

Виви. Зачем?

Прейд. Как зачем? Затем, чтобы проникнуться красотой и романтикой, разумеется.

Виви, вздрогнув, придвигает свой стул к столу, словно ищет утешения и поддержки в работе, которая ее ждет. Прейд садится напротив. Фрэнк ставит стул рядом с Виви, лениво и небрежно садится и разговаривает с ней, глядя через плечо.

Фрэнк. Бесполезно, Предди. Виви — прозаическая особа. Она равнодушна к моей романтике и нечувствительна к моей красоте.

Виви. Мистер Прейд, раз и навсегда: для меня в жизни нет ни красоты, ни романтики. Жизнь есть жизнь, и я беру ее такой, как она есть.

Прейд *(восторженно)*. Вы этого не скажете, когда побываете в Вероне и в Венеции. Вы будете плакать от восторга, что живете в таком прекрасном мире.

Фрэнк. Весьма красноречиво, Предди. Продолжайте в том же духе.

Прейд. Уверяю вас, я действительно плакал — и, надеюсь, опять заплачу, в пятьдесят-то лет! А в вашем возрасте, мисс Уоррен, незачем даже и ездить так далеко. Вы буквально воспарите духом, уже завидев Остенде. Вас очарует веселье, живость, бодрящая атмосфера Брюсселя.

Виви *(вскакивает, не в силах скрыть отвращение)*. Ох!..

Прейд *(встает)*. Что такое?

Фрэнк *(тоже встает)*. Виви!

Виви *(Прейду, с горьким упреком)*. Неужели в разговоре со мной вы не могли найти другого примера вашей красоты и романтики, кроме Брюсселя?

Прейд *(не понимая)*. Конечно, это совсем не то, что Верона. Я вовсе не хочу внушить вам мысль...

Виви (*с горечью*). Вероятно, красота и романтика и там и здесь одна и та же.

Прейд (*совершенно отрезвившись, встревоженно*). Милая мисс Уоррен, я... (*Вопросительно смотрит на Фрэнка.*) Что-нибудь случилось?

Фрэнк. Ваши восторги кажутся Виви легкомысленными, Прейд. Она теперь трагически смотрит на вещи.

Виви (*резко*). Помолчите, Фрэнк! Что за глупости!

Фрэнк (*садится*). Как вам нравятся такие манеры, Прейд?

Прейд (*озабоченно и почтительно*). Увести его, мисс Уоррен? Я чувствую, что мы вам мешаем работать.

Виви. Сидите, пожалуйста; я еще не собираюсь работать.

Прейд садится.

Вы оба думаете, что у меня истерика. Ничего подобного. Но, с вашего разрешения, я попросила бы вас оставить в покое две темы. Одна (*обращается к Фрэнку*)—это мечта о любви, в какой бы форме она ни выражалась; а другая (*обращается к Прейду*)—красота и романтика жизни, особенно если примером ей служат Остенде и брюссельские веселости. Сами вы вольны питать какие угодно иллюзии на этот счет; у меня их больше нет. Если мы трое останемся друзьями, то ко мне вы должны относиться как к деловой женщине, неизменно одинокой (*Фрэнку*) и неизменно чуждой романтике (*Прейду*).

Фрэнк. Я тоже останусь неизменно одиноким, пока вы не перемените мнения. Прейди, бросьте эту тему. Ваше красноречие пригодится на что-нибудь другое.

Прейд (*неуверенно*). Боюсь, что я не умею говорить ни о чем другом. Евангелие Искусства—единственное, которое я могу проповедовать. Я знаю, мисс Уоррен поклоняется евангелию Успеха; но и об этом нам нельзя разговаривать, чтобы не задевать вас, Фрэнк,—ведь вы же решили, что вам не нужен успех.

Фрэнк. Не бойтесь меня задеть. Дайте мне какой-нибудь хороший совет, пожалуйста; это мне будет очень полезно. Попытайтесь еще раз сделать из меня человека, Вив. Ну, что там требуется: энергия, бережливость, дальновидность, уважение к себе, характер. Вы ненавидите бесхарактерных людей, Вив, не так ли?

Виви (*морщась*). Довольно, довольно! К чему это отвратительное лицемерие? Мистер Прейд, если в мире только и есть, что эти два евангелия, то всем нам лучше покончить с собой; оба они насквозь прогнили.

Фрэнк (*смотрит на нее критически*). В вас сегодня чувствуется поэтическая жилка, Вив, которой до сих пор не хватало.

- Прейд (*протестуя*). Мой милый Фрэнк, надо же немножко сочувствовать.
- Виви (*не щадя себя*). Нет, это мне полезно. Это мне не позволит впасть в сентиментальность.
- Фрэнк (*шутливо*). К которой вас влечет неудержимо?
- Виви (*почти истерически*). Да, да, так мне и надо! Не щадите меня. На минуту я расчувствовалась, и еще как расчувствовалась — при лунном свете! А теперь...
- Фрэнк (*с живостью*). Вив, послушайте! Осторожней. Не выдавайте себя.
- Виви. Так ведь для мистера Прейда это не новость — о моей матери. (*Прейду.*) Лучше бы вы все рассказали мне в то утро, мистер Прейд. Вы уж очень старомодны в конце концов с этой вашей деликатностью.
- Прейд. Нет, это вы немножко старомодны с вашими предрасудками, мисс Уоррен. Я должен сказать вам как художник, что, по моему убеждению, самые интимные человеческие отношения стоят за пределами закона и несравненно выше его. Хотя мне известно, что ваша матушка незамужем, я ничуть не меньше ее уважаю. Напротив, я уважаю ее больше.
- Фрэнк (*легкомысленно*). Слушайте, слушайте!
- Виви (*широко открыв глаза*). И это все, что вам известно?
- Прейд. Разумеется, это все.
- Виви. Значит, оба вы ничего не знаете. Все ваши догадки — сама невинность по сравнению с правдой.
- Прейд (*встает, волнуясь и негодуя и только усилием воли удерживая себя в границах учтивости*). Надеюсь, что нет. (*Повышая голос.*) Надеюсь, что нет, мисс Уоррен.
- Фрэнк (*свистит*). Фь-ю!
- Виви. Вы только затрудняете мое признание, мистер Прейд.
- Прейд (*несмотря на свои рыцарские чувства, сдается*). Если есть нечто худшее — я хочу сказать: нечто другое, — вы уверены, что вы вправе нам это сказать, мисс Уоррен?
- Виви. Я уверена, что если б у меня хватило смелости, я до самой моей смерти только и делала бы, что рассказывала это всем и каждому, клеймила бы и жгла их, чтобы они понесли свою долю позора и стыда, как несу я. Больше всего на свете я презираю жалкую условность, которая берет под защиту эти порядки, запрещая женщине говорить о них. И все-таки я не в силах сказать вам. Позорные слова, определяющие, что такое моя мать, звучат в моих ушах, просятся на язык, но я не могу произнести их, я стораю от стыда. (*Закрывает лицо руками.*)

Мужчины в изумлении смотрят друг на друга, потом опять на Виви. Она поднимает голову с отчаянной решимостью и берет лист бумаги и перо.

Вот что, я составляю вам проспект.

Фрэнк. Она с ума сошла! Слышите, Вив, вы сумасшедшая. Ну, возьмите себя в руки.

Виви. Вот увидите. *(Пишет.)* «Основной капитал, не менее сорока тысяч фунтов, принадлежит главному акционеру сэру Джорджу Крофтсу, баронету. Отделения в Брюсселе, Остенде, Вене и Будапеште. Директор — миссис Уоррен». Да, не забыть бы ее основную профессию. Вот! *(Пишет и подвигает к ним листок.)* Нет, нет, не читайте, не надо! *(Берет бумагу и разрывает ее в клочки, потом, охватив голову руками, прячет лицо, припав к столу.)*

Фрэнк, который внимательно следил из-за ее плеча за тем, что она пишет, делает большие глаза, достает карточку из кармана и, нацарапав на ней два слова, молча передает Прейду, который в изумлении читает и поспешно прячет в карман.

Фрэнк *(нежно шепчет)*. Вив, милая, это ничего. Я прочел то, что вы написали, и Предди тоже. Мы все понимаем. И мы остаемся, как и до сих пор, вашими преданными друзьями.

Прейд. Да, мисс Уоррен. Я должен сказать, что вы самая замечательная, самая храбрая женщина, какую я встречал.

Этот сентиментальный комплимент оживляет Виви. Она отвергает его, нетерпеливо мотнув головой, и заставляет себя встать, опираясь на стол.

Фрэнк. Не двигайтесь, Виви, если вам трудно. Не принуждайте себя.

Виви. Благодарю вас. В одном вы всегда можете на меня положиться: я не заплачу и не упаду в обморок. *(Делает несколько шагов к двери в другую комнату и останавливается рядом с Прейдом.)* Мне понадобится гораздо больше храбрости для того, чтобы сказать моей матери, что наши дороги разошлись. Извините, я пойду на минуту в другую комнату, приведу себя в порядок.

Прейд. Может быть, нам уйти?

Виви. Нет, нет, я сейчас вернусь. Только на минуту. *(Уходит.)*

Прейд *(открывает ей дверь)*. Какое поразительное открытие! Я совершенно разочаровался в Крофтсе, совершенно!

Фрэнк. А я нисколько. По-моему, теперь вполне ясно, что это за фигура. Но какой удар для меня, Предди. Я уже не могу на ней жениться.

Прейд *(сурово)*. Фрэнк!

Они смотрят друг на друга: Фрэнк — невозмутимо, Прейд — с глубоким возмущением.

Позвольте мне сказать вам, Гарднер, что, если вы бросите ее теперь, вы сделаете большую подлость.

Фрэнк. Добрый мой Предди! Какое рыцарство! Но вы ошибаетесь: загвоздка не в моральной стороне дела, а в денежной. Теперь я до старухиных денег и пальцем не смогу дотронуться.

Прейд. А вы на них рассчитывали, когда собирались жениться?

Фрэнк. А на что же еще? У меня нет своих денег и ни малейшей способности наживать их. Если б я теперь женился на Вив, ей пришлось бы содержать меня, и я обошелся бы ей куда дороже, чем стою.

Прейд. Но такой умный, способный юноша, как вы, может и сам что-нибудь заработать.

Фрэнк. Ну да, кое-что может. *(Вынимает деньги.)* Вот это я заработал вчера — в полтора часа. Но это была чистая спекуляция. Нет, милый Предди, даже если Бесси с Джорджиной выйдут за миллионеров и родитель умрет, не оставив им ни гроша, у меня будет всего-навсего четыре сотни в год. А вы знаете, старик у меня недогадливый, он проживет до семидесяти, и я еще лет двадцать просижу на голодном пайке. Нет, поскольку зависит от меня, я не допущу, чтобы Вив терпела нужду. Я благородно ретируюсь и уступаю поле действия нашей золотой молодежи. Так что это решено. Ей я этим докучать не буду, оставляю ей записочку, когда уйдем. Она поймет.

Прейд *(жмет ему руку)*. Вы честный человек, Фрэнк! Я от всего сердца прошу у вас прощения. Но разве так необходимо больше с ней не видеться?

Фрэнк. Больше не видеться? Черта с два! Что это вам взбрело в голову? Я буду заходить к ней как можно чаще, буду ее братом. Вы, романтики, делаете самые нелепые выводы из самых простых вещей.

Стук в дверь.

Кто бы это мог быть? Не откроете ли вы дверь? Если это клиент, то будет гораздо приличнее, если выйдете вы, а не я.

Прейд. Да, пожалуй. *(Идет к двери и открывает.)*

Фрэнк садится на стул Виви и пишет записку.

Дорогая Китти, входите, входите же.

Миссис Уоррен входит и боязливо оглядывается по сторонам, ища Виви. Она сделала все возможное, чтобы выглядеть

почтенной матроной. Яркую шляпу заменил темный ток, пестрая блузка скрыта под дорогой мантильей черного шелка. Вид у нее жалкий, встревоженный, ей не по себе — по-видимому, от страха.

Миссис Уоррен. (Фрэнку). Как! Вы здесь?
Фрэнк (оборачиваясь, но не вставая). Здесь, и в восторге оттого, что вас вижу. Вы словно дыхание весны.

Миссис Уоррен. О, подите вы с вашими глупостями! (Пони-зв голос.) Где Виви?

Фрэнк выразительно кивает на дверь второй комнаты.

(Вдруг садится, чуть ли не со слезами.) Предди, она не захочет меня видеть, как вы думаете?

Прейд. Почему же не захочет, милая Китти? Не огорчайтесь.

Миссис Уоррен. Где уж вам понять, почему! Невинный младенец... Мистер Фрэнк, она вам ничего не говорила?

Фрэнк (складывая записку). Она вас непременно увидит, если (очень выразительно) вы ее дождетесь.

Миссис Уоррен (испуганно). А почему бы мне ее не дожждаться?

Фрэнк насмешливо смотрит на нее, осторожно кладет записку на чернильницу, чтобы Виви не могла ее заметить, когда ей понадобится обмакнуть перо, потом встает, подходит к миссис Уоррен и посвящает ей все свое внимание.

Фрэнк. Дорогая миссис Уоррен, предположим, вы были бы воробышком, маленьким, хорошеньким воробышком, прыгали бы по мостовой и вдруг увидели бы, что на вас надвигается паровой каток. Стали бы вы его дожидаться?

Миссис Уоррен. Отстаньте вы от меня с вашими воробьями. Зачем она сбежала из Хэслмира?

Фрэнк. Боюсь, что она вам скажет, если вы ее дождетесь.

Миссис Уоррен. Вы хотите, чтоб я ушла?

Фрэнк. Нет, я, как всегда, хочу, чтобы вы остались. Но я советую вам уйти.

Миссис Уоррен. Как! И никогда ее больше не видеть?

Фрэнк. Вот именно.

Миссис Уоррен (опять плачет). Предди, не позволяйте ему меня тиранить. (Горюливо вытирает глаза.) Она рассердится, если увидит, что я плакала.

Фрэнк (к его легкомысленной нежности примешивается нотка истинного сочувствия). Вы знаете, Предди — сама доброта, миссис Уоррен. Предди! Как вы скажете? Уходить или оставаться?

Прейд (*миссис Уоррен*). Мне было бы очень жаль причинить вам напрасные страдания, но, мне кажется, вам лучше не дожидаться. Дело в том...

За дверью слышны шаги Виви.

Фрэнк. Ш-ш! Слишком поздно. Она идет.

Миссис Уоррен. Не говорите ей, что я плакала.

Входит Виви, останавливается и серьезно смотрит на миссис Уоррен, которая приветствует ее истерически-радостно.

Деточка! Наконец-то ты явилась.

Виви. Я рада, что вы пришли, мне нужно с вами поговорить.

Вы, кажется, сказали, что уходите, Фрэнк?

Фрэнк. Да, ухожу. Пойдемте со мной, миссис Уоррен. Не хотите ли проехаться в Ричмонд, а вечером пойти в театр?

В Ричмонде вполне безопасно. Там нет паровых катков.

Виви. Глупости, Фрэнк. Моя мать останется здесь.

Миссис Уоррен (*в страхе*). Не знаю, может быть, мне лучше уйти? Мы мешаем тебе работать...

Виви (*спокойно и решительно*). Мистер Прейд, уведите, пожалуйста, Фрэнка. Садитесь, мама.

Миссис Уоррен беспомощно садится.

Прейд. Идем, Фрэнк. До свидания, мисс Виви.

Виви (*пожимая ему руку*). До свидания. Желаю вам счастливого пути.

Прейд. Благодарю вас, благодарю.

Фрэнк (*миссис Уоррен*). До свидания, а все-таки лучше бы вы послушались моего совета. (*Пожимает ей руку. Легкомысленным тоном, Виви.*) До скорого, Вив.

Виви. До свидания.

Фрэнк уходит с улыбкой, не пожав ей руки.

Прейд (*с грустью*). До свидания, Китти.

Миссис Уоррен (*плаксиво*). До свидания!

Прейд уходит. Виви, спокойная, очень серьезная, садится на место Онории и ждет, чтобы мать заговорила. Миссис Уоррен, боясь молчания, начинает, не теряя времени.

Виви, почему же ты уехала, не сказав мне ни слова? Как ты могла? И что ты сделала с бедным Джорджем? Я хотела взять его с собой, да он отвертелся. Видно было, что он тебя до смерти боится. Вообрази, он и меня не пускал. Как будто (*вздрагивает*) я тебя боюсь, милая.

Виви становится еще мрачнее.

Но я, разумеется, ему сказала, что мы уже все решили и уладили и что мы с тобой в самых лучших отношениях. *(Не выдерживает.)* Виви, что это значит? *(Достает из конверта листок, подходит к столу и протягивает его Виви.)* Я получила это из банка сегодня утром.

Виви. Это мои деньги за месяц. Мне их прислали на днях, как всегда. Я просто отослала их обратно и попросила перевести на ваш счет, а квитанцию послать вам. Теперь я сама буду себя содержать.

Миссис Уоррен *(боится понять)*. Может быть, этого мало? Почему же ты не сказала мне? *(С хитрым блеском в глазах.)* Я могу давать вдвое больше, я и так собиралась. Только скажи, сколько тебе нужно.

Виви. Вы прекрасно знаете, что дело совсем не в этом. Я пойду своей дорогой, у меня будет свое дело и свои друзья. А у вас своя дорога. *(Встает.)* Прощайте.

Миссис Уоррен *(в ужасе)*. Прощайте?

Виви. Да, прощайте. Ну к чему мы будем устраивать ненужную сцену? Вы же прекрасно понимаете: сэр Джордж Крофтс все мне рассказал.

Миссис Уоррен *(сердито)*. Старый... *(Вовремя спохватывается и бледнеет оттого, что слово едва не вырвалось у нее.)*

Виви. Так, так.

Миссис Уоррен. Язык бы ему отрезать! Но я думала, что с этим уже кончено: ведь ты сказала, что тебе все равно.

Виви *(твердо)*. Простите, мне не все равно.

Миссис Уоррен. Но я же тебе объяснила.

Виви. Вы объяснили только, что вас привело к вашей профессии. Но ничего не сказали о том, что вы ее до сих пор не бросили. *(Садится.)*

Миссис Уоррен, прикусив язык, в отчаянии смотрит на Виви, которая ждет, втайне надеясь, что битва кончена. Но на лице миссис Уоррен опять появляется хитрое выражение, и, наклонившись через стол, она говорит лукаво и настойчиво, почти шепотом.

Миссис Уоррен. Виви, знаешь ли ты, как я богата?

Виви. Не сомневаюсь, что вы очень богаты.

Миссис Уоррен. Но ты плохо понимаешь, что это значит, ты слишком молода. Это значит новое платье каждый день; это значит балы и театры каждый вечер; это значит первые джентльмены Европы у твоих ног; это значит красивый

дом и множество прислуги; это значит самые тонкие кушанья и напитки; это значит все, что тебе нравится, все, чего душа пожелает, все, что только вздумаешь. А здесь ты что такое? Не лучше прислуги! Мучаешься и корпишь над работой с утра до ночи ради хлеба и двух дешевых платьев в год. Подумай-ка хорошенько. (*Вкрадчиво.*) Ты возмущаешься, я знаю. Я понимаю твои чувства, они делают тебе честь; но, поверь мне, никто тебя не осудит, можешь положиться на мое слово. А я знаю молодых девушек, знаю, что ты переменишь свое мнение, когда подумаешь как следует.

Виви. Так вот как это делается? Вы, должно быть, много раз говорили все это другим женщинам, оттого у вас и получается так гладко.

Миссис Уоррен (*страстно*). Разве я тебя прошу о чем-нибудь дурном?

Виви презрительно отворачивается.

(*В отчаянии продолжает.*) Виви, послушай меня. Ты не понимаешь; тебя нарочно учили не тому, что нужно; ты не знаешь по-настоящему, что такое жизнь.

Виви (*в недоумении*). Как не тому учили? Что вы хотите сказать?

Миссис Уоррен. Я хочу сказать, что ты напрасно упускаешь свое счастье. Ты думаешь, что люди — то, чем они кажутся, и что все так и есть, как тебя учили думать в школе, — хорошо и правильно? Так нет же, все это только притворство, чтобы держать в руках трусливых, смиренных, обыкновенных людишек. Хочешь узнать это в сорок лет, как другие женщины, когда будет уже поздно, или вовремя, от родной матери, которая тебя любит и может поклясться, что все это правда, святая правда? (*Настойчиво.*) Виви, умные люди, настоящие люди, те, кто всем правит, знают это. Они поступают по-моему и думают по-моему. Я многих таких знаю. Я знаю их, я познаю кляню тебя с ними, они станут твоими друзьями. У меня ничего дурного на уме нет; вот этого ты не понимаешь, тебе внушили самые дикие понятия обо мне. Что знают эти твои учителя о жизни и о таких людях, как я? Когда они меня видели, когда говорили со мной, когда хоть слышали от кого-нибудь обо мне? Дурачье! Да разве они сделали бы что-нибудь для тебя, если б я им не платила? Разве я тебе не говорила, что хочу, чтобы ты была порядочной? Разве я не воспитала тебя так, чтобы ты была порядочной? И разве ты можешь оставаться порядочной без моих денег, без моего влияния,

без друзей Лиззи? Ведь ты сама себя режешь и мне разбиваешь сердце, когда отворачиваешься от меня.

Виви. Я узнаю жизненную философию Крофтса, мама. Все это я слышала от него у Гарднеров.

Миссис Уоррен. Ты думаешь, я хочу навязать тебе этого старого шута? Нет, Виви, клянусь тебе, что нет!

Виви. Не беда, если бы и хотели; вам бы это не удалось.

Миссис Уоррен содрогается, глубоко оскорбленная равнодушием Виви к ее материнским заботам.

(Виви, не понимая этого и не желая понимать, продолжает спокойно.) Мама, вы плохо меня знаете. Я возражаю против Крофтса не больше, чем против всякого другого грубияна его круга. Сказать вам по правде, я даже отдаю ему должное за то, что у него хватило характера пользоваться жизнью по-своему и наживать деньги, вместо того чтобы охотиться на фазанов и лисиц, обедать в гостях, одеваться у лучших портных и вообще бездельничать, как это принято в его обществе. И я прекрасно знаю: будь я в тех же обстоятельствах, что и моя тетушка Лиз, я бы поступила точно так же. Не думаю, чтоб у меня было больше предрассудков, чем у вас; думаю даже, что меньше. Кроме того, я не так сентиментальна. Я прекрасно знаю, что вся светская мораль — сплошное притворство, что если бы я взяла ваши деньги и всю остальную жизнь тратила бы их, как принято в обществе, меня никто не упрекнул бы за это, и я стала бы такой же пустой и никчемной, как самая последняя светская дурочка. Но я не хочу быть пустой. Мне было бы неинтересно кататься в парке, рекламируя свою портниху и своего каретного мастера, или скучать в опере, демонстрируя целую выставку брильянтов.

Миссис Уоррен *(растерянно)*. Но...

Виви. погодите минуту, я еще не кончила. Скажите мне, почему вы не бросаете этого дела теперь, когда вы от него уже не зависите? Вот вы говорите, ваша сестра бросила. Почему же вы не бросаете?

Миссис Уоррен. Ну, для Лиз это очень легко, она любит хорошее общество, у нее вид настоящей дамы. А ты вообрази меня в Уинчестере! Грачи на деревьях — и те заклевали бы меня, а скорее всего я бы просто умерла от скуки. Мне нужна работа, нужно движение, иначе я с ума сойду от тоски. А что же еще я могу делать? Эта жизнь мне подходит, и ни для какой другой я не гожусь. Если я перестану этим заниматься, найдутся другие, так что вреда

я не приношу. И потом это выгодно, а я люблю наживать деньги. Нет, нечего и толковать, бросить дело я не могу — ни для кого. Да и зачем тебе о нем знать? Я никогда не заикнусь об этом. Крофтса я к тебе не подпущу. Я не буду часто тебе надоедать: ты же видишь, мне постоянно приходится разъезжать с места на место. А когда я умру, ты совсем от меня избавишься.

В и в и. Нет, я дочь своей матери. Я такая же, как вы: мне нужна работа, нужно зарабатывать больше, чем я трачу. Но у меня другая работа и другая дорога. Мы должны расстаться. И для нас изменится очень немного: вместо того чтобы встретиться, может быть, несколько раз за двадцать лет, мы не встретимся никогда, вот и все.

Миссис Уоррен (*глухим от слез голосом*). Виви, я хотела бывать с тобой чаще, правда, хотела.

В и в и. Не стоит, мама. Меня не переделаешь дешевыми слезами и просьбами, так же как и вас, я думаю.

Миссис Уоррен (*вне себя*). По-твоему, материнские слезы дешевы?!

В и в и. Они вам ничего не стоят, а меня вы просите отдать за них душевный мир и спокойствие всей моей жизни. На что я вам нужна, даже если б вы добились своего? Что между нами общего и какое счастье мы можем дать друг другу?

Миссис Уоррен (*забывшись, переходит на просторечие*). Я тебе мать, ты мне дочь! Мне нужна моя дочь. Я имею на тебя права. Кто будет обо мне заботиться, когда я состарюсь? Многие девушки привязывались ко мне, как к родной матери, и плакали, расставаясь со мной, а я никого не пожалела, потому что ждала тебя. Я осталась одинокой ради тебя. Ты не имеешь права идти против меня и забывать дочерний долг.

В и в и (*настраиваясь враждебно; в голосе матери ей слышится эхо тфуцоб*). Дочерний долг? Я так и думала, что мы до этого дойдем. Раз навсегда, мама, вам нужна дочь, Фрэнку нужна жена, а мне не нужно матери и не нужно мужа. Я не пощадила ни себя, ни Фрэнка, когда выпроводила его. Вы думаете, я пощажу вас?

Миссис Уоррен (*с силой*). О, я знаю таких, как ты, — у тебя нет жалости ни к себе, ни к другим. Я знаю. Мой опыт хоть в этом мне помог: я умею распознать ханжу, лицемерную, сухую, бессердечную женщину. Что ж, оставайся одна, мне тебя не надо! Только послушай. Знаешь, что я с тобой сделала бы, если бы ты родилась снова? Да, сделала бы, свидетель бог!

В и в и. Задушили бы меня, верно?

Миссис Уоррен. Нет, я воспитала бы тебя так, чтоб ты была мне настоящей дочерью, а не такой, какая ты теперь,— с твоей гордостью, предрассудками и образованием, которое ты у меня украла. Да, украла! Ну, отопрись, если посмеешь! Скажи, что это, как не воровство, а? Я воспитала бы тебя у себя дома, да.

Виви (*спокойно*). В одном из ваших домов.

Миссис Уоррен (*взвизгивает*). Послушайте ее! Посмотрите, как она плюет на седые волосы своей матери! Дай тебе бог дожить до того, чтобы твоя дочь растоптала тебя так же, как ты растоптала меня. И ты доживешь до этого, доживешь! Не бывать счастливой той женщине, которую прокляла мать!

Виви. Перестаньте беситься, мама. Это только раздражает. Будет вам. Я, пожалуй, единственная из молодых женщин, попавших вам в руки, которой вы сделали добро. Не жалеете об этом.

Миссис Уоррен. Да! Прости меня, господи, это правда! И только ты одна пошла против меня. Ведь это же несправедливо, так несправедливо, так несправедливо! Я всегда хотела быть хорошей женщиной. Я пробовала честно работать—и мной помыкали, как тряпкой, пока я не прокляла тот день, когда впервые услышала о честной работе. Я была хорошей матерью; я вырастила дочь хорошей женщиной—и за это она чурается меня, как прокаженной. О, если б можно было начать жизнь сначала! Сказала бы я словечко этому лицемеру священнику из нашей школы! С этих пор—пусть простит меня бог перед смертью!—я буду делать только зло и ничего, кроме зла. И наживаться на нем.

Виви. Да. Уж лучше выбрать свою дорогу и идти по ней до конца. Если бы я была на вашем месте, я, может быть, делала бы то же, что и вы; только не стала бы жить одной жизнью, а верить в другую. Ведь в душе вы раба условностей. Потому-то я с вами и прощаюсь. Права я или нет?

Миссис Уоррен (*не понимая*). В чем? В том, что отказываешься от моих денег?

Виви. Нет, в том, что отказываюсь от вас. Я была бы дура, если бы этого не сделала. Верно?

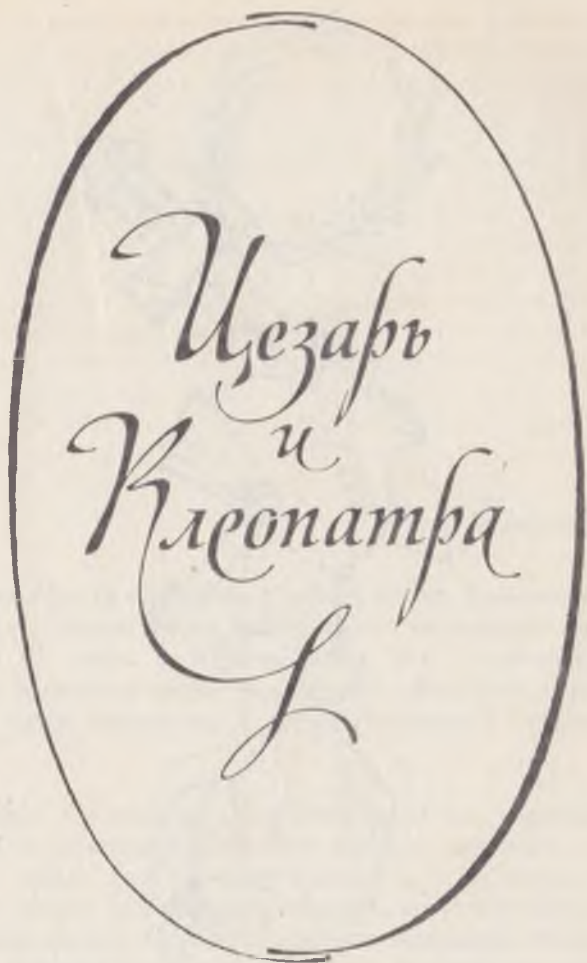
Миссис Уоррен (*не понимая*). В чем? В том, что отказываешься от моих денег?

если все начнут поступать как должно! А теперь мне лучше уйти, раз во мне здесь не нуждаются. (*Поворачивается к двери.*)

Виви (любезно). Вы не хотите пожать мне руку?
Миссис Уоррен (в ярости смотрит на дочь, обуреваемая желанием ударить ее). Нет, спасибо. Прощай!
Виви (сухо). Прощайте.

Миссис Уоррен уходит, хлопнув дверью.

(С лица Виви сходит напряженное выражение, оно проясняется. Виви вздыхает с огромным облегчением, не то плача, не то смеясь; решительно подходит к столу, отставляет в сторону лампу, придвигает к себе грудку бумаг; хочет окунуть перо в чернильницу и видит записку Фрэнка. Она небрежно разворачивает ее и пробегает, мимоходом улыбаясь оригинальному обороту речи.) Прощай и ты, Фрэнк. (Читает записку и, не задумываясь ни на минуту, бросает клочки в корзину. Потом решительно берется за работу и с головой уходит в вычисления.)

Историческая пьеса

1898

ПРОЛОГ

Врата храма бога Ра в Мемфисе. Глубокий сумрак. Величественное существо с головой сокола, излучающее таинственный свет, выступает из мрака в глубине храма. Бог с величайшим презрением окидывает взором современную аудиторию и после некоторой паузы обращается к ней со следующими словами:

— Молчание! Умолкните и слушайте меня вы, чопорные маленькие островитяне! Внемлите мне вы, мужчины, что носите на груди своей белый папирус, на котором начертано ничего (дабы изобличить младенческую невинность мозгов ваших). Слушайте меня вы, женщины, облакающиеся в соблазнительные одежды, вы, скрывающие мысли свои от мужчин, дабы они верили, что вы считаете их сильными и могущественными повелителями, тогда как на самом деле в сердце своем вы знаете, что они неразумные дети. Смотрите на мою соколиную голову, смотрите и знайте: я—Ра, который некогда был могущественным богом в Египте. Вы не можете пасть передо мною на колени, распростершись ниц, ибо вы стиснуты в тесные ряды и лишены свободы движения и не видите дальше спины сидящего перед вами; а к тому же ни один из вас не осмелится признать сие достойным и подобающим, пока не

увидит, что и все остальные делают то же,—откуда и происходит, что в решительные минуты вы пребываете в бездействии, хотя каждый из вас говорит своему ближнему, что необходимо что-то сделать. Я не требую от вас преклонения, я требую лишь тишины. Пусть мужчины ваши не говорят, а женщины пусть не кашляют, ибо я желаю перенести вас далеко в глубь времен, за две тысячи лет, за могилы шестидесяти поколений. Вы, жалкие последние, не мните себя первыми. Другие глупцы видели до вас, как солнце всходило и закатывалось, а месяц меняло лицо свое и час свой. Чем были они, тем вы стали ныне, но далеко вам до их величия; пирамиды, воздвигнутые моим народом, стоят и по сей день, а эти кучи праха, что вы зовете империями, где в рабстве влачите вы дни свои, рассыпаются по ветру, хотя вы и заваливаете их телами сынов ваших, дабы скопилось побольше праха.

Внемлите же мне, о вы, принудительно обученные! Узнайте, что, подобно тому как ныне у вас существует старая Англия и новая Англия и вы растерянно топчетесь между той и другой, так некогда, в те дни, когда люди поклонялись мне, существовал старый Рим и новый Рим, и между этими двумя Римами растерянно топтались люди. И старый Рим был мал и беден, свиреп и алчен и страдал многими пороками; но так как ум его был мал, а труд его был прост, он жил своим умом, и труд его спорился. И боги снисходили к нему, и помогали ему, и поддерживали его, и охраняли его; ибо боги проявляют терпение к малым. И вот старый Рим, словно нищий, очутившийся на коне, понадеялся на милость богов и сказал: «Увы мне! Нет ни величия, ни богатства в малости моей. Кто хочет богатства и величия, тот должен грабить бедных и убивать слабых!» И стали римляне грабить бедняков, и овладели в совершенстве этим искусством, и завели законы, в силу которых деяния их считались пристойными и честными. А когда выжали бедняков своих досуха, они стали грабить бедняков других стран и присоединили эти страны к Риму и создали новый Рим, богатый и необъятный. А я, Ра, смеялся над этим, ибо мозги римлян остались все такими же, между тем как владычество их распространилось по всей земле.

Так слушайте же меня, дабы понять то, что вы сейчас увидите. В те дни, когда римляне все еще топтались между старым и новым Римом, среди них явился могущественный

воин, великий Помпей. Но путь война есть путь смерти, а путь богов — путь жизни; и поэтому бог к концу пути своего являет мудрость свою, а воин в конце пути своего оказывается глупцом. И вот Помпей стоял за старый Рим, где только воины могли достигнуть величия; но боги обернулись к новому Риму, в котором каждый человек, обладавший умом, мог сделаться тем, чем он хотел. И друг Помпея, Юлий Цезарь, был на той же стороне, что и боги: он видел, что Рим перерос владык своих — старых маленьких римлян. И Цезарь этот был великий красноречивый и политик: он покупал людей словами и золотом, подобно тому как ныне покупают вас. А когда они перестали довольствоваться словами и золотом и потребовали побед и военной славы, Цезарь, уже не в юных летах, обратился к этому ремеслу; и те, что восставали против него, когда он заботился о благоденствии их, склонились перед ним, когда он стал убийцей и завоевателем. Ибо такова природа ваша, смертные. Что же до Помпея — он надоел своими успехами и тем, что он сам себя возомнил богом; ибо он толковал о законе и долге и о прочих вещах, которых не может касаться жалкая человеческая тварь. И боги улыбнулись Цезарю, ибо он смело жил жизнью, которую они даровали ему, и не хулил нас постоянно за то, что мы, созидая живое, не ведаем стыда, и не прятал деяний наших от людей, как если бы это было нечто постыдное. Вы хорошо знаете, о чем я говорю, ибо это один из ваших собственных грехов. И так случилось между старым и новым Римом, что Цезарь сказал: «До тех пор, пока я не нарушу закон старого Рима, мне не удастся получить свою долю во владычестве над ним, и дар владычествовать, дар, который мне дали боги, погибнет и не принесет плода». Но Помпей сказал: «Закон выше всего, и если ты нарушишь его, ты должен погибнуть». И сказал Цезарь: «Вот я нарушу его, и пусть кто посмеет, убьет меня». И он нарушил закон Рима. И Помпей пошел на него, как сказано в ваших книгах, с великой армией, дабы изничтожить его и утвердить старый Рим. И Цезарь бежал через волны Адриатического моря, ибо великие боги хотели дать ему урок, тот же урок, что в свое время получите и вы, если вы так же будете забывать их и поклоняться этому пройдохе среди богов — Маммоне. И поэтому, прежде чем вознести Цезаря и сделать его владыкой мира, они захотели бросить его в прах к ногам

Помпея и очернить лицо его перед всеми народами. Помпея же они возвеличили и вознесли выше прежнего — и законы его и его высокомерный ум, который пытался по-обезьяньи подражать богам. И сделали они это затем, дабы страшней было его падение. И Помпей отправился в погоню за Цезарем, и раздавил его всем величием старого Рима, и стал над ним и надо всем миром, подобно тому как вы стоите ныне с вашим флотом, что покрывает воды морские на тридцать миль. И когда Цезарь был низринут и повержен в прах, он поднялся в последний раз, дабы умереть с честью, и не отчаялся, а сказал: «Вот они против меня — и Помпей, и старый Рим, и закон, и легионы — все, все против меня; но высоко надо всем этим — боги; а Помпей — глупец». И боги засмеялись и похвалили его. И на полях Фарсалы совершилось невозможное: кровь и железо, на которых держится наша вера, пали перед духом человека, ибо дух человека — это воля богов. И могущество Помпея рассыпалось в руке его, подобно тому как рассыпалось могущество державной Испании, когда она обратилась против ваших предков в те дни, когда Англия была мала, и жила своим умом, и полагалась на свой ум, а не на то, что она распространяет в газетах. И потому остерегайтесь, дабы какой-нибудь маленький народ, который вы обратили в рабство, не поднялся и не обратился в руках богов в бич, что обрушится на ваше хвастовство и вашу несправедливость, на ваши пороки и вашу глупость. Так хотите ли вы теперь узнать о конце Помпея, или вы будете спать, когда говорит бог? Внемлите словам моим, ибо Помпей отправился туда, куда и вы пошли ныне, — в Египет, где стояла римская армия, подобно тому как ныне там стоит британская армия. И Цезарь погнался за Помпеем в Египет; римлянин бежал, и римлянин гнался за беглецом: пес, пожирающий пса. И египтяне говорили: «Глядите, вот римляне, которые давали золото царям нашим и собирали с нас дань силой оружия своего, не они ли призывали нас быть верными им и предавать нашу родную страну. И вот теперь перед нами два Рима — Рим Помпея и Рим Цезаря. Которому же из них ныне должны мы хранить верность?» И в смущении своем они обратились к воину, который некогда служил Помпею, и знал пути Рима, и обладал всеми его пороками. И сказали ему: «Гляди, в твоей стране пес пожирает пса, и оба пса пришли

к нам, дабы пожрать нас. Что ты можешь посоветовать нам?» И воин этот, которому было имя Луций Септимий и которого вы ныне увидите перед собой, ответил: «Вам надлежит тщательно взвесить, который из двух псов сильнее, и затем убить слабейшего в угоду сильному и тем завоевать его милость». И египтяне сказали: «Ты дал дельный совет, но если мы убьем человека, мы преступим закон и поставим себя наравне с богами, а этого мы не смеем делать. Но ты — римлянин: тебе привычно убийство, ибо у тебя страсть господствовать. Не возьмешься ли ты вместо нас убить того пса, который послабее?» И Луций ответил: «Да будет так, ибо я сделал Египет отчизной своей и желаю, чтобы вы почитали и слушали меня». И египтяне сказали: «Мы так и думали, что ты не станешь делать этого безо всякой мзды; ты получишь свою награду». И вот Помпей прибыл в Египет и пристал к берегам его один, на маленькой галере, положившись на его закон и обычай. И народ Египта увидел, что Помпей поистине слабый и ничтожный пес; и едва он успел ступить на берег, как его встретил его старый соратник Луций Септимий, который одной рукой приветствовал его, а другой отсек ему голову; и сохранил эту голову, как хранят капустный кочан, дабы поднести ее в дар Цезарю. И род людской содрогнулся. А боги засмеялись: ибо Септимий был всего лишь мечом, отточенным рукой Помпея. И когда меч этот обратился против его собственного горла, боги сказали, что Помпею лучше было бы сделать Септимия хлебопашцем, а не столь доблестным и скорым на руку убийцей. И поэтому я снова говорю вам: остерегайтесь вы, которые все желали бы стать Помпеями, если бы осмелились; ибо война — это волк, и он может прийти и к вашей двери.

Вам, кажется, наскучила речь бога? Вас снедает нечистое желание послушать о жизни порочной женщины? Или имя Клеопатры пробудило в вас это любопытство? О вы, глупцы! Клеопатра всего лишь дитя, которое шлепает нянька. И я, заботясь о благе ваших душ, хочу показать вам, как Цезарь, который пришел в Египет искать Помпея, нашел Клеопатру; и как принял он в дар кочан капусты, что некогда был головой Помпея; и что произошло между старым Цезарем и царицей-ребенком, пока он не покинул Египта и не проложил себе победный путь в Рим, чтобы затем быть убитым, подобно Помпею, людьми, в которых

еще уцелел дух Помпея. Все это вы увидите и в невежестве своем будете удивляться тому, что за двадцать веков до ваших дней люди были такие же, как вы, жили и говорили, как вы,— не хуже и не лучше, не умнее и не глупее. И эти две тысячи лет, что минули с тех пор,— для меня, бога Ра, всего лишь мгновение; и то, что вы зовете сегодняшним днем, ничем не отличается от того дня, когда Цезарь впервые ступил на землю моего народа. А теперь я покину вас, ибо вы тупое племя и поучать вас — напрасная трата слов; и я бы не стал расточать их, не будь я богом, а природа богов такова, что они вечно борются с прахом и тьмой и своей неизбывной жаждой божественного вечно стремятся высечь из праха и тьмы новые и новые искры жизни и света. Итак, сидите спокойно на ваших сиденьях и молчите, ибо вы услышите сейчас речь человека, и, по вашему разумению, это был великий человек. И не бойтесь, я больше не заговорю с вами; да поведают вам истинный ход истории те, кто участвовал в ней. Прощайте и не вздумайте рукоплескать мне!

Храм исчезает в глубоком мраке.

ВАРИАНТ ПРОЛОГА

Октябрьская ночь на сирийской границе Египта в конце царствования XXXIII династии. 706 год по римскому летоисчислению, 48-й до рождения Христова — по более позднему, христианскому исчислению. Яркий серебряный свет восходящего ночного светила разгорается на востоке. Звезды и безоблачное небо — наши современники, разве лишь на девятнадцать с половиной веков моложе, чем те, которых мы знаем. Но по их виду этого сказать нельзя. Внизу под ними — два весьма сомнительных завоевания цивилизации: дворец и солдаты. Дворец — старая низкая сирийская постройка из беленого ила — значительно менее уродлив, чем Букингемский дворец; и офицеры во дворце много культурнее, чем современные английские офицеры: так, например, они не имеют обыкновения выкапывать тела мертвых врагов и четвертовать их, как мы поступили с Кромвелем и Махди. Они разбились на две группы; одна с напряженным вниманием следит за игрой своего начальника Бельзенора, воина лет пятидесяти; он положил копье на землю около колена и, наклонившись, мечет кости, играя с молодым, лукавого вида персидским наемником. Другая группа собралась вокруг одного из офицеров стражи, который только что рассказал непристойный анекдот (до сих пор пользующийся большим успехом в английских казармах), встреченный громовым хохотом. Всего их человек двенадцать; это молодые офицеры египетской гвардии, юноши из высокой аристократии. Они в красной одежде, с оружием и в доспехах, при этом в отличие от англичан они не стыдятся своей профессиональной одежды и не тягостятся ею, наоборот, они явно и высокомерно воинственны и гордятся своей принадлежностью к военной касте.

Бельзенор — типичный ветеран, суровый и крутой; находчивый, усердный и исполнительный в тех случаях, когда требуется грубая сила; беспомощный и ребячливый, когда она не требуется; прекрасный сержант, неспособный генерал, никуда не годный диктатор. В современном европейском государстве, будь у него хорошие связи, несомненно, подвизался бы на двух этих последних поприщах в силу своих заслуг на первом. Ныне, принимая во внимание, что Юлий Цезарь идет войной на его страну, он заслуживает сожаления. Не зная об этом, он весь поглощен игрой с персом, которого он, как чужеземца, считает способным и слуговать.

Его подчиненные — по большей части красивые юноши; их интерес к игре и к непростой анекдоту довольно полно характеризует основной круг интересов, которыми они живут. Их копья стоят у стены или лежат на земле, готовые служить им в любую минуту. Угол двора образует треугольник; одна сторона его — это фасад дворца с его главным входом, другая — стена с воротами.

Группа, слушающая рассказчика, находится около дворца, игроки — ближе к воротам. Рядом с воротами, у стены, большой камень, с которого нубиец-часовой может заглянуть через стену. Двор освещен факелом, воткнутым в стену. Когда хохот воинов, окружающих рассказчика, смолкает, перс, стоящий на коленях и выигравший этот кон, хватается за ставку с земли.

Бельзенор. Аписом клянусь, перс, твои боги благоволят тебе.

Перс. А ну еще раз, начальник. Давай на все, отыграешься.

Бельзенор. Нет. Довольно. Мне сегодня не везет.

Часовой (выглянув наружу, берет наперевес свое копье). Стой! Кто идет?

Все настораживаются. Незнакомый голос отвечает из-за стены.

Голос. Гонец с дурными вестями.

Бельзенор (кричит часовому). Пропустить!

Часовой (отпуская копье). Приблизься, гонец с дурными вестями.

Бельзенор (пряча в карман кости и поднимая с земли копье).

Принять с почестями этого человека. Он несет дурные вести.

Воины хватают свои копья и строятся около ворот, оставляя проход для пришельца.

Перс (поднимаясь с колен). Разве дурным вестям подобают почести?

Бельзенор. Слушай меня, о невежественный перс, и учись.

В Египте гонца с добрыми вестями приносят в жертву

богам — как благодарный дар; но ни один бог не примет крови посланца зла. Когда мы посылаем хорошую весть, мы вкладываем ее в уста самого негодного раба. Дурные вести несет благородный юноша, который желает отличиться.

Они присоединяются к тем, что стоят у ворот.

Часовой. Иди, о юный воин, и склони голову в доме царицы.

Голос. А ты намажь свое копьё свиным салом, о чернокожий. Ибо еще не вспыхнет утро, как римлянин заставит тебя проглотить его по самую рукоять.

Обладатель голоса — светловолосый щеголь, одетый иначе, чем дворцовая стража, но не менее вычурно, — смеясь, входит в ворота. На нем явственные признаки кровавой битвы: левая рука, на перевязи, выглядывает из разорванного рукава, в правой руке он держит римский меч в ножнах. Он важно шествует по двору. Перс справа от него. Бельзенор слева, стража толпится сзади.

Бельзенор. Кто ты, осмеливающийся смеяться в доме царицы Клеопатры и пред лицом Бельзенора, начальника ее стражи?

Пришелец. Я Бел-Африс, потомок богов.

Бельзенор (*торжественно*). Привет, родич!

Все (*кроме перса*). Привет, родич!

Перс. Вся стража царицы — потомки богов, кроме меня, о чужеземец. Я перс, потомок многих царей.

Бел-Африс (*страже*). Привет, родичи! (*Персу, снисходительно*.)
Привет, смертный!

Бельзенор. Ты с поля битвы, Бел-Африс! Ты, воин, здесь среди воинов. Ты не допустишь, чтобы служанки царицы первыми услышали твои вести.

Бел-Африс. У меня нет иных вестей, кроме того, что всем здесь, женщинам и воинам, скоро перережут глотки.

Перс (*Бельзенору*). Говорил я тебе?

Часовой (*он слушал их*). Горе нам, горе!

Бел-Африс (*часовому*). Успокойся, бедный эфиоп. Судьба в руках богов, которые сделали тебя черным. (*Бельзенору*.)
Что тебе говорил этот смертный? (*Показывает на перса*.)

Бельзенор. Он говорил, что римлянин Юлий Цезарь, который высадился с кучкой своих приверженцев у наших берегов, станет владыкой Египта. Он боится римских солдат!

Стража презрительно хохочет.

Бояться этого мужичья, что умеет только пугать ворон да тащиться за плугом! Этих сыновей кузнецов,

медников и кожемяк! Нам, благородным потомкам богов, посвятивших себя оружию!

Перс. Бельзенор! Боги не всегда благосклонны к своим бедным родичам.

Бельзенор (*запальчиво, персу*). А что же, мы один на один не справимся с рабами Цезаря?

Бел-Африс (*становится между ними*). Послушай, родич. В бою один на один египтяне — боги в сравнении с римлянами.

Стража (*торжествующе*). Ага!

Бел-Африс. Но этот Цезарь не знает боя один на один, он бросает легион туда, где мы всего слабее, как бросают камень из катапульты. И этот легион подобен человеку с одной головой и тысячей рук, и он не знает бога. Я сражался с ним, и я знаю.

Бельзенор (*насмешливо*). Они испугали тебя, родич?

Стража гогочет в восторге от находчивости своего начальника.

Бел-Африс. Нет, родич. Но они меня сразили. Возможно, они испугались, но они раскидали нас, как солому.

Стража угрюмо ворчит, выражая свое презрение и гнев.

Бельзенор. А разве ты не мог умереть?

Бел-Африс. Нет, это было бы слишком легко, чтобы быть достойным потомка богов. Да к тому же я и не успел. Все кончилось в одно мгновение. Они напали на нас там, где мы их меньше всего ждали.

Бельзенор. Это значит, что римляне трусы.

Бел-Африс. Им все равно, трусы они или нет: они бьются, чтобы победить. Гордость и честь войны неведомы им.

Перс. Расскажите нам о битве. Как было дело?

Стража (*в нетерпеливом любопытстве обступает Бел-Африса*). Да, да, расскажи нам о битве.

Бел-Африс. Так вот узнайте: я недавно посвящен в стражу мемфисского храма Ра, я не служу ни Клеопатре, ни брату ее Птолемею, я служу великим богам. Мы двинулись в путь, чтобы узнать, зачем Птолемей прогнал Клеопатру в Сирию и как нам, египтянам, поступить с римлянином Помпеем, который только что прибыл в наши земли, после того как Цезарь разбил его под Фарсалой. И что же узнали мы? А то, что Цезарь уже идет сюда по пятам своего врага, а Птолемей убил Помпея и отрубил ему голову, дабы преподнести ее в дар победителю.

Стража потрясена.

И еще мы узнали, что Цезарь уже здесь, ибо не прошли мы и полдня обратного пути, как увидели городскую

чернь, бегущую от его легионов, которым она пыталась помешать высадиться на берег.

Бельзенор. А вы, стража храма, вы не бросились в битву с легионами?

Бел-Африс. Мы сделали все, что может сделать человек. Но раздался рев трубы, и голос ее был как проклятие Черной Горы. Потом увидели мы стену из щитов, надвигавшуюся на нас. Всякий из вас знает, как замирает сердце, когда идешь приступом на укрепленную стену. Каково же, если сама стена ринется на вас?

Перс (*захлебываясь, ибо он уже говорил это*). Разве я тебе не говорил?

Бел-Африс. Когда стена приблизилась, она превратилась в строй солдат — простых, грубых людей в шлемах, в кожаных одеждах и с нагрудниками. И каждый из них метнул копье; и то, которое летело на меня, пронзило мой щит, словно папирус. Смотрите. (*Показывает на перевязанную левую руку*.) Оно бы проткнуло мне шею, но я нагнулся. И тут же они ринулись, сдвоив ряды, и их короткие мечи обрушились на нас вслед за копьями. Против таких мечей в рукопашном бою наше оружие бесполезно: оно слишком длинно.

Перс. Что же ты сделал?

Бел-Африс. Сжал кулак и что есть силы ударил римлянина в зубы. И оказалось, римлянин мой — простой смертный: он свалился оглушенный. Я проткнул его его же мечом. (*Вытаскивает меч*.) Вот — римский меч и кровь римлянина на нем.

Стража (*одобрительно*). Хорошо! (*Берут у него меч и передают из рук в руки, разглядывая его с любопытством*.)

Перс. А твои люди?

Бел-Африс. Обратились в бегство. Рассыпались, как овцы.

Бельзенор (*в ярости*). Трусливые рабы! Оставить потомков богов на растерзанье!

Бел-Африс (*с ядовитым спокойствием*). Потомки богов не остались на растерзанье, родич. Поле боя досталось не сильным, но в беге одолел скорый. У римлян нет колесниц, но они послали тучи всадников в погоню, и те перебили множество. Тогда полководец нашего верховного жреца призвал двенадцать потомков богов и заклинал нас погибнуть в бою. Я подумал: лучше стоять, нежели задыхаться в беге и погибнуть от удара в спину. Я остался на месте с военачальником. Римляне оказали нам уважение; ибо никто не нападает на льва, когда поле полно овец, — если он не знает, что такое честь и гордость войны; а римляне не знают этого. Так мы спаслись. И я пришел сказать вам,

чтобы вы открыли ворота Цезарю; ибо не пройдет и часа, как подойдут его передовые отряды. Между вами и его легионами нет ни одного египетского воина.

Часовой. О горе! *(Бросает свое копье и бежит во дворец.)*

Бельзенор. Пригвоздить его к двери! Живо!

Стража гонится за часовым, потрясая копьями, но он ускользает от них.

Теперь твоя весть побежит по дворцу, как огонь по жнивью.

Бел-Африс. Что же нам сделать, дабы спасти женщин от римлян?

Бельзенор. А почему бы не убить их?

Перс. Потому что за кровь некоторых из них пришлось бы поплатиться головой. Пусть лучше их убьют римляне. Это дешевле.

Бельзенор *(в благоговении перед его сообразительностью)*.
О хитроумный! О змий!

Бел-Африс. А ваша царица?

Бельзенор. Да. Мы должны увезти Клеопатру.

Бел-Африс. А разве вы не собираетесь подождать ее приказаний?

Бельзенор. Приказаний? Девчонки шестнадцати лет! Еще чего! Это вы в Мемфисе считаете ее царицей; а мы-то здесь знаем. Я посажу ее на круп моего коня. Когда мы, воины, спасем ее от рук Цезаря, пусть жрецы и няньки опять выставляют ее царицей и нашептывают ей, что она должна приказать.

Перс. Выслушай меня, Бельзенор.

Бельзенор. Говори, о мудрый не по летам.

Перс. Птолемей, брат Клеопатры, враждует с ней. Продадим ему Клеопатру.

Стража. О хитроумный! О змий!

Бельзенор. Мы не смеем. Мы потомки богов, но Клеопатра — дочь Нила. И земля отцов наших не будет давать зерна, если Нил не поднимет свои воды и не напитает ее. Без даров отца нашего мы станем нищими.

Перс. Это правда. Стража царицы не может прожить на жалованье. Но выслушайте меня, о вы, родичи Озириса.

Стража. Говори, о хитроумный! Внемлите детищу змия!

Перс. Разве не правда то, что я говорил вам о Цезаре, когда вы думали, что я насмехаюсь над вами?

Стража. Правда, правда!

Бельзенор *(неохотно соглашаясь)*. Так говорит Бел-Африс.

Перс. Так узнайте другое. Этот Цезарь — он очень любит женщин; они становятся ему друзьями и советчицами.

Бельзенор. Фу! Владычество женщин приведет к гибели Египет.

Перс. Пусть оно приведет к гибели Рим. Цезарь уже в преклонных летах. Ему больше пятидесяти лет, он утомлен битвами и трудом. Он стар для юных жен, а пожилые слишком мудры, чтобы боготворить его.

Бел-Африс. Берегись, перс! Цезарь близко, как бы он не услышал тебя.

Перс. Клеопатра еще не женщина, и мудрости нет у нее. Но она уже смущает разум мужчин.

Бельзенор. Верно! Это потому, что она дочь Нила и черной кошки от священного Белого Кота. Ну и что же?

Перс. Продадим ее тайно Птолемею, а сами пойдем к Цезарю и предложим ему пойти войной на Птолемея, чтобы спасти нашу царицу, прапраправнучку Нила.

Стража. О змий!

Перс. И он послушает нас, если мы придем и распишем ему, какова она. Он победит и убьет ее брата, и воцарится в Египте, и Клеопатра станет его царицей. А мы будем ее стражей.

Стража. О коварнейший из змиев! О мудрость! О чудо из чудес!

Бел-Африс. Он явится сюда, пока ты здесь разглагольствуешь, о длинноязыкий.

Бельзенор. Это правда.

Испуганные вопли во дворце прерывают его.

Скорей! Они уже бегут! К дверям!

Стража бросается к двери и загораживает ее копьями. Толпа служанок и нянек показывается в дверях. Те, что впереди, пятаются от копий и вопят задним, чтобы они не напирали. Голос Бельзенора покрывает их вопли.

Назад! На место! Назад, негодные коровы!

Стража. Назад, негодные коровы!

Бельзенор. Пошлите сюда Фтататиту, главную няньку царицы!

Женщины (кричат во дворце). Фтататита, Фтататита! Иди сюда скорей. Говори с Бельзенором!

Одна из женщин. Да подайтесь же вы назад! Вы толкаете меня на копья!

На пороге появляется рослая мрачная женщина. Лицо ее покрыто сетью тонких морщин; большие старые, умные глаза. Она мускулистая, высокая, очень сильная; у нее рот ищeyки и челюсти бульдога; одета как важная особа при дворе, говорит со стражей высокомерно.

Фтататита. Дайте дорогу главной няне царицы.

Бельзенор (с величавой надменностью). Фтататита, я Бельзенор, начальник царской стражи, потомок богов.

Фтататита (вдвойне высокомерно). Бельзенор, я Фтататита, главная няня царицы, а твои божественные предки гордились тем, что изображения их живут на стенах пирамид великих царей, которым служили мои предки.

Женщины злобно смеются.

Бельзенор (со злобной насмешкой). Фтататита, дочь длинноязыкого и оковращающего хамелеона, римляне на пороге!

Вопль ужаса среди женщин; если бы не копья, они тут же бросились бы бежать.

Никто, даже потомки богов, не может преградить им путь, ибо у каждого из них семь рук и семь копий в каждой. Кровь в их жилах — как кипящая ртуть. Жены их становятся матерями через три часа, а на завтра их убивают и едят.

Женщины содрогаются в ужасе. Фтататита, преисполненная презрения к ним, пренебрежительно смотрит на солдат, она прокладывает себе дорогу сквозь толпу и идет, не смущаясь, прямо на копья.

Фтататита. Тогда бегите и спасайтесь, о жалкие трусы, потомки грошových глиняных божков, которых покупают рыбные торговки. Оставьте нас, мы сами позаботимся о себе.

Бельзенор. Но прежде исполни повеление наше, о ужас рода человеческого! Приведи к нам Клеопатру-царицу. А потом иди куда хочешь.

Фтататита (с насмешливой улыбкой). Теперь я знаю, почему боги взяли ее из наших рук.

Воины в смятении переглядываются.

Узнай же, глупый солдат, что ее нет с той поры, как закатилось солнце.

Бельзенор (в ярости). Ведьма, ты спрятала ее, чтобы продать Цезарю или брату ее, Птолемею. (Хватает Фтататиту за руку и с помощью стража тащит ее на середину двора, бросает на колени и заносит над ней смертоносный нож.) Где она? Говори или... (Грозит перерезать ей горло.)

Фтататита (свирепо.) Грость меня, собака! И Нил перестанет питать поля твои и в течение семижды семи лет обречет тебя на голод.

Бельзенор (испуганно, но решившись на все). Я принесу жертвы. Я откуплюсь. Нет, постой! (Персу.) Ты, о премудрый, земля твоих отцов лежит далеко от Нила, убей ее.

Перс (*угрожая ей ножом*). У персов один бог, и он любит кровь старых женщин. Где Клеопатра?

Фтататита. Перс! Клянусь Озирисом, я не знаю. Я бранила ее за то, что она навлечет на нас дурные дни своей болтовней со священными кошками; она вечно таскает их на руках. Я грозилась ей, что оставлю ее одну, когда придут римляне, в наказание за ее непослушный нрав. И она исчезла, убежала, спряталась. Я говорю правду. Да будет Озирис мне свидетелем...

Женщины (*угловато подхватывают*). Истинная правда, Бельзенор!

Бельзенор. Ты запугала девчонку. Она спряталась. Живо обыскать дворец! Обшарить все углы!

Стража во главе с Бельзенором прокладывает себе путь во дворец сквозь толпу женщин, которые, не помня себя, бросаются в ворота.

Фтататита (*вопит*). Святотатство! Мужчины в покоях царицы! Свято... (*Голос ее обрывается, перс подносит нож к ее горлу.*)

Бел-Африс (*кладет руку на плечо Фтататиты*). Подари ей еще минуту, перс. (*Фтататите, весьма вынужденно.*) Мать, твои боги спят или развлекаются охотой. И меч у горла твоего. Отведи нас туда, где спряталась царица, и ты будешь жить.

Фтататита (*презрительно*). Кто остановит меч в руке глупца, если боги вложили меч в его руку? Послушайте меня вы, безумные юноши. Клеопатра боится меня, но римлян она боится еще больше. Есть только одна сила, которая для нее страшнее гнева царской няньки или жестокости Цезаря,—это Сфинкс, который сидит в пустыне и сторожит путь к морю. Она шепчет на ухо священным кошкам то, что ей хочется сказать ему. И в день своего рождения она приносит ему жертвы и украшает его маками. Так идите же в пустыню и ищите Клеопатру под сенью Сфинкса. Берегите ее больше жизни своей, дабы с ней не случилось худо.

Бел-Африс (*персу*). Можно ли верить этому, о хитроумный?

Перс. Откуда идут римляне?

Бел-Африс. Через пустыню от моря, мимо Сфинкса.

Перс (*Фтататите*). О мать вероломства, о язык ехидны! Ты придумала эту сказку, чтобы мы пошли в пустыню и погибли на римских копьях. (*Заносит нож.*) Вкуси же смерть!

Фтататита. Не от тебя, щенок! (*Ударяет его с силой под коленку, а сама бросается бежать вдоль дворцовой стены и исчезает в темноте.*)

Бел-Африс хохочет над урвавшим персом. Стража выбегает из дворца с Бельзенором и кучкой беглянок, большинство тащит узлы.

Перс. Нашли вы Клеопатру?

Бельзенор. Она исчезла. Мы обыскали все закоулки.

Нубиец-часовой (*появляясь в дверях дворца*). Горе нам! Увы!

Горе нам! Спасайтесь!

Бельзенор. Что еще там случилось?

Нубиец. Украли священного Белого Кота.

Все. Горе нам, горе!

Всеобщая паника. Все бегут с воплями ужаса. В суматохе падает и гаснет факел. Топот и крики беглецов вдалеке. Тьма и мертвая тишина.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Та же мгла, которая поглотила храм Ра и сирийский дворец. Та же мертвая тишина. Настороженное ожидание. Но вот черная неподвижная мгла подергивается мягкой серебряной дымкой. Слышится странная мелодия: это колеблемая ветром арфа Мемнона поет перед восходом луны. Громадная полная луна встает над пустыней, озаря широкий горизонт, на фоне которого смутно выступает огромная фигура: в расстилающемся лунном свете она постепенно принимает очертания Сфинкса, покоящегося среди песков. Свет становится все ярче, и теперь уже ясно видны открытые глаза истукана — они устремлены прямо вперед и вверх в бесконечном, бесстрашном бодрствовании; между его громадными лапами виднеется яркое пятно — грудка красных маков, на которой неподвижно лежит девочка. Ее шелковая одежда тихо и мерно поднимается на груди от дыхания — спокойного дыхания спящей; заплетенные волосы сверкают в лунном блеске, подобно крылу птицы. Внезапно издалека раздается смутный чудовищный гул — может быть, это рев Минотавра, смягченный далеким расстоянием, — и арфа Мемнона смолкает. Тишина, затем несколько далеких пронзительных звуков трубы. Снова тишина. Потом с южной стороны, крадучись, появляется человек. Восхищенный и изумленный этой загадкой ночи, он останавливается и замирает, погруженный в созерцание; но грудь Сфинкса с ее сокровищем скрыта от него огромным плечом истукана.

Человек. Слава тебе, Сфинкс! Юлий Цезарь приветствует тебя! Изгнанный рождением на землю, я скитался по многим странам в поисках утраченного мира, в поисках

сущестъ, подобных мне. Я видал стада и пастбища, людей и города, но я не встретил другого Цезаря, ни стихии, родственной мне, ни человека, близкого мне по духу, никого, кто бы мог довершить дела моих дней и разрешить мои ночные думы. В этом маленьком поддунном мире, о Сфинкс, я вознесен столь же высоко, как и ты в этой безбрежной пустыне; но я скитаюсь, а ты сидишь неподвижен; я завоевываю, а ты живешь в веках; я тружусь и изумляюсь, ты бодрствуешь и ждешь; я смотрю вверх — и я ослеплен, смотрю вниз — и омрачаюсь, оглядываюсь кругом — и недоумеваю, тогда как твой взор всегда, неизменно устремлен прямо, по ту сторону мира, к далеким краям утраченной нами отчизны. Сфинкс, ты и я — мы чужды породе людей, но не чужды друг другу: разве не о тебе, не о твоей пустыне помнил я с тех пор, как появился на свет? Рим — это мечта безумца; а здесь — моя действительность. В далеких краях, в Галлии, в Британии, в Испании, в Фессалии, видел я звездные твои светильники, подающие знаки о великих тайнах бессменному часовому здесь, внизу, которого я нигде не мог найти. И вот он, наконец, здесь, этот часовой — образ неизменного и бессмертного в бытии моем, — безмолвный, полный дум, одинокий в серебряной пустыне. Сфинкс, Сфинкс! Я поднимался ночью на вершины гор, прислушиваясь издавѣка к вкрадчивому бегу ветров — наших незримых детей, о Сфинкс, взметающих в запретной игре твои пески, лепечущих и смеющихся. Мой путь сюда — это путь рока, ибо я тот, чей гений ты воплощаешь: полужверь, полуженщина, полубог, и нет во мне ничего человеческого. Разгадал ли я твою загадку, Сфинкс?

Девочка (*проснувшись, осторожно выглядывает из своего убежища*). Старичок!

Цезарь (*сильно вздрагивает и хватается за меч*). Бессмертные боги!

Девочка. Старичок, не убегай.

Цезарь (*совершенно ошеломленный*). «Старичок, не убегай...»
И это — Юлию Цезарю!

Девочка (*настойчиво*). Старичок!

Цезарь. Сфинкс, ты забыл о своих столетиях. Я моложе тебя, хотя голос твой — голос ребенка.

Девочка. Полезай скорей сюда, а то сейчас придут римляне и съедят тебя.

Цезарь (*бежит, оглябая плечо Сфинкса, и видит девочку*). Дитя у него на груди! Божественное дитя!

Девочка. Полезай скорей. Ты взберись по его боку, а потом ползи кругом.

Цезарь (*изумленный*). Кто ты?

Девочка. Я Клеопатра, царица Египта.

Цезарь. Цыганская царица, ты хочешь сказать?

Клеопатра. Ты не должен так непочтительно говорить со мной, а то Сфинкс отдаст тебя римлянам, и они съедят тебя. Лезь сюда. Здесь очень уютно.

Цезарь (*про себя*). Какой сон, какой дивный сон! Только бы не проснуться. Я готов завоевать десять материков, чтобы доглядеть его до конца. (*Карабкается по туловищу Сфинкса и, обогнув правое плечо, появляется на пьедестале.*)

Клеопатра. Осторожней! Вот так. Теперь садись. Вот тебе другая его лапа. (*Усаживается поудобней на левой лапе Сфинкса.*) Он очень могущественный и защитит нас, только... (*дрогнувшим, жалобным голосом*) он не обращает на меня никакого внимания и ничего мне не рассказывает. Я очень рада, что ты пришел: мне было так скучно. А ты нигде здесь не видел Белого Кота?

Цезарь (*усаживается на правую лапу; в крайнем удивлении*). Ты, значит, потеряла кошку?

Клеопатра. Да, священного Белого Кота. Подумай, какой ужас! Я несла его сюда, я хотела принести его в жертву Сфинксу, но только мы отошли от города, его позвала черная кошка, и он вырвался у меня из рук и убежал. А как ты думаешь, может быть, эта черная кошка и есть моя прапрапрабабушка?

Цезарь (*не сводя с нее изумленных глаз*). Твоя прапрапрабабушка? Возможно. В эту диковинную ночь я ничему не удивлюсь.

Клеопатра. Да, я тоже так думаю. Прабабушка моей прабабушки была черной кошкой от священного Белого Кота, а Нил сделал ее своей седьмой женой. Вот потому у меня такие волнистые волосы. И мне всегда хочется делать по-своему—все равно, хотят этого боги или нет. Потому что моя кровь—это воды Нила.

Цезарь. А что ты тут делаешь так поздно? Ты живешь здесь?

Клеопатра. Ну, конечно, нет. Я—царица. Я буду жить во дворце в Александрии, когда убью своего брата, который меня прогнал оттуда. Когда я стану совсем большая, я буду делать все, что хочу. Я буду кормить ядом моих рабов и буду смотреть, как они корчатся. А Фтататиту я буду пугать, что ее посадят в огненную печь.

Цезарь. Гм... Ну, а сейчас почему ты не дома, не в постели?

Клеопатра. Потому что сюда идут римляне, и они нас всех съедят. Ты ведь тоже не дома и не в постели.

Цезарь (*с убеждением*). Нет, я дома. Мой дом—палатка. И я сейчас крепко сплю в своей палатке и вижу сон. Неужели

ты думаешь, что ты существуешь на самом деле, ты, сонное наважденье, маленькая немислимая колдунья?

Клеопатра (*хихикая, доверчиво прижимается к нему*). Ты смешной милый старичок! Ты мне очень нравишься.

Цезарь. Ах, ты мне портишь сон. Почему тебе не снится, что я молодой?

Клеопатра. Я была бы очень рада, если бы ты был молодой. Только тогда я бы тебя, наверно, боялась. Мне нравятся юноши, у которых круглые, сильные руки. Но я боюсь их. А ты старый, худой и жилистый. Но у тебя приятный голос; и я рада, что есть с кем поболтать, хотя ты, наверно, немножко сумасшедший. Должно быть, это луна на тебя действует, что ты так глупо разговариваешь сам с собой.

Цезарь. Как? Ты слышала? Я возносил мольбы великому Сфинксу.

Клеопатра. Да это вовсе не великий Сфинкс.

Цезарь (*в крайнем огорчении смотрит на истукана*). Что?

Клеопатра. Это милый, малюсенький, крохотный Сфинксик. Что ты! Великий Сфинкс — он до того большой, что у него целый храм стоит между лапами. А это мой дорогой Сфинксик. А скажи, как ты думаешь, у римлян есть такие колдуны, которые могут нас колдовством унести отсюда?

Цезарь. Что? Неужели ты боишься римлян?

Клеопатра (*совершенно серьезно*). Ох, они нас съедят, если только поймают. Они — варвары. Их вождя зовут Юлий Цезарь. У него отец — Тигр, а мать — Пылающая Гора. А нос у него, как хобот у слона.

Цезарь невольнo трoгает себя за нос.

У них у всех длинные носы, клыки слоновьи и маленькие хвостики. И семь рук, и по сотне стрел в каждой; а едят они человечину.

Цезарь. Хочешь, я покажу тебе настоящего римлянина?

Клеопатра (*испуганно*). Нет, не пугай меня.

Цезарь. Не все ли равно, ведь это только сон...

Клеопатра (*возбужденно*). Нет, не сон, не сон. Вот смотри. (*Вытаскивает шпильку из волос и колет его несколько раз в руку.*)

Цезарь. Ай! Перестань! (*Гневно.*) Как ты смеешь!

Клеопатра (*оробев*). Ты ведь говорил, что ты спишь. (*Чуть не плача.*) Я только хотела доказать тебе...

Цезарь (*ласково*). Ну, полно, полно, не плачь. Царицам нельзя плакать. (*Потирает уколотую руку и удивляется совершенно реальному ощущению боли.*) Что это, правда, наяву? (*Ударяет рукой по истукану, чтобы проверить себя. И ощущение оказывается настолько реальным, что он сбит с толку и*

- растерянно бормочет.*) Да я... *(В совершенном ужасе.)* Нет, невысказано. Безумие, безумие! *(Вне себя.)* Скорее в лагерь, в лагерь! *(Вскакивает и собирается спрыгнуть на землю.)*
- Клеопатра *(в страхе цепляется за него и не пускает).* Нет, не оставяй меня! Нет, нет, нет, не уходи! Мне страшно, я боюсь римлян.
- Цезарь *(волей-неволей убеждаясь, что он действительно не спит).*
Клеопатра, ты хорошо видишь мое лицо?
- Клеопатра. Да. Оно такое белое в лунном свете.
- Цезарь. Ты уверена, что это только от луны оно кажется блее лица египтянина? *(Зловеще.)* Ты не находишь, что у меня очень длинный нос?
- Клеопатра *(отшатываясь от него и замирая в ужасе).* Ой!
- Цезарь. Это римский нос, Клеопатра.
- Клеопатра. Ах! *(С пронзительным криком вскакивает и, юркнув за левое плечо Сфинкса, прыгает на песок и, упав на колени, вопит и взывает к Сфинксу.)* Раскуси его пополам, Сфинкс! Раскуси его пополам! Я хотела принести тебе в жертву Белого Кота—правда, я несла его тебе.
- Цезарь спускается с пьедестала, трогает ее за плечо.
- Ах! *(Съеживается и закрывает лицо руками.)*
- Цезарь. Клеопатра, хочешь, я научу тебя, что надо сделать, чтобы Цезарь не съел тебя?
- Клеопатра *(умоляюще жметя к нему).* Ах, научи, научи. Я украду драгоценности у Фататиты и подарю тебе. Я повелю Нилу питать твои поля дважды в год.
- Цезарь. Успокойся, успокойся, малютка! Твои боги трепещут перед римлянами. Ты видишь, Сфинкс не смеет укунить меня. И если я захочу отдать тебя Юлию Цезарю, он не посмеет помешать мне.
- Клеопатра *(жалобно уговаривая его).* Нет, ты не отдашь, ты не отдашь, ты сам сказал, что не отдашь.
- Цезарь. Цезарь не ест женщин.
- Клеопатра *(вскакивает, оживая надеждой).* Что?
- Цезарь *(внушительно).* Но он ест девочек *(она снова цепенеет)* и кошек. Ты глупенькая маленькая девочка, и ты родилась от черной кошки. Значит, ты и девочка и кошка.
- Клеопатра *(дрожя).* И он съест меня?
- Цезарь. Да-да, если только ты не заставишь его поверить, что ты женщина.
- Клеопатра. Так найди же волшебника, который сделает из меня женщину. Может быть, ты сам волшебник?
- Цезарь. Возможно. Но на это потребуется много времени; а тебе в эту же ночь предстоит встретиться лицом к лицу с Цезарем во дворце твоих предков.

Клеопатра. Нет, нет! Ни за что!

Цезарь. Как бы сердце твое ни трепетало от ужаса, как бы ни был для тебя страшен Цезарь, ты должна встретить его как мужественная женщина и великая царица: он не должен видеть, что ты боишься. Если твоя рука дрогнет или голос прервется, тогда — мрак и смерть.

Клеопатра стонет.

Но если он найдет тебя достойной царствовать, он посадит тебя на трон рядом с собой и сделает тебя истинной владычицей Египта.

Клеопатра (*в отчаянии*). Нет, он догадается, он увидит. Цезарь (*с некоторой грустью*). Женщины легко обманывают его.

Их глаза ослепляют его. Он видит их не такими, какие они есть, а такими, какими ему хочется их видеть.

Клеопатра (*с надеждой в голосе*). Так мы обманем его. Я надену наколку Фтататиты, и он примет меня за старуху.

Цезарь. Если ты сделаешь это — знай, он проглотит тебя одним глотком.

Клеопатра. А я сделаю ему сладкий пирог с моим волшебным опалом, а в тесте запекую семь волосков Белого Кота. И еще...

Цезарь (*прерывает ее*). Фу, какая ты дурочка! Он съест твой сладкий пирог, да и тебя вместе с ним. (*С презрением поворачивается и отходит.*)

Клеопатра (*бежит за ним и цепляется за него*). Ах, нет! Ну, пожалуйста, пожалуйста! Я сделаю все, что ты велишь. Я буду слушаться. Я буду твоя рабыня.

Снова из пустыни доносится мощный рев, теперь уже совсем близко. Это бузина — римский военный фог.

Цезарь. Слышишь?

Клеопатра (*дрожа*). Что такое?

Цезарь. Это голос Цезаря.

Клеопатра (*тащит его за руку*). Так давай убежим. Идем, идем скорей.

Цезарь. Со мной тебе ничего не грозит, пока ты не взойдешь на трон, дабы принять Цезаря. Веди меня туда.

Клеопатра (*радуясь, что можно уйти*). Хорошо, хорошо.

Снова слышен фог.

Идем же скорей, идем, идем! Боги гnevаются. Слышишь, как дрожит земля?

Цезарь. Это поступь легионов Цезаря.

Клеопатра (*тащит его за собой*). Вот сюда, да скорей же!

И давай посмотрим, нет ли где здесь Белого Кота. Это он превратил тебя в римлянина.

Цезарь. Неисправима, совершенно неисправима! Ну, идем!
(Следует за ней.)

Рев буцины становится все громче, по мере того как они, крадучись, пробираются по пустыне. Лунный свет гаснет, горизонт снова зияет черной мглой, в которой причудливо выступает громада Сфинкса. Небо исчезает в беспросветной мгле. Затем в тусклом свете отдаленного факела взору открываются высокие египетские колонны, поддерживающие свод величественной галереи. В глубине ее раб-нуб и ец несет факел. Цезарь следует за Клеопатрой, они идут за рабом. Проходя колоннадой, Цезарь с любопытством рассматривает незнакомую архитектуру и выступающие из мрака между колоннами, в свете бегущего факела, фигуры крылатых людей с соколиными головами и громадных черных мраморных котлов, которые вдруг словно выскакивают из засады и так же внезапно прячутся. Галерея поворачивает за угол и образует просторный неф, где Цезарь видит направо от себя трон и за ним дверь. По обе стороны трона возвышаются стройные колонны, и на каждой из них светильник.

Цезарь. Что это такое?

Клеопатра. Здесь я сижу на троне, когда мне позволяют надевать мою корону и порфиру.

Раб поднимает факел и освещает трон.

Цезарь. Прикажи рабу зажечь светильники.

Клеопатра (смущенно). Ты думаешь, можно?

Цезарь. Конечно. Ты — царица.

Она не решается.

Ну, что же ты?

Клеопатра (несмело, рабу). Зажги все светильники.

Фтататита (внезапно появляется позади трона). Остановись, раб!

Раб останавливается, Фтататита строго обращается к Клеопатре, которая струсилла, как напроказивший ребенок.

Кто это с тобой? И как ты осмелилась распорядиться зажечь светильники без моего разрешения?

Клеопатра от страха не может вымолвить ни слова.

Цезарь. Кто это?

Клеопатра. Фтататита.

Фтататита (высокомерно). Главная няня цари...

Цезарь (обрывая ее). Я говорю с царицей. Молчи! (Клеопатре.)

Так-то твои слуги знают свое место? Отошли ее. А ты (обращаясь к рабу) делай так, как тебе приказала царица.

Раб зажигает светильники. Клеопатра колеблется, боясь Фтататиты.

Ты—царица; отошли ее.

Клеопатра (*заискивающе*). Фтататита, милочка, пожалуйста, уйди—ну на минутку.

Цезарь. Ты не приказываешь, ты просишь. Ты не царица.

Тебя съедят. Прощай. (*Делает движение, собираясь уйти.*)

Клеопатра (*хватается за него*). Нет, нет, нет! Не оставляй меня!

Цезарь. Римлянам нечего делать с царицами, которые боятся своих рабов.

Клеопатра. Я не боюсь. Правда же, я не боюсь.

Фтататита. Посмотрим, кто здесь боится! (*Угрожающе.*) Клеопатра...

Цезарь. На колени, женщина! Или ты думаешь, и я дитя, что ты осмеливаешься шутить со мной? (*Показывает ей на пол у ног Клеопатры.*)

Фтататита, наполовину укрощенная, но вместе с тем взбешенная, медлит. Цезарь окликает нубийца.

Раб!

Нубиец подходит.

Ты сумеешь отсечь голову?

Нубиец кивает и восхищенно улыбается, показывая все зубы.

(*Цезарь протягивает свой меч в ножнах рукоятью вперед нубийцу, потом поворачивается к Фтататите и снова указывает на пол.*) Ты опомнилась, женщина?

Фтататита, уничтоженная, падает на колени перед Клеопатрой, которая не верит своим глазам.

Фтататита (*хрипло*). О царица, не забудь слугу твою в день твоего величия!

Клеопатра (*вне себя от возбуждения*). Прочь! Поди прочь! Вон отсюда!

Фтататита поднимается и с опущенной головой пятится к двери.

(*Восхищенная этой покорностью, чуть не хлопает в ладоши, руки у нее дрожат. Внезапно она кричит.*) Дайте мне что-нибудь, я отхлещу ее. (*Хватает с трона змеиную кожу и, размахивая ею, как бичом, бросается за Фтататитой.*)

Цезарь мгновенно, одним прыжком, оказывается около Клеопатры и удерживает ее, пока Фтататита не исчезает.

Цезарь. Вот как? Ты царапаешься, котенок?
Клеопатра (*выфываясь*). Я хочу побить кого-нибудь. Я побью его. (*Бросается на раба.*) Вот! вот! вот!

Раб опрометью бежит по галерее и скрывается.

(Бросает змеиную кожу на ступеньки трона и, размахивая руками, кричит.) Вот теперь я настоящая царица! Настоящая царица — царица Клеопатра!

Цезарь с сомнением покачивает головой: преимущество этого превращения кажется ему сомнительным, когда он взвешивает его с точки зрения общественного блага Египта.

(Поворачивается и смотрит на Цезаря сияя, потом соскакивает с трона, подбегает к нему, вне себя от радости бросается к нему на шею и кричит.) О, как я люблю тебя за то, что ты сделал меня царицей!

Цезарь. Царицам надлежит любить только царей.

Клеопатра. Все, кого я люблю, будут у меня царями. Я тебя сделаю царем. У меня будет много молодых царей с круглыми, сильными руками. А когда они наскучат мне, я их заporю до смерти. Но ты всегда будешь моим царем. Моим милым, добрым, умным, хорошим, любимым старым царем.

Цезарь. О мои морщины, мои морщины! И мое детское сердце! Ты будешь самой опасной из побед Цезаря.

Клеопатра (*опомнившись, в ужасе*). Цезарь! Я забыла про Цезаря! (*В смятении.*) Ты скажешь ему, что я царица? Что я настоящая царица! Послушай (*ластясь к нему*), давай убежим и спрячемся, пока Цезарь не уйдет?

Цезарь. Если ты боишься Цезаря, ты не настоящая царица. И хотя бы ты спряталась под пирамидой, он подойдет и поднимет ее одной рукой. И тогда... (*Щелкает зубами.*)

Клеопатра (*дрожит*). Ой!

Цезарь. Посмей только, испугайся!

Вдалеке снова раздается рев буцины. Клеопатра стонет от страха.

(Торжествующе восклицает.) Ага! Цезарь идет к трону Клеопатры. Ступай сядь на свое место. (*Берет ее за руку и ведет к трону. Она так перепугана, что не может выговорить ни слова.*) Эй, Титатота! Как ты зовешь своих рабов?

Клеопатра (*безжизненно опускается на трон, съеживается и дрожит*). Хлопни в ладоши.

Цезарь хлопает в ладоши. Входит Ф т а т а т и т а.

Цезарь. Принеси одеяния царицы и ее корону. Позови служанок и обряди ее.

Клеопатра (*оживляясь и немного приходя в себя*). Да, корону, Фтататита! Я надену корону.

Фтататита. Для кого должна царица облечься в свои царские одежды?

Цезарь. Для римского гражданина, для царя царей, Тотатита.

Клеопатра (*топая ногой*). Как ты смеешь спрашивать? Иди и делай, что тебе приказано.

Фтататита уходит, угрюмо улыбаясь.

(*Нетерпеливо, Цезарю.*) Цезарь узнает, что я царица, когда увидит мою корону и одеяние, правда?

Цезарь. Нет, откуда узнает он, что ты не рабыня, надевшая царское одеяние?

Клеопатра. Ты скажешь ему.

Цезарь. Он не станет меня спрашивать. Он узнает Клеопатру по ее гордости, мужеству, ее величию и красоте.

Клеопатра смотрит на него с крайним сомнением.

Ты дрожишь?

Клеопатра (*трясаясь от страха*). Нет... я... я... (*совершенно угасшим голосом*) нет.

Фтататита и три женщины входят с царским одеянием.

Фтататита. Из всех приближенных женщин царицы остались только трое. Остальные бежали.

Они начинают одевать Клеопатру, которая подчиняется им, бледная, безжизненная.

Цезарь. Ничего, ничего. Достаточно и троих. Бедному Цезарю обычно приходится одеваться самому.

Фтататита (*презрительно*). Царицу Египта сравнить с римским варваром! (*Клеопатре.*) Будь смелей, дитя мое! Выше голову перед этим чужеземцем.

Цезарь (*любуясь Клеопатрой, возлагает ей корону на голову*). Ну как? Сладко ли быть царицей, Клеопатра?

Клеопатра. Не сладко.

Цезарь. Подави свой страх — и ты завоеешь Цезаря. Близко ли римляне, Тота?

Фтататита. Они на пороге, а стража разбежалась.

Женщины (*горестно стонут*). О, горе нам, горе!

По галерее бежит нубиец.

Нубиец. Римляне в ограде! (*Одним прыжком исчезает за дверью.*)

Женщины с воплями бросаются за ним. Фтататита смотрит со злобной решимостью. Она не двигается с места. Клеопатра еле удерживается, чтобы не броситься вслед за служанками. Цезарь держит ее за руку и сурово смотрит на нее, не сводя глаз. Она стоит, как мученица, обреченная на казнь.

Цезарь. Царица должна одна встретить Цезаря. Скажи: да будет так.

Клеопатра (белая, как полотно). Да будет так!

Цезарь (отпуская ее). Хорошо.

Слышен шум и тяжелый шаг вооруженных воинов. Ужас Клеопатры усиливается. Рев буцины раздается совсем рядом. Его подхватывает оглушительная фанфара труб. Это свыше сил Клеопатры, она издает вопль и бросается к двери. Фтататита безжалостно останавливает ее.

Фтататита. Я вынырнула тебя. Сейчас ты сказала: «Да будет так!» И если бы даже тебе пришлось умереть, ты должна сдержать слово царицы. (Подводит Клеопатру к Цезарю, и он ведет ее, еле живую от страха, к трону.)

Цезарь. Теперь, если ты дрогнешь... (Садится на трон.)

Клеопатра стоит на ступеньках почти без чувств, приготовившись к смерти. Римские солдаты с грохотом идут по галерее. Впереди знаменосец с римским орлом, за ним трубач с буциной — рослый воин с рогом, обвивающимся вокруг его тела; медный раструб изображает воющую волчицу. Дойдя до нефа, они с изумлением глядят на трон; потом выстраиваются перед троном, выхватывают мечи и, потрясая ими в воздухе, кричат: «Слава Цезарю!» Клеопатра оборачивается и бессмысленно смотрит на Цезаря. Внезапная истина доходит до ее сознания, и она с воплем облегчения, рыдая, падает в его объятия.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Александрия. Зал в нижнем этаже дворца, переходящий в лоджию, куда ведут две ступени. Через арки лоджии видно, как сверкают в утреннем солнце волны Средиземного моря. Высокие светлые стены покрыты фресками, представляющими процессию египетских царей, изображенных в профиль, в виде плоского орнамента; отсутствие зеркал, искусственных перспектив, мягкой мебели и тканей делает это место красивым, простым, здоровым, прохладным или, как сказал бы богатый английский фабрикант,— бедным, голым, нелепым и неудобным, ибо цивилизация Тоттенхем-Корт-Роуд по отношению к египетской

цивилизации — все равно что стеклянные бусы и татуировка по отношению к цивилизации Тоттенхем-Корт-Роуд.

Юный царь Птолемей-Дионис (десятилетний мальчик), которого ведет за руку его опекун Потин, сходит со ступеней лоджии. Двор собрался на царский прием. Придворные — мужчины и женщины разных племен и разного цвета кожи, но большей частью египтяне; некоторые из них значительно светлее — жители Нижнего Египта, другие, более смуглые, — уроженцы Верхнего Египта; среди них несколько греков и евреев. В группе по правую руку Птолемея выделяется наставник Птолемея — Теодот; группу по левую руку Птолемея возглавляет Ахилл — военачальник Птолемея. Теодот — маленький, высохший старичок, с таким же высохшим и сморщенным лицом, на котором, господствуя над остальными чертами, выделяется высокий, прямой лоб; он смотрит с пронизательностью и глубокомыслием со стороны и слушает то, что говорят другие, с придирчивой саркастичностью философа, внимающего ораторским упражнениям своих учеников. Ахилл — высокий красивый человек лет тридцати пяти, с роскошной черной бородой, курчавящейся, словно шерсть пуделя; умом не блещет, но вид имеет внушительный и не роняет своего достоинства. Потин — крепкий мужчина, примерно лет пятидесяти, евнух; пылкий, энергичный, находчивый, умом и характером не отличается, нетерпелив и не умеет владеть собой; у него пушистые волосы, похожие на мех. Царь Птолемей на вид гораздо старше, чем английский мальчик тех же лет, но держится ребячливо, привык к тому, чтобы его водили на помочах, беспощаден и раздражителен и, подобно всем возвращенным при дворе принцам, выглядит чересчур тщательно умытым, одетым и причесанным.

Царя встречают церемониальными поклонами, он сходит со ступенек к тронному креслу, которое стоит направо от него, — это единственное сиденье во всем зале. Подойдя к креслу, он растерянно поглядывает на Потина, который становится по левую его руку.

Потин. Царь Египта скажет свое слово.

Теодот (пискливым голосом, который звучит внушительно только благодаря его самомнению). Внемлите слову царя!

Птолемей (без всякого выражения: он, по-видимому, повторяет затверженный урок). Узнайте, все вы. Я — перворожденный сын Авлета — Певучей Флейты, — который был вашим царем. Моя сестра Береника свергла его с трона и завладела его царством, но... но... (Закрывает и смолкает.)

Потин (тихонько подсказывает). Но боги не потерпели...

Птолемей. Да, боги не потерпели, не потерпели... (Останавливается, и совершенно убитым голосом.) Я забыл, чего боги не потерпели...

Теодот. Пусть Потин, опекун царя, скажет слово царя.
Потин (*с трудом подавляя раздражение*). Царь хотел сказать, что боги не потерпели, чтобы беззаконие сестры его осталось безнаказанным.

Птолемей (*поспешно*). Да, да, дальше я помню. (*Снова начинает тем же монотонным голосом.*) И вот боги послали чужеземца Марка Антония, римского начальника всадников, через пески пустынь, и он вернул трон отцу моему. И отец мой взял сестру мою Беренику и отсек ей голову. И ныне, после кончины отца моего, другая дочь его, сестра моя Клеопатра, похитила у меня царство мое и хочет завладеть моим тронном. Но боги не потерпят...

Потин предостерегающе покашливает.

Боги... боги... не потерпят...

Потин (*подсказывает*). Не допустят...

Птолемей. Ах, да... не допустят сего беззакония, они предадут ее голову секире, как предали голову сестры ее. Но с помощью колдуньи Фтататиты она заморозила римлянина Юлия Цезаря и заставила его поддерживать ее беззаконные притязания на египетское царство. Узнайте теперь, что я не потерплю... Я не потерплю... (*Капризно, Потину.*) Чего я не потерплю?

Потин (*выведенный из себя, со всем пылом страстно негодующего политика*). Царь не потерпит, чтобы чужеземец похитил у него трон нашего египетского царства. (*Возгласы одобрения.*) Скажи царю, Ахилл, сколько воинов и всадников у этого римлянина?

Теодот. Военачальник царя скажет слово.

Ахилл. Всего два римских легиона, о царь! Три тысячи солдат и едва ли тысяча всадников.

Двор раздражается презрительным смехом, начинается оживленная болтовня; в это время в лоджии появляется римский офицер Руфий. Это рослый, сильный чернобородый человек средних лет, с маленькими светлыми глазами, решительный и грубый; у него толстые нос и щеки, но сам он весь словно выкован из железа.

Руфий (*со ступеней*). Эй, вы там!

Смех и болтовня сразу прекращаются.

Цезарь идет.

Теодот (*с большим присутствием духа*). Царь разрешает римскому военачальнику войти.

Цезарь в простой одежде, но в венке из дубовых листьев, прикрывающем лысину, спускается из лоджии в сопровождении

своего секретаря Британа, уроженца британских островов, человека лет сорока, высокого, внушительного, уже слегка лысеющего, с густыми, спадающими вниз каштановыми усами, подстриженными так, что их концы переходят в опрятные баки. Он аккуратно одет во все синее; за поясом у него кожаная сумка, чернильница из рога и тростниковое перо. Его серьезный вид, свидетельствующий о важности предстоящего им дела, находится в очевидном несоответствии с добродушием Цезаря, который разглядывает незнакомую обстановку с откровенным любопытством, а затем оборачивается к креслу царя. Британ и Руфий располагаются возле ступеней, ведущих к лоджии.

Цезарь (смотрит на Потина и Птолемя). Кто царь, мужчина или мальчик?

Потин. Я—Потин, опекун владыки моего, царя.

Цезарь (ласково похлопывает Птолемя по плечу). Так это, значит, ты царь? Скучное занятие в твоем возрасте, а? (Потину.) Привет тебе, Потин. (Равнодушно отворачивается и медленно идет на середину зала, оглядываясь по сторонам и рассматривая придворных, пока не доходит до Ахилла.) А этот молодец кто такой?

Теодот. Ахилл, военачальник царя.

Цезарь (дружески, Ахиллу). А, военачальник, я тоже военачальник. Но я слишком поздно начал, слишком поздно. Желаю тебе здравствовать и одержать много побед, Ахилл.

Ахилл. Как будет угодно богам, Цезарь.

Цезарь (Теодоту). А ты, кажется...

Теодот. Теодот, наставник царя.

Цезарь. Ты учишь людей быть царями, Теодот. Умное занятие, ничего не скажешь. (Отворачивается, разглядывает богов по стенам, затем снова подходит к Потину.) А что здесь, собственно, такое?

Потин. Палата советников царской сокровищницы, Цезарь Цезарь. А-а, ты мне напомнил. Мне нужны деньги.

Потин. Сокровищница царя оскудела, Цезарь.

Цезарь. Да, я вижу, здесь всего одно сиденье.

Руфий (грубо кричит). Дайте сюда кресло для Цезаря!

Птолемей (застенчиво поднимается и предлагает Цезарю свое кресло). Цезарь...

Цезарь (ласково). Нет, нет, мой мальчик. Это твоё место. Сядь.

Он заставляет Птолемя сесть. Между тем Руфий, оглядываясь по сторонам, замечает в углу изображение бога Ра, которое представляет собой сидящего человека с соколиной головой. Перед этим изображением стоит бронзовый треножник размером с табуретку, на нем курится фимиам. Руфий, с находчивостью римлянина и свойственным ему равнодушием к чужезем-

ным суевериям, быстро хватается треножник, сдвигает курения, сдувает пепел и ставит его позади Цезаря, почти посредине зала.

Руфий. Садись сюда, Цезарь.

Придворные содрогаются, раздается свистящий шепот: «Кошунство!»

Цезарь (*усаживаясь*). Так вот, Потин, поговорим о деле. Мне очень нужны деньги.

Британ (*неодобрительно: ему не нравится такой неофициальный тон*). Мой повелитель хочет сказать, что у Рима законный иск к Египту по обязательствам, заключенным вашим почившим царем с триумвиратом. И долг Цезаря по отношению к отчизне заставляет его требовать немедленной уплаты.

Цезарь (*учтиво*). Ах да, я забыл. Я не представил вам моих соратников. Потин,— это Британ, мой секретарь. Островитянин, с западного края мира. От Галлии — день пути.

Британ чопорно кланяется.

А это Руфий, мой товарищ по оружию.

Руфий кивает.

Так вот, Потин, мне нужно тысячу шестьсот талантов. *Придворные ошеломлены, в толпе подымается ропот. Теодот и Ахил безмолвно зывают друг к другу, возмущенные столь чудовищным требованием.*

Потин (*в ужасе*). Сорок миллионов сестерций! Немыслимо! В царской сокровищнице нет таких денег.

Цезарь (*ободряюще*). Всего тысяча шестьсот талантов, Потин. Зачем считать на сестерции? Что купишь на одну сестерцию? Каравай хлеба.

Потин. А за талант можно купить породистого коня. Мы переживаем смутное время, ибо сестра царя, Клеопатра, незаконно оспаривает его трон. Царские подати не собирались целый год.

Цезарь. Их собирают, Потин. Мои воины сегодня с утра занимаются этим.

Снова шепот и общее изумление, кое-где среди придворных сдавленные смешки.

Руфий (*резко*). Нужно платить, Потин. Что зря разговаривать. Вы и так отделаетесь недорого.

Потин (*язвительно*). Возможно ли, чтобы завоеватель мира, Цезарь, терял время на такие мелочи, как наши подати?

Цезарь. Друг мой, подати для завоевателя мира—самое главное дело.

Потин. Так слушай, Цезарь, сегодня же сокровища храмов и золота царской казны отдадут литейщикам монетного двора перелить на монету и уплатить выкуп на глазах у всего народа. И пусть увидит народ, как мы будем сидеть у голых стен и пить из деревянных чаш. Да падет гнев его на твою голову, Цезарь, если ты принудишь нас к этому святотатству.

Цезарь. Не опасайся этого, Потин: народ знает, как приятно пить вино из деревянной чаши. А я за твою щедрость готов уладить ваши споры из-за трона, если хочешь. Что ты скажешь на это?

Потин. Если я скажу «нет», разве я остановлю тебя?

Руфий (*вызывающе*). Нет.

Цезарь. Ты говоришь, что дело тянется уже целый год, Потин. Можешь ты уделить мне на это десять минут?

Потин. Ты сделаешь так, как тебе угодно, ясно.

Цезарь. Хорошо, но сначала позовите Клеопатру.

Теодот. Ее нет в Александрии, она убежала в Сирию.

Цезарь. Не думаю. (*Руфию.*) Позови Тотатиту.

Руфий (*кричит*). Эй, Титатота!

Ф т а т а т и т а появляется в лоджии и надменно останавливается на ступеньках.

Фтататита. Кто произносит имя Фтататиты, главной няньки царицы?

Цезарь. Никто, кроме тебя, его произнести не может, Тота. Где твоя повелительница?

Клеопатра, которая прячется за Фтататитой, выглядывает и смеется. Цезарь встает.

Угодно царице почтить нас своим присутствием на минуту?

Клеопатра (*отталкивает Фтататиту и высокомерно становится на ее место*). Я должна вести себя как царица?

Цезарь. Да.

Клеопатра тотчас же подбегает к трону, хватая Птолея, стаскивает его с кресла и усаживается на его место. Фтататита опускается на ступеньки лоджии и пристально, с видом сивиллы, наблюдает эту сцену.

Птолемей (*в страшном огорчении, едва удерживаясь от слез*).

Цезарь, видишь, как она со мной обращается? И вот всегда так. Если я царь, так как же она смеет отнимать у меня все?

Клеопатра. Не будешь ты царем, нюня. Тебя съедят римляне.

Цезарь (*тронутый отчаянием мальчика*). Подойди сюда, мой мальчик, стань около меня.

Птолемей идет к Цезарю, который снова усаживается на свой треножник и ласково берет мальчика за руку. Клеопатра, вскочив, пожирает их ревнивым взглядом.

Клеопатра (с пылающими щеками). На тебе твой трон. Не нужен он мне. (Бежит к Птолемею, который пятится от нее.) Иди сию же минуту и садись на свое место.

Цезарь. Иди, Птолемей. Никогда не отказывайся от трона, когда тебе его предлагают.

Руфий. Я надеюсь, Цезарь, у тебя хватит здравого смысла последовать собственному совету, когда мы вернемся в Рим.

Птолемей медленно идет к трону, далеко обходя Клеопатру, явно опасаясь ее. Она становится на его место, рядом с Цезарем.

Цезарь. Потин...

Клеопатра (прерывая его). Разве ты не хочешь говорить со мной?

Цезарь. Успокойся. Открой еще раз рот без моего разрешения, и я тебя съем на месте.

Клеопатра. А я не боюсь. Царица не должна бояться. Съешь моего мужа. Посмотри, как он боится.

Цезарь (вскакивая). Твоего мужа? Что ты говоришь?

Клеопатра (показывая на Птолемея). Вот эту дрянь.

Оба римлянина и бритт переглядываются, пораженные.

Теодот. Цезарь, ты чужеземец, и тебе неведомы наши законы.

Цари и царицы Египта не могут вступать в брак ни с кем, кто не их царской крови. Птолемей и Клеопатра — царственные супруги, ибо они брат и сестра.

Британ (шокированный). Цезарь, это непристойно.

Теодот (возмущенный). Что?

Цезарь (снова овладевая собой). Прости его, Теодот. Он варвар и полагает, что обычаи его острова суть законы природы.

Британ. Напротив, Цезарь, это египтяне варвары, и ты напрасно поощряешь их. Я говорю, что это позор.

Цезарь. Позор или нет, мой друг, но это открывает врата миру. (Серьезно обращается к Потину.) Потин, выслушай мое предложение.

Руфий. Слушайте Цезаря.

Цезарь. Птолемей и Клеопатра будут царствовать в Египте вместе.

Ахилл. А как быть с младшим братом царя и младшей сестрой Клеопатры?

Руфий (поясняя). У них, оказывается, есть еще один маленький Птолемей.

Цезарь. Ну что ж, маленький Птолемей может жениться на другой сестре, и мы им обоим подарим Кипр.

Потин (*нетерпеливо*). Кому нужен Кипр?

Цезарь. Это неважно. Вы возьмете его во имя мира.

Британ (*бессознательно предвосхищая идею более поздних государственных деятелей*). Почетного мира, Потин.

Потин (*возмущенно*). Будь честен, Цезарь. Деньги, которые ты требуешь,—это цена нашей свободы. Возьми их и дай нам самим уладить наши дела.

Наиболее смелые из придворных (*ободренные тоном Потина и спокойствием Цезаря*). Да, да, Египет — египтянам!

Собрание превращается в перебранку, египтяне все более и более расплаются. Цезарь все так же невозмутим, но Руфий хмурится и свирепеет, а Британ презрительно высокомерен.

Руфий (*презрительно*). Египет — египтянам! Вы забываете, что здесь стоит римская оккупационная армия, оставленная Авлием Габинием, который посадил на трон вашего игрушечного царя.

Ахилл (*внезапно заявляя о своих правах*). И которая ныне находится под моим началом. Я здесь римский военачальник, Цезарь!

Цезарь (*забавляясь комизмом положения*). А также и египетский военачальник, не так ли?

Потин (*победоносно*). Да, это так, Цезарь.

Цезарь (*Ахиллу*). Значит, ты можешь пойти войной на египтян от имени Рима? И на римлян — на меня, если понадобится,—от имени Египта?

Ахилл. Да, это так, Цезарь.

Цезарь. А не скажешь ли ты, военачальник, на какой стороне ты находишься сейчас?

Ахилл. На стороне права и богов.

Цезарь. Гм. Сколько у тебя войска?

Ахилл. Когда я двинусь в бой, враги узнают это.

Руфий (*воинственно*). А воины у тебя — римляне? Если нет, то неважно, сколько их у тебя, лишь бы не превышало пятьсот на десять.

Потин. Напрасно ты пытаешься запугать нас, Руфий. Цезарь терпел поражения раньше. Он может потерпеть его и теперь. Всего несколько недель тому назад Цезарь, спасая свою жизнь, бежал от Помпея. И, может быть, не пройдет нескольких месяцев, он побежит от Катона и Юбы Нумидийского, царя Африканского.

Ахилл (*с угрозой, подхватывая речь Потина*). Что ты можешь сделать с четырьмя тысячами человек?

Теодот (*пискливый голосом, подхватывая слова Ахилла*). И без денег? Уйдите прочь!

Придворные (*яростно кричат и толпятся вокруг Цезаря*). Идите прочь! Египет—египтянам! Убирайтесь!

Руфий жует бороду, он слишком взбешен, чтобы говорить. Цезарь сидит совершенно спокойно, точно он завтракает, а к нему пристает кошка, выпрашивая кусочек рыбы.

Клеопатра. Почему ты позволяешь им так говорить, Цезарь? Ты боишься?

Цезарь. Почему же, дорогая? Ведь то, что они говорят,— истинная правда.

Клеопатра. Но если ты уйдешь, я не буду царицей.

Цезарь. Я не уйду, пока ты не станешь царицей.

Потин. Если ты не глупец, Ахилл, возьми эту девчонку, пока она не ушла у нас из рук.

Руфий (*вызывающе*). А почему бы заодно не прихватить и Цезаря, Ахилл?

Потин (*отвечая на вызов, словно ему пришлось по душе эта идея*). Неплохо сказано, Руфий. Правда, почему бы и нет?

Руфий. Попробуй, Ахилл! (*Кричит.*) Эй, стража!

Лоджия немедленно заполняется воинами Цезаря; обнажив мечи, они останавливаются на ступенях и ждут приказа своего центуриона, который держит жезл в руке. Сперва египтяне встречают воинов гордыми взглядами, но затем угрюмо, нехотя возвращаются на свои места.

Британ. Вы все здесь пленники Цезаря.

Цезарь (*милостиво*). О нет, нет! Ни в коем случае. Вы гости Цезаря, господа.

Клеопатра. А почему ты не рубишь им головы?

Цезарь. Что? Отрубить голову твоему брату?

Клеопатра. А что? Ведь он же отрубил бы мне голову, если бы представился случай? Правда, Птолемей?

Птолемей (*бледный и упрямый*). И отрублю, когда буду большой.

Клеопатра борется в своем новообретенном величии царицы с неудержимым желанием показать язык Птолемей. В последующей сцене она не принимает участия, но наблюдает с любопытством и изумлением; она вся дрожит от детского нетерпения; когда Цезарь встает, она садится на его треножник.

Потин. Цезарь, если ты попытаешься захватить нас...

Руфий. Он сделает это, египтяне. Будьте готовы к этому. Мы захватили дворец, побережье и Восточную пристань.

Дорога к Риму открыта. И вы пойдете по ней, если такова будет воля Цезаря.

Цезарь (*любезно*). Мне не оставалось ничего другого, Потин, надо было обеспечить отступление моим собственным воинам. Но ты свободен и можешь идти, как и все другие здесь во дворце.

Руфий (*возмущенный этим милосердием*). Как? И предатели? И вся клика?

Цезарь (*смягчая его выражения*). Римская оккупационная армия и все остальные, Руфий.

Потин (*вне себя*). Да... Но... но ведь...

Цезарь. Что ты хочешь сказать, друг мой?

Потин. Ты выгоняешь нас на улице из нашего собственного дома. И с величественным видом заявляешь нам, что мы можем идти. Это вы должны уйти.

Цезарь. Твои друзья на улице, Потин. Тебе там будет спокойней.

Потин. Это подвох. Я опекун царя. Я шагу отсюда не сделаю. Я здесь по праву. А где оно — твоё право?

Цезарь. Оно в ножнах Руфия, Потин. И мне не удержать его там, если ты будешь слишком медлить.

Возмущенный ропот.

Потин (*с горечью*). И это римская справедливость!

Теодот. Но не римская благодарность, полагаю?

Цезарь. Благодарность? Разве я в долгу перед вами за какую-нибудь услугу, господа?

Теодот. Разве жизнь Цезаря так ничтожна в его глазах, что он забыл, как мы ее спасли?

Цезарь. Мою жизнь? И это все?

Теодот. Твою жизнь, твои лавры, твоё будущее.

Потин. Он говорит правду. Я призову свидетеля, и он докажет, что, если бы не мы, римская оккупационная армия под предводительством величайшего воина мира держала бы ныне жизнь Цезаря в своих руках. (*Кричит в лоджию.*) Сюда, Луций Септимий!

Цезарь вздрагивает, потрясенный.

Если ты слышишь меня, приди сюда и подтверди мои слова Цезарю.

Цезарь (*содрогаясь*). Нет, нет.

Теодот. Да, говорю я! Пусть военный трибун принесет свидетельство.

Луций Септимий, подтянутый, чисто выбритый, выхоленный, атлетического сложения человек лет сорока, в одежде римского воина, с правильными чертами лица, решительным

ртом и тонким красивым римским носом, проходит через лоджию и становится перед Цезарем, который на миг закрывает лицо плащом, но затем, овладев собой, откидывает плащ и с достоинством смотрит на трибуна.

Потин. Говори, Луций Септимий. Цезарь явился сюда, преследуя своего врага. Разве мы дали убежище его врагу?

Луций. Едва нога Помпея ступила на египетский берег, голова его упала от меча моего.

Теодот (*со змеиной радостью*). На глазах его жены и ребенка! Запомни это, Цезарь. Они видели это с корабля, с которого он только что сошел. Мы дали тебе полной мерой насладиться мезтью.

Цезарь (*в ужасе*). Мезтью?

Потин. Едва лишь галера твоя показалась у гавани, нашим первым даром тебе была голова твоего соперника, того, что оспаривал у тебя владычество над миром. Подтверди это, Луций. Разве это не так?

Луций. Вот этой рукой, которая убила Помпея, я положил его голову к ногам Цезаря.

Цезарь. Убийца! Так же убил бы ты Цезаря, если бы Помпей победил при Фарсале.

Луций. Горе побежденному, Цезарь. Когда я служил Помпею, я убивал людей не менее достойных, чем он, только потому, что он победил их. Пришла и его очередь.

Теодот (*льстиво*). Это дело не твоих рук, Цезарь, а наших; вернее, моих. Ибо это было сделано по моему совету. Благодаря нам ты сохранил славу милосердного и наслаждался мезтью.

Цезарь. Мезть! мезть! О, если бы я мог унизиться до мести, к чему бы только не принудил я вас в возмездие за кровь этого человека.

Они отшатываются, смятенные и пораженные.

Он был моим зятем, моим старым товарищем. В течение двадцати лет он был владыкой великого Рима, в течение тридцати лет победа следовала за ним. Разве я, римлянин, не разделял его славы? Или судьба, которая заставила нас биться за владычество над миром, это дело наших рук? Кто я—Юлий Цезарь или волк, что вы бросаете мне седую голову старого воина, венчанного лаврами победителя, могущественного римлянина, предательски убитого этим бессердечным негодяем? И еще требуете от меня благодарности! (*Луцию Септимию*.) Уйди, ты внушаешь мне ужас!

Луций (*холодно и безбоязненно*). Ха! Мало ли отрубленных голов видел Цезарь! И отрубленных правых рук, не так ли?

Тысячи их были в Галлии, после того как ты победил Верцингеторикса. Поощрил ли ты их при всем твоим милосердии? Это ли была не месть?

Цезарь. Нет, клянусь богами! О, если бы это было так! Месть—это по крайней мере нечто человеческое. Нет, говорю я. Эти отрубленные правые руки и храбрый Верцингеторикс, гнусно удушенный в подземельях Капитолия, были жертвами (*содрогаясь, с горькой иронией*) мудрой строгости, необходимой мерой защиты общества; долг государственного мужа—безумье и бредни, в десять раз более кровавые, нежели честная месть. О, каким я был глупцом! Подумать только, что жизнь людей должна быть игрушкой в руках подобных глупцов! (*Смиренно.*) Прости меня, Луций Септимий. Как убийце Верцингеторикса упрекать убийц Помпея? Можешь идти с остальными. Или оставайся, если хочешь, я найду тебе место у себя.

Луций. Судьба против тебя, Цезарь. Я ухожу. (*Поворачивается и идет через лоджию.*)

Руфий (*вне себя, видя, как ускользает его добыча*). Значит, он республиканец!

Луций (*оборачивается на ступенях лоджи, вызываяще*). А ты кто?

Руфий. Цезарианец, как и все солдаты Цезаря.

Цезарь (*учтиво*). Поверь мне, Луций, Цезарь не цезарианец. Будь Рим истинной республикой, Цезарь был бы первым из республиканцев. Но ты сделал выбор. Прощай.

Луций. Прощай. Идем, Ахилл, пока еще не поздно.

Цезарь, видя, что Руфий не владеет собой, кладет ему руку на плечо и отводит в сторону, подальше от искушения. Британ идет за ним, держась по правую руку Цезаря. Таким образом, все трое оказываются совсем близко от Ахилла, который надменно отворачивается и переходит на другую сторону, к Теодоту. Луций Септимий проходит между рядами воинов, выстроившихся в лоджи; Потин, Теодот и Ахилл следуют за ним в сопровождении придворных, которые весьма опасно поглядывают на воинов; сомкнув ряды, воины уходят вслед за ними, довольно бесцеремонно подгоняя их. Царь остался один на своем троне, жалкий, упрямый, лицо у него передергивается и руки дрожат. Во время всей этой сцены Руфий свирепо ворчит.

Руфий (*глядя на уходящего Луция*). Ты думаешь, он бы отпустил нас, если бы наши головы были в его руках?

Цезарь. Как смею я думать, что он поступил бы более низко, чем я?

Руфий. Ха!

Цезарь. Если бы я во всем следовал Луцию Септимию, Руфий,

и, уподобившись ему, перестал быть Цезарем, разве ты остался бы со мной?

Британ. Цезарь, ты поступаешь неразумно. Твой долг перед Римом — лишить его врагов возможности причинять зло.

Цезарь, которого чрезвычайно забавляют моралистические увертки его деловитого британского секретаря, снисходительно улыбается.

Руфий. Что с ним спорить, Британ? Не трать понапрасну слов. Запомни одно, Цезарь: тебе хорошо быть милосердным, но каково твоим воинам? Ведь им завтра же придется драться с людьми, которых ты вчера пощадил! Ты можешь приказывать все, что тебе угодно, но я говорю, что твоя следующая победа будет резней из-за твоего милосердия. Я во всяком случае не буду брать пленных. Я буду убивать врагов тут же, на поле битвы, а потом можешь проповедовать милосердие, сколько хочешь. Мне уже не придется сражаться с ними. А теперь позволь, я посмотрю за тем, чтобы они убралась подальше. *(Поворачивается и хочет уйти.)*

Цезарь *(оглядывается и видит Птолемея)*. Как? Они оставили ребенка одного? Какой стыд!

Руфий *(берет Птолемея за руку и заставляет его встать)*. Идемте, ваше величество.

Птолемей *(вырывая руку у Руфия, Цезарю)*. Он хочет выгнать меня из моего дворца?

Руфий *(мрачно)*. Можешь оставаться, если хочешь.

Цезарь *(ласково)*. Иди, мой мальчик. Я не хочу тебе зла. Но среди твоих друзей ты будешь в большей безопасности. Здесь ты в пасти льва.

Птолемей *(уходя)*. Я боюсь не льва, а *(глядит на Руфия)* шакала. *(Уходит через лоджию.)*

Цезарь *(одобрительно смеется)*. Храбрый мальчуган!

Клеопатра *(завидуя, что Цезарь похвалил брата, кричит вслед Птолемею)*. Глупый щенок! Ты думаешь, это очень умно?

Цезарь. Британ! Проводи царя. Сдай его на руки этому самому, как его, Потину.

Британ идет за Птолемеем.

Руфий *(указывая на Клеопатру)*. А эта девчонка? С ней что делать? Ну, впрочем, полагаю, это можно предоставить тебе. *(Уходит через лоджию.)*

Клеопатра *(вспыхнув, поворачивается к Цезарю)*. Ты хочешь, чтобы и я ушла с остальными?

Цезарь *(несколько озадаченный, со вздохом идет к трону Птолемея, между тем как Клеопатра, вся красная, сжав кулаки, ждет)*

ответа). Ты можешь поступить, как тебе нравится, Клеопатра.

Клеопатра. Так, значит, тебе все равно, останусь я или нет?
Цезарь (*улыбаясь*). Ну конечно, мне больше хотелось бы, чтобы ты осталась.

Клеопатра. Больше? Гораздо больше?

Цезарь (*кивает*). Больше. Гораздо больше.

Клеопатра. Тогда я согласна остаться. Потому что ты меня просишь. Но я этого не хочу. Запомни это.

Цезарь. Само собой разумеется. (*Кричит.*) Тотатита!

Фтататита поднимает на него угрюмый взгляд, но не двигается с места.

Клеопатра (*фыркает*). Ее зовут не Тотатита, а Фтататита. (*Зовет.*) Фтататита!

Фтататита поднимается и идет к Клеопатре.

Цезарь (*запинаясь*). Тфатафита простит неверный язык римлянина. Тота! Престольный город царицы будет в Александрии. Найми женщин, чтобы они прислуживали ей, и сделай все, что надо.

Фтататита. Я буду правительницей царского дома?

Клеопатра (*резко*). Нет, я правительница царского дома! Иди и делай, что тебе приказывают, а то я сегодня же брошу тебя в Нил, чтоб отравить бедняжек крокодилов.

Цезарь (*возмущенный*). Нет, нет!

Клеопатра. Нет да! Нет да! Ты слишком чувствителен, Цезарь. Но ты умный, и если ты будешь делать все, как я тебе говорю, ты скоро научишься править.

Цезарь, совершенно ошеломлен от этой дерзости, поворачивается на сиденье и смотрит на нее, не говоря ни слова. Фтататита мрачно улыбается, показывая великолепный ряд зубов, и уходит, оставляя их вдвоем.

Цезарь. Клеопатра, я и впрямь думаю, что мне придется в конце концов съесть тебя.

Клеопатра (*опускается рядом с ним на колени и смотрит на него с жадным вниманием, наполовину искренним, наполовину притворным, желая показать, какая она стала умная*). Ты теперь не должен со мной так говорить, точно я маленькая.

Цезарь. С тех пор как Сфинкс познакомил нас вчера ночью, ты выросла. И ты уж думаешь, что знаешь больше, чем я?

Клеопатра (*притыженная, спешит оправдаться*). Нет. Это было бы очень глупо с моей стороны, конечно, я понимаю. Но только... (*Внезапно.*) Ты сердисься на меня?

Цезарь. Нет.

Клеопатра (*не совсем веря ему*). Тогда о чем же ты так задумался?

Цезарь (*поднимается*). Мне надо идти работать, Клеопатра.

Клеопатра (*отшатывается*). Работать? (*Оскорбленная*.) Тебе надоело разговаривать со мной, и ты это придумал, чтобы отделаться от меня.

Цезарь (*снова садится, успокаивая ее*). Ну хорошо, хорошо. Еще минутку, а потом — за работу.

Клеопатра. Работа? Какой вздор! Не забывай, что ты теперь царь. Я тебя сделала царем. Цари не работают.

Цезарь. Ах, вот что! Кто тебя научил этому, котенок?

Клеопатра. Мой отец был царь Египта. Он никогда не работал. А он был великий царь, он отрубил голову моей сестре, когда она восстала против него и захватила его трон.

Цезарь. Так. А как же он получил свой трон обратно?

Клеопатра (*горячо, глаза у нее загораются*). Я сейчас тебе расскажу. Прекрасный юноша с круглыми сильными руками пришел сюда через пустыни со множеством всадников. И он убил мужа моей сестры и вернул отцу его трон. (*Грустно*.) Мне было тогда только двенадцать лет. Ах, мне бы хотелось, чтобы он пришел теперь, когда я царица. Я бы сделала его своим мужем.

Цезарь. Что ж, это можно будет как-нибудь устроить. Ибо ведь я послал сюда этого прекрасного молодого человека на помощь твоему отцу.

Клеопатра (*замирая от восторга*). Так ты знаешь его?

Цезарь (*живая*). Знаю.

Клеопатра. И он пришел с тобою?

Цезарь отрицательно качает головой.

(*Страшно огорчена*.) Ах, как мне хочется, чтобы он пришел! О, если бы он только пришел! Только бы мне быть чуть-чуть постарше, чтобы он не считал меня глупым котенком, как ты. Но, может быть, это потому, что ты старый? Ведь он на много, много-много лет моложе тебя, правда?

Цезарь (*словно давясь пилюлей*). Да, несколько моложе.

Клеопатра. А он согласится стать моим мужем, если я предложу ему? Как ты думаешь?

Цезарь. Весьма вероятно.

Клеопатра. Только мне не хочется просить. А ты не можешь его уговорить, чтобы он попросил меня и чтобы он не знал, что я этого хочу?

Цезарь (*фронталь ей невинностью и полным непониманием характера этого прекрасного молодого человека*). Бедное дитя!

Клеопатра. Почему ты так говоришь, будто жалеешь меня? Может быть, он любит кого-нибудь другого?

Цезарь. Опасаюсь, что да.

Клеопатра (*глотая слезы*). Тогда, значит, я буду не первая, кого он полюбит?

Цезарь. Не совсем первая. Он пользуется большим успехом у женщин.

Клеопатра. Ах, мне так хотелось бы быть первой! Но если он полюбит меня, я заставлю его убить всех остальных. Скажи мне, он все так же прекрасен? И его круглые сильные руки все так же сверкают на солнце, словно мрамор?

Цезарь. Он прекрасно сохранился, особенно если принять во внимание, сколько он ест и пьет.

Клеопатра. Нет, ты не должен говорить о нем такие грубые, низкие вещи! Потому что я люблю его. Он бог.

Цезарь. Он великий начальник всадников и быстрее в беге, чем любой из римлян!

Клеопатра. Как его настоящее имя?

Цезарь (*недоуменно*). Настоящее?

Клеопатра. Да, я всегда называла его Гор. Потому что Гор—самый прекрасный из всех наших богов. Но мне хочется знать его настоящее имя.

Цезарь. Его зовут Марк Антоний.

Клеопатра (*мелодично*). Марк Антоний... Марк Антоний... Марк Антоний... Какое прекрасное имя! (*Бросается обнимать Цезаря.*) Ах, как я люблю тебя за то, что ты послал его на помощь отцу! Ты очень любил моего отца?

Цезарь. Нет, детка. Но твой отец, как ты сама говоришь, никогда не работал. А я всегда работал. Так вот, когда он потерял свою корону, ему пришлось пообещать мне шестнадцать тысяч талантов за то, чтобы я вернул ему ее.

Клеопатра. А он тебе заплатил?

Цезарь. Не все.

Клеопатра. Он правильно поступил. Потому что это уж слишком много. Весь мир не стоит шестнадцати тысяч талантов.

Цезарь. Возможно, что это и так, Клеопатра. Так вот, те египтяне, которые работают, заплатили мне за это как раз столько, сколько он мог вытянуть из них. Остальное еще не уплачено. Но, так как похоже, что мне уже не видать этих денег, надо снова приниматься за работу. А ты пойдешь погуляй немножко и пришли ко мне моего секретаря.

Клеопатра (*ласкаясь*). Нет, я хочу остаться с тобой, а ты мне расскажи про Марка Антония.

Цезарь. Если я не примусь за работу, то Потин и все прочие отрежут нас от пристани, и дорога в Рим будет закрыта.

Клеопатра. Мне все равно. Я не хочу, чтобы ты уезжал в Рим.

Цезарь. Но ведь ты хочешь, чтобы оттуда приехал Марк Антоний.

Клеопатра (*вскакивая*). О да, да, да! Я забыла! Иди скорей, принимайся за работу, Цезарь. И смотри, чтобы путь с моря был открыт для моего Марка Антония. (*Бежит через лоджию, посылая воздушный поцелуй Марку Антонию через море.*)

Цезарь (*поспешно идет на середину зала, к лестнице лоджию*). Эй, Британ! (*Сталкивается на верхней ступени с раненым солдатом.*) Что случилось?

Солдат (*показывая на свою перевязанную голову*). Вот, Цезарь. А два моих товарища убиты на рыночной площади.

Цезарь (*спокойно, но озабоченно*). Так. Как же это случилось?

Солдат. К Александрии подошла армия, которая называет себя римской армией.

Цезарь. Римская оккупационная армия?

Солдат. Да, под началом какого-то Ахилла.

Цезарь. И что же?

Солдат. Жители восстали против нас, как только эта армия вошла в город. Я был с двумя другими на рыночной площади, когда разнесся слух об этом. Они бросились на нас. Мне удалось пробиться, и вот я здесь.

Цезарь. Хорошо. Рад, что ты жив.

В лоджию поспешно входит Руфий, проходит мимо солдата и смотрит через арку на набережную внизу.

Руфий, нас осаждают.

Руфий. Как? Уже?

Цезарь. Сейчас или завтра, какое это имеет значение? Этого нельзя было избежать.

Вбегают Британ.

Британ. Цезарь!

Цезарь (*перебивая его*). Да, я знаю.

Руфий и Британ спускаются из лоджию по обе стороны Цезаря, который задерживается минуту на ступенях, разговаривая с солдатом.

Передай приказ, друг, чтобы наши вышли на набережную и были наготове возле галер. Пусть позаботятся о твоей ране. Ступай.

Солдат поспешно уходит.

(Сходит в зал, останавливается между Руфием и Британом.)

В Западной гавани стоят несколько наших кораблей, сожги их.

Руфий (*смотрит на него непонимающим взглядом*). Сжечь?

Цезарь. Возьми все лодки, что стоят в Восточной гавани, и захвати Фарос, остров с маяком. Оставь половину наших

людей охранять часть берега и набережную позади дворца — то есть наш путь домой.

Руфий (*с крайним неодобрением*). Значит, отдаем город?

Цезарь. Мы не брали его, Руфий. Мы удерживаем этот дворец и... какое это там здание рядом?

Руфий. Театр.

Цезарь. Так вот и его тоже. Оно господствует над побережьем.

А остальное: Египет — египтянам!

Руфий. Хорошо. Тебе лучше знать, я полагаю. Это все?

Цезарь. Все. А те корабли еще не горят?

Руфий. Будь покоен, я не стану терять времени. (*Убегает.*)

Британ. Цезарь, Потин настаивает на разговоре с тобой. Мне кажется, его следует проучить. Он держит себя крайне вызывающе.

Цезарь. Где он?

Британ. Ждет снаружи.

Цезарь. Эй, там, пропустите Потина!

Потин появляется в лоджии, очень высокомерно проходит в зал и останавливается слева от Цезаря.

Цезарь. Что скажет Потин?

Потин. Я принес тебе наши условия, Цезарь.

Цезарь. Условия? Дверь была открыта: тебе следовало уйти до того, как вы объявили войну. Теперь ты мой пленник. (*Подходит к креслу и развязывает тогу.*)

Потин (*презрительно*). Я твой пленник? Да знаешь ли ты, что ты в Александрии и что царь Птолемей с армией, которая во сто раз превосходит твое маленькое войско, держит Александрию в своих руках?

Цезарь (*невозмутимо снимает с себя тогу, бросает ее на кресло*). Ну что ж, друг, уйди, если сумеешь. И скажи твоим друзьям, чтобы они больше не убивали римлян на рыночной площади, а то мои солдаты, которые не обладают моим прославленным великодушием, пожалуй, убьют тебя. Британ, предупреди стражу и дай мои доспехи.

Британ выбегает. Руфий возвращается.

Ну что?

Руфий (*показывает через арку лоджии на клубы дыма, поднимающиеся над гаванью*). Смотри!

Потин с любопытством подбегает к ступенькам и выглядывает.

Цезарь. Как? Уже пылают? Невероятно!

Руфий. Да, пять добрых галер, и при каждой барка, груженная маслом. Но это не я. Египтяне избавили меня от хлопот. Они захватили Западную пристань.

Цезарь *(с беспокойством)*. А Восточная гавань, маяк, Руфий? Руфий *(внезапно разражаясь бешеной руганью, сбегает к Цезарю и накидывается на него)*. Да разве я могу в пять минут погрузить легион на суда? Первая когорта уже на берегу. Больше сделать невозможно. Если тебе нужно скорей, пойди и делай сам.

Цезарь *(успокаивает его)*. Ну хорошо, хорошо! Терпение, терпение, Руфий.

Руфий. Терпение! Кому здесь не терпится, мне или тебе? Разве я был бы здесь, если бы не мог наблюдать за ними через арку?

Цезарь. Прости меня, Руфий, и *(нетерпеливо)* поторопи их как только можно...

Его прерывает отчаянный старческий вопль. Этот вопль быстро приближается, и в лоджию врывается Теодот, который рвет на себе волосы и издает горестные душераздирающие возгласы. Руфий отступает, глядя на него в недоумении и удивляясь его безумию. Потин оборачивается и прислушивается.

Теодот *(на ступенях, потрясая руками)*. Ужас неслыханный! Горе нам, горе! Помогите!

Руфий. Что такое?

Цезарь *(нахмурившись)*. Кого убили?

Теодот. Убили? Да это хуже, чем гибель десяти тысяч человек! Утрата, непоправимая утрата для всего человечества!

Руфий. Что случилось?

Теодот *(бросаясь к нему)*. Огонь перебросился с ваших кораблей. Гибнет величайшее из семи чудес мира! Горит Александрийская библиотека!

Руфий. Фу-у! *(Совершенно успокоенный, поднимается в лоджию и следит за посадкой войск на берегу.)*

Цезарь. Это все?

Теодот *(не верит своим ушам)*. Все? Цезарь, потомство сохранило тебе память как о варваре-солдате, который был так невежествен, что не знал, какова цена книгам.

Цезарь. Теодот, я сам писатель. И я скажу тебе: пусть лучше египтяне живут, а не отрешаются от жизни, зарывшись в книги.

Теодот *(падая на колени, с фанатизмом истинного книжника, со страстью педанта)*. Цезарь! Десять поколений сменяются одно другим, и за все это время однажды рождается бессмертная книга.

Цезарь *(непреклонно)*. Если она не льстит человечеству, ее сжигает палач.

Теодот. Если не вмешается история, смерть положит тебя рядом с последним из твоих солдат.

Цезарь. Смерть всегда так делает. Я не прошу лучшей могилы.

Теодот. Но ведь это горит память человечества!

Цезарь. Позорная память! Пусть горит.

Теодот (*вне себя*). Ты готов разрушить прошлое?

Цезарь. Да. И построю будущее на его развалинах.

Теодот в отчаянии бьет себя кулаком по голове.

Но послушай, Теодот, наставник царей! Ты, оценивший голову Помпея не дороже, чем пастух ценит луковицу, вот ты теперь стоишь передо мной на коленях, и слезы льются из твоих старых глаз, и ты умоляешь меня пощадить несколько твоих овечьих кож, исцарапанных знаками заблуждений! Я не могу сейчас уделить тебе ни одного человека, ни одного ведра воды; но ты можешь свободно уйти из дворца. Иди, ступай к Ахиллу и проси у него его легионы, чтобы потушить огонь. (*Подталкивает его к ступеням и выпроваживает его.*)

Потин (*многозначительно*). Ты понимаешь, Теодот? Я остаюсь пленником.

Теодот. Пленником?

Цезарь. И ты будешь тратить время на разговоры, в то время как горит память человечества? (*Кричит из лоджии.*) Эй, там! Пропустите Теодота! (*Теодоту.*) Ну, ступай!

Теодот (*Потину*). Я должен идти спасать библиотеку. (*Поспешно уходит.*)

Цезарь. Проводи его до ворот, Потин. Скажи ему, пусть он внушит вашим людям, чтобы они, для твоей безопасности, не убивали больше моих людей.

Потин. Моя жизнь дорого обойдется тебе, Цезарь, если ты захочешь отнять ее. (*Идет вслед за Теодотом.*)

Руфий, поглощенный наблюдением за посадкой, не видит, что оба египтянина уходят.

Руфий (*кричит из лоджии на берег*). Все готово?

Центурион (*снизу*). Готово! Мы ждем Цезаря.

Цезарь. Скажи им, канальям, что Цезарь идет. (*Кричит.*) Британник! (*Это пышное производное от имени его секретаря — одна из обычных шуток Цезаря. Впоследствии это вполне серьезно и официально означало бы — завоеватель Британии.*)

Руфий (*кричит вниз*). Отваливай все, кроме баркаса! Становись на посадку, стража Цезаря! (*Возвращается из лоджии в зал.*) А где ж египтяне? Опять милосердие? Ты отпустил их?

Цезарь (*посмеиваясь*). Я отпустил Теодота спасать библиотеку. Мы должны уважать литературу, Руфий.

Руфий (*в бешенстве*). Да падет это безумие на голову безумца!
Я думаю, что если бы ты мог вернуть к жизни всех перебитых в Испании, Галлии и Фессалии, ты бы сделал это, чтоб нам опять с ними драться и драться.

Цезарь. Ты думаешь, боги не разрушили бы вселенной, если бы их единственной заботой было сохранить мир на ближайший год? (*Руфий, потеряв терпение, с раздражением отворачивается. Цезарь внезапно хватает его за рукав и шепчет лукаво ему на ухо.*) Кроме того, каждый пленный египтянин — это два римских солдата, которые должны стеречь его. Ясно?

Руфий. А! Я должен был догадаться, что за этими высокими разговорами скрываются какие-то лисьи хитрости. (*Отходит от Цезаря, раздраженно пожимая плечами, и идет в лоджию посмотреть на погрузку войск, затем уходит.*)

Цезарь. Что же это Британ спит? Я послал его за моими доспехами час тому назад. (*Кричит.*) Британник! Эй, ты, британский островитянин! Британник!

Клеопатра вбегает через лоджию с мечом и шлемом Цезаря, которые она выхватила у Британа. Тот следует за ней с латами и поножами. Они подходят — она слева, Британ справа.

Клеопатра. Я буду облачать тебя, Цезарь. Садись.

Цезарь повинуется.

Какие красивые эти римские шлемы! (*Снимает с его головы венок.*) Ах! (*Покатывается с хохотом.*)

Цезарь. Что ты смеешься?

Клеопатра. У тебя — лысина! (*Она не договаривает и снова раздражается хохотом.*)

Цезарь (*почти рассердившись*). Клеопатра! (*Встает, чтобы Британ мог надеть на него латы.*)

Клеопатра. Так вот зачем ты носишь венок! Чтобы ее не было видно.

Британ. Замолчи, египтянка, это лавры победителя. (*Затягивает латы.*)

Клеопатра. Сам молчи, островитянин! (*Цезарю.*) Ты должен втирать в голову крепкий сахарный настой. Они будут расти.

Цезарь (*с кислой миной*). Клеопатра, тебе приятно, когда тебе напоминают, что ты очень молода?

Клеопатра (*надувшись*). Нет.

Цезарь (*снова садится и подставляет ногу Британу, который надевает ему поножи*). Ну, а мне не нравится, когда мне напоминают, что я не молод. Хочешь, я отдам тебе десять моих лишних лет? Тебе будет двадцать шесть, а мне только... ну неважно. Согласна?

Клеопатра. Согласна. Двадцать шесть, запомни. (*Надевает на него шлем.*) Ах, как красиво! Тебе в нем никак не больше пятидесяти.

Британ (*строго смотрит на нее*). Ты не должна так говорить с Цезарем.

Клеопатра. А правда, что, когда Цезарь поймал тебя там, на твоём острове, ты был весь-весь выкрашен синей краской?

Британ. Синий цвет — это цвет бриттов высокого рождения. На войне мы окрашиваем наши тела в синий цвет. Наши враги могут снять с нас одежду, отнять нашу жизнь, но они не могут отнять у нас нашу респектабельность. (*Поднимается с колен.*)

Клеопатра (*держит в руках меч Цезаря*). Дай я надену его на тебя. Теперь ты прямо замечательный! А в Риме есть твои статуи?

Цезарь. Да. Немало.

Клеопатра. Ты должен послать за одной и подарить мне.

Руфий (*возвращается в лоджии в страшном нетерпении*). Ну, Цезарь, наговорился ты? Как только ты вступишь на борт, задержки не будет. Галеры наперегонки полетят к маяку.

Цезарь (*вытаскивая меч и пробуя лезвие*). Хорошо ли он наточен, Британник? Под Фарсалой он был туп, как втулка от бочки.

Британ. Рассчет волос египетский. Я точил его сам.

Клеопатра (*в внезапном страхе бросается на шею Цезарю, обнимает его*). Нет, нет! Неужели ты в самом деле идешь затем, чтобы тебя убили?

Цезарь. Нет, Клеопатра, ни один человек не идет в бой затем, чтобы его убили.

Клеопатра. А их убивают. Муж сестры моей был убит в бою! Ты не должен уходить. Пусть он идет. (*Показывает на Руфия.*)

Все смеются над ней.

Пожалуйста, пожалуйста, не уходи! Что же будет со мной, если ты больше не вернешься?

Цезарь (*внушительно*). Ты боишься?

Клеопатра (*съезжившись*). Нет.

Цезарь (*спокойно и властно*). Иди на балкон, и ты увидишь, как мы возьмем Фарос. Тебе следует приучаться смотреть на бой. Иди!

Она идет, поникшая, и смотрит с балкона.

Вот и хорошо. Ну, Руфий, марш!

Клеопатра (*хлопая в ладоши*). А вот ты и не сможешь уйти, Цезарь!

Цезарь. Что там еще?

Клеопатра. Они осушают гавань, они сейчас вычерпают отсюда всю воду ведрами. Сколько солдат! Вон там.
(Показывает налево.)

Руфий (поспешно выглядывает). Верно. Египетская армия! Усеяли всю Западную гавань, как саранча. (Разозленный, подходит крупными шагами к Цезарю.) Это все твое проклятое милосердие, Цезарь! Их привел Теодот.

Цезарь (в восторге от собственной проницательности). Я так и полагал, Руфий. Они пришли тушить огонь. Они будут возиться с библиотекой, а мы пока захватим маяк. (Решительно идет через лоджию в сопровождении Британа.)

Руфий (с отвращением). Опять лисьи хитрости. Эх! (Бросается за ними.)

Крики солдат внизу возвещают появление Цезаря.

Центурион (внизу). Все на борт! Расступись! Дай дорогу!

Снова крики.

Клеопатра (машет шарфом из арки лоджию). Прощай, милый Цезарь! Возвращайся невредимый! Прощай!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Набережная перед дворцом, обращенная на западную сторону Восточной гавани Александрии; отсюда открывается вид на остров Фарос, на одном конце которого, выступающем узкой косой, стоит знаменитый маяк — громадная квадратная башня из белого мрамора, сужающаяся кверху от этажа к этажу и заканчивающаяся сигнальной вышкой. Остров с материком соединен Гептастадием — это большая дамба длиной в пять миль, она примыкает к гавани с южной стороны.

Посреди набережной стоит на посту римский часовой. В руке у него пилум, он с напряженным вниманием, прикрыв левой рукой глаза, смотрит на маяк. Пилум — это толстый деревянный кол в четыре с половиной фута длиной, с железным наконечником длиной примерно в три фута. Часовой так поглощен своими наблюдениями, что не замечает, как с северной стороны набережной приближаются четверо египтян-носильщиков, которые несут тюки свернутых ковров. Впереди идут Фататита и сицилиец Аполлодор. Аполлодор — блестящий молодой человек лет двадцати четырех, красивый, с непринужденными манерами; он одет с вычурной изысканностью — в серо-голубую с бледным пурпуром одежду с украшениями из бронзы, оксидированного серебра,

нефрита и агата. Вороненое лезвие его меча, отделанного не хуже, чем средневековые кресты, блестит в прорезях пурпурных кожаных ножен с филигранным узором. Носильщики вслед за Фтататитой проходят позади часового к ступеням дворца, где они складывают свои тюки и присаживаются на корточки. Аполлодор отстает от них и останавливается, заинтересованный поведением часового.

Аполлодор (окликаая часового). Кто идет? Эй!

Часовой вздрагивает, круто поворачивается с пилумом наперевес; теперь видно, что это маленький, жилистый исполнительный молодой человек с несколько старообразным лицом и волосами песочного цвета.

Часовой. Что такое? Стой! Ты кто такой?

Аполлодор. Я Аполлодор, сицилиец. О чем это ты задумался? С тех пор как я провел караван через караул у театра, я прошел мимо трех часовых, и все они до того заняты маяком, что ни один из них не окликнул меня. Это что, римская дисциплина?

Часовой. Мы сторожим здесь не сушу, а море. Цезарь только что высадился на Фаросе. (Смотрит на Фтататиту.) А это что такое? Что это еще за египетская посудаина?

Фтататита. Усмири эту римскую собаку, Аполлодор. Скажи ему, чтобы он придержал язык в присутствии Фтататиты, царской домоправительницы.

Аполлодор. Друг мой, это знатная особа, которая пользуется покровительством Цезаря.

Часовой (на которого это не произвело никакого впечатления, указывая на ковры). А это что за добро?

Аполлодор. Ковры для покоев царицы. Я выбрал их из самых лучших ковров в мире, а царица выберет лучшие из тех, что отобрал я.

Часовой. Так ты, значит, торговец коврами?

Аполлодор (задетый). Друг мой, я патриций.

Часовой. Патриций! Хорош патриций, который держит лавку, вместо того чтобы носить оружие.

Аполлодор. Я не держу лавки. Я служитель в храме искусства. Я поклоняюсь красоте. Мое призвание — находить прекрасные вещи для прекрасных цариц. Мой девиз — искусство для искусства.

Часовой. Это не пароль.

Аполлодор. Это всемирный пароль.

Часовой. Я ничего не знаю насчет всемирных паролей. Или говори мне сегодняшней пароль, или проваливай назад в свою лавку.

Фтататита, возмущенная его враждебным тоном, подкрадывается шагом пантеры и становится позади часового.

Аполлодор. А если я не сделаю ни того, ни другого?

Часовой. Проткну тебя пилумом.

Аполлодор. Я готов, друг. *(Обнажает свой меч и наступает на часового с невозмутимым изяществом.)*

Фтататита *(неожиданно хватает часового сзади за руки)*. Воткни меч в глотку собаке, Аполлодор!

Рыцарственный Аполлодор, смеясь, качает головой; он отходит от часового, опускает свой меч и идет к дворцу.

Часовой *(тицетно пытаясь вырваться)*. Проклятье! Пусти меня. Гей! На помощь!

Фтататита *(поднимая его на воздух)*. Проткни этого римского гаденыша! Насади его на свой меч!

Центурион с римскими солдатами выбегают с северной стороны набережной. Они выручают товарища и отбрасывают Фтататиту так, что она катится кубарем по земле налево от часового.

Центурион *(невзрачный человек лет пятидесяти; краткая и отрывистая речь и движения; в руках жезл из виноградной лозы)*. Что такое, что здесь творится?

Фтататита *(Аполлодору)*. Почему ты не проткнул его? У тебя было время.

Аполлодор. Центурион, я здесь по повелению царицы, ибо...

Центурион *(прерывая его)*. Царицы? Да, да. *(Часовому.)* Пропусти его. И пропускай всех этих рыночных торговцев с товарами к царице. Но берегись, если ты выпустишь из дворца хотя бы одного из тех, кого ты не пропускал туда, хотя бы самое царицу.

Часовой. Вот эта вредная старуха — она сильнее троих мужчин — подговаривала купца заколоть меня.

Аполлодор. Центурион, я не купец. Я патриций и служитель искусства.

Центурион. Эта женщина твоя жена?

Аполлодор *(в ужасе)*. Нет, нет! *(Спохватившись, учтиво.)*

Конечно, нельзя отрицать, что по-своему эта дама весьма замечательна, но *(внушительно)* она не жена мне.

Фтататита *(центуриону)*. Римлянин, я — Фтататита, домоправительница царицы.

Центурион. Руки прочь от наших мужчин, красотка, или я сброшу тебя в гавань, хотя бы ты была сильнее десяти мужчин. *(Солдатам.)* Марш на посты! *(Уходит с солдатами.)*

Фтататита *(проводя его злобным взглядом)*. Мы еще увидим, кого больше любит Изида — служанку свою Фтататиту или эту римскую собаку!

Часовой (*Аполлодору, показывая пилумом на дворец*). Проходи. Да держись подальше. (*Обращаясь к Фтататите*.) Подойди хоть на шаг ко мне, древняя крокодилица, и я тебе всажу вот эту штуку (*потрясает пилумом*) прямо в глотку.

Клеопатра (*из дворца*). Фтататита! Фтататита!

Фтататита (*смотрит с возмущением наверх*). Отойди от окна, отойди от окна, здесь мужчины!

Клеопатра. Я иду вниз.

Фтататита (*растерянно*). Нет, нет! Что ты выдумала! О боги, боги! Аполлодор, прикажи твоим людям взять тюки. И следуйте за мной во дворец, скорей!

Аполлодор. Повинуйтесь домоправительнице царицы.

Фтататита (*нетерпеливо носильщикам, которые нагибаются поднимать тюки*). Скорей, скорей, а то она сама придет сюда.

Клеопатра выходит из дворца и бежит по набережной к Фтататите.

О, лучше бы мне не родиться!

Клеопатра (*оживленно*). Фтататита, ты знаешь, что я придумала? Мне нужна лодка, сейчас же.

Фтататита. Лодку? Нет, и думать нечего. Аполлодор, поговори с царицей.

Аполлодор (*галантно*). Прекрасная царица! Я — Аполлодор, сицилиец, твой слуга. Я принес тебе с базара на выбор три прекраснейших в мире персидских ковра.

Клеопатра. Мне сейчас не нужно никаких ковров. Достань лодку.

Фтататита. Что за прихоть? Кататься по морю ты можешь только в царской барке.

Аполлодор. О Фтататита! Царственность не в барке, а в самой царице. (*К Клеопатре*.) Самая жалкая посудина в гавани станет царственной, едва нога ее величества коснется борта. (*Поворачивается к гавани и кричит в море*.) Эй, лодочник. Греби ко дворцу!

Клеопатра. Аполлодор, ты достойный рыцарь мой. И я всегда буду покупать ковры только у тебя.

Аполлодор радостно кланяется. Над парпетом набережной поднимается весло, и лодочник, бойкий круглоголовый парень, почти черный от загара, поднимается по ступеням справа от часового и останавливается с веслом в руке.

Ты умеешь грести, Аполлодор?

Аполлодор. Весла мои будут крыльями твоему величеству.

Куда прикажет отвезти себя царица?

Клеопатра. На маяк. Идем. (*Сбегает по ступеням*.)

Часовой (*преграждая путь пилумом*). Стой! Тебе нельзя.

Клеопатра (*гневно вспыхивает*). Как ты осмелился? Знаешь ты, что я царица?

Часовой. Я повинуюсь приказу. Не велено пропускать.

Клеопатра. Я скажу Цезарю, и он убьет тебя за то, что не повинешься мне.

Часовой. Он поступит со мной еще хуже, если я послушаюсь моего начальника. Назад!

Клеопатра. Фтататита, задуши его.

Часовой (*с опаской глядя на Фтататиту, размахивает пилумом*). Не подходи, ты!

Клеопатра (*бросается к Аполлодору*). Аполлодор, скажи твоим рабам, чтобы они помогли нам.

Аполлодор. Мне не нужна их помощь, повелительница. (*Обнажает меч.*) Ну, воин, выбирай— чем будешь защищаться? Меч против пилума или меч против меча?

Часовой. Римлянин против сицилийца, будь он проклят! На, получай! (*Бросает свой пилум в Аполлодора, который ловко припадает на одно колено, и пилум со свистом пролетает над его головой, не причинив ему вреда. Аполлодор с криком торжества нападает на часового, который обнажает меч и, защищаясь, кричит.*) Эй, стража, на помощь!

Клеопатра, замирая от страха и восторга, прижимается к стене дворца, где сидят среди своих тюков носильщики. Лодочник в перепуге бросается вниз по ступеням, подальше от поединка, но останавливается так, что над паранетом набережной видна его голова, и следит за боем. Часовому приходится трудно, так как он боится, как бы на него не напала сзади Фтататита. Его искусство фехтовать довольно грубо и не блещет изяществом, тем более что, нанося удар и отражая выпад Аполлодора, он нет-нет да и замахивается на Фтататиту, чтобы отогнать ее. Центурион снова входит с несколькими солдатами. Аполлодор при виде этого подкрепления отскакивает назад, к Клеопатре.

Центурион (*подходя к часовому справа*). Что здесь еще?

Часовой (*отдуваясь*). Я бы отлично справился, коли бы только не эта старуха. Уберите ее от меня. Больше мне ничего не надо.

Центурион. Докладывай по порядку. Что случилось?

Фтататита. Центурион, он чуть не убил царицу.

Часовой (*грубо*). И скорей убил бы, а не выпустил. Она хотела взять лодку и отправиться, как она сказала, на маяк. Я остановил ее, как было приказано. А она натравила на меня вот этого молодца. (*Идет, поднимает свой пилум и возвращается обратно.*)

Центурион (*Клеопатре*). Клеопатра, я не хотел бы тебя огорчать, но без особого приказа Цезаря мы не смеем пропустить тебя за линию римских постов.

Аполлодор. Скажи, центурион, а разве маяк теперь не в пределах римских постов, с тех пор как Цезарь высадился на Фаросе?

Клеопатра. Да, да! Что ты на это ответишь?

Центурион (*Аполлодору*). Ты, Аполлодор, благодари богов, что пилум не пригвоздил тебя к двери дворца за твое вмешательство.

Аполлодор (*очень любезно*). Друг мой воин, я рожден не для того, чтобы меня убили столь уродливым оружием. Если мне суждено пасть, так меня сразит (*выхватывает свой меч*) вот этот владыка всех клинков, единственное оружие, достойное служителя искусства. И так как ты теперь убедился, что мы не думаем выходить за пределы римских постов, дай мне прикончить часового и отправиться с царицей.

Центурион (*на гневное движение часового*). Спокойствие! Клеопатра, я подчиняюсь приказу, а не хитроумным толкованиям этого сицилийца. Тебе должно уйти во дворец и заняться там этими коврами.

Клеопатра (*надувшись*). Я не пойду. Я царица. Цезарь так не говорит со мной, как ты. Или центурионы Цезаря учатся манерам у судомоек?

Центурион (*хмуро*). Я исполняю свой долг. Это все.

Аполлодор. Царица, когда глупец делает что-нибудь, чего он стыдится, он всегда заявляет, что это его долг.

Центурион (*гневно*). Аполлодор...

Аполлодор (*перебивая его, с вызывающим изяществом*). Я готов дать тебе удовлетворение мечом в надлежащее время и в надлежащем месте. Художник всегда готов к поединку. (*Клеопатре*.) Послушайся моего совета, о звезда востока! Пока этим солдатам не придет приказ от самого Цезаря, ты — пленница здесь. Отправь меня с поручением к нему и с подарком. И прежде чем солнце, склонясь в объятия моря, пройдет половину своего пути, я привезу тебе обратно приказ Цезаря.

Центурион (*издеваясь*). И ты, конечно, продашь царице ее подарок Цезарю?

Аполлодор. Центурион, царица получит от меня без всякой мзды, как добровольную дань сицилийца, поклоняющегося египетской красоте, самый прекрасный из этих ковров для подарка Цезарю.

Клеопатра (*торжествуя, центуриону*). Ты видишь теперь, какая ты неотесанная дубина!

Центурион (*отрывисто*). Глупец скоро расстанется со своим добром. (*Солдатам.*) Еще двоих на этот пост, и никого не выпускать из дворца, кроме этого молодчика с его товаром. Если он обнажит меч в пределах поста — заколоть! Марш на посты! (*Уходит, оставляя двух лишних часовых.*)

Аполлодор (*вежливо и дружелюбно*). Друзья мои, не зайти ли нам во дворец и не утопить ли нашу размолвку в чаше доброго вина? (*Вытаскивает кошель, позвякивая монетой.*) У царицы нашлись бы подарки для всех вас.

Часовой (*очень угрюмо*). Ты слышал приказ? Иди своей дорогой.

Первый подчасок. Да, должен понимать. Убирайся.

Второй подчасок (*горбоносый мужчина, не похожий на своего товарища, у которого грубое, толстое лицо, с жадностью поглядывает на кошель*). Не искушай бедняка.

Аполлодор (*Клеопатре*). Жемчужина среди цариц! Центурион в двух шагах, а римский солдат неподкупен, когда на него смотрит его начальник. Мне придется отвезти твое поручение Цезарю.

Клеопатра (*задумчиво, уставившись на ковры*). Эти ковры очень тяжелые?

Аполлодор. Не все ли равно, тяжелы они или нет? У нас хватит носильщиков.

Клеопатра. А как они спускают эти ковры в лодки? Просто бросают их?

Аполлодор. В маленькие лодки, твое величество, их нельзя бросать, лодка может утонуть.

Клеопатра. Вот в такую лодку, как эта? (*Показывает на лодочника.*)

Аполлодор. Нет, эта уж слишком мала.

Клеопатра. Но ты сумеешь отвезти в ней ковер Цезарю, если я пошлю?

Аполлодор. Без сомнения!

Клеопатра. И ты будешь осторожно нести его по ступеням? И будешь очень беречь его?

Аполлодор. Положись на меня.

Клеопатра. Ты будешь очень-очень беречь его?

Аполлодор. Больше, чем свою голову.

Клеопатра. Ты обещаешь мне, что помотришь за носильщиками, чтобы они не уронили его, не бросали кое-как?

Аполлодор. Положи в него кубок из самого тонкого стекла, что только есть во дворце, и если он разобьется, я заплачу за него своей головой.

Клеопатра. Хорошо. Идем, Фтататита.

Фтататита подходит. Аполлодор собирается сопроводить их.

Нет, Аполлодор, ты не должен идти. Я сама выберу ковер. Жди здесь. *(Бежит во дворец.)*

Аполлодор *(носильщику)*. Следуйте за этой особой *(показывает на Фтататиту)* и повинуйтесь ей.

Носильщики встают и поднимают тюки.

Фтататита *(обращаясь к носильщикам так, словно это нечто нечистое)*. Сюда. И снимите обувь, прежде чем ступить на эту лестницу.

Входит во дворец, за ней носильщики с коврами. Аполлодор тем временем подходит к краю набережной и смотрит на море. Часовые враждебно косятся на него.

Аполлодор *(часовому)*. Друг мой!

Часовой *(грубо)*. Молчать!

Первый подчасок. Закрой пасть, ты!

Второй подчасок *(полушепотом, с опаской поглядывая на северный край набережной)*. Чего тебе не терпится? Не можешь подождать немного?

Аполлодор. Терпение — достопочтенный осел о трех головах!

Часовые ворчат.

(Не проявляет ни малейшего страха.) Послушайте, вы что — за мной здесь наблюдаете или за египтянами?

Часовой. Мы свое дело знаем.

Аполлодор. Тогда почему же вы не делаете его? Глядите-ка, что там творится. *(Показывает на юго-западную часть мола.)*

Часовой *(желчно)*. Мне не нужны советы такого, как ты.

Аполлодор. Чурбан! *(Кричит.)* Эй, там, центурион! Хо-хо!

Часовой. Проклятье на тебя. Чего ты лезешь? *(Кричит.)*

Хо-хо! Тревога! Тревога!

Первый и второй подчаски. Тревога! Тревога! Хо-хо!

Центурион бежит со своими солдатами.

Центурион. Что такое еще? Опять на тебя старуха напала? *(Видит Аполлодора.)* Ты все еще здесь?

Аполлодор *(указывая снова туда же)*. Посмотри-ка, египтяне зашевелились. Они собираются отбить у вас Фарос. Вон они уже готовы напасть и с суши и с моря. С суши — по большому молу, с моря — из Западной гавани. Поворачивайтесь вы, воины! Охота началась.

С разных сторон набережной раздаются звуки труб.

Ага! Я говорил!

Центурион *(поспешно)*. Вы, двое лишних, передать тревогу на южные посты! Одному остаться на часах. Остальные — за мной! Живо!

Два подчаска бегут в южную сторону. Центурион с солдатами — в противоположную сторону. Сейчас же вслед за этим раздается рев буцины. Четверо носильщиков выходят из дворца, неся свернутый ковер. За ними Фтататита.

Часовой (с опаской поднимая пилум). Опять ты!

Носильщики останавливаются.

Фтататита. Потихе, римлянин: ты теперь остался один. Аполлодор, этот ковер Клеопатра посылает в подарок Цезарю. В нем завернуто десять драгоценных кубков тончайшего иберийского хрусталя и сотня яиц священной синей голубки. Покались честью, что ни одно из них не будет разбито.

Аполлодор. Клянусь головой. (Носильщикам.) Несите в лодку. Осторожней!

Носильщики сходят с тюком по ступеням.

Первый носильщик (смотрит вниз на лодку). Поостерегитесь, господин! Яйца, о которых говорит эта госпожа, весят, должно быть, каждое по фунту. Эта лодка не выдержит такой тяжести.

Лодочник (в бешенстве вскакивает на ступени). О ты, злоязычный носильщик! Ты, противный естеству сын верблюдихи! (Аполлодору.) Моя лодка, господин, возила не раз по пять человек. Неужели она не свезет вашу милость да сверток с голубиными яйцами? (Носильщику.) Ты, облезлый дромадер! Пусть боги покарают тебя за твою злобу и зависть!

Первый носильщик (флегматично). Я не могу бросить тюк, чтобы одуть тебя. Но уж когда-нибудь я тебя подстерегу!

Аполлодор (примируительно). Замолчите! Если бы эта лодка была всего-навсего щепкой, я бы все равно поплыл на ней к Цезарю.

Фтататита (в тревоге). Заклинаю тебя богами, Аполлодор, не поступай неосмотрительно с этим тюком.

Аполлодор. Не бойся ты, о почтеннейшая из химер. Я понимаю, что ему нет цены. (Носильщику.) Клади, говорю я, да поосторожней, или ты десять дней не будешь есть ничего, кроме палки.

Лодочник спускается вниз, за ним носильщики с тюком. Фтататита и Аполлодор наблюдают с берега.

Тише, сыновья мои! Тише, дети мои! (С внезапным испугом.) Да тише вы, собаки! Клади поровней на корму. Так! Хорошо!

Фтататита (вопит одному из носильщиков). Не наступи на него. Не наступи! О ты, грубая скотина!

Первый носильщик (*поднимаясь по ступеням*). Не волнуйся, госпожа. Все цело.

Фтататита (*задыхаясь*). Все цело. Как только сердце мое не разорвалось! (*Хватается за грудь*.)

Все четверо носильщиков поднялись и стоят на верхней ступени, дожидаясь платы.

Аполлодор. Вот вам, голяки! (*Дает деньги первому носильщику, который подбрасывает их на руке, чтобы показать остальным*.)

Они жадно толпятся вокруг и заглядывают, сколько он получил, уже приготовившись, по восточному обычаю, взывать к богам, проклиная жадность нанимателя. Но его щедрость ошеломляет их.

Первый носильщик. О щедрый государь!

Второй носильщик. О повелитель базара!

Третий носильщик. О любимец богов!

Четвертый носильщик. О отец всех носильщиков рынка!

Часовой (*с завистью, злобно замахаясь на них пилумом*). Пошли вон, собаки! Убирайтесь.

Они убегают по набережной в северном направлении.

Аполлодор. Прощай, Фтататита! Я буду на маяке раньше египтян. (*Спускается вниз*.)

Фтататита. Пусть боги даруют тебе скорый путь и защитят мое сокровище!

Часовой возвращается после погони за носильщиками, чтобы не дать Фтататите бежать.

Аполлодор (*снизу, в то время как лодка отчаливает*). Прощай, доблестный метатель пилума!

Часовой. Прощай, лавочник!

Аполлодор. Ха-ха! Налегай на весла, бравый лодочник. Хо-хо-хо! (*Он начинает петь на мотив баркаролы, в такт веслам*.)

Сердце мое, крылами взмахни,

Бремя любви, сердце, стряхни.

Дай-ка мне весла, о сын черепахи!

Часовой (*угрожающе, Фтататите*). Ну, красавица, иди-ка в свой курятник. Марш отсюда!

Фтататита (*падая на колени и протягивая руки к морю*). Боги морей, вынесите ее невредимую на берег!

Часовой. Вынесите кого невредимой? Что это ты плетешь?

Фтататита (*глядя на него зловеще*). Боги Египта и боги Возмездия, сотворите так, чтобы этот римский болван был

избит хуже всякой собаки начальником своим за то, что он недосмотрел и пустил ее в море.

Часовой. Проклятая! Так, значит, это она в лодке? (*Кричит в море.*) Хо-хо! Лодочник! Хо-хо!

Аполлодор (*поет вдалеке*).

Будь свободным, счастливым будь,
Злую неволю, сердце, забудь.

Тем временем Руфий, после утренней битвы, сидит на связке хвоста перед дверью маяка и жует финики; гигантская вышка маяка поднимается слева от него, уходя в небо. Между колен у Руфия зажат его шлем, полный фиников; рядом кожаная фляга с вином. Позади него громадный каменный пьедестал маяка, закрытый с моря низким каменным парапетом, с двумя ступенями посредине. Массивная цепь с крюком от маячного подъемного крана висит прямо над головой Руфия. Такие же вязанки хвоста, как и та, на которой он сидит, лежат рядом, приготовленные для маячного костра. Цезарь стоит на ступенях парапета и тревожно смотрит вдаль, по-видимому, в довольно мрачном настроении. Из дверцы маяка выходит Британ.

Руфий. Ну как, островитянин-бритт? Поднимался ты на самый верх?

Британ. Да. Думаю, высота около двухсот футов.

Руфий. Есть там кто-нибудь?

Британ. Старый сириец, который работает краном, и его сын, благонравный юноша лет четырнадцати.

Руфий (*смотрит на цепь*). Ну-ну! Старик и мальчишка поднимают вот эту штуку? Да их там человек двадцать, наверно.

Британ. Только двое, уверяю. У них там противовесы и какая-то машина с кипящей водой—не знаю, в чем там дело; это не британское изобретение. Они поднимают бочонки с маслом и хвост для костра на вышке.

Руфий. А как же...

Британ. Прости, я спустился, потому что к нам по молу идут гонцы с острова. Нужно узнать, что им надо. (*Торопливо проходит мимо маяка.*)

Цезарь (*отходит от парапета, поживаясь, явно не в духе*). Руфий, это была безумная затея. Нас расколотят. Хотел бы я знать, как там идет дело с баррикадой на большой дамбе?

Руфий (*огрызается*). Уж не прикажешь ли мне оставить еду и на голодное брюхо бежать туда, чтобы доложить тебе?

Цезарь (*нервно, но стараясь успокоить его*). Нет, Руфий, нет. Ешь, сын мой, ешь. (*Снова выходит на парапет.*)

Руфий продолжает поглощать финики.

Вряд ли египтяне настолько глупы, что не догадаются ударить по укреплению и ворваться сюда, прежде чем мы его доделаем. Первый раз решился на рискованный шаг, когда его можно было легко избежать. Не следовало мне идти в Египет.

Руфий. А всего какой-нибудь час тому назад ты ликовал и праздновал победу.

Цезарь (*оправдываясь*). Да. Я был глупцом. Опрометчивость, Руфий, мальчишество!

Руфий. Мальчишество? Ничуть. На-ка вот. (*Протягивает ему горсть фиников.*)

Цезарь. Зачем это?

Руфий. Съешь. Тебе как раз этого не хватает. Человек в твоём возрасте всегда склонен раскисать натошак. Поешь и отхлебни вот этого. А тогда и поразмысли еще раз о наших делах.

Цезарь (*берет финики*). В моем возрасте... (*Качает головой и откусывает кусочек.*) Да, Руфий, я старый человек, я изнашивался. Это правда, сушая правда. (*Погружается в грустные размышления и машинально дожжевывает второй финик.*) Ахилл — он еще во цвете лет. Птолемей — мальчик. (*Жует третий финик, несколько приободряется.*) Ну что ж, каждому свое время. И я взял свое, жаловаться не приходится. (*Неожиданно оживившись.*) А неплохие финики, Руфий.

Возвращается Британ, он очень взволнован, в руках у него кожаная сума.

(Уже опять стал самим собой.) Что еще?

Британ (*торжествующе*). Наши доблестные родосские моряки выловили сокровище. Вот! (*Бросает суму к ногам Цезаря.*)

Теперь враги твои в наших руках.

Цезарь. В этой суме?

Британ. Дай договорить. В этой суме все письма, которые партия Помпея посылала в Египет оккупационной армии.

Цезарь. Ну и что же?

Британ (*досадуя на то, что Цезарь так туго соображает*). Ну вот, теперь мы будем знать, кто враги твои. Имена всех, кто замышлял против тебя, с тех пор как ты перешел Рубикон, могут оказаться здесь, в этих бумагах.

Цезарь. Брось это в огонь.

Британ (*остолбенев, изумленно*). Бросить?!!

Цезарь. В огонь! Неужели ты заставишь меня тратить ближайшие три года моей жизни на то, чтобы осуждать и отправлять в изгнание людей, которые могут стать мне друзьями, если я докажу им, что моя дружба стоит дороже

дружбы Помпея или Катона? О ты, неисправимый бритт-островитянин! Или я бульдог, чтобы лезть в драку только затем, чтобы показать, какие у меня крепкие челюсти?

Британ. Но честь твоя — честь Рима?

Цезарь. Я не устраиваю человеческих жертвоприношений моей чести, как ваши друиды. Не хочешь сжечь — давай я их швырну в море. *(Поднимает мешок и бросает через паранет в волны.)*

Британ. Цезарь, это просто чудачество! Можно ли поощрять предателей ради красивого жеста и красивого словца?

Руфий *(вставая)*. Цезарь, когда островитянин кончит свою проповедь, позови меня. Я пойду взглянуть на машину с кипящей водой. *(Уходит в помещение маяка.)*

Британ *(с искренним чувством)*. О Цезарь, мой великий повелитель! Если бы я мог убедить тебя, что на жизнь надо смотреть серьезно, как это делают люди моей страны.

Цезарь. А они действительно так смотрят?

Британ. Разве ты не был у нас? Разве ты не видал их? Разве бритт будет говорить с таким легкомыслием, как говоришь ты? Разве бритт может пренебречь молитвой в священной роще? Разве бритт решится носить такую пеструю одежду, вместо одноцветной синей, как подобает всем солидным, достойным уважения людям? Ведь для нас это вопросы морали.

Цезарь. Хорошо, хорошо, друг. Когда-нибудь, когда я устроюсь попрочнее, я, может быть, и заведу себе синюю тогу. А пока уж мне приходится выворачиваться как умю, на мой римский, распушенный лад.

Аполлодор проходит мимо маяка.

Это что такое?

Британ *(быстро оборачивается и с официальным высокомерием окликает чужеземца)*. Это что значит? Кто ты такой? Как попал сюда?

Аполлодор. Успокойся, приятель. Я тебя не съем. Я приплыл на лодке из Александрии с драгоценными дарами для Цезаря.

Цезарь. Из Александрии?

Британ *(сурово)*. С тобой говорит Цезарь.

Руфий *(появляясь в двери маяка)*. Что тут такое?

Аполлодор. Слава великому Цезарю! Я Аполлодор, сицилиец, художник.

Британ. Художник? Кто пустил сюда этого бродягу?

Цезарь. Успокойся, друг! Аполлодор — именитый патриций, он художник-любитель.

Британ (*смущенно*). Прошу прощения, благородный господин. (*Цезарю.*) Я понял так, что это его ремесло. (*Несколько пристыженный, он уступает Аполлодору место рядом с Цезарем.*)

Руфий, окинув Аполлодора явно пренебрежительным взглядом, отходит на другой конец паркета.

Цезарь. Привет тебе, Аполлодор! Что ты хочешь от нас?
Аполлодор. Прежде всего поднести тебе дар от царицы цариц.

Цезарь. От кого это?

Аполлодор. От Клеопатры, царицы египетской.

Цезарь (*обращается к нему доверчиво, самым подкупающим тоном*). Аполлодор, сейчас нам не время забавляться подарками. Прошу тебя, вернись к царице и скажи ей, что если все сложится удачно, я нынче же вечером вернусь во дворец!

Аполлодор. Цезарь, я не могу вернуться. Когда мы подплывали к маяку, какой-то болван сбросил в море громадный кожаный мешок и сломал нос моей лодки. Я едва успел выбраться с ношей на берег, как эта жалкая скорлупка пошла ко дну.

Цезарь. Сочувствую тебе, Аполлодор. Болвана мы накажем. Ну, ладно! Расскажи, что ты привез мне? Царица будет в обиде, если я не взгляну.

Руфий. Разве есть время заниматься пустяками? Твоя царица — ребенок!

Цезарь. Вот именно. Поэтому-то нам и нельзя огорчать ее. Что же это за подарок, Аполлодор?

Аполлодор. Цезарь, это персидский ковер, красота из красот. И в нем, как мне сказали, голубиные яйца, хрустальные кубки и хрупкие драгоценности. Я отвечаю головой за мою ношу и поэтому не рискнул тащить ее сюда по узкой лесенке с мола.

Руфий. Можно поднять краном. Прицепи на крюк. Яйца пошлем повару, из кубков будем пить вино, а ковер пойдет на ложе Цезаря.

Аполлодор. Краном? Цезарь, я поклялся беречь тук с ковром, как собственную жизнь.

Цезарь (*шутливо*). Тогда можно поднять вас обоих вместе. И если цепь оборвется, ты погибнешь вместе с голубиными яйцами. (*Подходит к цепи и с любопытством рассматривает ее.*)

Аполлодор (*Британу*). Цезарь это серьезно говорит?

Британ. Он разговаривает таким легкомысленным тоном потому, что он итальянец, но то, что он говорит, он делает.

Аполлодор. Серьезно или нет, но он говорит дело. Дайте же мне отряд воинов, чтобы привести этот кран в действие.

Британ. Предоставь кран мне, а сам ступай вниз и дожидайся, пока спустится цепь.

Аполлодор. Хорошо. Вы сейчас увидите меня вон там. *(Поворачивается к ним и красноречивым жестом показывает на небо.)* Я взойду там, словно солнце, с моим сокровищем. *(Уходит тем же путем, что и пришел.)*

Британ скрывается в помещении маяка.

Руфий *(ворчливо)*. Ты действительно намерен дожидаться здесь, чем кончится весь этот балаган?

Цезарь *(отходит в сторону, когда цепь начинает двигаться)*. Почему бы и нет?

Руфий. Египтяне сейчас покажут тебе, почему нет, если только у них хватит ума броситься на нас с берега, пока мы не возвели укрепление. А мы здесь стоим и дожидаемся, как малые ребята, чтобы нам показали ковер с голубиными яйцами.

Цепь с грохочущим лязгом поднимается над парапетом, затем, раскачиваясь, поворачивается вместе с краном и исчезает за маяком.

Цезарь. Не бойся, о Руфий, сын мой! Едва только первый египтянин станет на мол, наши затрубят тревогу. И мы с тобой отсюда успеем добежать до укрепления раньше, чем египтяне с той стороны. Мы с тобой вдвоем, Руфий: я, старик, и ты, его старший сын. И старик будет там первым. Итак, успокойся! И дай-ка мне еще фиников.

Аполлодор *(с насыти внизу)*. Эй-хо! Давай, тяни! О-хо-хо!

Цепь поднимается и снова, раскачиваясь, появляется из-за маяка. Аполлодор висит в воздухе со своим тюком, пафя над парапетом.

(Поет.)

Наверху, надо мной, синева в небесах,

Не увидеть такой у красотки в очах...

Эй, вы там! Стоп! *(Перестает подниматься.)* Поворачивай!

Цепь возвращается снова к парапету.

Руфий *(кричит наверх)*. Ну, опускай!

Цепь с ношей начинает опускаться.

Аполлодор *(кричит сверху)*. Осторожней! Тише! Не забудьте о яйцах.

Руфий *(кричит наверх)*. Легче! Эй, вы там! Тише, тише!

Аполлодор со своей ношей невредимо опускается на кучу хвоста на паранете. Руфий и Цезарь помогают Аполлодору отцепить тюк.

Руфий. Поднимай!

Цепь с лязгом взвывается прямо над их головами. Британ выходит из маяка и помогает им развязать тюк.

Аполлодор *(после того, как они сняли веревки)*. Отойдите, друзья. Пусть смотрит Цезарь. *(Распахивает ковер.)*

Руфий. Ничего тут нет, кроме кучи тряпок. Где же голубиные яйца?

Аполлодор. Приблизься, Цезарь, и поищи их среди шалей.

Руфий *(обнажая меч)*. А, предательство! Не подходи, Цезарь! Я вижу, шаль шевелится, там что-то живое.

Британ *(обнажая меч)*. Змея!

Аполлодор. Осмелится ли Цезарь вложить руку в мешок, где шевелится змея?

Руфий *(оборачивается к нему)*. Предатель, собака!

Цезарь. Успокойтесь. Уберите ваши мечи. Аполлодор, твоя змея уж слишком ровно дышит. *(Засовывает руки под шаль и освобождает оттуда чью-то голую руку.)* Хорошенькая маленькая змейка!

Руфий *(вытягивая оттуда другую руку)*. А ну-ка, давай сюда и все остальное.

Они вытаскивают за руки Клеопатру, и она садится среди шалей. Британ, шокированный, вкладывает свой меч в ножны и возмущенно пожимает плечами.

Клеопатра *(едва переводя дух)*. Ой, я чуть-чуть не задохнулась. Ах, Цезарь, кто-то на меня наступил в лодке, а потом на меня свалился с неба какой-то громадный, страшно тяжелый мешок. А потом лодка стала тонуть, а потом меня унесло куда-то в воздух и оттуда вниз...

Цезарь *(лаская ее, когда она, поднявшись, бросается к нему на грудь)*. Ну, ничего, ничего. Теперь уже все кончено, ты здесь, цела и невредима.

Руфий. Н-да, а теперь, когда она здесь, что же нам с ней делать?

Британ. Она не может оставаться здесь, Цезарь, без присмотра какой-нибудь матроны.

Клеопатра *(ревниво, Цезарю, который явно не знает, что с ней делать)*. Так, значит, ты не рад, что видишь меня?

Цезарь. О нет, я-то очень рад, но вот Руфий очень недоволен, а Британ шокирован.

Клеопатра *(пренебрежительно)*. А ты отруби им головы, разве ты не можешь это сделать?

Цезарь. Я боюсь, моя ласточка, что с отрубленными головами они будут мне гораздо менее полезны.

Руфий (*Клеопатре*). Мы сейчас пойдем рубить головы кое-кому из твоих египтян. Ну, а что ты скажешь, если нас, неровен час, побьют и ты попадешь в плен к своему маленькому братцу?

Клеопатра. Ты не должен покидать меня, Цезарь. Ты ведь не покинешь меня, правда?

Руфий. Еще бы! Вот сейчас загремит труба, и тогда жизнь каждого из нас будет зависеть от того, ступит ли Цезарь на баррикаду прежде, чем до нее доберется кто-нибудь из египтян.

Клеопатра. Ну и пусть они погибнут! Ведь это простые солдаты.

Цезарь (*внушительно*). Клеопатра, когда загремит труба, каждый из нас, не щадя себя, понесет жизнь свою в руке и швырнет ее в лицо смерти. И среди всех моих солдат, которые доверили мне свою судьбу, нет ни одного, чья рука не была бы мне дороже твоей головы.

Клеопатра совершенно уничтожена, глаза ее наполняются слезами.

Аполлодор, ты отвезешь ее обратно во дворец.

Аполлодор. Разве я дельфин, Цезарь, чтобы плавать по морям с юными девами на спине? Лодка моя погибла, а все ваши суда или у баррикады, или вернулись в город. Попробую окликнуть их — это все, что я в состоянии сделать. (*Уходит на мол.*)

Клеопатра (*глотая слезы*). Мне все равно. Я не вернусь обратно. Я никому не нужна.

Цезарь. Клеопатра!

Клеопатра. Ты хочешь, чтобы меня убили.

Цезарь (*еще внушительней*). Твоя жизнь, бедное мое дитя, мало кому нужна здесь, кроме тебя самой.

Клеопатра не выдерживает, бросается на вязанки хвороста и плачет. Внезапно в отдалении поднимается сильный шум, сквозь него прорывается рев буцины и труб. Британ сбегает на парапет и смотрит на мол. Цезарь и Руфий обмениваются быстрыми, понимающими взглядами.

Идем, Руфий.

Клеопатра (*вскакивает на колени и цепляется за Цезаря*). Нет, нет, не оставляй меня, Цезарь!

Цезарь вырывает свою одежду из ее рук.

Ах!

Британ (*с парапета*). Цезарь! Мы отрезаны. Египтяне подошли из Западной гавани и высадились между нами и баррикадой.

Руфий (*подбегая к нему*). Проклятье! Верно, мы попались, как крысы в капкан!

Цезарь (*со скорбью в голосе*). Руфий, Руфий! Мои солдаты на баррикаде, их окружают и с берега и с моря; я послал их на смерть!

Руфий (*возвращается с парапета, подходит к Цезарю справа*).
Н-да, вот к чему приводит эта возня с девчонками.

Аполлодор (*поспешно идет с мола*). Взгляни с парапета, Цезарь.

Цезарь. Мы смотрели, друг. Нам придется защищаться здесь.

Аполлодор. Я бросил веревочную лестницу в море. Сюда они теперь не могут подняться.

Руфий. А мы не можем уйти. Об этом ты подумал?

Аполлодор. Не можем уйти? Почему? У вас же стоят корабли в Восточной гавани.

Британ (*с парапета, с надеждой в голосе*). Родосские галеры уже повернули к нам.

Цезарь торопливо подходит к Британу.

Руфий (*Аполлодору, нетерпеливо*). А скажи-ка, пожалуйста, как же мы попадем на галеры?

Аполлодор (*взвывающе-весело и наставительно*). Путем, который ведет всюду. Алмазным путем солнца и луны. Разве ты никогда не видал, как дети играют в сломанный мост? «Утки и гуси переправляются на ту сторону...» А? (*Бросает плащ и шляпу и привязывает меч себе на спину.*)

Руфий. Что ты плетешь?

Аполлодор. Сейчас покажу. (*Кричит Британу.*) Сколько отсюда до ближайшей галеры?

Британ. Локтей триста.

Цезарь. Нет, нет, они дальше, чем кажется в этом ясном воздухе глазам бритта. Около четверти мили, Аполлодор.

Аполлодор. Прекрасно. Продержитесь здесь, пока я не пришлю вам лодку с галеры.

Руфий. Что у тебя, крылья, что ли, есть?

Аполлодор. Морские крылья, воин. Смотри! (*Взбегает по ступеням на скат парапета между Цезарем и Британом, подпрыгивает и бросается головой вниз в море.*)

Цезарь (*как мальчишка, в диком восторге*). Браво, браво! (*Сбрасывает плащ.*) Клянусь Юпитером, я тоже!

Руфий (*хватает его*). С ума сошел? Куда?

Цезарь. Почему? Разве я плаваю хуже?

Руфий (*вне себя*). Да разве может старый безумец плавать и нырять, точно молодой?

Цезарь (*отталкивая его*). Старый?..

Британ (*потрясенный*). Руфий, что ты говоришь!

Цезарь. Хочешь, отец Руфий, наперегонки до галеры за недельное жалованье?

Клеопатра. А я? А я? Что со мной будет?

Цезарь. Довезу тебя на спине, как дельфин, до галеры. Руфий, когда я вынырну, брось ее в воду. Я отвечаю. А после нее прыгайте вы оба.

Клеопатра. Нет, нет, ни за что! Я утону.

Британ. Цезарь, я человек и бритт, а не рыба. Мне нужна лодка. Я плавать не умею.

Клеопатра. И я не умею.

Цезарь (*Британу*). Тогда оставайся здесь, пока мы не отобьем маяк. Ну, Руфий!

Руфий. Ты действительно решился на это безумие?

Цезарь. За меня решили египтяне. А что делать? Ты только смотри, когда будешь прыгать. Я не хочу, чтобы твоя двухсотфунтовая туша свалилась мне на спину, когда я высуну нос из воды. (*Взбегает на ступени и становится на выступе.*)

Британ (*в смятении*). Еще одно слово, Цезарь. Умоляю тебя, не показывайся в аристократическом квартале Александрии, пока не переоденешься.

Цезарь (*кричит в море*). Эй, Аполлодор! (*Показывает на небо и поет на мотив баркаролы.*)

Облака блестят в синеве...

Аполлодор (*плывет вдалеке и подхватывает*).

И пурпур в зеленой волне...

Цезарь (*в восторге*). А-ах! (*Бросается в волны.*)

Клеопатра (*в страшном волнении бежит к ступеням*). Дайте мне посмотреть, он сейчас утонет!

Руфий хватает ее.

Ай-яй-яй! (*Она вопит, он швыряет ее в воду.*)

Руфий с Британом в восторге покатываются от хохота.

Руфий (*глядя вниз*). Поймал ее, смотри! (*Британу.*) Держи эту крепость, бритт! Цезарь тебя не забудет! (*Прыгает.*)

Британ (*бежит на ступени и смотрит, как они плывут*). Ну как, целы вы, Руфий?

Руфий (*издалека*). Целы!

Цезарь (*далеко впереди него*). Укройся около костра. И навали побольше дров на дверцу люка.

Британ (*кричит ему*). Сделаю все и поручу себя богам моей отчизны.

Радостные крики с моря. Британ в неистовом восторге.

Лодка! К нему подошла лодка! Гип-гип-гип-ура!

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Окуновение Клеопатры в воды Восточной гавани произошло в октябре 48 года до нашей эры. В марте 47 года она, после полудня, в своих покоях, окруженная придворными дамами, слушает девушку рабыню, которая играет на арфе. Арфистка стоит посредине комнаты. Учитель арфистки — старик музыкант, у него изрезанное морщинами лицо, большой нависший лоб, седая борода, взъерошенные, щетинистые усы и брови; он с глубокомысленным и важным видом сидит на корточках на полу около музыкантши и следит за ее игрой. Фтататита восседает на своем посту у дверей, во главе маленькой группы женщин рабынь. Все сидят, за исключением арфистки: Клеопатра в кресле против двери, на другом конце комнаты; остальные — на полу. Придворные дамы Клеопатры — молоденькие женщины; из них наиболее выделяются Хармиана и Ирас, ее любимицы. Хармиана — маленький терракотовый бесенок, продолжает: ее лицо, быстрые движения, точные ноги и руки. Ирас — пухленькое добродушное создание с копной рыжих волос; умом не блещет и рада похихикать по любому поводу.

Клеопатра. А я могла бы?..

Фтататита (*грубо, музыкантше*). Замолчи, ты! Царица говорит.

Музыка обрывается.

Клеопатра (*старому музыканту*). Я хочу научиться сама играть на арфе. Цезарь любит музыку. Ты можешь научить меня?

Музыкант. Без сомнения. Только я, и никто другой, могу научить царицу. Разве не я открыл тайну древних египтян, которые заставляли дрожать пирамиду, касаясь единой басовой струны? Все другие учителя обманщики, я не раз изблещал их.

Клеопатра. Хорошо. Ты будешь учить меня. Сколько тебе надо времени?

Музыкант. Не очень много. Всего четыре года. Я должен сначала посвятить твое величество в философию Пифагора.

Клеопатра. А она (*показывая на рабыню*) посвящена в философию Пифагора?

Музыкант. Она рабыня! Она выучилась, как учатся собаки.

Клеопатра. Прекрасно. Я тоже хочу выучиться, как учатся собаки. Она играет лучше тебя. Ты будешь учить меня каждый день в течение двух недель.

Музыкант поспешно поднимается и низко кланяется.

А после этого всякий раз, когда я ошибусь, тебя будут бичевать. А если я буду так часто ошибаться, что за мной не поспеют бичевать, тебя бросят в Нил, крокодилам. Дайте арфистке золотую монету и отошлите их.

Музыкант (*растерянно*). Но истинное искусство нельзя принуждать.

Фтататита. Что? Ты осмеливаешься спорить с царицей? Убирайся! (*Выталкивает его.*)

За музыкантом идет рабыня-арфистка под общий хохот приближенных женщины и рабынь.

Клеопатра. Ну так кто же из вас может позабавить меня? Есть у вас что-нибудь новенькое?

Ирас. Фтататита...

Клеопатра. Ах Фтататита, Фтататита! Вечно Фтататита! Опять какие-нибудь небылицы, чтоб восстановить меня против нее?

Ирас. Нет, на этот раз Фтататита проявила добродетель.

Приближенные смеются, но не рабыни.

Потин пытался подкупить ее, чтобы она пропустила его к тебе.

Клеопатра (*гневно*). Ха, все вы торгуете моими аудиенциями! Точно я должна смотреть на тех, кто угоден вам, а не мне. Хотела бы я знать, сколько этой рабыне-арфистке придется отдать из своего золота, прежде чем она выйдет из дворца?

Ирас. Если хочешь, мы тебе это узнаем.

Приближенные смеются.

Клеопатра (*хмурясь*). Вы смеетесь? Берегитесь, берегитесь! Когда-нибудь я сумею заставить вас служить мне так, как служат Цезарю.

Хармиана. Горбоносый старикан!

Опять хохот.

Клеопатра (*разъяренная*). Молчать! Хармиана, тебе не пристало держать себя, как маленькой египетской дурочке! Знаете ли вы, почему я позволяю вам болтать в моем присутствии все, что вам придет в голову, вместо того чтобы обращаться с вами так, как обращалась бы Фтататита, будь она царицей?

Хармиана. Потому что ты стараешься во всем подражать Цезарю, а он позволяет говорить ему все что вздумается.

Клеопатра. Нет. А потому, что я спросила его однажды, почему он это делает? И он сказал: «Не мешай болтать твоим женщинам, и ты можешь многое узнать от них».—

«А что же могу я узнать?» — спросила я. «Ты узнаешь, кто они», — сказал он. И, ах, если бы вы только видели глаза его, когда он произносил эти слова! Вы прямо в комочки сжались бы, жалкие ничтожества!

Они смеются.

(Гневно накидывается на Ирас.) Над кем ты смеешься, над мной или над Цезарем?

Ирас. Над Цезарем.

Клеопатра. Если бы ты не была дурой, ты бы смеялась надо мной; а если бы не была трусихой, ты не побоялась бы сказать мне это.

Возвращается Фтататита.

Фтататита, мне сказали, что Потин предлагал одарить тебя, если ты допустишь его ко мне.

Фтататита *(возмущенно)*. Клянусь богами предков моих...

Клеопатра *(властно обрывая ее)*. Сколько раз приказывала я тебе, чтобы ты не смела отпираться. Ты готова целый день взывать к богам твоих предков и призывать их в свидетели своих достоинств, если бы я тебе позволила. Поди возьми его золото и приведи Потина сюда.

Фтататита хочет возразить ей.

Не спорь. Иди!

Фтататита уходит. Клеопатра встает и в раздумье начинает ходить взад и вперед, между креслом и дверью. Все поднимаются и стоят.

Ирас *(неохотно поднимаясь)*. Ах, как бы мне хотелось, чтобы этот Цезарь уже был в Риме.

Клеопатра *(угрожающе)*. Это будет плохой день для всех нас, когда он уедет туда. О, если бы я не стыдилась показать ему, что сердце мое столь же безжалостно, как сердце отца моего, я бы заставила тебя раскаяться в этих словах. Зачем это тебе, чтобы он уехал?

Ирас. Ты делаешься при нем такой ужасно скучной, серьезной, ученой и фило-со-фичной. А в нашем возрасте это хуже, чем быть святошей.

Приближенные смеются.

Клеопатра. Перестаньте вы без конца кудахтать... Слышите! Прикусите языки.

Хармиана *(с насмешливой покорностью)*. Хорошо, хорошо! Видно, всем уж нам придется взять себе в пример Цезаря.

Они снова хохочут. Клеопатра молча бесится и продолжает ходить взад и вперед. Ф т а т а т и т а возвращается с Потинном, который останавливается на пороге.

Фтататита (в дверях). Потин смиренно молит царицу преклонить слух...

Клеопатра. Ну хорошо, хорошо! Довольно! Пусть он войдет. (Опускается в кресло.)

Все садятся, кроме Потина, — он выходит на середину. Фтататита занимает свое прежнее место.

Итак, Потин? Что слышно нового о твоих друзьях-мятежниках?

Потин (надменно). Я не друг мятежу. К тому же пленник не знает новостей.

Клеопатра. Ты пленник не больше, чем я, чем Цезарь. Вот уж шесть месяцев мой дворец осажден моими подданными. Тебе дозволено разгуливать по набережной среди воинов, а могу ли я ступить далее? Может ли Цезарь?

Потин. Ты дитя, Клеопатра, и не понимаешь этого.

Приближенные смеются. Клеопатра смотрит на него непонимаемым взглядом.

Хармиана. Я вижу, ты не знаешь самой последней новости, Потин?

Потин. Какой?

Хармиана. Что Клеопатра больше уже не дитя. Хочешь, я научу тебя, как в один день сделаться много старше и много, много умнее.

Потин. Я предпочел бы стать умнее, не старея.

Хармиана. Так вот. Поднимись на вышку маяка и попроси кого-нибудь схватить тебя за волосы и бросить оттуда в море.

Приближенные смеются.

Клеопатра. Это правда, Потин. Немало самодовольства смоемся с тебя, когда ты выйдешь из волн на берег.

Приближенные смеются.

(Гневно встает.) Идите прочь все! Я буду одна говорить с Потинном! Фтататита, прогони их.

Они, смеясь, выбегают. Фтататита закрывает за ними дверь.

Ты чего ждешь?

Фтататита. Не подобает царице оставаться с глазу на глаз...

Клеопатра (обрывает ее). Фтататита! Или надо принести тебя в жертву богам отцов твоих, чтобы ты узнала, что царица Египта — я, а не ты?

Фтататита (*негодующе*). Вот и ты теперь такая же, как все. Тебе хочется быть тем, что эти римляне именуют передовой женщиной. (*Уходит, хлопая дверью.*)

Клеопатра (*сидясь*). Ну, Потин, зачем старался ты подкупить Фтататиту и проникнуть ко мне?

Потин (*смотрит на нее испытующе*). Клеопатра, то, что мне сказали,— правда: ты изменилась.

Клеопатра. Попробуй, поговори с Цезарем полгода день за днем, и ты изменишься.

Потин. Все говорят, что ты без ума от этого старика.

Клеопатра. Без ума? Что это такое? Лишилась рассудка? О нет! Я бы хотела его лишиться.

Потин. Ты хотела бы лишиться рассудка? Что ты хочешь сказать?

Клеопатра. Когда я была безрассудной, я делала то, что мне было приятно, когда не боялась, что Фтататита побьет меня. Но и тогда я обманывала ее и украдкой делала по-своему. Теперь, когда Цезарь дал мне мудрость, мне нет дела до того, нравится мне что-то или не нравится: я делаю то, что должна делать, мне некогда думать о себе. Это не счастье, но это величие. Если Цезарь уедет, я полагаю, что сумею управлять египтянами, ибо то, что Цезарь для меня, то я для окружающих меня глупцов.

Потин (*пристально смотрит на нее*). Клеопатра, может быть, это тщеславие юности?

Клеопатра. Нет, нет! Это не значит, что я так уж умна, а просто, что другие — слишком глупы.

Потин (*задумчиво*). Да, это великий секрет.

Клеопатра. Ну, теперь расскажи, что ты хочешь?

Потин (*в затруднении*). Я? Ничего.

Клеопатра. Ничего?

Потин. Кроме того, чтобы просить тебя вернуть мне свободу. Это все.

Клеопатра. Об этом ты пришел бы молить Цезаря. Нет, Потин, ты явился с умыслом, уповая на то, что Клеопатра все еще глупый котенок. А теперь, когда ты видишь царицу, твои замыслы разрушились.

Потин (*покорно склоняя голову*). Это так.

Клеопатра (*торжествуя*). Ага!

Потин (*устремляя на нее пронизательный взгляд*). Так, значит, Клеопатра поистине царица, она больше не пленница, не рабыня Цезаря?

Клеопатра. Потин, все мы — рабы Цезаря, все в Египте, хотим мы этого или нет. И та, чьей мудрости открыто это, будет властительницей Египта, когда уйдет Цезарь.

Потин. Ты все повторяешь, что Цезарь уйдет.

Клеопатра. А если и так?

Потин. Значит, он не любит тебя?

Клеопатра. Любит? Потин, Цезарь никого не любит. Кого любим мы? Лишь тех, кого мы не ненавидим. Все люди чужды нам, все нам враги, кроме тех, кого мы любим. Но Цезарь не таков: он не знает ненависти, он дружит с каждым так же, как он дружит с собаками или детьми. Его доброта ко мне поистине чудо: ни мать, ни отец, ни нянька никогда не умели так заботиться обо мне, никто не делился со мной так просто своими мыслями.

Потин. Разве это не любовь?

Клеопатра. Любовь? Таков же будет он для любой девчонки, что встретится ему на пути в Рим. Спроси раба его, Британа, он так же добр к нему. Что говорить? Спроси его коня. Его доброта не такова, чтобы любить что-то такое, что есть во мне, она просто в природе его.

Потин. Как можешь ты знать, что он не любит тебя так, как мужчина любит женщину?

Клеопатра. Я не могу заставить его ревновать. Я пыталась.

Потин. Гм! Может быть, мне следовало бы спросить: а ты любишь его?

Клеопатра. Как любить бога? И потом я люблю другого римлянина, я видела его задолго до Цезаря. Он не бог, он человек — он умеет любить и ненавидеть. Я могу заставить его страдать, и он может заставить страдать меня.

Потин. И Цезарь знает это?

Клеопатра. Да.

Потин. И не гневается?

Клеопатра. Он обещал послать его в Египет, чтобы угодить мне.

Потин. Не понимаю этого человека.

Клеопатра *(с величественным презрением)*. Тебе — понять Цезаря! Где тебе! *(Горделиво.)* Я понимаю его — душой.

Потин *(поразмыслив, с величайшим почтением)*. Твое величество изволило допустить меня к себе. Что соизволит сказать мне царица?

Клеопатра. А вот что. Ты думал, что, посадив моего брата на трон, ты будешь править Египтом, ибо ты опекун его, а он малыш и глупец?

Потин. Так говорит царица.

Клеопатра. Царица говорит тебе: Цезарь проглотит и тебя, и Ахилла, и брата моего, как кошка глотает мышь. Он накинет себе на плечи эту страну, как пастух накидывает на себя бурнус. А когда он сделает это, он уйдет в Рим, а Клеопатра останется править Египтом от имени его.

Потин (*яростно*). Этого не будет. У нас тысяча воинов против его десяти. В море загоним мы и его и его нищие легионы. Клеопатра (*с презрением, поднимаясь*). Ты мелешь вздор, как простолюдин. Ступай, веди свои тысячи. И поторопись, ибо Митридат Пергамский недалеко, и он ведет новое войско Цезарю. Цезарь сумел обуздать вас здесь с двумя легионами; посмотрим, что сделает он, когда у него будет двадцать!

Потин. Клеопатра!

Клеопатра. Довольно, довольно! Это Цезарь сбил меня с толку, и я, следуя его примеру, позволила себе говорить с таким ничтожеством, как ты. (*Уходит.*)

Потин, взбешенный, идет за ней. Появляется Ф т а т а т и т а и останавливает его.

Потин. Дай мне уйти из этого ненавистного дома.

Фтататита. Ты гневаешься?

Потин. Да падут на нее проклятия всех богов! Она продала страну свою римлянину затем, чтобы выкупить ее своими поцелуями.

Фтататита. Глупец, разве она не сказала тебе, что она ждет, чтобы Цезарь уехал?

Потин. Ты подслушивала?

Фтататита. Я позаботилась о том, чтобы честная женщина была на страже здесь, в то время как ты оставался с ней.

Потин. Клянусь богами...

Фтататита. Кому здесь нужны твои боги! Здесь правят боги Цезаря. И какой толк, что ты приходишь к Клеопатре? Ты ведь египтянин. Она не желает слушать никого из своего народа. Она считает нас детьми.

Потин. Да погибнет она за это!

Фтататита (*мрачно*). Да отсохнет у тебя язык за такие слова! Иди! Пришли сюда Луция Септимия, убийцу Помпея. Он римлянин; может быть, она послушает его. Ступай!

Потин (*зловеще*). Я знаю, к кому мне пойти...

Фтататита (*подозрительно*). К кому же?

Потин. К римлянину попомощественней, чем Луций. И запомни, домоправительница: ты думала, до того как явился Цезарь, что будешь со своей кликой править Египтом от имени Клеопатры; я воспротивился этому...

Фтататита (*прерывает его, бранливо*). Да, а ты думал, что ты с твоей кликой будешь править от имени Птолемея?

Потин. Лучше я или даже ты, чем женщина с римским сердцем; а это то, чем стала теперь Клеопатра. Пока я жив, она не будет править. Запомни это! (*Уходит.*)

Близится время обеда. Стол накрыт на кровле дворца; туда-то и поднимается Руфий, ему предшествует величественный придворный с жезлом; сзади идет раб и несет на руках инкрустированный табурет. Преодолев бесчисленные ступени, они, наконец, вступают под внушительную колоннаду кровли. Легкие занавеси протянуты между северными и восточными колоннами, дабы смягчить жар лучей заходящего солнца. Придворный подводит Руфия к одному из этих затененных мест. Шнур от занавесей висит между колоннами.

Придворный (с поклоном). Римский военачальник будет ожидать Цезаря здесь.

Раб ставит табурет около самой южной колонны и исчезает за занавесями.

Руфий (усаживается, он несколько запыхался). Уф! Вот это лестница! Высоко ли здесь?

Придворный. Мы на кровле дворца, о любимец побед!
Руфий. Хорошо, что любимцу не нужно карабкаться еще выше.

С противоположной стороны, пятась, входит второй придворный.

Второй придворный. Цезарь идет.

Входит Цезарь. Он только что выкупался и облачился в новую пурпурную шелковую туннику; вид у него сияющий, праздничный. За ним идут два раба и несут легкое ложе — нечто вроде скамьи, украшенной тонкой резьбой. Они ставят его возле самой северной из затянутых занавесями колонн и исчезают. Оба придворных с церемонными поклонами следуют за ними. Руфий встает навстречу Цезарю.

Цезарь (подходя к нему). А, Руфий! (Разглядывает его одеяние с восхищенным удивлением.) Новая перевязь! Новый золотой эфес на мече! Да ты подстригся! А бороду — нет, непостижимо уму! (Нюхает бороду Руфия.) Так и есть! Клянусь Юпитером Олимпийским, он надушился!

Руфий (ворчливо). Ладно, ведь не для себя же я старался.
Цезарь (нежно). Нет, Руфий, сын мой, для меня, конечно. Дабы почтить день моего рождения.

Руфий (пренебрежительно). День рождения! У тебя каждый раз день рождения, как только надо умаслить какую-нибудь смазливую девчонку или утихомирить какого-нибудь посла. За последние десять месяцев у тебя их было семь.

Цезарь (сокрушенно). Да, Руфий, это верно. Никак не могу отучить себя от этих маленьких хитростей.

Руфий. Кто обедает с нами, кроме Клеопатры?

Цезарь. Аполлодор, сицилиец.

Руфий. Этот щелкопер?

Цезарь. Полно. Этот щелкопер — забавный враль, всегда может рассказать что-нибудь, спеть песню и избавляет нас от труда расточать любезности Клеопатре. Что для нее два таких старых политика, эдакие лагерные медведи, вроде нас с тобой? Нет, Аполлодор в компании — чудесный малый, Руфий, чудесный малый.

Руфий. Да, он немножко плавает, немножко фехтует... Мог бы и хуже быть. Вот если бы он еще научился держать язык на привязи!..

Цезарь. Да пощадят его от этого боги. Ох, эта жизнь война! Скучная, грубая жизнь — жизнь дела. Это самое худшее в нас, римлянах. Труженики, работяги, пчелиный рой, обращенный в народ. То ли дело краснойбай с таким умом и воображением, которые могут избавить человека от необходимости вечно что-нибудь делать!

Руфий. Гм, сунулся бы он к тебе со всем этим после обеда! Ты замечаешь, что я пришел раньше, чем положено?

Цезарь. Н-да, я сразу подумал, что это неспроста. Ну, что случилось?

Руфий. Нас слышат здесь?

Цезарь. Наше уединение располагает к подслушиванию, но это можно исправить. *(Дважды хлопает в ладоши.)*

Занавеси раздвигаются, за ними открывается висячий сад, посреди которого стоит празднично убранный стол с четырьмя приборами — два на противоположных концах, два рядом, конец стола, ближе к Цезарю и Руфию, уставлен золотыми ковшами и чашами. Величественный дворецкий наблюдает за целым штатом рабов, которые суетятся вокруг стола. По обе стороны сада идут колонны, и только в самой глубине — просвет, наподобие большой арки, ведущей на западный конец кровли, откуда открывается широкий горизонт. В глубине, посреди этой арки, на массивном пьедестале восседает бог Ра, с головой сокола, увенчанный аспидом и диском. У подножия его стоит алтарь из гладкого белого камня.

Ну вот, теперь нас видят все, и никому не придет в голову подслушивать нас. *(Садится на ложе, которое принесли рабы.)*

Руфий *(усаживаясь на свой табурет)*. Потин хочет говорить с тобой. Советую тебе повидаться с ним: тут какие-то козни среди женщин.

Цезарь. А кто это такой, Потин?

Руфий. Да этот, у которого волосы как беличий мех, — поводырь маленького царька, твой пленник.

Цезарь *(досадливо)*. И он не убежал?

Руфий. Нет.

Цезарь (*грозно поднимаясь*). Почему? Зачем ты стережешь его, вместо того чтобы наблюдать за врагом? Разве не говорил я тебе, что пленникам надо всегда давать возможность бежать, если о них нет особых распоряжений. Ртов у нас и без него немало.

Руфий. Верно! Если бы у тебя было немного здравого смысла и ты позволил бы мне перерезать ему горло, наши рационы были бы целее. Но, как бы там ни было, он бежать *не хочет*. Три караула грозили ему, что проткнут его пилумом, если он снова попадется им на глаза. Что они еще могут сделать? Он предпочитает оставаться и шпионить за нами. Так же поступил бы и я на его месте, если бы имел дело с военачальником, страдающим припадками великодушия.

Цезарь (*которому нечего возразить, садится снова*). Гм! И он хочет видеть меня?

Руфий. Да. Я захватил его с собой. Он ждет там (*показывает через плечо*), под стражей.

Цезарь. И ты хочешь этого?

Руфий (*упрямо*). Я ничего не хочу. Полагаю, что ты поступишь так, как тебе нравится. Пожалуйста, не сваливай на меня.

Цезарь (*всем видом показывает, что он делает это только из желания угодить Руфию*). Ну, хорошо, хорошо! Давай его сюда.

Руфий (*кричит*). Эй, стража! Отпустите пленника, пусть он идет сюда. (*Показывает рукой.*) Иди сюда!

Входит Потин и недоверчиво останавливается между ними, переводя глаза с одного на другого.

Цезарь (*приветливо*). А, Потин! Добро пожаловать! Что у тебя нового сегодня?

Потин. Цезарь, я пришел предостеречь тебя от опасности и сделать тебе одно предложение.

Цезарь. Брось опасности, давай предложение.

Руфий. А ну тебя с предложениями! Говори, какая опасность?

Потин. Ты думаешь, Цезарь, что Клеопатра предана тебе?

Цезарь (*внушительно*). Друг, я сам знаю, что думаю. Переходи к твоему предложению.

Потин. Я буду говорить прямо. Не знаю, какие неведомые боги дали тебе силу защищать дворец и небольшой клочок берега против целого города и войска. Мы отрезали тебя от озера Марсотиса, но ты выкопал колодцы в соленых морских песках и черпаешь оттуда ведрами пресную воду, и мы узнали, что боги твои непобедимы и что ты можешь творить чудеса. Я ныне не угрожаю тебе.

Руфий (*насмешливо*). Вот как! Очень великодушно с твоей стороны.

Потин. Да будет так. Ты — повелитель. Наши боги послали нам северо-западные ветры, дабы ты остался в наших руках, но ты сильнее их.

Цезарь (*ласково покаявая его, чтобы он перешел к делу*). Да, да, мой друг. Что же дальше?

Руфий. Выкладывай, приятель. Что у тебя на уме?

Потин. Я хочу сказать, что в твоём лагере есть предательница, Клеопатра...

Дворецкий (*у стола провозглашает*). Царица!

Цезарь и Руфий встают.

Руфий (*в сторону Потина*). Тебе надо было выложить все это поскорей, дубина! Теперь поздно.

Клеопатра, в роскошнейшем одеянии, величественно появляется в арке колоннады и проходит мимо изображения Ра и мимо стола к Цезарю. Ее приближенные, возглавляемые Фататтой, присоединяются к слугам у стола. Цезарь предлагает Клеопатре свое место. Она садится.

Клеопатра (*живо, увидев Потина*). А он что здесь делает?

Цезарь (*усаживается рядом с ней в самом приветливом расположении духа*). Только что начал мне что-то рассказывать о тебе.

Ты сейчас услышишь. Продолжай, Потин.

Потин (*в замешательстве*). Цезарь... (*Осекается.*)

Цезарь. Ну, говори.

Потин. То, что я имею сказать, это для твоего слуха, а не для слуха царицы.

Клеопатра (*подавляя ярость*). Есть средства заставить тебя говорить. Берегись!

Потин (*вызывающе*). Цезарь не прибегает к этим средствам.

Цезарь. Друг, когда человеку в этом мире не терпится что-нибудь сказать, трудность не в том, чтобы заставить его говорить, а в том, чтобы помешать ему повторять это чаще, чем нужно. Позволь мне ознаменовать день моего рождения дарованием тебе свободы. Прощай! Мы больше не встретимся.

Клеопатра (*гневно*). Цезарь, твоё великодушие безрассудно.

Потин (*Цезарю*). Позволь мне побеседовать с тобой с глазу на глаз. Быть может, жизнь твоя зависит от этого.

Цезарь величественно поднимается.

Руфий (*Потину*). Осел! Теперь он пойдет ораторствовать!

Цезарь (*ораторским тоном*). Потин...

Руфий (*прерывая его*). Цезарь, обед простынет, если ты заведешь свою любимую проповедь насчет жизни и смерти.

Клеопатра (*внушительно*). Замолчи, Руфий, Я хочу слушать Цезаря.

Руфий (*бесцеремонно*). Твое величество уже слышало все это. На прошлой неделе ты это повторяла Аполлодору, и он думал, что это твое собственное измышление.

Все величие Цезаря мигом исчезает; очень довольный, он снова садится и лукаво поглядывает на разъяренную Клеопатру.

(*Кричит.*) Эй, стража! Выпустите пленника. Он свободен. (*Потину.*) Ну, марш отсюда! Не сумел воспользоваться случаем.

Потин (*запальчивый нрав которого берет верх над его осторожностью*). Я буду говорить.

Цезарь (*Клеопатре*). Видишь? Никакая пытка не вырвала бы у него ни слова.

Потин. Цезарь, ты открыл Клеопатре искусство, с помощью которого римляне управляют миром.

Цезарь. Увы, они не умеют управлять даже сами собой. Ну и что же?

Потин. Что? Неужели ты так ослеплен красотой ее, что не видишь, как она жаждет царствовать над Египтом одна и всем сердцем ждет твоего отъезда?

Клеопатра (*вскакивая*). Лжец!

Цезарь (*скандализованный*). Что? Спорить? Пререкаться?

Клеопатра (*пристыжена, но вся дрожит от сдерживаемой ярости*). Нет, я не унижу себя, не стану возражать. Пусть говорит. (*Снова садится.*)

Потин. Я слышал это из ее собственных уст. Ты только орудие для нее: ты должен сорвать корону с головы Птолемея и возложить на ее голову. Предать нас всех в ее руки и себя тоже. А затем Цезарь может отправиться в Рим или во врата смерти, что вернее и ближе.

Цезарь (*спокойно*). Ну что же, друг, все это так естественно.

Потин (*изумленный*). Естественно? И тебя не возмущает предательство?

Цезарь. Возмущаться? Что даст мне возмущение, о глупый египтянин? Стану ли я возмущаться ветром, когда он леденит меня, или возмущаться ночью, что заставляет меня спотыкаться в темноте? Стану ли я возмущаться юностью, когда она отворачивается от старости, или возмущаться честолюбием, которому претит низкопоклонство? Прийти и говорить мне об этом — все равно как если бы ты пришел мне сказать, что завтра взойдет солнце.

Клеопатра (*она больше не в силах сдерживаться*). Но это ложь! Ложь! Я клянусь!

Цезарь. Это правда, хотя бы ты клялась тысячу раз и верила тому, в чем клянешься.

Клеопатра уже не владеет собой, лицо ее судорожно передергивается.

(Желая загородить ее, Цезарь встает и обращается к Потину и Руфию.) Идем, Руфий, проводим Потина мимо стражи. Мне нужно сказать ему несколько слов. *(Тихо.)* Нужно дать царице время овладеть собой. *(Громко.)* Идем. *(Уводит Потина и Руфия, беседуя с ними по дороге.)* Скажи друзьям твоим, Потин, пусть они не думают, что я противник того, чтобы разумно уладить дела в стране...

Они уходят, и конца фразы не слышно.

Клеопатра *(сдавленным шепотом)*. Фтататита, Фтататита!
Фтататита *(бросается к ней и успокаивает ее)*. Успокойся, дитя, не расстраивайся...

Клеопатра *(прерывает ее)*. Нас кто-нибудь слышит?

Фтататита. Нет, голубка, говори.

Клеопатра. Слушай меня. Если он выйдет из дворца, не показывайся мне на глаза!

Фтататита. Он? По...

Клеопатра *(бьет ее по губам)*. Убей его так, как я убила имя его на устах твоих. Сбрось его со стены, пусть разобьется о камни! Убей, убей, убей его!

Фтататита *(оскаливаясь)*. Смерть собаке!

Клеопатра. Если ты не сделаешь этого, скройся с глаз моих навеки!

Фтататита *(решительно)*. Да будет так! Ты не увидишь лица моего, пока глаза его не оденет мрак.

Возвращается Цезарь с изысканно разодетым Аполлодором и Руфием.

Клеопатра *(Фтататите)*. Возвращайся скорей, скорей!

Фтататита на секунду устремляет на свою повелительницу понимающий взгляд, затем мрачно проходит мимо Ра и скрывается. Клеопатра, словно газель, стремительно бросается к Цезарю.

Так ты вернулся ко мне, Цезарь? *(Ластясь к нему.)* А я думала, ты рассердился. Добро пожаловать, Аполлодор! *(Протягивает ему руку для поцелуя, другой рукой обнимает Цезаря.)*

Аполлодор. Клеопатра изо дня в день становится все более и более женственно-прекрасной.

Клеопатра. Правда, Аполлодор?

Аполлодор. О нет! Это еще далеко от правды. Друг Руфий бросил в море жемчужину — Цезарь выудил драгоценный алмаз.

Цезарь. Цезарь выудил ревматизм, друг мой. Идемте обедать. Обедать!

Идут к столу.

Клеопатра (*прыгая, словно козочка*). Да, да, обедать. Какой обед я заказала для тебя, Цезарь!

Цезарь. Да? Чем же ты угостишь нас?

Клеопатра. Павлинными мозгами...

Цезарь (*делая вид, точно у него слюнки текут*). Павлиньи мозги, Аполлодор!

Аполлодор. Это не для меня. Я предпочитаю соловьиные языки. (*Подходит к столу и занимает место за одним из приборов, которые накрыты рядом.*)

Клеопатра. Жареный вепрь, Руфий!

Руфий (*облизываясь*). Превосходно! (*Занимает место рядом с Аполлодором, слева.*)

Цезарь (*глядя на свое место, в конце стола, по левую руку от Ра*). А где же моя кожаная подушка?

Клеопатра (*с другого конца стола*). Я велела сделать тебе новые. Дворецкий. Эти подушки, Цезарь, из тончайшего мальтийского шелка, и набиты они розовыми лепестками.

Цезарь. Розовыми лепестками? Разве я гусеница? (*Сбрасывает подушки и усаживается на кожаную подстилку.*)

Клеопатра. Как не стыдно! Мои новые подушки!

Дворецкий (*склонившись у локтя Цезаря*). Что прикажешь подать себе, Цезарь, дабы возбудить аппетит?

Цезарь. А что есть у тебя?

Дворецкий. Морские ежи, белые и черные морские желуди, морская крапива, лесные жаворонки, багрянки...

Цезарь. А устрицы?

Дворецкий. Конечно, есть и устрицы, Цезарь.

Цезарь. Британские устрицы?

Дворецкий. Британские устрицы, Цезарь.

Цезарь. Тогда — устриц.

Дворецкий, выслушав распоряжение, всякий раз делает знак рабу, и тот исчезает, чтобы привести его в исполнение.

Я был когда-то в Британии, в этой легендарной западной стране. Это последний клочок суши на краю океана, омывающего мир. Я отправился туда на поиски их прославленных жемчужин. Но британские жемчужины оказались басней. Однако, разыскивая их, я нашел британские устрицы.

Аполлодор. Потомство благословит тебя за это. (*Дворецкому.*)

Мне — морских ежей!

Руфий. А нет ли чего-нибудь посолидней для начала?

Дворецкий. Дрозды со спаржей...

Клеопатра (*перебивая*). Откормленные каплуны. Скушай каплуна, Руфий.

Руфий. Вот это дело!

Клеопатра (*жадно*). А мне — дроздов.

Дворецкий. Какое вино соблаговолит выбрать Цезарь? Сицилийское, лесбосское, хиосское...

Руфий (*пренебрежительно*). Всё греческие вина.

Аполлодор. Кто станет пить римское вино, когда есть греческое? Отведай лесбосского, Цезарь.

Цезарь. Подайте мне мой ячменный отвар.

Руфий (*с величайшим омерзением*). Фу, дайте мне моего фалернского.

Ему подают фалернское.

Клеопатра (*нидузглись*). Пустая трата времени — устраивать для тебя обеды, Цезарь. Мои поварята не согласились бы сидеть на такой пище, как ты.

Цезарь (*уступая*). Хорошо, хорошо! Попробую лесбосского.

Дворецкий наполняет кубок Цезаря, затем Клеопатры и Аполлодора.

Но когда я вернусь в Рим, я издам законы против этих излишеств и даже позабочусь, чтобы законы эти выполнялись.

Клеопатра (*умильно*). Ну стоит ли об этом думать? Сегодня ты будешь, как и все другие: ленивым, разнеженным и добрым. (*Протягивает ему руку через стол.*)

Цезарь. Ну хорошо, один раз я готов пожертвовать своим покоем. (*Целует ее руку.*) Ну вот! (*Отпивает глоток вина.*) Теперь ты довольна?

Клеопатра. А ты больше не думаешь, что я только о том и мечтаю, чтобы ты уехал в Рим?

Цезарь. Я сейчас ни о чем не думаю. Мои мозги спят. К тому же, кто знает, вернусь ли я когда-нибудь в Рим?

Руфий (*встревоженный*). Как? Что? Этого еще не хватало.

Цезарь. Что может показать мне Рим, чего бы я уже не видел раньше? Годы в Риме идут один за другим, ничем не отличаясь друг от друга, разве только тем, что я старею, а толпа на Аппиевой дороге остается все в том же возрасте.

Аполлодор. То же и здесь, в Египте. Старики, пресытившись жизнью, говорят: «Мы видели все, кроме истоков Нила».

Цезарь (*загораясь*). А почему бы нам не взглянуть на эти истоки? Клеопатра, хочешь, поедem со мной и проследим этот великий поток до его колыбели—там, в недрах неведомых стран? Оставим позади Рим—Рим, который достиг величия только затем, чтобы узнать, как величие поработает племена и народы, коим не удалось стать великими. Хочешь, я создам для тебя новое царство и построю священный город—там, в лоне Великого Неведомого?

Клеопатра (*восхищенно*). Да, да, сделай это!

Руфий. Ну вот, теперь он завоюет всю Африку двумя легионами, пока мы доберемся до жареного вепря.

Аполлодор. Нет, не смейся. Это благородный замысел: Цезарь, мечтающий об этом, не просто солдат-завоеватель, но творец и художник. Давайте придумаем имя священному городу и освятим его лесбосским вином.

Цезарь. Пусть придумает сама Клеопатра.

Клеопатра. Он будет называться: Дар Цезаря возлюбленной.

Аполлодор. Нет, нет. Что-нибудь более величественное, такое, что обнимало бы весь мир, как звездный небосвод.

Цезарь (*прозаически*). Почему не назвать просто: Колыбель Нила?

Клеопатра. Нет. Ведь Нил—мой предок, и он бог. Ах, что я придумала! Пусть Нил сам подскажет имя. Давайте спросим его. (*Дворецкому.*) Пошли за ним.

Трое мужчин в недоумении переглядываются, но дворецкий уходит, словно он получил самое обычное распоряжение.

(*Свите.*) А вы удалитесь.

Свита удаляется с почтительными поклонами. Входит жрец; в руках у него маленький сфинкс с крошечным треножником перед ним. На треножнике курится кусочек фимиама. Жрец подходит к столу и ставит сфинкса посредине. Освещение начинает меняться, принимая пурпурно-багряный оттенок египетского заката, словно бог принес с собой эту странно окрашенную мглу. Мужчины смотрят с твердой решимостью не поддаваться впечатлению, но, несмотря на это, они все же сильно заинтересованы.

Цезарь. Что это за фокусы?

Клеопатра. Ты увидишь. Это не фокусы. По-настоящему нам следовало бы убить кого-нибудь, чтобы умиловить его, но, может быть, Цезарю он ответит и так, если мы совершим ему возлияние вином.

Аполлодор (*кивая через плечо в сторону Ра*). А почему бы нам не обратиться вот к этому нашему сокологлавному приятелю?

Клеопатра (*тревожно*) Ш-ш-ш!.. Смотри, он услышит и разгне-
вается.

Руфий (*флегматично*). Источник Нила, надо полагать,— это не в
его ведении.

Клеопатра. Нет. Я не хочу, чтобы кто-нибудь, кроме моего
дорогого маленького сфинксика, придумывал имя моему
городу, потому что ведь это в его объятиях Цезарь нашел
меня спящей. (*Томно смотрит на Цезаря, затем повелитель-
но обращается к жрецу.*) Иди! Я — жрица. И я имею власть
взять это на себя.

Жрец низко кланяется и уходит.

Ну, теперь давайте вызывать Нил все вместе. Может быть,
он стукнет по столу.

Цезарь. Что? Стучащие столы? И такие суеверия существуют
по сие время, на семьсот седьмом году республики?

Клеопатра. Это вовсе не суеверие. Наши жрецы многое
узнают от столов. Правда ведь, Аполлодор?

Аполлодор. Да. Я объявляю себя обращенным. Когда Кле-
опатра — жрица, Аполлодор становится фанатиком. Твори
заклинанье.

Клеопатра. Вы должны повторять за мной. Пошли нам голос
твой, отец Нил!

Все четверо (*вместе, поднимая кубки перед идолом*). Пошли нам
голос твой, отец Нил!

*В ответ раздается предсмертный вопль человека, полный
смертельного ужаса. Потрясенные мужчины опускают кубки и
прислушиваются. Тишина. Пурпурное небо темнеет. Цезарь,
бросив взгляд на Клеопатру, видит, как она с горящим взором,
полным благоговения и благодарности, выплескивает перед
божком вино из кубка. Аполлодор вскакивает и бежит на край
кровли, смотрит вниз и прислушивается.*

Цезарь (*пронизывая взглядом Клеопатру*). Что это было?

Клеопатра (*раздраженно*). Ничего. Побили какого-нибудь
раба.

Цезарь. Ничего?

Руфий. Готов поклясться, что в кого-то всадили меч.

Цезарь (*поднимаясь*). Убийство?

Аполлодор (*машет им рукой, чтобы они замолчали*). Ш-ш-ш!
Тише! Вы слышали?

Цезарь. Опять крик?

Аполлодор (*возвращаясь к столу*). Нет, что-то грохнулось о
землю. Как будто упало на берег.

Руфий (*мрачно, поднимаясь*). Что-то такое с костями, похоже.

Цезарь (*содрогаясь*). Замолчи, замолчи, Руфий. (*Выходит из-за
стола и идет к колоннаде.*)

Руфий следует за ним слева, Аполлодор справа.

Клеопатра (*по-прежнему за столом*). Ты покидаешь меня, Цезарь? Аполлодор, ты уходишь?

Аполлодор. Поистине, возлюбленная царица, у меня пропал всякий аппетит.

Цезарь. Сойди вниз, Аполлодор, и узнай, что случилось?

Аполлодор кивает и уходит, направляясь к лестнице, по которой пришел Руфий.

Клеопатра. Должно быть, твои солдаты убили кого-нибудь. Что нам до этого?

Ропот толпы долетает до них снизу. Цезарь и Руфий переглядываются.

Цезарь. Нужно выяснить.

Он собирается последовать за Аполлодором, но Руфий останавливает его, положив ему руку на плечо, и они видят, как с противоположного конца кровли шатающейся походкой идет Фтата тита; на лице ее, в глазах, в уголках кровожадного рта тупое, пресыщенное выражение опьянения и довольства. У Цезаря мелькает мысль, что она пьяна, но Руфий хорошо понимает, какая красная влага опьянила ее.

Руфий (*понижая голос*). Здесь какие-то козни между этими двумя.

Фтата тита. Царица да не отвратит очей от лица рабыни своей.

Клеопатра секунду смотрит на нее, упиваясь этой лютой радостью, затем открывает ей объятия, осыпает ее неистовыми поцелуями, срывает с себя драгоценности и сует ей. Мужчины смотрят на эту сцену и переглядываются. Фтата тита — сонная, осовевшая — тащится, волоча ноги, к алтарю, падает на колени перед Ра и застывает в молитве. Цезарь подходит к Клеопатре, оставив Руфия у колонн.

Цезарь (*испытующе и настойчиво*). Клеопатра, что случилось?

Клеопатра (*в смертельном страхе перед ним, но с необыкновенной умильностью*). Ничего, возлюбленный Цезарь мой. (*С болезненной нежностью, почти замирающим голосом.*) Ничего... я ни в чем перед тобой не виновата. (*Ласково подвигается к нему.*) Милый Цезарь, ты сердись на меня? Почему ты так смотришь на меня? Ведь я все время была здесь, с тобой. Как я могу знать, что случилось?

Цезарь (*в раздумье*). Это верно.

Клеопатра (*с великим облегчением, стараясь подластиться к нему*). Ну конечно верно!

Он не отвечает на ее ласку.

Ведь правда, Руфий?

Ропот внизу внезапно переходит в угрожающий рев, потом затихает.

Руфий. А вот я сейчас узнаю. *(Крупными шагами стремительно подходит к алтарю и хватает Фтататиту за плечо.)* Ну-ка, ты, госпожа моя, идем за мной. *(Жестом приказывает ей идти впереди него.)*

Фтататита *(поднимаясь и оглядывая его злобным взглядом)*. Мое место возле царицы.

Клеопатра. Она не сделала ничего дурного, Руфий.

Цезарь *(Руфию)*. Оставь ее.

Руфий *(сажаясь на алтарь)*. Отлично. Тогда мое место тоже тут, а ты сам потрудись узнать, что там такое творится. Похоже, что в городе настоящий бунт.

Цезарь *(с серьезным неудовольствием)*. Руфий, не мешает иногда и повиноваться.

Руфий. А иногда не мешает и поумряться. *(Прочно усаживается, упрямо скрестив руки.)*

Цезарь *(Клеопатре)*. Отошли ее.

Клеопатра *(жалобным голосом, стараясь задобрить его)*. Хорошо, сейчас. Я сделаю все, что бы ты ни попросил, все, что хочешь, Цезарь, все, что угодно, потому что я люблю тебя! Фтататита, уйди!

Фтататита. Слово царицы — моя воля. Я буду рядом, если царице будет угодно позвать меня. *(Уходит мимо Ра, тем же путем, каким пришла.)*

Руфий *(следует за ней)*. Помни, Цезарь, твой телохранитель тоже будет рядом. *(Уходит за ней.)*

Клеопатра, полагаясь на то, что Цезарь послушается Руфия, выходит из-за стола и садится на скамью у колоннады.

Клеопатра. Почему ты позволяешь Руфию так обращаться с тобой? Ты должен проучить его, чтобы он знал свое место.

Цезарь. Научить его быть моим врагом? И скрывать от меня свои мысли так, как ты их сейчас скрываешь?

Клеопатра *(снова охваченная страхом)*. Почему ты так говоришь, Цезарь? Ну правда, правда же, я ничего не скрываю от тебя. И ты напрасно так говоришь со мной. *(Подавляет рыдание.)* Я дитя по сравнению с тобой, а ты делаешься какой-то каменный только потому, что кто-то кого-то убил. Я не могу этого вынести. *(Нарочно дает волю слезам. Он смотрит на нее с глубокой грустью и невозмутимой холодностью; она украдкой поднимает на него глаза, чтобы узнать, какое впечатление производят на него ее слезы;)*

видя, что это его не трогает, она притворяется, будто делает над собой усилие и мужественно овладевает собой.) Ну, хорошо, я знаю, ты ненавидишь слезы. Я не буду плакать, чтобы не раздражать тебя. Я знаю, ты не сердишься, ты просто огорчен. Но только я такая глупенькая, я не могу ничего с собой поделывать — мне больно, когда ты говоришь со мной так холодно. Конечно, ты совершенно прав: это ужасно — подумать, что кого-то убили или хотя бы ранили. И я надеюсь, что ничего такого не... *(голос ее прерывается от его презрительного, испытующего взгляда.)*

Цезарь. Почему ты в таком страхе? Что ты сделала?

Снизу на берегу раздается рев трубы.

Ага, это похоже на ответ!

Клеопатра *(дрожа, опускается на скамейку и закрывает лицо руками)*. Я не предавала тебя, Цезарь, клянусь!

Цезарь. Я знаю. Я никогда и не полагался на тебя. *(Отворачивается от нее и собирается уйти.)*

В это время появляются Аполлдорс Британом, которые тащат к нему Луция Септимия. За ними идет Руфий.

(Вздрагивает.) Опять этот убийца Помпея!

Руфий. Город обезумел. Они готовы разнести дворец и швырнуть нас всех в море. Мы захватили этого предателя, когда разгоняли толпу на дворе.

Цезарь. Отпустите его.

Они отпускают.

Что оскорбило горожан, Луций Септимий?

Луций. А чего мог ты ожидать другого, Цезарь? Потин был их любимец.

Цезарь. Что случилось с Потиним? Я даровал ему свободу, вот здесь, еще не прошло и получаса. Разве его не выпустили из дворца?

Луций. Его выпустили... из арки, с галереи, с высоты шестидесяти локтей, всадив ему пол-локтя стали между ребер. Он мертв, как Помпей. Мы поквитались в убийствах — ты и я!

Цезарь *(потрясенный)*. Убит? Наш пленник? Наш гость? *(С горьким упреком к Руфию.)* Руфий!

Руфий *(с жаром, предвзяв его вопрос)*. Кто бы это ни сделал, это был умный человек и друг тебе.

Клеопатра явно смеется.

Но никто из нас не причастен к этому. Так что тебе нечего хмуриться на меня.

Цезарь поворачивается и смотрит на Клеопатру.

Клеопатра (*бурно, поднявшись*). Он был убит по повелению царицы Египта. Я не Юлий Цезарь — мечтатель, который позволяет всякому рабу оскорблять себя. Руфий сказал, что я поступила хорошо. Пусть также и другие судят меня. (*Поворачивается к остальным.*) Этот Потин домогался от меня, чтобы я вступила с ним в заговор, дабы предать Цезаря Ахиллу и Птолемею. Я отказалась. Он проклял меня и тайком пришел к Цезарю, чтобы обвинить меня в своем собственном предательстве. Я застигла его на месте. И он оскорбил меня — меня, царицу! — в лицо. Цезарь не захотел отомстить за меня. Он снял с него вину и отпустил его на свободу. Разве я не вправе была отомстить за себя? Говори, Луций!

Луций. Я не оспариваю. Но Цезарь не поблагодарит тебя за это.

Клеопатра. Говори, Аполлодор. Разве я не права?

Аполлодор. У меня только одно возражение, прекраснейшая.

Ты должна была обратиться ко мне, твоему рыцарю, и в честном поединке я поразил бы клеветника.

Клеопатра (*пламенно*). Пусть даже раб твой судит меня, Цезарь. Британ, говори. Разве я не права?

Британ. Там, где предательство, ложь и бесчестие остаются безнаказанными, общество уподобляется арене, полной диких зверей, разрывающих друг друга на части. Цезарь не прав.

Цезарь (*со спокойной горечью*). Итак, по-видимому, приговор против меня.

Клеопатра (*в испуге*). Слушай меня, Цезарь. Если во всей Александрии найдется хоть один человек, который скажет, что я не права, клянусь тебе — я прикажу моим собственным рабам распять меня на двери дворца.

Цезарь. Если в целом мире, ныне или когда-либо, найдется хоть один человек, который поймет, что ты была не права, этому человеку придется или завоевать мир, как это сделал я, или этот мир распнет его.

Снизу снова доносится рев толпы.

Ты слышишь? Те, что ломятся сейчас в ворота твоего дворца, тоже верят в отмщение и убийство. Ты убила их вождя, и они будут правы, если убьют тебя. Если ты не веришь, спроси этих твоих четырех советчиков. А тогда, во имя того же права (*с величайшим презрением подчеркивает это слово*), разве я не должен буду убить их за то, что они убили свою царицу, и быть убитым в свою очередь их соотечественниками за то, что я вторгся в отчизну их? И что же тогда останется Риму, как не убить этих убийц,

чтобы мир увидал, как Рим мстит за сынов своих и за честь свою? И так до скончания века — убийство будет порождать убийство, и всегда во имя права и чести и мира, пока боги не устанут от крови и не создадут породу людей, которые научатся понимать.

Неистовый рев, Клеопатра белеет от ужаса.

Слушай же, ты, которую не должно оскорблять! Поди, приблизься к ним, послушай их слова. Ты узнаешь, что они горше, чем язык Потина. *(Торжественно, облекаясь в нефроничаемое величие.)* Так пусть же царица Египта приступит ныне к отпущению, и да защитит она ныне сама себя, ибо она отреклась от Цезаря. *(Поворачивается, чтобы уйти.)*

Клеопатра *(в ужасе бежит за ним, падает перед ним на колени).*

Цезарь, ты не покинешь меня! Цезарь, ты будешь защищать дворец!

Цезарь. Ты взяла на себя власть над жизнью и смертью. А я всего лишь мечтатель.

Клеопатра. Но ведь они убьют меня!

Цезарь. А почему бы им не убить тебя?

Клеопатра. Сжался!

Цезарь. Сжалиться? Как же это вдруг случилось, что ничто не может спасти тебя ныне, кроме жалости? Разве она спасла Потина?

Клеопатра вскакивает, ломая руки, и в отчаянии снова опускается на скамью. Аполлодор, в знак сочувствия, безмолвно становится позади нее. Небо теперь уже пышет ярким багрянцем и, постепенно угасая, затягивается бледно-оранжевой мглой, на фоне которой колоннада и священный истукан кажутся все темнее и темнее.

Руфий. Цезарь, довольно ораторствовать. Враг у ворот.

Цезарь *(набрасывается на него, давая волю своему гневу).* Да? А что удерживало его у этих ворот все эти месяцы? Мое безумие, как ты говоришь, или ваша мудрость? _В этом Красном египетском море крови чья рука удерживала головы ваши над волнами? *(Обращаясь к Клеопатре.)* И вот, когда Цезарь говорит одному из них: «Друг, иди и будь свободен!», ты, которая теперь цепляешься за мой меч ради спасения своей маленькой жизни, ты осмеливаешься тайком нанести ему удар в спину. А вы, воины и благороднорожденные честные слуги, вы забываете о благородстве и чести и восхваляете убийство и говорите: «Цезарь не прав». Клянусь богами, меня искушает желание разжать руку и предоставить всем вам погибнуть в этой пучине!

Клеопатра (*с коварной надеждой*). Но, Цезарь, если ты это сделаешь, ты же сам погибнешь!

Глаза Цезаря всхливают.

Руфий (*в сильном смятении*). Ах, клянусь Юпитером, она подзадоривает его, эта гнусная маленькая египетская крыса! Ему ничего не стоит ринуться одному в город, и тогда всех нас здесь изрубят на куски. (*С отчаянием, Цезарю.*) Неужели ты бросишь нас, оттого что мы кучка глупцов? Ведь я убиваю без зла, я делаю это по инстинкту, как собака душит кошку. Все мы псы, что бегут по следам твоим; но мы служили тебе верно.

Цезарь (*смягчаясь*). Увы, сын мой, сын мой Руфий! Вот мы и погибнем на улицах, как псы.

Аполлодор (*на своем посту, позади Клеопатры*). Цезарь, я слышу в твоих словах глас олимпийца. И в словах твоих истина, ибо в них — высокое искусство. Но я не покину Клеопатру. Если нам суждено умереть, да не лишится она в последнюю минуту преданного сердца мужского и крепкой мужской руки.

Клеопатра (*всхлипывая*). Но я не хочу умирать!

Цезарь (*грустно*). О недостойная, недостойная!

Луций (*становится между Цезарем и Клеопатрой*). Слушай меня, Цезарь. Может быть, это и правда недостойно, но я тоже хочу прожить как можно дольше.

Цезарь. Ну что же, друг, наверно, ты переживешь Цезаря. Уж не думаешь ли ты, что я с помощью каких-то волшебных чар так долго держал армию вашу и целый город в страхе? Был ли я столь ненавистен им еще вчера, чтобы они, рискуя жизнью, поднялись против меня? Но сегодня мы убили их героя и швырнули им его труп. И теперь каждый из них готов разнести это гнездо убийц — ибо таковы мы, и не более того. Мужайтесь же и приготовьте ваши мечи. Голова Помпея упала, и голова Цезаря ныне готова упасть.

Аполлодор. Цезарь отчаивается?

Цезарь (*с бесконечной гордостью*). Тот, кто никогда не знал надежды, не может отчаиваться. В худой или в добрый час — Цезарь всегда глядит в лицо своей судьбе.

Луций. Гляди же ей в лицо и сейчас, и она улыбнется, как всегда улыбалась Цезарю.

Цезарь (*с невольным высокомерием*). Ты осмеливаешься ободрять меня?

Луций. Я предлагаю тебе мои услуги. Я готов перейти на твою сторону, если ты примешь меня.

Цезарь (*внезапно снова спускаясь на землю, смотрит на него испытующим взглядом, стараясь угадать, что скрывается за этим предложением*). Ты? В эту минуту?

Луций *(твердо)*. В эту минуту.

Руфий. Ты думаешь, что Цезарь лишился рассудка и поверит тебе?

Луций. Я не прошу его верить мне, пока он не одержит победы. Я прошу даровать мне жизнь и службу в войсках Цезаря. И так как Цезарь верен своему слову, я заплачу ему вперед.

Цезарь. Заплатишь? Как?

Луций. Доброй вестью, Цезарь.

Цезарь угадывает на лету.

Руфий. Какой вестью?

Цезарь *(с торжествующей, кипучей энергией, которая заставляет Клеопатру выпрямиться: она не сводит с него глаз)*. Какая весть, спрашиваешь ты, сын мой Руфий? Пришло подкрепление, какая еще может быть для нас добрая весть! Не так ли, Луций Септимий? Сюда идет Митридат Пергамский.

Луций. Он взял Пелузий.

Цезарь *(в восхищении)*. Луций Септимий! Отныне ты у меня на службе. Руфий, египтяне увели из города всех солдат до последнего, чтобы не дать Митридату переправиться через Нил. На улицах только чернь, чернь!

Луций. Это так. Митридат идет большой дорогой к Мемфису, он переправится через воды Нила выше Дельты. Ахилл даст ему бой у переправы.

Цезарь *(весь дерзновенье)*. Ахилл встретит там Цезаря! Смотри, Руфий. *(Подбегает к столу, хватяет салфетку, окунает палец в вино и начинает чертить план.)*

Руфий и Луций Септимий стоят рядом, низко нагнувшись над чертежом, ибо дневной свет уже почти угас.

Вот дворец *(показывает на план)*, вот театр. Ты *(Руфию)* возьмешь двадцать человек и выйдешь здесь, чтобы они подумали, что ты хочешь идти этой улицей *(показывает)*, а в то время пока они будут осыпать вас камнями. вот здесь *(показывает)* и здесь пройдут наши когорты. Правильно ли я начертил улицы, Луций?

Луций. Да, здесь финиковый базар...

Цезарь *(в возбуждении, не слушая его)*. Я видал их в тот день, когда мы пришли. Прекрасно! *(Бросает салфетку на стол и снова идет к колоннам.)* Спеши, Британ! Скажи Петронию, что в течение часа половина наших сил должна отправиться на кораблях к Западному озеру. С остальными я обогну озеро и выйду к Нилу, навстречу Митридату. Приготовь моего коня и вооружение. Иди, Луций, и передай приказ. *Луций поспешно идет за Британом.*

Аполлодор, одолжи мне твой меч и твою правую руку на этот поход.

Аполлотор. Охотно. И сердце мое и жизнь в придачу.
Цезарь (*стискивая его руку*). Принимаю и то и другое. (*Крепкое рукопожатие.*) Готов ты на дело?

Аполлотор. Готов служить искусству — искусству войны.
(*Бросается вслед за Луцием, совершенно забыв о Клеопатре.*)

Руфий. Да, это похоже на дело.

Цезарь (*воодушевленно*). Не правда ли, сын мой единственный?
(*Хлопает в ладоши.*)

Рабы появляются и бегут к столу.

Довольно этого отвратительного обжорства. Уберите всю эту гадость с глаз долой и убирайтесь вон.

Рабы начинают убирать стол. Занавеси сдвигаются, закрывая колоннаду.

Понял ты насчет улиц?

Руфий. Думаю, что да. Во всяком случае, я пройду.

Во дворе внизу оживленный призыв буцины.

Цезарь. Идем же. Мы должны сказать слово воинам и воодушевить их. Ты — на берег. Я — во двор. (*Поворачивается к лестнице.*)

Клеопатра (*поднимаясь со своего кресла, где она сидела, забытая всеми, робко протягивает к нему руки*). Цезарь!

Цезарь (*оборачивается*). Что?

Клеопатра. Ты забыл обо мне?

Цезарь (*снисходительно*). Мне сейчас некогда, дитя мое, очень некогда. Когда я вернусь, мы уладим все твои дела. Прощай! Будь умницей и потерпи. (*Уходит, очень озабоченный и совершенно равнодушный.*)

Клеопатра стоит, сжимая кулаки в немой ярости и унижении.

Руфий. Игра кончена. Клеопатра, и ты проиграла ее. Женщина всегда проигрывает.

Клеопатра (*надменно*). Иди! Ступай за своим господином!

Руфий (*на ухо ей, с грубоватой фамильярностью*). Одно словечко сперва: скажи твоему палачу, что если бы Потин был убит половчее — в глотку, он бы не крикнул. Твой раб сплеховал.

Клеопатра (*загадочно*). Откуда ты знаешь, что это был раб?

Руфий (*озадачен и сбит с толку*). Но ты этого сделать не могла, ты была с нами. (*Она презрительно поворачивается к нему спиной. Он качает головой и отдергивает занавеси, чтобы уйти.*)

Прекрасная лунная ночь. Стола уже нет. В лунном и звездном свете вырисовывается Фатамата, которая снова стоит коленипреклоненная перед белым алтарем Ра.

(Отшатывается, бесшумно задергивает занавеси и тихо говорит Клеопатре.) Неужели она? Собственной рукой?

Клеопатра *(угрожающе)*. Кто бы это ни был, пусть враги мои остерегаются ее. Берегись и ты, Руфий, осмеявший меня, царицу Египта, перед Цезарем.

Руфий *(угрюмо смотрит на нее)*. Поберегусь, Клеопатра. *(Кивает ей в подкрепление своих слов и скрывается за занавесями, вытаскивая на ходу меч из ножен.)*

Римские воины *(во дворе, внизу)*. Слава Цезарю! Слава! Слава!

Клеопатра прислушивается. Слышен снова рев буцины и трубные фанфары.

Клеопатра *(кричит, ломая руки)*. Фтататита, Фтататита! Здесь темно, я одна! Иди ко мне!

Молчание.

Фтататита! *(Громче.)* Фтататита!

Безмолвие. Клеопатра в панике дергает шнур, и занавеси раздвигаются. Фтататита лежит мертвая на алтаре Ра, с пронзенным горлом. Белый камень залит ее кровью.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Полдень. Празднество и военный парад на эспланаде перед дворцом. В Восточной гавани у набережной, почти вплотную к тем ступеням, откуда Аполлодор спускался со своим ковром в лодку, стоит пышно убранная, словно вся оснащенная цветами, галера Цезаря. Римская стража охраняет выход на сходни, откуда до середины эспланады, затем заворачивая на север, к главному входу во дворец, тянется красный ковер. На широких ступенях у входа толпятся приближенные женщины Клеопатры в своих самых ярких нарядах—это похоже на цветущий сад. Перед фасадом стоит дворцовая стража под началом все тех же щеголей, которым полгода назад в старом дворце на сирийской границе Бел-Африс возвестил о прибытии Цезаря. Вдоль северной стороны выстроились римские солдаты; позади них теснятся горожане и, поднимаясь на цыпочки, глядят через их головы на эспланаду, по которой, болтая, разгуливают начальники стражи. Среди них Бельзенор и перс, а также центурион с виноградным жезлом в руке. Центурион помят в бою, на нем тяжелые походные сапоги, и его совершенно затмевают египетские офицеры как своими непринужденными манерами,

так и нарядной одеждой. Аполлодор прокладывает себе дорогу через толпу горожан и, дойдя до римской стражи, окликает центуриона.

Аполлодор. Эй! Могу я пройти?

Центурион. Пропустите Аполлодора, сицилийца.

Стража расступается.

Бельзенор. Близко ли Цезарь?

Аполлодор. Нет. Он все еще на рыночной площади. Я больше не в состоянии был выносить этот солдатский рев. Когда полчаса подряд подышишь этим энтузиазмом, чувствуешь потребность глотнуть свежего морского воздуха.

Перс. Расскажи нам, что там было? Он предал казни жрецов?

Аполлодор. Это не в его обычае. Они вышли к нему навстречу на рыночной площади, посыпав главы свои пеплом, неся в руках своих идолов, и сложили богов своих к его ногам. Единственный, на кого стоило поглядеть, это был Апис: чудесной работы, из золота и слоновой кости. По моему совету Цезарь предложил за него главному жрецу два таланта.

Бельзенор *(в ужасе перед святотатством)*. Апис всеведущий!.. Два таланта!.. Что же сказал главный жрец?

Аполлодор. Он взывал к милосердию Аписа и просил пять.

Бельзенор. Апис не оставит это безнаказанным — голод и буря разразятся над страной.

Перс. Фью! Почему же Апис не помог Ахиллу победить Цезаря? А что слышно о войне, Аполлодор?

Аполлодор. Маленький царь Птолемей утонул.

Бельзенор. Утонул? Как так?

Аполлодор. Да, во время боя. Цезарь ринулся на них с трех сторон сразу и загнал их в волны Нила. Барка Птолемея потонула.

Бельзенор. Поистине удивительный муж, этот Цезарь! Скоро он будет здесь, как ты думаешь?

Аполлодор. Когда я уходил, он только что взялся улаживать еврейский вопрос.

Гром труб с северной стороны и волнение среди горожан возвещают о приближении Цезаря.

Перс. Скоро же он с ним расправился. Вот он приближается. *(Поспешно идет к своему посту впереди египетской стражи.)*

Бельзенор *(следуя за ним)*. Эй, стража! Цезарь идет!

Воины выравнивают ряды и становятся навтыяжку. Аполлодор подходит к рядам египтян.

Центурион (*поспешно направляется к страже у сходней*). Смирно! Цезарь идет!

Цезарь, в полном параде, появляется с Руфием, за ними следует Британ. Солдаты встречают Цезаря восторженными криками.

Цезарь. Я вижу, мой корабль ждет меня. Час прощания Цезаря с Египтом настал. Ну, Руфий, что мне еще осталось сделать перед отъездом?

Руфий (*по левую руку от Цезаря*). Ты еще не назначил римского губернатора в эту провинцию.

Цезарь (*лукаво косится на него, но говорит совершенно серьезно*). Что ты скажешь о моем избавителе и спасителе, великом сыне Евпатора, Митридате Пергамском?

Руфий. Что сказать, кроме того, что он тебе еще понадобится? Разве ты забыл, что тебе придется на обратном пути сразить еще три или четыре армии?

Цезарь. Да, это верно. А что бы ты сказал о себе?

Руфий (*недоверчиво*). Меня губернатором? Ты бредишь! Ты же знаешь, что я сын вольноотпущенника.

Цезарь (*ласково*). Разве Цезарь не нарек тебя своим сыном? (*Обращаясь к толпе.*) Внимание! Слушайте меня!

Римские воины. Слушайте Цезаря!

Цезарь. Слушайте, я сообщу вам о службе, звании и чине римского губернатора Египта. Служба — щит Цезаря. Звание — друг Цезаря. Чин — римский воин.

Римские воины оглашают площадь торжествующими криками.

Имя — Руфий.

Снова крики.

Руфий (*целует руку Цезаря*). Да, я — щит Цезаря! Но что пользы от щита, если он не на руке Цезаря? Ну, не важно... (*Голос у него прерывается, он отворачивается, чтобы овладеть собой.*)

Цезарь. Где островитянин мой, британт?

Британ (*выступает из-за правого плеча Цезаря*). Я здесь, Цезарь.

Цезарь. Кто повелел тебе, отвечай мне, броситься в бой у Дельты, издавая варварские крики твоей отчизны, лезть врукопашную один на четверых и непристойно поносить твоих противников египтян?

Британ. Цезарь, я прошу простить меня за грубые слова, они вырвались у меня в пылу боя.

Цезарь. А как же ты, не умея плавать, переплыл канал, когда мы ринулись на врага?

Британ. Цезарь, я ухватился за хвост твоего коня.

Цезарь. Это деяния не раба, Британник, а свободного человека.

Британ. Цезарь, я рожден свободным.

Цезарь. Но тебя зовут рабом Цезаря.

Британ. Только будучи рабом Цезаря, обрел я истинную свободу.

Цезарь (*растроганный*). Добрая речь! А я, неблагодарный, хотел даровать тебе свободу. Но теперь я не расстанусь с тобой и за миллион талантов. (*Дружески похлопывает его по плечу.*)

Британ, обрадованный, но несколько пристыженный, берет руку Цезаря и целует ее.

Бельзенор (*персу*). Этот римлянин знает, как заставить людей служить себе.

Перс. Да. Смиренных людей, которые не могут стать ему соперниками.

Бельзенор. О хитроумный! О циник!

Цезарь (*заметив Аполлодора возле египетской стражи*). Аполлодор, я поручаю тебе искусство Египта. Не забудь, Рим любит искусство и будет щедро покровительствовать ему.

Аполлодор. Понимаю, Цезарь. Рим сам не создает искусства, но он покупает и берет его себе всюду в тех странах, где его создают.

Цезарь. Что? Рим не создает искусства? А мир — разве не искусство? Война — не искусство? Государство — не искусство? Цивилизация — не искусство? Все это мы даем вам в обмен на несколько безделушек. Ты заключаешь на редкость выгодную сделку. (*Руфию.*) Ну, что же еще должен я сделать перед отплатиетом? (*С усилием старается припомнить.*) Что-то еще осталось... что бы это такое могло быть? Ну что ж, видно, так уж придется оставить. Попутный ветер нельзя упускать. Прощай, Руфий!

Руфий. Цезарь, тягостно мне отпускать тебя в Рим без твоего щита. Слишком там много мечей.

Цезарь. Не все ли равно, друг. На обратном пути я закончу труд моей жизни; я уж достаточно пожил на свете. А потом, мне всегда как-то претива мысль умереть. Я предпочитаю быть убитым. Прощай!

Руфий (*вздыхая, потрясает руками, как бы бьвя небо в свидетели тому, что Цезарь неисправим*). Прощай.

Они жмут руки друг другу.

Цезарь (*машиет рукой Аполлодору*). Прощай, Аполлодор! И вы, друзья мои, прощайте все! На борт!

С бережной на корабль перекинуты сходни. Когда Цезарь направляется к ним, Клеопатра, холодная и трагическая, выходит из дворца, проходит сквозь расступавшуюся толпу

своих приближенных и останавливается на ступенях лестницы. Она умышленно одета во все черное, без всяких украшений и драгоценностей, и производит разительное впечатление среди своей роскошно одетой свиты. Цезарь не замечает ее, пока она не начинает говорить.

Клеопатра. А о Клеопатре не вспомнят при расставании?
Цезарь (*просияв*). Ах, я же знал, что-то еще осталось. (*Руфию.*) Как же ты мог допустить, чтобы я забыл про нее, Руфий? (*Спешит к ней.*) Я бы никогда не простил себе, если бы уехал, не повидавшись с тобой. (*Берет ее за руки и выводит на середину эспланады: она с каменным безучастием подчиняется этому.*) Этот траур — по мне?

Клеопатра. Нет.

Цезарь (*сокрушенно*): А, какой же я недогадливый! Это по твоему брату?

Клеопатра. Нет.

Цезарь. По ком же?

Клеопатра. Спроси римского губернатора, которого ты оставляешь нам.

Цезарь. Руфия?

Клеопатра. Да. Руфия. (*С презрением показывает на него пальцем.*) Того, кто будет править здесь именем Цезаря, по обычаю Цезаря, по тем законам жизни, которыми здесь похвалялся Цезарь.

Цезарь (*с некоторым сомнением в голосе*). Он будет править как сумеет, Клеопатра. Он взял это дело на себя и будет его делать по своему разумению.

Клеопатра. Значит, не по твоему разумению?

Цезарь (*озадаченно*). Что ты понимаешь под моим разумением?

Клеопатра. Без кары, без мести, без суда.

Цезарь (*одобрительно*). А, это правильный путь! Единственно возможный путь в конце концов! (*Руфию.*) Держись его, Руфий, если сумеешь.

Руфий. Да, я держусь его, Цезарь. Ты уже давно убедил меня. Но послушай меня. Ты сегодня отплываешь в Нумидию. Скажи мне, если ты повстречаешься там с голодным львом, ты не накажешь его, если он захочет тебя пожрать?

Цезарь (*недоумевая, к чему все это*). Нет.

Руфий. И ты не отомстишь ему за кровь тех, кого он уже успел пожрать?

Цезарь. Нет.

Руфий. Не будешь судить его за его преступления?

Цезарь. Нет.

Руфий. А что же ты сделаешь, чтобы уберечь свою жизнь от него?

Цезарь *(живо)*. Убью его, дружище! Безо всякой злобы, точь-в-точь так же, как и он убил бы меня. Но что это за притча о льве?

Руфий. А вот. У Клеопатры была тигрица, которая убивала людей по ее повелению. Я опасался, как бы она не приказала ей в один прекрасный день убить и тебя. Так вот, не будь я учеником Цезаря, на какие благочестивые муки не обрек бы я эту тигрицу, каких только кар не придумал бы я для нее, чтобы отомстить ей за смерть Потина...

Цезарь *(восклицает)*. Потина?!

Руфий *(продолжает)*. И уж, конечно, я предал бы ее суду. Но я махнул рукой на все эти глупости... И безо всякой злобы просто перерезал ей горло. Вот почему Клеопатра явилась сегодня в трауре.

Клеопатра *(гневно)*. Он пролил кровь слуги моей Фтататиты. Да падет ее кровь на голову твою, Цезарь, если ты оставишь это безнаказанным.

Цезарь *(убежденно)*. Пусть она падет на мою голову. Ибо ты поступил правильно, Руфий. Если бы ты облекся в мантию судьбы и со всякими гнусными церемониями, взывая к богам, отдал бы эту женщину в руки наемного палача, чтобы тот казнил ее на глазах народа во имя справедливости, я бы теперь не мог без содрогания коснуться твоей руки. Но ты поступил естественно, ты просто заколол ее; и это не внушает мне отвращения.

Руфий удовлетворенно кивает Клеопатре, безмолвно предлагая ей иметь это в виду на будущее.

Клеопатра *(по-детски негодуя в своем бессилии)*. Нет? Ну разумеется, ведь это римлянин убил египтянку. Весь мир узнает теперь, как несправедлив и порочен Цезарь.

Цезарь *(ласково берет ее за руку)*. Полно. Не сердись на меня. Мне очень жаль эту бедную Тотатиту...

Клеопатра неволью смеется.

Ага, ты смеешься! Значит — мир?

Клеопатра *(сердясь на себя за невольный смех)*. Нет! Нет! Нет! Мне просто смешно слышать, как ты ее называешь Тотатитой.

Цезарь. Как? Ты все такое же дитя, Клеопатра! Или я так и не сделал тебя женщиной?

Клеопатра. Нет, это ты сам большой ребенок. Ты заставляешь меня казаться дурочкой, потому что ты относишься ко мне несерьезно. Но ты поступил со мной дурно. И я тебе этого не прощу.

Цезарь. Пожелай мне счастливого пути.

Клеопатра. Не пожелаю.

Цезарь (*вкрадчиво*). А какой прекрасный подарок я пришлю тебе из Рима.

Клеопатра (*гордо*). Прекрасный! Какой же красотой может Рим удивить Египет? Что может дать мне Рим такого, чего не мог бы мне дать Египет?

Аполлодор. Это правда, Цезарь. Если ты хочешь сделать действительно прекрасный подарок, мне придется купить его для тебя в Александрии.

Цезарь. Друг, ты забываешь о тех сокровищах, которыми больше всего славится Рим. Их ты не купишь в Александрии.

Аполлодор. Что же это за сокровища, Цезарь?

Цезарь. Сыны Рима! Ну, Клеопатра, прости меня и пожелай мне доброго пути. И я пришлю тебе воина — римлянина с ног до головы и одного из самых благородных римлян; не старого, не такого, которого пора уже скосить долой; не с тощими руками и холодным сердцем, не прячущего плешивую голову под лаврами победителя, не согбенного под бременем мира, которое он взвалил себе на плечи, — но бодрого, свежего, сильного, юного, который утром просыпается с надеждой, дни проводит в бою, а вечером пирует. Возьмешь ли ты такого в обмен на Цезаря?

Клеопатра (*замысливая*). А как зовут его?

Цезарь. Может быть, Марк Антоний?

Клеопатра бросается в его объятия.

Руфий. Плохая мена. Продешевила ты, повелительница моя, променяв Цезаря на Антония.

Цезарь. Итак, значит, ты довольна?

Клеопатра. Ты не забудешь?

Цезарь. Не забуду. Прощай! Вряд ли мы еще встретимся. (*Целует ее в лоб; она очень расстроена и начинает всхлипывать. Он идет к кораблю.*)

Римские воины (*когда он вступает на сходни*). Слава Цезарю! Добрый путь!

Цезарь всходит на корабль и машет рукой Руфию, который отвечает ему тем же.

Аполлодор (*Клеопатре*). Не надо слез, возлюбленная царица моя. Они пронзают сердце слуги твоего. Он еще вернется.

Клеопатра. Надеюсь, что нет. Но все-таки я не могу не плакать. (*Машет Цезарю платком.*)

Корабль отчаливает.

Римские солдаты (*обнажая мечи и потрясая ими в воздухе*). Слава Цезарю!

Роман
в пяти действиях

1912—1913

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Ковент-гарден. Летний вечер. Дождь как из ведра. Со всех сторон отчаянный рев автомобильных сирен. Прохожие бегут к рынку и к церкви св. Павла, под портиком которой уже укрылось несколько человек, в том числе пожилая дама с дочерью, обе в вечерних туалетах. Все с досадой всматриваются в потоки дождя, и только один человек, стоящий спиной к остальным, по-видимому, совершенно поглощен какими-то отметками, которые он делает в записной книжке. Часы бьют четверть двенадцатого.

Дочь (стоит между двумя средними колоннами портика, ближе к левой). Я больше не могу, я вся продрогла. Куда девался Фредди? Полчаса прошло, а его все нет.

Мать (справа от дочери). Ну, уж не полчаса. Но все-таки пора бы ему привести такси.

Прохожий (справа от пожилой дамы). Это вы и не надейтесь, леди: сейчас ведь все из театров едут; раньше половины двенадцатого ему такси не достать.

Мать. Но нам необходимо такси. Не можем же мы стоять здесь до половины двенадцатого. Это просто возмутительно.

Прохожий. Да я-то тут при чем?

Дочь. Будь у Фредди хоть капля сообразительности, он взял бы такси у театра.

Мать. Чем он виноват, бедный мальчик?

Дочь. Другие ведь достают. Почему же он не может?

Со стороны Саутгемптон-стрит влетает Фредди и становится между ними, закрыв зонтик, с которого стекает вода. Это молодой человек лет двадцати; он во фраке, брюки у него внизу совершенно мокрые.

Дочь. Так и не достал такси?

Фредди. Нет нигде, хоть умри.

Мать. Ах, Фредди, неужели совсем, совсем нет? Ты, наверно, плохо искал.

Дочь. Безобразие. Уж не прикажешь ли нам самим идти за такси?

Фредди. Я же вам говорю, нигде ни одного нет. Дождь пошел так неожиданно, всех застигло врасплох, и все бросились к такси. Я прошел до самого Чэринг-кросс, а потом в другую сторону, почти до Ледгейт-цирка, и ни одного не встретил.

Мать. А на Трафальгар-сквер был?

Фредди. На Трафальгар-сквер тоже ни одного нет.

Дочь. А ты там был?

Фредди. Я был на Чэрингкросском вокзале. Что ж ты хотела, чтоб я до Гаммерсмита маршировал под дождем?

Дочь. Нигде ты не был!

Мать. Правда, Фредди, ты как-то очень беспомощен. Ступай снова и без такси не возвращайся.

Фредди. Только зря вымокну до нитки.

Дочь. А что же нам делать? По-твоему, мы всю ночь должны простоять здесь, на ветру, чуть не нагишом? Это свинство, это эгоизм, это...

Фредди. Ну, ладно, ладно, иду. *(Раскрывает зонтик и бросается в сторону Стрэнда, но по дороге налетает на уличную цветочницу, торопящуюся укрыться от дождя, и вышибает у нее из рук корзину с цветами.)*

В ту же секунду сверкает молния, и оглушительный раскат грома как бы аккомпанирует этому происшествию.

Цветочница. Куда прешь, Фредди! Возьми глаза в руки!

Фредди. Простите. *(Убегает.)*

Цветочница *(подбирает цветы и укладывает их в корзину)*.

А еще образованный! Все фиалочки в грязь затоптал. *(Усаживается на плинтус колонны справа от пожилой дамы и принимается отряхивать и расправлять цветы.)*

Ее никак нельзя назвать привлекательной. Ей лет восемнадцать — двадцать, не больше. На ней черная соломенная шляпа, сильно пострадавшая на своем веку от лондонской пыли и копоти и едва ли знакомая со щеткой. Волосы ее какого-то мышьиного цвета, не встречающегося в природе: тут явно необходимы вода и мыло. Порыжелое черное пальто, узкое в талии, едва доходит до колен; из-под него видна коричневая юбка и холщовый фартук. Башмаки, видно, тоже знали лучшие дни. Без сомнения, она по-своему чистоплотна, однако рядом с дамами решительно кажется замазливой. Черты лица у нее недурны, но состояние кожи оставляет желать лучшего; кроме того, заметно, что она нуждается в услугах дантиста.

Мать. Позвольте, откуда вы знаете, что моего сына зовут Фредди?

Цветочница. А, так это ваш сын? Нечего сказать, хорошо вы его воспитали... Разве это дело? Раскидал у бедной девушки все цветы и смылся, как миленький! Теперь вот платите, мамаша!

Дочь. Мама, надеюсь, вы не сделаете ничего подобного. Еще недоставало!

Мать. Подожди, Клара, не вмешивайся. У тебя есть мелочь?

Дочь. Нет. У меня только шестипенсовик.

Цветочница (*с надеждой*). Вы не беспокойтесь, у меня найдется сдачи.

Мать (*дочери*). Дай сюда.

Дочь неохотно расстаётся с монетой.

Так. (*Девушке*.) Вот вам за цветы, моя милая.

Цветочница. Дай вам бог здоровья, леди.

Дочь. Возьмите у нее сдачи. Эти букетики стоят не больше пенни.

Мать. Клара, тебя не спрашивают. (*Девушке*.) Сдачи не надо.

Цветочница. Дай вам бог здоровья.

Мать. А теперь скажите мне, откуда вы знаете, как зовут этого молодого человека?

Цветочница. А я и не знаю.

Мать. Я слышала, как вы его называли по имени. Не пытайтесь обмануть меня.

Цветочница. Очень мне нужно вас обманывать. Я просто так сказала. Ну, Фредди, Чарли — надо же как-нибудь назвать человека, если хочешь быть вежливым. (*Усаживается возле своей корзины*.)

Дочь. Зря выбросили шесть пенсов! Право, мама, уж от этого вы могли бы Фредди избавить. (*Брезгливо отступает за колонну*.)

Пожилой джентльмен — приятный тип старого армейца — взбегаёт по ступеням и закрывает зонтик, с которого течет вода. У него, так же как у Фредди, брюки внизу совсем мокрые. Он во фраке и легком летнем пальто. Становится на свободное место у левой колонны, от которой только что отошла дочь.

Джентльмен. Уфф!

Мать (*джентльмену*). Скажите, пожалуйста, сэр, все еще не видно никакого просвета?

Джентльмен. К сожалению, нет. Дождь только что полил еще сильнее. (*Подходит к тому месту, где сидит цветочница,*

ставит ногу на плитус и, нагнувшись, подвертывает мокрую штанину.)

Мать. Ах, боже мой! *(Жалобно вздыхает и отходит к дочери.)*

Цветочница *(спешит воспользоваться соседством пожилого джентльмена, чтобы установить с ним дружеские отношения)*. Раз полил сильнее, значит скоро пройдет. Не расстраивайтесь, кэптен, купите лучше цветочек у бедной девушки.

Джентльмен. Сожалею, но у меня нет мелочи.

Цветочница. А я вам разменяю, кэптен.

Джентльмен. Соверен? У меня других нет.

Цветочница. Ух ты! Купите цветочек, кэптен, купите. Полкроны я могу разменять. Вот возьмите этот — два пенса.

Джентльмен. Ну, девочка, только не приставай, я этого не люблю. *(Роется в карманах.)* Право же, нет мелочи...
Погодите, вот полтора пенса, если это вас устроит...
(Отходит к другой колонне.)

Цветочница *(она разочарована, но все-таки решает, что полтора пенса лучше, чем ничего)*. Спасибо вам, сэр.

Прохожий *(цветочнице)*. Ты смотри, взяла деньги, так дай ему цветок, а то вон тот тип стоит и записывает каждое твое слово.

Все оборачиваются к человеку с записной книжкой.

Цветочница *(вскакивает в страхе)*. А что же я такого сделала, если поговорила с джентльменом? Продавать цветы не запрещается. *(Плаксиво.)* Я честная девушка! Вы все видели, я только попросила его купить цветочек.

Общий шум; большинство публики настроено сочувственно к цветочнице, но не одобряют ее чрезмерную впечатлительность. Пожилые и солидные успокоительно треплют ее по плечу, подбодряя репликами вроде: — Ну-ну, не реви! — Кому ты нужна, никто тебя не тронет. — Нечего скандал поднимать. — Успокойся. — Будет, будет! — и т. д. Менее терпеливые цыкают на нее и сердито спрашивают, чего собственно она орет? Те, которые стояли поодаль и не знают, в чем дело, протискиваются поближе и еще увеличивают шум расспросами и объяснениями: — Что случилось? — Что она сделала? — А он где? — Да вот засыпалась. — Как, вон тот? — Да, да, стоит у колонны. Она у него деньги выманила, — и т. д. Цветочница, оглушенная и растерянная, пробивается сквозь толпу к пожилому джентльмену и жалобно кричит.

Цветочница. Сэр, сэр, скажите ему, чтобы он на меня не заявлял. Вы не знаете, чем это пахнет. За приставаньё

к джентльменам у меня отберут свидетельство, выкинут меня на улицу. Я...

Человек с записной книжкой подходит к ней справа, и за ним теснятся все остальные.

Человек с записной книжкой. Но-но-но! Кто вас трогал, глупая вы девушка? За кого вы меня принимаете?

Прохожий. Все в порядке. Это джентльмен — обратите внимание на его ботинки. *(Человеку с записной книжкой, пояснительно.)* Она думала, сэр, что вы шпик.

Человек с записной книжкой *(с интересом)*. А что это такое — шпик?

Прохожий *(теряясь в определениях)*. Шпик — это... ну, шпик, и все тут. Как же иначе сказать? Ну, сыщик, что ли.

Цветочница *(все еще плаксиво)*. Вот хоть на библии поклясться, не говорила ему ничего!..

Человек с записной книжкой *(повелительно, но без злобы)*. Да замолчите же вы наконец! Разве я похож на полицейского?

Цветочница *(далеко не успокоенная)*. А зачем же вы все записывали? Почему я знаю, правду вы записали или нет? Вот покажите, что у вас там про меня написано.

Он раскрывает свою записную книжку и несколько секунд держит ее перед носом девушки; при этом толпа, сляясь заглянуть через его плечо, напирает так, что более слабый человек не удержался бы на ногах.

Это что такое? Это не по-нашему написано. Я тут ничего не разберу.

Человек с записной книжкой. А я разберу. *(Читает, в точности подражая ее выговору.)* Ни расстраиваться, кэптен; купити луччи цвиточик у бедны девушки.

Цветочница *(в испуге)*. Это что я его назвала «кэптен»? Так я же ничего дурного не думала. *(Джентльмену.)* Ой, сэр, скажите ему, чтобы он на меня не заявлял. Скажите...

Джентльмен. Как заявлял? Не нужно ничего заявлять. *(Человеку с записной книжкой.)* В самом деле, сэр, если вы детектив и хотели оградить меня от уличных приставаний, то заметьте, что я вас об этом не просил. У девушки ничего дурного не было на уме, всякому ясно.

Голоса в толпе *(выражая общий протест против системы полицейского сыска)*. И очень даже просто! — Вам-то что до этого? Вы знайте свое дело. — Верно, выслужиться захотел. — Где это видано, записывать за человеком каждое слово! — Девушка с ним и не заговаривала. — А хоть бы и заговорила! — Хорошее дело, уже нельзя девушке спря-

гаться от дождя, чтоб не нарваться на оскорбление...
(И т. д. и т. п.)

Наиболее сочувственно настроенные ведут цветочницу обратно к колонне, и она снова усаживается на плинтус, стараясь побороть свое волнение.

Прохожий. Да он не шпик. Просто въедливый тип какой-то, вот и все. Я вам говорю, обратите внимание на ботинки.

Человек с записной книжкой (*обернувшись к нему, весело*).

Кстати, как поживают ваши родственники в Селси?

Прохожий (*подозрительно*). Откуда вы знаете, что мои родственники живут в Селси?

Человек с записной книжкой. Не важно, откуда. Но ведь это так? (*Цветочнице.*) А вы как попали сюда, на восток? Вы ведь родились в Лиссонгров.

Цветочница (*с испугом*). Что ж тут дурного, если я уехала из Лиссонгров? Я там в такой конуре жила, хуже собачьей, а плата—четыре шиллинга шесть пенсов в неделю... (*Плачет.*) Ой-о-о-ой...

Человек с записной книжкой. Да живите вы где хотите, только перестаньте ныть.

Джентльмен (*девушке*). Ну полно, полно! Он вас не тронет; вы имеете право жить где вам заблагорассудится.

Саркастически настроенный прохожий (*протискиваясь между человеком с записной книжкой и джентльменом*).

Например, на Парк-лэйн. Послушайте, я бы не прочь потолковать с вами о жилищном вопросе.

Цветочница (*пригорюнившись над своей корзиной, обиженно бормочет себе под нос*). Я не какая-нибудь, я честная девушка.

Саркастический прохожий (*не обращая на нее внимания*). Может быть, вы знаете, откуда я родом?

Человек с записной книжкой (*без запинки*). Из Хокстона.

Смешки в толпе. Общий интерес к фокусам человека с записной книжкой явно возрастает.

Саркастический прохожий (*удивленно*). Черт возьми! Так и есть. Слушайте, да вы в самом деле всезнайка.

Цветочница (*все еще переживая свою обиду*). И никакого он права не имеет лезть! Да, никакого права...

Прохожий (*цветочнице*). Факт, никакого. И ты ему так не спускай. (*Человеку с записной книжкой.*) Послушайте, по какому это вы праву все знаете о людях, которые не желают иметь с вами дела? Есть у вас письменное разрешение?

Несколько человек из толпы (видимо, ободренные этой юридической постановкой вопроса). Да, да, есть у вас разрешение?

Цветочница. А пускай его говорит, что хочет. Не стану я с ним связываться.

Прохожий. Все потому, что мы для вас — тьфу! Пустое место. С джентльменом вы бы себе таких штук не позволили.

Саркастический прохожий. Да, да! Если уж вам пришла охота поворожить, скажите-ка — откуда вот он взялся?

Человек с записной книжкой. Челтенхем, Харроу, Кембридж, а впоследствии Индия.

Джентльмен. Совершенно верно.

Общий хохот. Теперь сочувствие явно на стороне человека с записной книжкой. Восклициания вроде: — Все знает! — Так прямо и отрезал. — Слыхали, как он этому длинному раз написал, откуда он? — и т. д.

Простите, сэръ, вы, вероятно, выступаете с этим номером в мюзик-холле?

Человек с записной книжкой. Пока нет. Но я уже подумывал об этом.

Дождь перестал; толпа понемногу начинает расходиться.

Цветочница (недовольная переменой общего настроения в пользу обидчика). Джентльмены так не делают, да, не обижают бедную девушку!

Дочь (потеряв терпение, бесцеремонно проталкивается вперед, оттеснив пожилого джентльмена, который вежливо отступает за колонну). Но где же, наконец, Фредди? Я рискую схватить воспаление легких, если еще постою на этом сквозняке.

Человек с записной книжкой (про себя, поспешно делая отметку в своей книжке). Эрлскорт.

Дочь (гневно). Прошу вас держать ваши дерзкие замечания при себе.

Человек с записной книжкой. А я разве сказал что-нибудь вслух? Прошу извинить меня. Это вышло неволью. Но ваша матушка, несомненно, из Эпсома.

Мать (становится между дочерью и человеком с записной книжкой). Скажите как интересно! Я действительно выросла в Толсталеди-парк близ Эпсома.

Человек с записной книжкой (шумно хохочет). Ха-ха-ха! Ну и название, черт дери! Простите. (Дочери.) Вам, кажется, нужно такси?

Дочь. Не смейте обращаться ко мне!

Мать. Прошу тебя, Клара!

Дочь вместо ответа сердито пожимает плечами и с надменным выражением отходит в сторону.

Мы были бы вам так признательны, сэ, если б вы нашли для нас такси.

Человек с записной книжкой достает свисток.

О, благодарю вас. *(Идет за дочерью.)*

Человек с записной книжкой издает пронзительный свист.

Саркастический прохожий. Ну вот вам. Я же говорил, что это переодетый шпик.

Прохожий. Это не полицейский свисток; это спортивный свисток.

Цветочница *(все еще страдая от оскорбления, нанесенного ее чувствам)*. Не смеет он у меня отбирать свидетельство! Мне так же нужно свидетельство, как и всякой леди.

Человек с записной книжкой. Вы, может быть, не заметили — дождь уже минуты две как перестал.

Прохожий. А ведь верно. Что же вы раньше не сказали? Мы бы не теряли тут время, слушая ваши глупости! *(Уходит по направлению к Стрэнду.)*

Саркастический прохожий. Я вам скажу, откуда вы сами. Из Бидлама. Вот и сидели бы там.

Человек с записной книжкой *(услужливо)*. Бедлама.

Саркастический прохожий *(стараясь весьма изысканно произносить слова)*. Спасибо, господин учитель. Ха-ха! Будьте здоровы. *(С насмешливой почтительностью притрагивается к шляпе и уходит.)*

Цветочница. Зря только людей пугает. Самого бы его пугнуть как следует!

Мать. Клара, уже совсем прояснилось. Мы можем дойти до автобуса. Идем. *(Подбирает юбку и торопливо уходит в сторону Стрэнда.)*

Дочь. Но такси...

Мать уже не слышит ее.

Ах, как все это скучно! *(Сердито идет за матерью.)*

Все уже разошлись, и под портиком остались только человек с записной книжкой, пожилой джентльмен и цветочница, которая возится со своей корзинкой и по-прежнему бормочет что-то себе в утешение.

Цветочница. Бедная ты девушка! И так жизнь нелегкая, а тут еще всякий измывается.

Джентльмен (*вернувшись на прежнее место — слева от человека с записной книжкой*). Позвольте спросить, как вы это делаете?

Человек с записной книжкой. Фонетика — и только. Наука о произношении. Это моя профессия и в то же время мой конек. Счастлив тот, кому его конек может доставить средства к жизни! Нетрудно сразу отличить по выговору ирландца или йоркширца. Но я могу с точностью до шести миль определить место рождения любого англичанина. Если это в Лондоне, то даже с точностью до двух миль. Иногда можно указать даже улицу.

Цветочница. Постыдился бы, бессовестный!

Джентльмен. Но разве это может дать средства к жизни?

Человек с записной книжкой. О да. И немалые. Наш век — это век выскочек. Люди начинают в Кентиштауне, живя на восемьдесят фунтов в год, и кончают на Парк-лэйн с сотней тысяч годового дохода. Они хотели бы забыть про Кентиштаун, но он напоминает о себе, стоит им только раскрыть рот. И вот я обучаю их.

Цветочница. Занимался бы своим делом, вместо того чтоб обижать бедную девушку...

Человек с записной книжкой (*расширяясь*). Женщина! Немедленно прекратите это омерзительное нытье или поищите себе приют у дверей другого храма.

Цветочница (*неуверенно-вызывающе*). Я имею такое же право сидеть, тут, как и вы.

Человек с записной книжкой. Женщина, которая издает такие уродливые и жалкие звуки, не имеет права сидеть нигде... вообще не имеет права жить! Вспомните, что вы — человеческое существо, наделенное душой и божественным даром членораздельной речи, что ваш родной язык — это язык Шекспира, Мильтона и Библии! И перестаньте квохтать, как осипшая курица.

Цветочница (*совершенно обалдевшая, не решаясь поднять голову, смотрит на него исподлобья, со смешанным выражением изумления и испуга*). У-у-ааааа-у!

Человек с записной книжкой (*хватаясь за карандаш*). Боже правый! Какие звуки! (*Горопливо пишет; потом откидывает голову назад и читает, в точности воспроизводя то же сочетание гласных*). У-у-ааааа-у!

Цветочница (*представление ей понравилось, и она хихикает против воли*). Ух ты!

Человек с записной книжкой. Вы слышали ужасное произношение этой уличной девчонки? Из-за этого произношения она до конца своих дней обречена оставаться на дне общества. Так вот, сэр, дайте мне три месяца сроку, и я

сделаю так, что эта девушка с успехом сойдет за герцогиню на любом посольском приеме. Мало того, она сможет поступить куда угодно в качестве горничной или продавщицы, а для этого, как известно, требуется еще большее совершенство речи. Именно такого рода услуги я оказываю нашим новоявленным миллионерам. А на заработанные деньги занимаюсь научной работой в области фонетики и немного — поэзией в мильтоновском вкусе.

Джентльмен. Я сам изучаю индийские диалекты и...

Человек с записной книжкой (*торопливо*). Да что вы? Не знаком ли вам полковник Пикеринг, автор «Разговорного санскрита»?

Джентльмен. Полковник Пикеринг — это я. Но кто же вы такой?

Человек с записной книжкой. Генри Хиггинс, создатель «Универсального алфавита Хиггинса».

Пикеринг (*восторженно*). Я приехал из Индии, чтобы познакомиться с вами!

Хиггинс. А я собирался в Индию, чтобы познакомиться с вами.

Пикеринг. Где вы живете?

Хиггинс. Уимпол-стрит, двадцать семь-А. Приходите ко мне завтра же.

Пикеринг. Я остановился в Карлтон-отеле. Идемте со мной сейчас же, мы еще успеем побеседовать за ужином.

Хиггинс. Великолепно.

Цветочница (*Пикерингу, когда он проходит мимо*). Купите цветочек, добрый джентльмен. За квартиру платить нечем.

Пикеринг. Право же, у меня нет мелочи. Очень сожалею.

Хиггинс (*возмущенный ее попрошайничеством*). Агунья! Ведь вы же сказали, что можете разменять полкроны.

Цветочница (*вскакивая в отчаянии*). Мешок с гвоздями у вас вместо сердца! (*Швыряет корзину к его ногам.*) Натe, черт с вами, берите всю корзину за шесть пенсов!

Часы на колокольне бьют половину двенадцатого.

Хиггинс (*услышав в их бое глас божий, упрекающий его за фарисейскую жестокость к бедной девушке*). Указание свыше! (*Торжественно приподнимает шляпу, затем бросает в корзину горсть монет и уходит вслед за Пикерингом.*)

Цветочница (*нагибается и вытаскивает полкроны*). У-ааа-у! (*Вытаскивает два флорина.*) Уу-ааа-у! (*Вытаскивает еще несколько монет.*) Уу-ааааа-у! (*Вытаскивает полсоверена.*) У-у-ааааааа-у!!

Фредди (*выскакивает из остановившегося перед церковью такси*). Достал все-таки! Эй! (*Цветочнице.*) Тут были две дамы, вы не знаете, где они?

Цветочница. А они пошли к автобусу, когда дождь перестал. Фредди. Вот это мило! Что же мне теперь с такси делать? Цветочница (*величественно*). Не беспокойтесь, молодой человек. Я поеду домой в вашем такси. (*Проплывает мимо Фредди к машине.*)

Шофер высовывает руку и поспешно прихлопывает дверцу.

(*Понимая его недоверие, она показывает ему полную горсть монет.*) На смотри, Чарли. Восемь пенсов—это нам ничем!

Он хмыляется и открывает ей дверцу.

Энджел-корт, Дрюри-лэйн, против керосиновой лавки. И гони что есть духу. (*Садится в машину и с шумом захлопывает дверцу.*)

Такси трогается.

Фредди. Вот это да!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Одиннадцать часов утра. Лаборатория Хиггинса на Уимпол-стрит. Это комната в первом этаже, с окнами на улицу, предназначенная служить гостиной. Посредине задней стены—дверь; входя в комнату, вы видите справа у стены две многоярусные картотеки, поставленные под прямым углом. В этом же углу письменный стол, на нем—фонограф, ларингоскоп, набор миниатюрных органичных труб, снабженных раздувальными мехами, ряд газовых рожков под ламповыми стеклами, резиновой кишкой соединенных со вводом в стене, несколько камертонов различных размеров, муляж половины человеческой головы в натуральную величину, показывающий в разрезе голосовые органы, и ящик с восковыми валиками для фонографа.

Посредине правой стены—камин; около него, ближе к двери,—удобное кожаное кресло и ящик с углем. На каминной доске—часы. Между письменным столом и камином—столик для газет.

У противоположной стены, слева от входной двери,— невысокий шкафчик с плоскими ящиками; на нем телефон и телефонный справочник. Весь левый угол в глубине занимает концертный рояль, поставленный хвостом к двери; вместо обычного табурета перед ним скамейка во всю длину клавиатуры. На рояле ваза с фруктами и конфетами.

Середина комнаты свободна от мебели. Кроме кресла, скамейки у рояля и двух стульев у письменного стола, в комнате есть еще только один стул, который не имеет особого назначения и стоит недалеко от камина. На стенах висят гравюры, большей частью Пиранези, и портреты меццо-тинто. Картин нет. Пикеринг сидит за письменным столом и складывает карточки, которые он видимо, только что разбирал. Хиггинс стоит рядом, у картотеки, и задвигает выдвинутые ящики. При дневном свете видно, что это крепкий, полнокровный, завидного здоровья мужчина лет сорока или около того; на нем черный сюртук, какие носят адвокаты и врачи, крахмальный воротничок и черный шелковый галстук. Он принадлежит к энергическому типу людей науки, которые с живым и даже страстным интересом относятся ко всему, что может явиться предметом научного исследования, и вполне равнодушны к вещам, касающимся лично их или окружающих, в том числе к чужим чувствам. В сущности, несмотря на свой возраст и комплекцию, он очень похож на неугомонного ребенка, шумно и стремительно реагирующего на все, что привлекает его внимание, и, как ребенок, нуждается в постоянном присмотре, чтобы нечаянно не натворить беды. Добродушная ворчливость, свойственная ему, когда он в хорошем настроении, сменяется бурными вспышками гнева, как только что-нибудь не по нему; но он настолько искренен и так далек от злобных побуждений, что вызывает симпатию даже тогда, когда явно не прав.

Хиггинс (задвигая последний ящик). Ну вот, как будто и все. Пикеринг. Удивительно, просто удивительно! Но должен вам сказать, что я и половины не запомнил.

Хиггинс. Хотите, можно кое-какие материалы посмотреть еще раз.

Пикеринг (встает, подходит к камину и становится перед ним, спиной к огню). Нет, спасибо, на сегодня хватит. Я уже больше не могу.

Хиггинс (идет за ним и становится рядом, с левой стороны). Устали слушать звуки?

Пикеринг. Да. Это требует страшного напряжения. До сих пор я гордился, что могу отчетливо воспроизвести двадцать четыре различных гласных; но ваши сто тридцать меня совершенно уничтожили. Я не в состоянии уловить никакой разницы между многими из них.

Хиггинс (со смехом отходит к роялю и набивает рот конфетами). Ну, это дело практики. Сначала разница как будто незаметна; но вслушайтесь хорошенько, и вы убедитесь, что все они так же различны, как А и Б.

В дверь просовывается голова миссис Пирс, экономки Хиггинса.

Что там такое?

Миссис Пирс (*нерешительно; она, видимо, озадачена*). Сэр, вас желает видеть какая-то молодая особа.

Хиггинс. Молодая особа? А что ей нужно?

Миссис Пирс. Простите, сэр, но она утверждает, что вы будете очень рады, когда узнаете, зачем она пришла. Она из простых, сэр. Из совсем простых. Я бы вам не стала и докладывать, но мне пришло в голову—может быть, вы хотите, чтоб она вам наговорила в ваши машины. Возможно, я и ошиблась, но к вам иногда такие странные люди ходят, сэр... надеюсь, вы меня простите...

Хиггинс. Ладно, ладно, миссис Пирс. А что, у нее интересное произношение?

Миссис Пирс. О сэр, ужасное, просто ужасное! Я, право, не знаю, что вы в этом можете находить интересного.

Хиггинс (*Пикерингу*). Послушаем, а? Давайте ее сюда, миссис Пирс. (*Бежит к письменному столу и достает новый валик для фонографа.*)

Миссис Пирс (*лишь наполовину убежденная в необходимости этого*). Слушаю, сэр. Как вам будет угодно. (*Уходит вниз.*)

Хиггинс. Вот это удачно. Вы увидите, как я оформляю свой материал. Мы заставим ее говорить, а я буду записывать—сначала по системе Белла, затем латинским алфавитом, а потом сделаем еще фонографическую запись—так, чтоб в любой момент можно было послушать и сверить звук с транскрипцией.

Миссис Пирс (*отворяя дверь*). Вот эта молодая особа, сэр.

В комнату важно входит цветочница. Она в шляпе с тремя страусовыми перьями: оранжевым, небесно-голубым и красным. Передник на ней почти не грязный, истрепанное пальтишко тоже как будто немного почищено. Эта жалкая фигурка так патетична в своей напыщенности и невинном самодовольстве, что Пикеринг, который при входе миссис Пирс поспешил выпрямиться, совсем растроган. Что же до Хиггинса, то ему совершенно все равно, женщина перед ним или мужчина; единственная разница в том, что с женщинами, если он не ворчит и не скандалит по какому-нибудь пустяковому поводу, он заискивающе ласков, как ребенок с нянькой, когда ему от нее что-нибудь нужно.

Хиггинс (*вдруг узнав ее, с разочарованием, которое тут же, чисто по-детски, переходит в обиду*). Да это ведь та самая девушка, которую я вчера записывал. Ну, это неинтересно: лиссонгровского диалекта у меня сколько угодно; не стоит тратить валик. (*Цветочнице*). Проваливайте, вы мне не нужны.

Цветочница. А вы погодите задаваться! Вы же еще не знаете, зачем я пришла. (*Миссис Пирс, которая стоит у двери, ожидая дальнейших распоряжений.*) Вы ему сказали, что я на такси приехала?

Миссис Пирс. Что за глупости! Очень нужно такому джентльмену, как мистер Хиггинс, знать, на чем вы приехали!

Цветочница. Фу-ты ну-ты, какие мы гордые! Подумаешь, велика птица — учитель! Я сама слышала, как он говорил, что дает уроки. Я не милости просить пришла; а если вам мои деньги не нравятся, могу пойти в другое место.

Хиггинс. Позвольте, кому нужны ваши деньги?

Цветочница. Как кому? Вам. Теперь поняли, наконец? Я желаю брать уроки, затем и пришла. И не беспокойтесь: буду платить сколько полагается.

Хиггинс (*остолбенев*). Что!!! (*Шумно переводя дух.*) Слушайте, вы что собственно думаете?

Цветочница. Я думаю, что вы могли бы предложить мне сесть, если уж вы такой джентльмен! Я же вам говорю, что пришла по делу.

Хиггинс. Пикеринг, как нам быть с этим чучелом? Предложить ей сесть или просто спустить с лестницы?

Цветочница (*в страхе бежит к фоялю и забивается в угол.*) У-у-аааа-у! (*Обиженно и жалобно.*) Нечего обзывать меня чучелом, раз я желаю платить, как всякая леди.

Мужчины, застыв на месте, недоуменно смотрят на нее из противоположного угла комнаты.

Пикеринг (*мягко*). Скажите нам, дитя мое, чего вы хотите?

Цветочница. Я хочу поступить продавщицей в цветочный магазин. Надоело мне с утра до ночи торчать с корзиной на Тоттенхем-Корт-Род. А меня там не берут, им не нравится, как я говорю. Вот он сказал, что мог бы меня выучить. Я и пришла с ним уговориться,— за плату, понятно, мне из милости ничего не надо. А он со мной вот как обращается!

Миссис Пирс. Неужели вы настолько глупы, моя милая, что воображаете, будто вы можете оплатить уроки мистера Хиггинса?

Цветочница. А почему ж это я не могу? Я не хуже вас знаю, почем берут за урок, и я не отказываюсь платить.

Хиггинс. Сколько?

Цветочница (*торжествующе выходит из своего угла*). Ну вот это другой разговор. Я так и думала, что уж, верно, вы не пропустите случая вернуть немножко из того, что набросали мне вчера. (*Понизив голос.*) Маленько под мухой были, а?

Хиггинс (*повелительно*). Сядьте.

Цветочница. Только вы не воображайте, мне из милости...

Миссис Пирс (*строго*). Садитесь, моя милая. Делайте то, что вам говорят. (*Берет стул, не имеющий особого назначения, ставит его у камина, между Хиггинсом и Пикерингом, и становится за ним, ожидая, когда девушка сядет.*)

Цветочница. У-у-у-аааа-у! (*Она не трогается с места, частью из упрямства, частью из страха.*)

Пикеринг (*очень вежливо*). Присядьте, пожалуйста!

Цветочница (*неуверенным тоном*). Что ж, можно и сесть. (*Садится.*)

Пикеринг возвращается на свое прежнее место у камина.

Хиггинс. Как вас зовут?

Цветочница Элиза Дулиттл.

Хиггинс (*торжественно декламирует*).

Элиза, Элизабет, Бетси и Бесс

За птичьими гнездами отправились в лес...

Пикеринг. Четыре яичка в гнездышке нашли...

Хиггинс. Взяли по яичку,—осталось там три.

Оба от души хохочут, радуясь собственному остроумию.

Элиза. Хватит вам дурака валять.

Миссис Пирс. Так с джентльменами не говорят, моя милая.

Элиза. А чего он со мной не говорит по-человечески?

Хиггинс. Ладно, к делу. Сколько вы думаете платить мне за уроки?

Элиза. Да уж я знаю, сколько полагается. Одна моя подружка учится по-французски у самого настоящего француза, так он с нее берет восемнадцать пенсов в час. Но с вашей стороны бессовестно было бы столько запрашивать,—ведь то француз, а вы меня будете учить моему родному языку; так что больше шиллинга я платить не собираюсь. Не хотите—не надо.

Хиггинс (*расхаживает по комнате, заложив руки в карманы и побрякивая там ключами и мелочью*). А ведь знаете, Пикеринг, если рассматривать шиллинг не просто как шиллинг, а в процентном отношении к доходам этой девушки, он будет соответствовать шестидесяти или семидесяти гинеям миллионера.

Пикеринг. Как это?

Хиггинс. А вот посчитайте. Миллионер имеет около полутора-ста фунтов в день. Она зарабатывает около полукроны.

Элиза (*заносчиво*). Кто вам сказал, что я только...

Хиггинс (*не обращая на нее внимания*). Она предлагает мне за урок две пятых своего дневного дохода. Две пятых дневного дохода миллионера составили бы примерно шестьдесят фунтов. Неплохо! Совсем даже неплохо, черт возьми! Такой высокой оплаты я еще никогда не получал.

Элиза (*вскакивает в испуге*). Шестьдесят фунтов! Что вы там толкуете? Я вовсе не говорила — шестьдесят фунтов. Откуда мне взять...

Хиггинс. Молчите.

Элиза (*плача*). Нет у меня шестидесяти фунтов! Ой-ой-ой!..

Миссис Пирс. Не плачьте, глупая вы девушка. Никто не возьмет ваших денег.

Хиггинс. Зато кто-то возьмет метлу и хорошенько отдубасит вас, если вы сейчас же не перестанете хныкать. Сядьте!

Элиза (*неохотно повинуется*). У-у-ааааа-у! Что вы мне, отец, что ли?

Хиггинс. Я вам хуже отца буду, если решу взяться за ваше обучение. Нател! (*Сует ей свой шелковый носовой платок*.)

Элиза. Это зачем?

Хиггинс. Чтобы вытереть глаза. Чтобы вытирать все части лица, которые почему-либо окажутся мокрыми. Запомните: вот это носовой платок, а вот это — рукав. И не путайте одно с другим, если хотите стать настоящей леди и поступить в цветочный магазин.

Элиза, окончательно сбитая с толку, смотрит на него во все глаза.

Миссис Пирс. Не стоит вам тратить слова, мистер Хиггинс: все равно она вас не понимает. И потом вы не правы, она ни разу этого не сделала. (*Берет платок*.)

Элиза (*вырывая платок*). Но-но! Отдайте! Это мне дали, а не вам.

Пикеринг (*смеясь*). Правильно. Боюсь, миссис Пирс, что теперь платок придется рассматривать как ее собственность.

Миссис Пирс (*смирившись перед фактом*). Поделом вам, мистер Хиггинс.

Пикеринг. Слушайте, Хиггинс! Мне пришла в голову мысль! Вы помните свои слова о посольском приеме? Сумейте их оправдать — и я буду считать вас величайшим педагогом в мире! Хотите пари, что вам это не удастся? Если вы выиграете, я вам возвращаю всю стоимость эксперимента. Уроки тоже буду оплачивать я.

Элиза. Вот это добрый человек! Спасибо вам, кэптен!

Хиггинс (*смотрит на нее, готовый поддаться искушению*). Черт, это соблазнительно! Она так неотразимо вульгарна, так вопиюще грязна...

Элиза (*возмущенная до глубины души*). У-у-ааааа-у!!! Вот все я не грязная: я мылась, перед тем как идти сюда, — да, и лицо мыла и руки!

Пикеринг. Кажется, можно не опасаться, что вы вскружите ей голову комплиментами, Хиггинс.

Миссис Пирс (*с беспокойством*). Не скажите, сэр,— есть разные способы кружить девушкам головы; и мистер Хиггинс мастер на это, хоть, может быть, и не всегда по своей воле. Я надеюсь, сэр, вы не станете подбивать его на что-нибудь безрассудное.

Хиггинс (*постепенно расходясь, по мере того как идея Пикеринга овладевает им*). А что такое жизнь, как не цепь вдохновенных безрассудств? Никогда не упускай случая — он представляется не каждый день. Решено! Я возьму эту чумазую замухрышку и сделаю из нее герцогиню!

Элиза (*энергично протестуя против данной ей характеристики*). У-у-аааа-уу!

Хиггинс (*увлекаясь все больше и больше*). Да, да! Через шесть месяцев — даже через три, если у нее чуткое ухо и гибкий язык,— она сможет явиться куда угодно и сойти за кого угодно. Мы начнем сегодня же! Сейчас же! Немедленно! Миссис Пирс, возьмите ее и вычистите хорошенько. Если так не отойдет, попробуйте наждаком. Плита у вас топится?

Миссис Пирс (*тоном протеста*). Да, но...

Хиггинс (*бушуя*). Стащите с нее все это и бросьте в огонь. Позвоните к Уайтли или еще куда-нибудь, пусть пришлют все, что там требуется из одежды. А пока можете завернуть ее в газету.

Элиза. Стыдно вам говорить такие вещи, а еще джентльмен! Я не какая-нибудь, я честная девушка, а вашего брата я насквозь вижу, да.

Хиггинс. Забудьте свою лиссонгровскую добродетель, девушка. Вы теперь должны учиться вести себя как герцогиня. Миссис Пирс, уберите ее отсюда. А если она будет упрямиться, всыпьте ей как следует.

Элиза (*вскакивает и бросается к Пикерингу, ища защиты*). Не смейте! Я полицию позову, вот сейчас позову!

Миссис Пирс. Но мне ее негде поместить.

Хиггинс. Поместите в мусорном ящике.

Элиза. У-у-аааа-у!

Пикеринг. Полно вам, Хиггинс! Будьте благоразумны.

Миссис Пирс (*решительно*). Вы должны быть благоразумны, мистер Хиггинс, должны. Нельзя так бесцеремонно обращаться с людьми.

Хиггинс, вняв выговору, утихает. Буря сменяется мягким бризом удивления.

Хиггинс (*с профессиональной чистотой модуляций*). Я бесцеремонно обращаюсь с людьми! Дорогая моя миссис Пирс, дорогой мой Пикеринг, у меня и в мыслях не было

с кем-нибудь бесцеремонно обращаться. Напротив, я считаю, что мы все должны быть как можно добрее к этой бедной девушке! Мы должны помочь ей приготовиться и приспособиться к ее новому положению в жизни. Если я недостаточно ясно выражал свои мысли, то лишь потому, что боялся оскорбить вашу или ее чувствительность.

Элиза, успокоившись, прокрадывается к своему прежнему месту.

Миссис Пирс (*Пикерингу*). Вы когда-либо слышали подобное, сэр?

Пикеринг (*от души смеясь*). Никогда, миссис Пирс, никогда. Хиггинс (*терпеливо*). А в чем собственно дело?

Миссис Пирс. А в том, сэр, что нельзя подобрать живую девушку так, как подбирают камешек на берегу моря.

Хиггинс. А почему собственно?

Миссис Пирс. То есть как это почему? Ведь вы же ничего о ней не знаете. Кто ее родители? А может быть, она замужем?

Элиза. Еще чего!

Хиггинс. Вот именно! Совершенно справедливо замечено: еще чего! Разве вы не знаете, что женщины ее класса после года замужней жизни выглядят как пятидесятилетние поденщицы?

Элиза. Да кто на мне женится?

Хиггинс (*переходя внезапно на самые низкие, волнующие ноты своего голоса, предназначенные для изысканных образцов красноречия*). Поверьте мне, Элиза, еще до того, как я закончу ваше обучение, все окрестные улицы будут усеяны телами безумцев, застрелившихся из-за любви к вам.

Миссис Пирс. Перестаньте, сэр. Вы не должны забивать ей голову подобным вздором.

Элиза (*встает и решительно выпрямляется*). Я уйду. У него, видно, не все дома. Не надо мне полоумных учителей.

Хиггинс (*глубоко уязвленный ее нечувствительностью к его красноречию*). Ах, вот как! По-вашему, я сумасшедший? Отлично! Миссис Пирс! Новых платьев заказывать не нужно. Возьмите ее и выставьте за дверь.

Элиза (*жалобно*). Ну, ну! Вы не имеете права меня трогать! Миссис Пирс. Видите, к чему приводит дерзость. (*Указывая на дверь*.) Сюда, пожалуйста.

Элиза (*глотающая слезы*). Не надо мне никаких платьев. Я бы все равно не взяла. (*Бросает платок Хиггинсу.*) Я могу сама купить себе платья. (*Медленно, как бы нехотя, бредет к двери.*)

Хиггинс (*ловко подхватив на лету платок, загоразживает ей дорогу*). Вы скверная, испорченная девчонка. Так-то вы мне благодарны за то, что я хочу вытащить вас из грязи, нарядить и сделать из вас леди!

Миссис Пирс. Довольно, мистер Хиггинс. Я не могу допустить этого. Неизвестно еще, кто из вас больше испорчен — девушка или вы. Ступайте домой, моя милая, и скажите своим родителям, чтобы они лучше смотрели за вами.

Элиза. Нет у меня родителей. Они сказали, что я уже взрослая и могу сама прокормиться, и выгнали меня вон.

Миссис Пирс. А где же ваша мать?

Элиза. Нет у меня матери. Эта, которая меня выгнала, это моя шестая мачеха. Но я и без них обхожусь. И вы не думайте, я честная девушка!

Хиггинс. Ну и слава богу! Не из-за чего, значит, шум поднимать. Девушка ничья и никому не нужна, кроме меня. *(Подходит к миссис Пирс и начинает вкрадчиво.)* Миссис Пирс, почему бы вам не усыновить ее? Вы подумайте, какое удовольствие — иметь дочку... Ну, а теперь хватит разговоров. Ведите ее вниз и...

Миссис Пирс. Но все-таки, как это все будет? Вы собираетесь положить ей какую-нибудь плату? Будьте же рассудительны, сэр.

Хиггинс. Ну, платите ей, сколько там нужно; можете записывать это в книгу хозяйственных расходов. *(Нетерпеливо.)* Да на кой черт ей вообще деньги, хотел бы я знать? Кормить ее будут, одевать тоже. Если давать ей деньги, она запьет.

Элиза *(повернувшись к нему)*. Ох вы бессовестный! Неправда это! Я капли спиртного в жизни в рот не брала. *(Возвращается к своему стулу и усаживается с вызывающим видом.)*

Пикеринг *(добродушно, увещательным тоном)*. Хиггинс, а вам не приходит в голову, что у этой девушки могут быть какие-то чувства?

Хиггинс *(критически оглядывает ее)*. Да нет, едва ли. Во всяком случае, это не такие чувства, с которыми стоило бы считаться. *(Весело.)* Как по-вашему, Элиза?

Элиза. Какие у всех людей чувства, такие и у меня.

Миссис Пирс. Мистер Хиггинс, я бы просила вас держаться ближе к делу. Я хочу знать, на каких условиях эта девушка будет жить здесь в доме? Собираетесь ли вы платить ей жалованье? И что с ней будет после того, как вы закончите ее обучение? Надо же немного заглянуть вперед, сэр.

Хиггинс *(нетерпеливо)*. А что с ней будет, если я оставляю ее на улице? Пожалуйста, миссис Пирс, ответьте мне на этот вопрос.

Миссис Пирс. Это ее дело, мистер Хиггинс, а не ваше.

Хиггинс. Ну, так после того как я с ней кончу, можно выкинуть ее обратно на улицу, и тогда это опять будет ее дело, — вот и все.

Элиза. Эх вы! Сердца в вас нет, вот что! Только о себе думаете, а на других наплевать. *(Встает и произносит решительно и твердо.)* Ладно, хватит с меня. Я уйду. *(Направляется к двери.)* А вам стыдно должно быть! Да, стыдно!

Хиггинс *(хватает шоколадную конфету из вазы, стоящей на рояле; глаза его вдруг заблестели лукавством).* Элиза, возьмите шоколадку...

Элиза *(останавливается, борясь с искушением).* А почему я знаю, что там внутри? Одну девушку вот так отравили, я сама слышала.

Хиггинс вынимает перочинный нож, разрезает конфету пополам, кладет одну половинку в рот и протягивает ей другую.

Хиггинс. Вот, чтобы не было сомнений: половинку — мне, половинку — вам.

Элиза открывает рот, готовясь возразить.

(Быстро всовывает ей в рот конфету.) Вы будете есть шоколад каждый день, коробками, бочками! Вы будете питаться одним шоколадом! Ну как, идет?

Элиза *(проглотив, наконец, конфету, после того как чуть не подавилась ею).* Подумаешь, нужна мне ваша конфета! Просто я хорошо воспитана и знаю, что вынимать изо рта некрасиво.

Хиггинс. Слушайте, Элиза, вы, кажется, сказали, что приехали на такси?

Элиза. Ну и что ж, что приехала? Я имею такое же право ездить на такси, как и все.

Хиггинс. Полное право, Элиза! И отныне вы будете разъезжать на такси сколько вам захочется. Каждый день вы будете брать такси и кататься по городу: вдоль, поперек и потом еще кругом. Учтите это, Элиза.

Миссис Пирс. Мистер Хиггинс, вы искушаете девушку. Это нехорошо! Она должна думать о будущем.

Хиггинс. В такие годы? Чепуха! О будущем хватит времени подумать тогда, когда уже впереди не будет будущего. Нет, нет, Элиза. Следуйте примеру этой леди: думайте о будущем других людей, но никогда не задумывайтесь о своем собственном. Думайте о шоколаде, о такси, о золоте, брильянтах.

Элиза. Пожалуйста, не надо мне ни золота, ни брильянтов. Я не какая-нибудь, я честная девушка. *(Садится и принимает позу, которая должна выразить достоинство.)*

Хиггинс. Вы такой же честной и останетесь, Элиза, под крылышком миссис Пирс. А потом вы, выйдете замуж за гвардейского офицера с роскошными усами; это будет сын маркиза, и отец сперва лишит его наследства за неравный

брак, но, тронутый вашей красотой и скромностью, смягчится и...

Пикеринг. Простите, Хиггинс, но я, право, чувствую, что должен вмешаться. Миссис Пирс совершенно права. Если вы хотите, чтобы эта девушка доверилась вам на полгода для педагогического эксперимента, нужно, чтобы она отчетливо понимала, что делает.

Хиггинс. Но это невозможно! Она не способна отчетливо понять что бы то ни было. Да и потом, кто же из нас понимает, что делает? Если бы мы понимали, мы бы, вероятно, никогда ничего не делали.

Пикеринг. Это очень остроумно, Хиггинс, но не слишком вразумительно. (*Элизе.*) Мисс Дулиттл...

Элиза (*потрясенная*). У-аааа-у!

Хиггинс. Вот вам! Больше вы ничего из нее не выжмете. У-ааааа-у! Нет, объяснения излишни! Как человек военный, вы должны знать это. Четкий приказ — вот что здесь требуется. Элиза! Шесть месяцев вы будете жить в этом доме и учиться говорить красиво и правильно, как молодые леди в цветочном магазине. Если будете слушаться и делать все, что вам скажут, будете спать в настоящей спальне, есть сколько захочется, покупать себе шоколад и кататься на такси. А если будете капризничать и лениться — будете спать в чулане за кухней вместе с тараканами и миссис Пирс будет бить вас метлой. Через шесть месяцев вы наденете красивое платье и поедете в Букингемский дворец. Если король догадается, что вы не настоящая леди, полиция схватит вас и отвезет в Тауэр, и там вам отрубят голову в назидание другим чересчур дерзким цветочницам. Если же никто ни о чем не догадается, вы получите семь шиллингов и шесть пенсов на обзаведение и поступите в цветочный магазин. Если вы откажетесь от этого предложения, значит вы неблагодарная и бессовестная девушка, и ангелы в небесах станут лить слезы, глядя на вас. (*Пикерингу.*) Ну, Пикеринг, теперь вы удовлетворены? (*Миссис Пирс.*) Кажется, я достаточно честно и откровенно изложил все, миссис Пирс?

Миссис Пирс (*терпеливо*). Пожалуй, сэр, лучше всего будет, если я сама поговорю с девушкой с глазу на глаз. Хотя не думаю, чтобы я решилась взять на себя заботу о ней или вообще одобрила вашу выдумку. Разумеется, я верю, что вы не хотите ей зла, но ведь если человек заинтересует вас своим произношением, вы готовы забыть обо всем на свете. Элиза, идите за мной.

Хиггинс. Вот это правильно. Благодарю вас, миссис Пирс. Гоните ее в ванную.

Элиза *(нехотя и с опаской поднимаясь с места)*. Вы большой грубиян, вот я вам что скажу. Не захочу, так и не останусь здесь. Не желаю я, чтоб меня били метлой, да! И вовсе я не просилась в Букнемский дворец. А с полицией я никогда дела не имела, никогда! Я не какая-нибудь, я...

Миссис Пирс. Замолчите, моя милая. Вы ничего не поняли из слов этого джентльмена. Идите за мной. *(Подходит к двери и распахнув ее, ждет Элизу.)*

Элиза *(на пороге)*. А что, я правду говорю. И к королю не сунусь! Вот пусть мне голову отрубят, не сунусь! Если б я знала, что тут такое выйдет, ни за что бы не пришла. Я честная девушка, и я его не трогала, он сам ко мне привязался, и я ему ничего не должна, и мне наплевать, и меня не проведешь, и какие у всех людей чувства, такие и у меня...

Миссис Пирс закрывает дверь, и жалоб Элизы больше не слышно. Пикеринг отходит от камина, садится верхом на стул и кладет локти на спинку.

Пикеринг. Простите за откровенность, Хиггинс, но я хочу вам задать один вопрос. Вы человек порядочный в делах, касающихся женщин?

Хиггинс *(ворчливо)*. А вы когда-нибудь видели, чтобы человек был порядочным в делах, касающихся женщин?

Пикеринг. Да, и даже очень часто.

Хиггинс *(упирается ладонями в крышку рояля, подпрыгивает и, усевшись с размаху, говорит авторитетным тоном)*. Ну, а я ни разу. Я знаю, что как только я позволяю женщине сблизиться со мной, так она сейчас же начинает ревновать, придирается, шпионить и вообще отравлять мне существование. И я знаю, что как только я позволяю себе сблизиться с женщиной, я становлюсь эгоистом и тираном. Женщины все переворачивают вверх дном. Попробуйте впустить женщину в свою жизнь, и вы сейчас же увидите, что ей нужно одно, а вам совершенно другое.

Пикеринг. Что же, например?

Хиггинс *(соскакивает с рояля, ему явно не сидится)*. А черт его знает что! Вероятно, все дело в том, что женщина хочет жить своей жизнью, а мужчина — своей; и каждый старается свести другого с правильного пути. Один тянет на север, другой на юг; а в результате обоим приходится сворачивать на восток, хотя оба не переносят восточного ветра. *(Садится на скамью у рояля.)* Вот почему я твердо решил остаться холостяком и едва ли переменю когда-нибудь свое решение.

Пикеринг *(встает, подходит к нему и говорит серьезным тоном)*. Бросьте, Хиггинс! Вы отлично знаете, о чем я говорю. Если я приму участие в этой затее, я буду чувствовать себя

ответственным за девушку. И я надеюсь — это само собой разумеется, — никаких попыток злоупотребить ее положением...

Хиггинс. Что-о? Вы вот о чем! Ну, это будет свято, могу вас уверить. *(Встает, чтобы объяснить свою мысль.)* Поймите, ведь она же будет моей ученицей; а научить человека чему-нибудь можно только тогда, когда личность учащегося священна. Я не один десяток американских миллионерш обучил искусству правильно говорить по-английски, а это самые красивые женщины на свете. Тут у меня крепкая закалка. На уроке я чувствую себя так, как будто передо мной не женщина, а кусок дерева; или как будто я сам — не мужчина, а кусок дерева. Это...

Миссис Пирс приотворяет дверь. В руках у нее шляпа Элизы. Пикеринг возвращается к камину и усаживается в кресло.

Хиггинс *(живо)*. Ну как, миссис Пирс, все в порядке?
Миссис Пирс *(в дверях)*. Если вы разрешите, мистер Хиггинс, я хотела бы сказать вам два слова...

Хиггинс. Конечно, пожалуйста. Входите.

Миссис Пирс входит в комнату.

Вы это не сжигайте, миссис Пирс. Я хочу сохранить это как раритет. *(Берет у нее шляпу.)*

Миссис Пирс. Только поосторожнее, сэр, прошу вас. Мне пришлось пообещать ей, что я это не сожгу; но все-таки подержать немного в горячей печи не мешало бы.

Хиггинс *(поспешно кладет шляпу на роуль)*. О, благодарю за предупреждение! Так что же вы мне хотели сказать?

Пикеринг. Я не мешаю?

Миссис Пирс. Ничуть, сэр. Мистер Хиггинс, в присутствии этой девушки я просила бы вас быть очень осмотрительным в выборе выражений.

Хиггинс *(строго)*. Конечно. Я всегда очень осмотрителен в выборе выражений. Почему вы мне это говорите?

Миссис Пирс *(твердо)*. Нет, сэр, когда вы чего-нибудь не можете найти или когда вам изменяет терпение, вы вообще не осмотрительны. Для меня это не имеет значения: я привыкла. Но в присутствии этой девушки, пожалуйста, постарайтесь не ругаться.

Хиггинс *(возмущенно)*. Я — ругаться? *(С большим пафосом.)* Я никогда не ругаюсь. Я презираю эту манеру. Что, черт возьми, вы хотите сказать?

Миссис Пирс *(внушительно)*. Вот это самое я и хочу сказать, сэр. Вы произносите слишком много бранных слов. Ну, пусть бы еще только «к черту», и «на черта», и «какого черта»...

Хиггинс. Миссис Пирс! Подобные выражения — в ваших устах! Опомнитесь!

Миссис Пирс (*не давая себя сбить с позиции*). ...но есть одно слово, которое я настоятельно просила бы вас не употреблять. Девушка сама только что употребила это слово, прищемив себе палец дверью в ванной комнате. Оно начинается на ту же букву, что и дверь. Ей это простительно, она с пеленок привыкла к такому языку. Но от вас она не должна слышать ничего подобного.

Хиггинс (*высокомерно*). Простите, миссис Пирс, я не помню, чтобы я когда-нибудь произносил это слово.

Миссис Пирс смотрит на него в упор.

(Он добавляет, пряча нечистую совесть под маской судейского беспристрастия.) Разве только в редкие минуты крайнего и справедливого раздражения.

Миссис Пирс. Только сегодня утром, сэра, вы назвали этим словом свое новое пальто, затем молоко и толокно.

Хиггинс. Ах да! Но ведь это было просто ради ассонанса — вполне естественно для поэта...

Миссис Пирс. Весьма возможно, сэра, но, как бы это ни называлось, я предпочла бы, чтоб вы не повторяли этого при девушке.

Хиггинс. Ну, хорошо, хорошо, не буду. Это все?

Миссис Пирс. Нет, сэра. Нам еще придется быть очень щепетильными с этой девушкой в вопросах личной опрятности.

Хиггинс. Безусловно. Вы совершенно правы. Это очень важно.

Миссис Пирс. То есть мы должны приучить ее к тому, что она всегда должна быть аккуратно одета и не должна разбрасывать повсюду свои вещи.

Хиггинс (*подходя к ней, озабоченно*). Вот именно. Я как раз хотел специально обратить на это ваше внимание. (*Повернувшись к Пикерингу, которому весь этот разговор доставляет огромное удовольствие.*) Должен вам сказать, Пикеринг, что все эти мелочи чрезвычайно существенны. Берегите пенсы, а уж фунты сами себя сберегут, — эта пословица так же справедлива для формирования личности, как и для накопления капитала. (*Он теперь добрался до коврика перед камином и утвердился там в позе человека, занимающего неприступную позицию.*)

Миссис Пирс. Да, сэра. Так что я уж буду просить вас не выходить к завтраку в халате или хотя бы по возможности реже пользоваться им в качестве салфетки. А если бы вы еще согласились не есть все кушанья с одной тарелки и помнить о том, что кастрюльку с овсяной кашей не следует

ставить прямо на чистую скатерть, для девушки это был бы очень поучительный пример. Помните, еще на прошлой неделе вы едва не подавились рыбьей косточкой, очутившейся в вашем варенье.

Хиггинс (*снявшись с якоря и взяв курс снова к роюлю*). Может быть, это иногда и бывает со мной по рассеянности, но во всяком случае очень редко. (*Сердито.*) Кстати, мой халат отчаянно воняет бензином.

Миссис Пирс. У бензина вообще очень сильный запах, мистер Хиггинс. Но если вы будете вытирать руки...

Хиггинс (*рычит*). Хорошо, хорошо! Теперь я буду вытирать их о свои волосы.

Миссис Пирс. Надеюсь, вы на меня не сердитесь, мистер Хиггинс?

Хиггинс (*смущенный тем, что его заподозрили в способности питать недобрые чувства*). Нет, нет, ничуть. Вы абсолютно правы, миссис Пирс; я буду очень осторожен в присутствии девушки. Это все?

Миссис Пирс. Нет еще, сэр. Вы разрешите мне взять пока один из японских халатов, которые вы привезли из-за границы? Я положительно не решаюсь снова надеть на нее это платье.

Хиггинс. Конечно. Берите все, что хотите. Ну, теперь все?

Миссис Пирс. Благодарю вас, сэр. Теперь все. (*Выходит.*)

Хиггинс. Удивительно, Пикеринг, до чего у этой женщины превратное обо мне представление. Я вообще человек очень робкий и тихий. Я как-то все не могу почувствовать себя по-настоящему взрослым и внушительным. И тем не менее она совершенно убеждена в том, что я тиран и самодур. Не знаю, чем это объяснить.

Миссис Пирс возвращается.

Миссис Пирс. Вот видите, сэр, уже начинается. Там пришел какой-то мусорщик и спрашивает вас. Его зовут Альфред Дулиттл, и он говорит, что у вас тут находится его дочь.

Пикеринг (*вставая*). Фью! Интересно! (*Возвращается к камину.*)

Хиггинс (*живо*). Давайте этого шантажиста сюда.

Миссис Пирс выходит.

Пикеринг. Он, может быть, вовсе и не шантажист, Хиггинс?

Хиггинс. Ерунда. Самый настоящий шантажист.

Пикеринг. Как бы то ни было, боюсь—он вам доставит неприятности.

Хиггинс (*с уверенностью*). Ну нет, не думаю. Если уж на то пошло, так скорей я ему доставлю неприятности. И, может быть, мы тут услышим что-нибудь интересное.

Пикеринг. Вы имеете в виду девушку?

Хиггинс. Да нет же. Я имею в виду его речь.

Пикеринг. О!

Миссис Пирс (в дверях). Дулиттл, сэр. (Пропускает в комнату Дулиттла и уходит.)

Альфред Дулиттл — пожилой, но еще очень крепкий мужчина в рабочей одежде мусорщика и в шляпе, поля которой спереди срезаны, а сзади накрывают шею и плечи. Черты лица энергичные и характерные; чувствуется человек, которому одинаково незнакомы страх и совесть. У него чрезвычайно выразительный голос — следствие привычки давать полную волю чувствам. В данный момент он всем своим видом изображает оскорбленную честь и твердую решимость.

Дулиттл (в дверях, стараясь определить, кто из двоих — тот, который ему нужен). Профессор Хиггинс?

Хиггинс. Это я. Доброе утро. Садитесь.

Дулиттл. Доброе утро, хозяин. (Опускается на стул с достоинством чиновной особы.) Я к вам по очень важному делу, хозяин.

Хиггинс (Пикерингу.) Вырос в Хоунслоу. Мать, по всей вероятности, из Уэлса.

Дулиттл смотрит на него, разинув рот от изумления.

(Продолжает.) Так что же вам нужно, Дулиттл?

Дулиттл (с угрозой). Что мне нужно? Мне дочка моя нужна. Понятно?

Хиггинс. Вполне. Вы — ее отец, не так ли? Кому ж она еще может быть нужна, кроме вас? Мне очень приятно видеть, что в вас сохранилась искра родительского чувства. Она здесь. Можете взять ее сейчас же.

Дулиттл (встает, совершенно растерявшись). Чего?

Хиггинс. Можете взять ее. Не собираетесь же вы, в самом деле, подкинуть мне свою дочь?

Дулиттл (протестующе). Но-но, хозяин, так не годится. Разве ж это по-честному? Разве так поступают с человеком? Девчонка моя. Она у вас. Что ж, по-вашему, я тут ни при чем? (Усаживается снова.)

Хиггинс. Ваша дочь имела дерзость явиться в мой дом и потребовать, чтобы я выучил ее правильно говорить по-английски, так как иначе она не может получить места продавщицы в цветочном магазине. Этот джентльмен и моя экономка присутствовали при разговоре. (Наступая на него.) Как вы смели прийти сюда шантажировать меня? Это вы ее подослали?

Дулиттл. Нет, хозяин, это не я.

- Хиггинс. Конечно, вы. Иначе откуда вы могли узнать, что она здесь?
- Дулиттл. Да вы прежде разберитесь, хозяин, а потом уже говорите.
- Хиггинс. Пусть с вами полиция разбирается. Типичный случай—попытка выманить деньги с помощью угроз. Сейчас же звоню в полицию. *(Решительно направляется к телефону и начинает листать справочник.)*
- Дулиттл. Да разве я просил у вас хоть фартинг? Вот пусть этот джентльмен скажет: сказал я хоть слово о деньгах?
- Хиггинс *(бросив справочник, идет к Дулиттлу и смотрит на него испытующе)*. А зачем же вы сюда пришли?
- Дулиттл *(вкрадчиво)*. Зачем всякий бы пришел на моем месте? Рассудите по-человечески, хозяин.
- Хиггинс *(обезоруженный)*. Альфред, скажите правду: посылали вы ее или нет?
- Дулиттл. Вот что хотите, хозяин,— не посылаал! Могу хоть на Библии поклясться. Я ее третий месяц как в глаза не видел.
- Хиггинс. Откуда же вы узнали, что она здесь?
- Дулиттл *(меланхолическим речитативом)*. Дайте мне слово сказать, хозяин, и я вам все объясню. Я могу вам все объяснить. Я хочу вам все объяснить. Я должен вам все объяснить.
- Хиггинс. Пикеринг, у этого человека природные способности оратора. Обратите внимание на ритм и конструкцию: «Я могу вам все объяснить. Я хочу вам все объяснить. Я должен вам все объяснить». Сентиментальная риторика! Вот она, примесь уэлской крови. Попрошайничество и жульнические замашки отсюда же.
- Пикеринг. Ради бога, Хиггинс! Я ведь тоже с Запада. *(Дулиттлу.)* Как вы узнали, что девушка здесь, если не вы ее подслали сюда?
- Дулиттл. Вот как было дело, хозяин. Девчонка, когда поехала к вам, взяла с собой хозяйского сынишку, прокатить на такси. Он и вертелся тут возле дома, в расчете, что она его обратно тоже подвезет. Когда вы сказали, что оставите ее здесь, она его послала за своими вещами. Тут он мне и повстречался, на углу Лонг-экр и Энджел-стрит.
- Хиггинс. У пивной? Понимаю.
- Дулиттл. Что ж тут такого, хозяин? Пивная— клуб бедного человека.
- Пикеринг. Хиггинс, дайте же ему досказать.
- Дулиттл. Он мне и рассказал, как и что. Теперь я спрашиваю вас как отец: что я должен был почувствовать и как поступить? Я говорю мальчишке: «Неси вещи сюда»,— говорю я ему...

Пикеринг. А почему же вы сами за ними не пошли?

Дулиттл. Хозяйка бы их мне не доверила. Бывают, знаете, такие вредные женщины: вот она из таких. Мальчишке тоже пришлось дать пенни, а то и он не хотел доверить мне вещи, щенок этакий! Вот я и приволок их сюда: почему же не оказать людям услугу.

Хиггинс. А что там за вещи?

Дулиттл. Да пустяки, хозяин. Гитара, несколько фотографий, кое-какие украшения и птичья клетка. Платьев она не велела брать. Что я должен был подумать, хозяин? Я вас спрашиваю: что я, как отец, должен был подумать?

Хиггинс. И вы поспешили сюда, чтобы спасти ее от участи, которая хуже смерти, так?

Дулиттл *(одобрительно, довольный тем, что его так хорошо поняли)*. Так, хозяин. Именно так!

Пикеринг. Но зачем же вы принесли вещи, раз вы хотите взять ее отсюда?

Дулиттл. А когда я говорил, что хочу взять ее отсюда? Ну, когда?

Хиггинс *(решительно)*. Вы возьмете ее отсюда, и сию же минуту. *(Идет к камину и нажимает кнопку звонка.)*

Дулиттл. Нет, хозяин, вы мне этого не говорите. Не такой я человек, чтоб становиться своей дочке поперек дороги. Тут перед ней, можно сказать, карьера открывается, и...

Миссис Пирс приотворяет дверь и останавливается, ожидая распоряжений.

Хиггинс. Миссис Пирс, это отец Элизы. Он пришел взять ее отсюда. Выдайте ему ее. *(Отходит к роялю с таким видом, как будто хочет сказать: я умываю руки, и больше меня это дело не касается.)*

Дулиттл. Нет, нет. Это ошибка. Вы послушайте...

Миссис Пирс. Но как же он ее возьмет, мистер Хиггинс? Это невозможно: ведь вы сами велели мне сжечь ее платье.

Дулиттл. Вот видите! Могу я тащить девчонку по улице нагишом, как обезьяну? Ну скажите сами: могу?

Хиггинс. Вы, кажется, только что заявили мне, что вам нужна ваша дочь? Вот и берите вашу дочь. Если у нее нет платья, пойдите и купите ей.

Дулиттл *(в отчаянии)*. А где то платье, в котором она пришла сюда? Я его сжег или ваша мадам?

Миссис Пирс. Простите, я в этом доме состою в должности экономки. Я послала человека купить все необходимое для вашей дочери. Когда он вернется, вы сможете взять ее домой. Подождать можно на кухне. Сюда, пожалуйста.

Дулиттл, совершенно расстроенный, идет за ней к двери; на пороге он останавливается, колеблясь, потом поворачивается к Хиггинсу.

Дулиттл (*доверительно*). Послушайте, хозяин. Ведь мы с вами люди интеллигентные, не правда ли?

Хиггинс. О! Вот как? Я думаю, вы пока можете уйти, миссис Пирс.

Миссис Пирс. Я тоже так думаю, сэр. (*С достоинством уходит.*)

Пикеринг. Ваше слово, мистер Дулиттл.

Дулиттл (*Пикерингу*). Спасибо, хозяин. (*Хиггинсу, который укрылся на скамье у рояля, стараясь избежать чрезмерной близости к гостю, так как от Дулиттла исходит специфический запах, свойственный людям его профессии.*) Так вот, хозяин, дело все в том, что вы мне, знаете, очень понравились, и если Элиза вам нужна, я, так и быть, не стану упираться на том, чтоб непременно взять ее отсюда,—думаю, тут можно будет договориться. Ведь если на нее посмотреть как на молодую женщину, тут плохого не скажешь: девчонка что надо! Но как дочь она не стоит своих харчей,—говорю вам откровенно. Я только прошу не забывать, что я отец и у меня есть свои права. Вы человек справедливый, хозяин, я сразу увидел, и уж кто-кто, а вы не захотите, чтоб я вам ее уступил задаром. Ну что для вас какие-нибудь пять фунтов? И что для меня Элиза? (*Возвращается к своему стулу и садится с судейской торжественностью.*)

Пикеринг. Вы должны иметь в виду, Дулиттл, что у мистера Хиггинса нет никаких дурных намерений.

Дулиттл. Еще бы! Если б у него были намерения, я бы спросил пятьдесят.

Хиггинс (*возмущенно*). Вы хотите сказать, бездушный вы негодай, что за пятьдесят фунтов вы бы продали родную дочь?

Дулиттл. Ну, не то чтобы уж продавать, но такому симпатичному джентльмену, как вы, я готов сделать любое одолжение, уверяю вас.

Пикеринг. Послушайте, но неужели у вас совершенно нет чувства морали?

Дулиттл (*не смущаясь*). Оно мне не по карману, хозяин. Будь вы на моем месте, у вас бы его тоже не было. И потом, что ж тут такого дурного? Если Элизе перепадет кое-что, почему бы и мне не попользоваться?

Хиггинс (*озабоченно*). Я, право, не знаю, что делать, Пикеринг. Совершенно очевидно, что с точки зрения морали было бы преступлением дать этому субъекту хотя бы

фартинг. И все же его требования не лишены, мне кажется, какой-то примитивной справедливости.

Дулиттл. Вот, вот, хозяин! Я и говорю. Отцовское сердце все-таки.

Пикеринг. Я понимаю ваши сомнения, но все же едва ли можно согласиться...

Дулиттл. Вы мне этого не говорите, хозяин. Попробуйте лучше взглянуть на дело по-другому. Кто я такой, хозяева? Я вас спрашиваю, кто я такой? Я недостойный бедняк, вот я кто. А вы понимаете, что это значит? Это значит — человек, который постоянно не в ладах с буржуазной моралью. Где бы что ни заварилось, стоит мне попросить свою долю, сейчас же услышишь: «Тебе нельзя: ты — недостойный». Но ведь мне столько же нужно, сколько самой раздстойной вдове, которая в одну неделю умудряется получить деньги от шести благотворительных обществ на похороны одного и того же мужа. Мне нужно не меньше, чем достойному бедняку; мне даже нужно больше. Он ест, и я ем; и он не пьет, а я пью. Мне и поразвлечься требуется, потому что я человек мыслящий. Мне и на людях побывать нужно и музыку послушать, когда на душе тоска. А ведь дерут-то с меня за все чистоганом — так же, как и с достойного. Что же такое, выходит, буржуазная мораль? Да просто предлог, чтобы отказывать мне во всем. Поэтому я к вам обращаюсь как к джентльменам, и прошу так со мной не поступать. Я ведь с вами начистоту. Я достойным не прикидываюсь. Я недостойный и недостойным останусь. Мне нравится быть недостойным — вот вам, если хотите знать. Так неужели вы воспользуетесь слабостью человека, чтобы обсчитать его на цене родной дочери, которую он в поте лица растил, кормил и одевал, пока она не выросла настолько, что ею уже интересуются джентльмены. Разве пять фунтов такая уж большая сумма? Представляю это на ваше рассмотрение и оставляю на ваше усмотрение.

Хиггинс (*встает и подходит к Пикерингу*). Пикеринг! Если б мы поработали над этим человеком три месяца, он мог бы выбирать между министерским креслом и кафедрой проповедника в Уэлсе.

Пикеринг. Что вы на это скажете, Дулиттл?

Дулиттл. Нет уж, спасибо, хозяин! Слыхал я и проповедников и министров, — я ведь человек мыслящий и для меня политика, или религия, или там социальные реформы — развлечение не хуже других, и могу сказать вам одно: собачья это жизнь, с какой стороны ни посмотреть. Быть недостойным бедняком куда лучше. Если уж сравнивать различные положения в обществе, это... это... ну, в общем, по мне — это единственное, в котором есть смак.

Хиггинс. Придется дать ему пять фунтов.

Пикеринг. Я только боюсь, что он их использует не так, как нужно.

Дулиттл. Нет уж, хозяин, насчет этого не беспокойтесь. Вы, может, думаете, что я зажму их в кулак и стану жить на них понемножку, ничего не делая? Будьте уверены: к понедельнику от них ни пенни не останется, и я отправлюсь себе на работу, как будто у меня их никогда и не бывало. В нищие не запишусь, на казенный харч не пойду. Так, разок-другой побалую себя и свою хозяйку — и нам удовольствие, и людям прибыль; и вам приятно, что не зря деньги выбросили. Вы бы и сами не истратили их с большей пользой.

Хиггинс (*вынимает бумажник, подходит к Дулиттлу и становится между ним и роялем*). Это просто неотразимо! Дадим ему десять. (*Протягивает мусорщику две кредитки.*)

Дулиттл. Нет, хозяин, у нее духу не хватит истратить десять; да, пожалуй, и у меня тоже. Десять фунтов — большие деньги; у кого они заведутся, тот уже начинает жить с оглядкой, а это значит — конец счастью. Вы мне дайте столько, сколько я просил, хозяин, ни пенни больше и ни пенни меньше.

Пикеринг. Почему вы не женитесь на этой своей «хозяйке»? Такого рода нарушения морали я не склонен поощрять.

Дулиттл. Скажите это ей, хозяин, ей скажите. Я-то с охотой. Для меня так куда хуже: и угождай ей во всем, и подарки ей делай, и новые платья покупай! Грех сказать, она из меня веревки вьет, эта женщина, а все потому, что я ей незаконный муж. И она это знает. Подите-ка заставьте ее выйти за меня замуж! Вот вам мой совет, хозяин: женитесь на Элизе, пока она еще молодая и ничего не смыслит. Не женитесь — потом пожалеете. А женитесь, так она потом пожалеет; но уж пусть лучше она, чем вы, потому что вы мужчина, а она женщина, и все равно на нее никогда не угодишь.

Хиггинс. Пикеринг! Если мы еще минуту послушаем этого человека, у нас не останется ни одного непоколебленного убеждения. (*Дулиттлу.*) Так вы говорите, пять фунтов?

Дулиттл. Покорнейше благодарю, хозяин.

Хиггинс. Вы решительно не хотите взять десяти?

Дулиттл. Сейчас нет. Как-нибудь в другой раз, хозяин.

Хиггинс (*передает ему кредитку*). Получайте.

Дулиттл, торопясь улизнуть со своей добычей, быстро идет к двери и на пороге сталкивается с изящной молодой японкой ослепительной чистоты, в скромном голубом кимоно,

искусно затканном мелкими белыми цветочками жасмина. Ее сопровождает миссис Пирс. Дулиттл вежливо уступает ей дорогу.

Дулиттл. Извините, мисс.

Японка. Ух ты! Родную дочку не признал?

Дулиттл.

А чтоб тебе! Да ведь это

Элиза!

Хиггинс

(восклицают
одновременно).

Что это? Кто это?

Пикеринг.

Клянусь Юпитером!

Элиза. Верно, у меня вид дурацкий?

Хиггинс. Дурацкий?

Миссис Пирс (в дверях). Пожалуйста, мистер Хиггинс, не говорите ничего такого, что заставило бы девушку слишком много вообразить о себе.

Хиггинс (спохватившись). О! Да, да, миссис Пирс, вы правы. (Элизе.) Прямо черт знает что за вид.

Миссис Пирс. Простите, сэръ.

Хиггинс (спеша поправиться). Я хочу сказать: очень глупый вид.

Элиза. С шляпой оно, пожалуй, лучше будет. (Берет свою шляпу с фояля, надевает ее и со светской непфинуженностью шествует через всю комнату к камину.)

Хиггинс. Чем не новая мода! А ведь, казалось бы, что может быть ужаснее!

Дулиттл (с родительской гордостью). Скажи на милость, никогда б не подумал, что можно домыть ее до такой красоты! Она делает мне честь. Верно, хозяин?

Элиза. Я тебе скажу, здесь невелика штука ходить мытым. Воды в кране сколько хочешь. Тут тебе и горячая, тут тебе и холодная. Полотенца мягкие, пушистые; а вешалка для них такая горячая, что пальцы обожжешь. Потом щетки такие есть, чтоб тереться; а мыла полна чашка, и пахнет как первоцвет. Теперь-то я знаю, почему все леди такие чистенькие. Им мыться—одно удовольствие! Посмотрели б они, как это у нас делается!

Хиггинс. Я очень рад, что моя ванная вам понравилась.

Элиза. Вовсе не понравилась—то есть не все понравилось. Можете обижаться, а я все равно скажу. Вот миссис Пирс знает.

Хиггинс. Что там было не в порядке, миссис Пирс?

Миссис Пирс (кратко). Ничего, сэръ. Право, не стоит говорить об этом.

Элиза. Так бы и разбила его. Прямо не знаешь, куда глаза девать. Под конец-то я его полотенцем завесила.

Хиггинс. Что завесили?

Миссис Пирс. Зеркало, сэр.

Хиггинс. Дулиттл, вы слишком строго воспитали свою дочь.

Дулиттл. Я? Да я ее и вовсе не воспитывал; так только разве когда стегнешь ремнем. Вы уж меня не вините, хозяин. Она просто не привыкла еще. Привыкнет, будет вести себя посвободнее, как у вас полагается.

Элиза. Вовсе я не буду себя вести посвободнее. Я не какая-нибудь, я честная девушка.

Хиггинс. Элиза! Если вы еще раз скажете, что вы честная девушка, ваш отец сейчас же уведет вас домой.

Элиза. Да. как же! Плохо вы знаете моего отца. Он только затем и пришел, чтоб вытянуть у вас денег да напиться как следует.

Дулиттл. А что же мне еще с деньгами делать? В церковную кружку опустить, что ли?

Элиза показывает ему язык и тем приводит его в такую ярость, что Пикеринг торопится встать между ними.

Ты эти песни брось, бесстыдница! А будешь еще напевать их этому джентльмену, так я тебе тоже кое-что спою! Поняла?

Хиггинс. Может быть, вы хотите дать ей какой-нибудь совет, Дулиттл? Или благословить ее на прощание?

Дулиттл. Нет, хозяин, не такой я простофиля, чтобы выкладывать своим детям все, что я знаю. И так с ними не сладишь. Если вы хотите, чтоб Элиза стала умнее,— возьмите ремень да поучите ее сами. Желаю здравствовать, джентльмены! *(Поварачивается, чтобы уходить.)*

Хиггинс *(повелительно)*. Стойте! Вы будете регулярно навещать вашу дочь. Это ваш отеческий долг, не забывайте. У меня брат священник, он может направлять ваши беседы.

Дулиттл *(уклончиво)*. Конечно, конечно. Будьте покойны, хозяин. На этой неделе я прийти не смогу, занят очень. Но там, дальше, можете твердо на меня рассчитывать... Всего хорошего, джентльмены. Всего хорошего, мэм! *(Снимает шляпу перед миссис Пирс, но та игнорирует эту дань вежливости и выходит из комнаты. Он сочувственно подмигивает Хиггинсу, видимо, считая, что и ему приходится страдать от тяжелого характера миссис Пирс, и уходит вслед за нею.)*

Элиза. Не верьте вы этому старому брехуну. Для него легче, если вы на него собак спустите, чем священника. Он теперь сюда не скоро нос покажет.

Хиггинс. Это меня не очень огорчает, Элиза. А вас?

Элиза. Меня и подавно. По мне, хоть бы и вовсе его больше

не видеть. Срам какой—возится с мусором, вместо того чтоб заниматься своим настоящим делом!

Пикеринг. А какое его настоящее дело, Элиза?

Элиза. Заговаривает людям зубы да перекачивает денежки из чужих карманов в свой. А по-настоящему—он землекоп; бывает, что и теперь берется за лопату,—так, чтоб поразмять кости,—хорошие деньги зарабатывает. А вы меня больше не будете называть мисс Дулиттл?

Пикеринг. Прошу извинить меня, мисс Дулиттл. Я просто оговорился.

Элиза. Да я не обиделась, только уж очень это красиво выходит. А нельзя мне сейчас нанять такси? Я б поехала на Тоттенхем-Корт-Род, там бы вышла, а шоферу велела бы дожидаться, чтоб утереть нос всем нашим девушкам. Разговаривать я с ними не стану, понятное дело.

Пикеринг. Лучше подождите, пока вам принесут новое платье.

Хиггинс. И потом—нехорошо отворачиваться от своих друзей, когда достигаешь более высокого положения в обществе. Это называется снобизмом.

Элиза. Нет уж, мне теперь такие друзья ни к чему. Было время, они меня по всякому пустяку на смех подымали, а теперь вот я с ними посчитаюсь. Но если я получу новые платья, можно и подождать. Миссис Пирс говорит, что вы мне купите разные: одни днем носить, а другие надевать на ночь, в постель; только, по-моему, что ж зря деньги тратить на такое, в чем никому показаться нельзя. А потом, как же это—зимой, в холод, и вдруг все с себя снимать?

Миссис Пирс (возвращаясь). Идемте, Элиза. Там принесли платья, их нужно примерить.

Элиза. У-у-ааа-у! (Опрометью бросается из комнаты.)

Миссис Пирс (следуя за ней). Не так быстро, не так быстро, моя милая. (Выходит и затворяет дверь.)

Хиггинс. Нелегкое дело мы с вами затеяли, Пикеринг.

Пикеринг (твердо). Да, Хиггинс. Очень нелегкое.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Приемный день у миссис Хиггинс. Гостей еще нет. Гостиная в ее квартире на набережной Челси—большая комната с тремя окнами, выходящими на реку; в доме такого же типа, но более старом, потолок был бы выше. Окна французские, до полу; они раскрыты, и виден балкон, уставленный цветами в горшках. Слева, если стать лицом к окнам,—камин; справа в глуби-

не — дверь. Миссис Хиггинс — женщина, воспитанная на Моррисе и Берн-Джонсе; и ее квартира, совершенно непохожая на квартиру ее сына на Уимпол-стрит, не загромождена лишней мебелью, полочками и безделушками. Посреди комнаты стоит широкая тахта; ее подушки и парчовое покрывало, вместе с ковром на полу, моррисовскими обоями и моррисовскими же кретоновыми занавесками на окнах, составляют все декоративное убранство комнаты; и оно настолько красиво, что жаль было бы прятать его под массой бесполезных мелочей. На стенах несколько хороших картин, выставившихся в галерее Гросвенор лет тридцать тому назад (берн-джонсовской, а не уистлеровской школы). Пейзаж только один: это Сесиль Лоусон в масштабах Рубенса. Здесь же портрет миссис Хиггинс в молодости, одетой, наперекор моде, в один из тех прелестных росетиевских костюмов, карикатурное подражание которым со стороны людей ничего не смыслящих привело к безвкусуному эстетизму, популярному в семидесятых годах.

Сама миссис Хиггинс — теперь ей за шестьдесят, и она давно уже избавила себя от хлопотливого труда одеваться не по моде — сидит в углу, наискось от двери, у простого и изящного письменного стола; тут же под рукой у нее пуговка звонка. Между столом и ближайшим к нему окном — чиппендейлевское кресло. Другое кресло, елизаветинское, с грубой резьбой во вкусе Иниго Джонса, стоит ближе к правой стене и дальше от окон. С этой же стороны рояль в узорном чехле. В углу между камином и окном — диванчик, обитый моррисовским кретоном.

Время — пятый час дня. Дверь резко распахивается: входит Хиггинс в шляпе.

Миссис Хиггинс (испуганно). Генри! (С упреком.) Зачем ты пришел? Ведь сегодня у меня приемный день, ты же обещал не приходить. (Он наклоняется поцеловать ее, она в это время снимает у него с головы шляпу и подает ему.)

Хиггинс. Ах ты господи! (Швыряет шляпу на стол.)

Миссис Хиггинс. Иди сейчас же домой.

Хиггинс (целуя ее). Я знаю, мама. Я нарочно пришел.

Миссис Хиггинс. И совершенно напрасно. Я не шучу, Генри.

Ты отпугиваешь всех моих знакомых, встретившись с тобой, они перестают у меня бывать.

Хиггинс. Глупости! Я, правда, не умею вести светские разговоры, но это никого не смущает. (Усаживается на тахту.)

Миссис Хиггинс. Ах, ты так думаешь? Светские разговоры!

Интересно, как назвать разговоры, которые ты умеешь вести? Нет, серьезно, милый, ты лучше уходи.

Хиггинс. Не могу. У меня к вам дело... связанное с фонетикой.

Миссис Хиггинс. Ничего не выйдет, милый. Мне очень жаль, ~~но~~ ~~я~~ ~~никак~~ ~~не~~ ~~могу~~ ~~осилить~~ ~~твои~~ ~~гласные~~; я очень люблю ~~получать~~ ~~от~~ ~~тебя~~ ~~хорошенькие~~ ~~открытки~~, ~~стенографированные~~ ~~по~~ ~~твоей~~ ~~системе~~, но мне всегда приходится обращаться к подстрочнику, который ты так предусмотрительно ~~точно~~ ~~по~~ ~~сылаешь~~ ~~одновременно~~.

Хиггинс. Но мое дело не связано с фонетикой.

Миссис Хиггинс! Ты ведь сам сказал.

Хиггинс. То есть оно связано, но не для вас. Я тут подобрал одну девушку.

Миссис Хиггинс. Ты хочешь сказать, что одна девушка подобрала тебя?

Хиггинс. Ничего подобного. Любовь здесь ни при чем.

Миссис Хиггинс. Как жаль!

Хиггинс. Почему?

Миссис Хиггинс. Ты ни разу еще не влюбился в женщину моложе сорока пяти лет. Пора уже заметить, что среди молодых женщин тоже попадаются прехорошенькие.

Хиггинс. Ну, я не могу возиться с молодыми. Мой идеал — это женщина, во всем похожая на вас. Молодые женщины мне никогда не будут нравиться; есть привычки, слишком глубоко вкоренившиеся, чтоб их можно было изменить. *(Вскакивает и принимается шагать из угла в угол, побрякивая ключами и мелочью в кармане.)* К тому же они все дуры.

Миссис Хиггинс. Если ты меня действительно любишь, Генри, ты должен сделать для меня кое-что.

Хиггинс. Ах ты господи! Ну что! Жениться, вероятно?

Миссис Хиггинс. Нет. Вынуть руки из карманов и перестать маршировать по комнате.

Он повинуется с жестом отчаяния и садится на прежнее место.

Вот умница. А теперь расскажи мне про девушку.

Хиггинс. Она сегодня придет к вам в гости.

Миссис Хиггинс. Не помню, когда я ее приглашала.

Хиггинс. Вы и не приглашали. Я ее пригласил. Если б вы ее знали, вы бы ее ни за что не пригласили.

Миссис Хиггинс. Вот как! А почему?

Хиггинс. Понимаете, дело вот в чем... Она простая цветочница. Я ее подобрал на улице.

Миссис Хиггинс. И пригласил ко мне в мой приемный день!

Хиггинс *(встает и подходит к ней, стараясь уговорить ее)*. Все будет очень хорошо. Она уже вполне вошла в роль, и я дал

ей строгие инструкции, как себя держать. Ей разрешено касаться только двух тем: погода и здоровье. Сегодня прекрасный день и как вы поживаете — вот и все, никаких общих разговоров. Это совершенно безопасно.

Миссис Хиггинс. Безопасно! Она будет говорить о нашем здоровье. О наших внутренностях! Может быть, даже о нашей внешности! Как можно было сделать такую глупость, Генри!

Хиггинс (*нетерпеливо*). Но надо же ей о чем-нибудь говорить! (*Вовремя овладевает собой и садится.*) Да вы не беспокойтесь; все будет хорошо. Пикеринг тоже участвует в этом деле. Я с ним держал пари, что через полгода сумею выдать ее за герцогиню. Я уже на первый месяц над ней работаю, и она делает прямо сногшибательные успехи. Пари можно считать выигранным. У нее прекрасный слух, и с ней гораздо легче, чем с моими учениками из буржуазных кругов, потому что ее учишь всему с самого начала, как учат чужому языку. Она сейчас говорит по-английски, примерно как вы по-французски.

Миссис Хиггинс. Что ж, это не так плохо.

Хиггинс. И да и нет.

Миссис Хиггинс. Не понимаю.

Хиггинс. Видите ли, произношение я ей уже поставил; но с этой девушкой приходится думать не только о том, как она произносит, но и о том, что она произносит; и вот тут-то...

Их перебивает появление горничной, докладывающей о гостях.

Горничная. Миссис и мисс Эйнсфорд Хилл. (*Уходит.*)

Хиггинс. Ах ты черт! (*Вскакивает, хватая шляпу со стола и спешит к двери, но не успевает дойти, как мать уже представляет его.*)

Миссис и мисс Эйнсфорд Хилл — те самые мать и дочь, которые прятались от дождя на Ковент-гарден. Мать тактична, хорошо воспитана, но в ней чувствуется постоянная напряженность, свойственная людям с ограниченными средствами. Дочь усвоила себе непринужденный тон девицы, привыкшей к светскому обществу: бравада прикрашенной нищеты.

Миссис Эйнсфорд Хилл (*миссис Хиггинс*). Здравствуйте!

Здороваются.

Мисс Эйнсфорд Хилл. Здравствуйте.

Здороваются.

Миссис Хиггинс (*представляя*). Мой сын Генри.

Миссис Эйнсфорд Хилл. Ваш знаменитый сын! Я так давно мечтаю с вами познакомиться, профессор Хиггинс!

Хиггинс (*мрачно, не двигаясь с места*). Очень рад. (*Облокачивается на рояль и коротко кивает ей.*)

Мисс Эйнсфорд Хилл (*подходя к нему с доверчивой развязностью*). Здравствуйте.

Хиггинс (*смотрит на нее, вытаращив глаза*). Послушайте, я вас где-то видел. Понятия не имею, где и когда, но голос ваш я тоже слышал. (*Насупившись.*) Впрочем, это неважно. Что вы стоите? Сели бы куда-нибудь.

Миссис Хиггинс. Как это ни грустно, но я должна сказать, что мой знаменитый сын совершенно не умеет вести себя в обществе. Вы уж его простите.

Мисс Эйнсфорд Хилл (*весело*). Охотно. (*Усаживается в елизаветинское кресло.*)

Миссис Эйнсфорд Хилл (*несколько озадаченно*). Разумеется, разумеется. (*Садится на тахту, слева от дочери и справа от миссис Хиггинс, которая отодвинула свое кресло от письменного стола.*)

Хиггинс. А что, я нагрубил кому-нибудь? Честное слово, не хотел. (*Отходит к среднему окну и, став спиной к гостям, созерцает реку и цветники Бэттерси-парка на другом берегу с таким видом, как будто перед ним вечные льды.*)

Горничная возвращается, за ней идет Пикеринг.

Горничная. Полковник Пикеринг. (*Уходит.*)

Пикеринг. Здравствуйте, миссис Хиггинс.

Миссис Хиггинс. Очень рада вас видеть. Вы не знакомы? Миссис Эйнсфорд Хилл, мисс Эйнсфорд Хилл.

Обмен поклонами. Полковник ставит чиппендейлевское кресло между миссис Хилл и миссис Хиггинс и садится.

Пикеринг. Генри вам рассказал, какое у нас к вам дело? Хиггинс (*у него за спиной*). Черта с два: пришли вот и помешали.

Миссис Хиггинс. Генри, Генри, прошу тебя.

Миссис Эйнсфорд Хилл (*приподымаясь*). Мы, может быть, не вовремя?

Миссис Хиггинс (*встает и заставляет ее снова сесть*). Нет, нет, что вы! Напротив, вы попали очень удачно: мы как раз ждем одну приятельницу, с которой хотим вас познакомиться.

Хиггинс (*обрадованный, поворачивается к ним*). А ведь верно. Нам нужно, чтоб было несколько человек. Вы вполне можете сойти.

Горничная возвращается; за ней идет Фредди.

Горничная. Мистер Эйнсфорд Хилл.

Хиггинс (*забывшись, почти вслух*). Что за дьявольщина? Еще один.

- Фредди (*жмет руку миссис Хиггинс*). Здравссте.
- Миссис Хиггинс. Как это мило, что вы зашли. (*Представляя.*)
Полковник Пикеринг.
- Фредди (*кланяется*). Здравссте.
- Миссис Хиггинс. С моим сыном вы, кажется, тоже не знакомы — профессор Хиггинс.
- Фредди (*подходит к Хиггинсу*). Здравссте!
- Хиггинс (*оглядывая его со всех сторон, как жулика*). Даю голову на отсечение, что я и вас уже где-то видел. Но где?
- Фредди. Нет, я что-то не помню.
- Хиггинс (*покоряясь судьбе*). Ну, это не так важно. Садитесь. (*Пожимая Фредди руку, чуть ли не валит его на тахту, лицом к окнам; потом сам обходит тахту кругом.*)
- Хиггинс. Ну вот, значит так. (*Садится на тахту рядом с миссис Эйнсфорд Хилл.*) Черт дери! О чем же нам теперь говорить, пока нет Элизы?
- Миссис Хиггинс. Генри! Ты, вероятно, неотразим на заседаниях Королевского общества, но, право же, в более скромных собраниях с тобой очень трудно.
- Хиггинс. Правда? Мне очень жаль. (*Внезапно просияв.*) А ведь, знаете, наверно, и в самом деле трудно. (*Шумно хохочет.*) Ха-ха-ха-ха!
- Мисс Эйнсфорд Хилл (*которая находит Хиггинса вполне приемлемым объектом для matrimониальных устремлений*). Ах, я вас понимаю. Я не любительница светских разговоров. Если б люди умели быть откровенными и говорить то, что думают!
- Хиггинс (*снова насупившись*). Упаси бог!
- Миссис Эйнсфорд Хилл (*перехватывая реплику дочери*). Но отчего же?..
- Хиггинс. То, что люди считают себя обязанными думать, уже достаточно скверно; но от того, что они на самом деле думают, у всех волосы стали бы дыбом. Вряд ли вам было бы приятно, если б я сейчас выложил то, что я на самом деле думаю.
- Мисс Эйнсфорд Хилл (*весело*). Неужели это так легкомысленно?
- Хиггинс. Легкомысленно? Кой черт легкомысленно! Просто неприлично.
- Миссис Эйнсфорд Хилл (*серьезно*). О мистер Хиггинс! Я уверена, что вы шутите.
- Хиггинс. Поймите, все мы в известной степени дикари. Предполагается, что мы культурны и цивилизованны, что мы разбираемся в поэзии, философии, искусстве, науке и так далее. Но много ли среди нас таких, которые хотя бы знали толком, что означают все эти названия. (*Мисс Хилл.*) Ну, что вы понимаете в поэзии? (*Миссис Хилл.*) Что вы

знаете о науке? (Указывая на Фредди.) Что он смыслит в науке, в искусстве, в чем бы то ни было? Что, черт подери, я сам знаю о философии?

Миссис Хиггинс (предостерегающе). Или об искусстве держать себя в обществе...

Горничная (раскрывая двери). Мисс Дулиттл. (Уходит.)

Хиггинс (вскакивает и бросается к миссис Хиггинс). Мама, это она. (Становится за креслом матери и, приподнявшись на цыпочки, знаками показывает входящей Элизе, которая из дам — хозяйка дома.)

Элиза, безукоризненно одетая, производит такое сильное впечатление своей красотой и элегантностью, что все невольно встают, когда она входит. Следя за сигналами, которые ей подает Хиггинс, она с заученной грацией направляется к креслу миссис Хиггинс.

Элиза (говорит приятным, музыкальным голосом, с педантичной тщательностью выговаривая слова). Здравствуйте, миссис Хиггинс! Мистер Хиггинс сказал, что я могу навестить вас.

Миссис Хиггинс (приветливо). Конечно, конечно! Я очень рада вас видеть.

Пикеринг. Здравствуйте, мисс Дулиттл.

Элиза (протягивая ему руку). Полковник Пикеринг, если я не ошибаюсь?

Миссис Эйнсфорд Хилл. Я уверена, что мы с вами уже встречались, мисс Дулиттл. Мне знакомы ваши глаза.

Элиза. Очень приятно. (Грациозно опускается на тахту, на то самое место, откуда только что встал Хиггинс.)

Миссис Эйнсфорд Хилл (представляет). Моя дочь Клара.

Элиза. Очень приятно.

Клара (с воодушевлением). Очень приятно. (Садится на тахту рядом с Элизой и пожирает ее глазами.)

Фредди (подходит к тахте). Я, несомненно, имел уже удовольствие...

Миссис Эйнсфорд Хилл (представляет). Мой сын Фредди.

Элиза. Очень приятно.

Фредди кланяется и садится в елизаветинское кресло, млея от восторга.

Хиггинс (внезапно осененный). Ах ты черт! Вспомнил, вспомнил!

Все недоуменно оглядываются на него.

Ковент-гарден! (С досадой.) Вот не было печали!

Миссис Хиггинс. Генри, ради бога! (Видя, что он собирается усесться на ее письменный стол.) Пожалуйста, не садись на стол, сломаешь.

Хиггинс (*сердито*). Простите! (*Идет к угловому дивану, по дороге спотыкается о каминную решетку и роняет щипцы; приводит все в порядок, ругаясь себе под нос, и, добравшись, наконец, до цели своего неудачного путешествия, бросается на диван с такой силой, что диван угрожающе трещит.*)

Долгая томительная пауза.

Миссис Хиггинс (*прерывает молчание непринужденным тоном*). Любопытно, будет ли сегодня дождь?

Элиза. Незначительная облачность, наблюдавшаяся в западной части британских островов, возможно распространится на восточную область. Барометр не дает основания предполагать сколько-нибудь существенных перемен в состоянии атмосферы.

Фредди. Ха-ха! Вот умора!

Элиза. В чем дело, молодой человек? Я, кажется, все правильно сказала.

Фредди. Потрясающе!

Миссис Эйнсфорд Хилл. Я надеюсь все-таки, что холодов больше не будет. Кругом столько случаев инфлюэнцы. В нашей семье все болеют инфлюэнцей регулярно каждую весну.

Элиза (*сумрачно*). У меня вот тетка умерла, так тоже говорила — от инфлюэнцы.

Миссис Эйнсфорд Хилл сочувственно прищелкивает языком. (Тем же трагическим тоном.) А я так думаю, просто укокошили старуху.

Миссис Хиггинс (*озадаченно*). Укокошили?

Элиза. Да не иначе, можете мне поверить! С чего бы ей помирать от инфлюэнцы? Она прошлый год дифтеритом болела, и то ничего. Совсем синяя уже была. Я сама видела. Все думали, что она уже готова, а папаша мой взял ложку и давай ей в глотку джин вливать, она и опомнилась, да так быстро, что даже ложку откусила.

Миссис Эйнсфорд Хилл (*испуганно*). Боже мой!

Элиза (*нагромождая все новые улики*). Такая здоровенная была — и вдруг помереть от инфлюэнцы! А вот где ее шляпа соломенная, новая, которая мне должна была достаться? Сперли! Вот и я говорю, кто шляпу спер, тот и тетку укокошил.

Миссис Эйнсфорд Хилл. А что это значит — укокошил?

Хиггинс (*поспешно*). О, это новый стиль светского разговора.

Укокошить кого-нибудь, значит — убить.

Миссис Эйнсфорд Хилл (*в ужасе, Элизе*). Вы серьезно полагаете, что вашу тетку убили?

Элиза. А чего ж! Вы не знаете, что там у них за народ, они ее и за булавку шляпную могли убить, не то что за шляпу.

Миссис Эйнсфорд Хилл. Но ваш отец очень неосторожно поступил, вливая ей в горло алкоголь. Ведь это действительно могло ее убить.

Элиза. Кого, ее? Да она к нему с пеленок была привычная. А потом, сколько папаша этого джину себе в глотку перелил, так уж он в нем знает толк!

Миссис Эйнсфорд Хилл. Вы хотите сказать, что он пил?

Элиза. Ого! Еще как! Запоем.

Миссис Эйнсфорд Хилл. Как это, должно быть, ужасно!

Элиза. Вот уж ничуть! Ему это только шло на пользу. Да и не всегда уж он пил. *(Весело.)* Так, знаете, погуляет недельку, а потом опять трезвый ходит. А под мухой он не в пример лучше. Когда он без работы сидел, так мать, бывало, даст ему четыре пенса и скажет: «Ступай и не приходи, пока не напьешься так, чтоб был веселый и ласковый». Многим так приходится. Есть такие мужья, что с ними только и житья, когда пьяны. *(Окончательно разойдись.)* Такое уж это дело. Когда человек трезвый, его совесть грызет, вот он и кукнется. А пропустит баночку, и все как рукой сняло. *(К Фредди, который корчится от еле сдерживаемого смеха.)* Эй, вы! Что вы тут нашли смешного?

Фредди. Этот новый стиль! Он вам удивительно хорошо удается.

Элиза. А хорошо, так и нечего смеяться. *(Хиггинсу.)* Я разве что-нибудь сказала лишнее?

Миссис Хиггинс *(предупреждая его ответ)*. Нет, что вы, мисс Дулиттл!

Элиза. Ну и слава богу. *(С увлечением.)* Я ведь что говорю? Я...

Хиггинс *(встает и смотрит на часы)*. Хм...

Элиза *(оглядывается на него, понимает намек и встает тоже)*. Ну, мне пора.

Все встают. Фредди идет к дверям.

Очень рада была с вами познакомиться. До свиданья.

(Протягивает руку миссис Хиггинс.)

Миссис Хиггинс. До свидания.

Элиза. До свидания, полковник Пикеринг.

Пикеринг. До свидания, мисс Дулиттл. *(Пожимает ей руку.)*

Элиза *(кивнув остальным)*. И вам всем до свидания.

Фредди *(распахнув перед ней дверь)*. Вы, случайно, не через парк идете, мисс Дулиттл? Может быть...

Элиза. Чего-о? Пешком? К чертовой бабушке!

Все потрясены.

Я на такси поеду. *(Выходит.)*

Пикеринг, раскрыв рот, валится в кресло. Фредди выходит на балкон, чтобы еще раз посмотреть на Элизу.

Миссис Эйнсфорд Хилл (*пытаясь оправиться от потрясения*). Нет, я положительно не могу привыкнуть к этому новому стилю.

Клара (*с недовольной гримасой бросаясь в елизаветинское кресло*). Ну хорошо, мама, хорошо. Нельзя быть такой старомодной; люди подумают, что мы нигде не бываем и никого не видим.

Миссис Эйнсфорд Хилл. Может быть, я и старомодна, но я надеюсь, Клара, что от тебя я никогда не услышу этого выражения. Я уже привыкла к твоей манере говорить на все «дрянь» и «свинство» и называть мужчин хамами, хотя, на мой взгляд, это и некрасиво и неприлично для молодой леди. Но это уж слишком! Вы не находите, полковник Пикеринг?

Пикеринг. Меня вы не спрашиваете. Я несколько лет прожил в Индии, и за это время понятия о приличии так изменились, что порой я не знаю, где нахожусь — в светской гостиной или в парходном кубрике.

Клара. Это все дело привычки. Ничего тут нет ни хорошего, ни плохого. И ничего особенного это не значит. Просто это так необычно, что придает пикантность вещам, которые сами по себе ничуть не остроумны. Мне этот новый стиль очень нравится, и я в нем ничего такого не вижу.

Миссис Эйнсфорд Хилл (*вставая*). Пожалуй, нам пора.
Пикеринг и Хиггинс встают.

Клара (*вставая*). Да, да, у нас сегодня еще три визита. До свидания, миссис Хиггинс. До свидания, полковник Пикеринг. До свидания, профессор Хиггинс.

Хиггинс (*со свирепым видом подходит к ней и провожает ее до двери*). До свидания. Не забудьте на всех трех визитах продемонстрировать новый стиль. Главное — смелее. Не смущайтесь и шпарьте.

Клара (*сияя улыбкой*). Непременно. До свидания. Пора покончить с этой викторианской чопорностью.

Хиггинс (*искушая*). К чертям ее!

Клара. К чертовой бабушке!

Миссис Эйнсфорд Хилл (*истерически*). Клара!

Клара. Ха-ха! (*Уходит, сияя от приятного сознания, что сумела оказаться на высоте требований моды; с лестницы доносится ее звенящий смех.*)

Фредди (*в пространство*). Нет, вы мне скажите... (*Махнув рукой, подходит к миссис Хиггинс.*) До свидания.

Миссис Хиггинс (*протягивая ему руку*). До свидания. Вы хотели бы снова встретиться с мисс Дулиттл?

Фредди (*поспешно*). Да, да, очень.

Миссис Хиггинс. Мои приемные дни вы знаете, милости просим.

Фредди. Мерси, вы очень любезны. До свидания. *(Уходит.)*

Миссис Эйнсфорд Хилл. До свидания, мистер Хиггинс.

Хиггинс. До свидания, до свидания.

Миссис Эйнсфорд Хилл *(Пикерингу)*. Нет, нет. Я никогда не смогу заставить себя употреблять это ужасное выражение.

Пикеринг. А вы и не старайтесь. Это не обязательно. Вы прекрасно можете обходиться без него.

Миссис Эйнсфорд Хилл. Да, но Клара опять будет сердиться,—она требует, чтобы от меня так и несло модным жаргоном. До свидания.

Пикеринг. До свидания.

Миссис Эйнсфорд Хилл *(миссис Хиггинс)*. Вы должны простить Клару.

Пикеринг, заметив, что она понизила голос, понимает, что дальнейшее не предназначено для его ушей, и деликатно отходит к окну, у которого стоит Хиггинс.

Мы так бедны! Ее так редко куда-нибудь приглашают, бедняжку! Она просто неопытна.

Миссис Хиггинс, видя, что глаза у гостя влажны, сочувственно пожимает ей руку и провожает до двери.

Но Фредди вам понравился? Правда, славный мальчик?

Миссис Хиггинс. Очень славный. Я ему всегда буду очень рада.

Миссис Эйнсфорд Хилл. Благодарю вас, дорогая. До свидания. *(Уходит.)*

Хиггинс *(с нетерпением)*. Ну как? Можно показывать Элизу в обществе? *(Он вцепился в мать и тащит ее к тахте.)*

Миссис Хиггинс садится на то место, где сидела раньше Элиза; сын—слева от нее. Пикеринг снова усаживается в кресло справа.

Миссис Хиггинс. Глупый ты мальчик! Конечно, нет. Она шедевр твоего искусства и искусства своей портнихи. Но если ты действительно не замечаешь, что она выдает себя каждой своей фразой, значит ты просто с ума сошел.

Пикеринг. И вы думаете, тут ничего нельзя сделать? Нельзя как-нибудь удалить из ее речи генеалогические ассоциации?

Миссис Хиггинс. Едва ли это возможно, пока она в руках Генри.

Хиггинс *(обиженно)*. Что ж, по-вашему, я разговариваю не так, как принято в обществе?

Миссис Хиггинс. Нет, милый, отчего же; это смотря в каком обществе. На грузовой пристани, например, вероятно так

именно и принято; но на званом обеде в Челси обычно разговаривают иначе.

Хиггинс (*глубоко оскорбленный*). Ну, знаете ли...

Пикеринг (*прерывая его*). Ну, ну, Хиггинс, вы сами за собой не замечаете. Таких словечек, как ваши, я не слышал уже лет двадцать — с тех пор как обучал волонтеров в Гайд-парке.

Хиггинс (*надувшись*). Если вам угодно, я готов признать, что не всегда изъясняюсь, как епископ с амвона.

Миссис Хиггинс (*успокаивая его движением руки*). Полковник Пикеринг, может быть вы мне расскажете толком, что происходит на Уимпол-стрит?

Пикеринг (*радостно, как будто это совершенно меняет тему разговора*). Я теперь там и живу, у Генри. Мы вместе работаем над моей книгой об индийских диалектах, и мы решили, что так нам будет удобнее...

Миссис Хиггинс. Да, да. Это я все знаю; это действительно прекрасная мысль. Но где живет эта девушка?

Хиггинс. Как где? У нас, конечно. Где же ей еще жить?

Миссис Хиггинс. Но на каком она положении в доме? Прислуга, горничная? А если не горничная, так что же она?

Пикеринг (*с расстановкой*). Я, кажется, понимаю ваш вопрос, миссис Хиггинс.

Хиггинс. Ну, а я ни черта не понимаю. Я только знаю, что почти три месяца изо дня в день работал над этой девушкой, чтобы научить ее тому, что она теперь умеет. А потом — от нее вообще есть прок. Она знает, где лежат мои вещи, и помнит, куда мне нужно пойти, и тому подобное.

Миссис Хиггинс. А как уживается с ней твоя экономка?

Хиггинс. Миссис Пирс? Да она очень рада, что у нее теперь хлопот меньше; раньше ведь ей приходилось отыскивать мои вещи и напоминать мне, куда я должен идти. Но у нее какой-то заскок насчет Элизы. Она постоянно твердит: «Вы ни о чем не думаете, сэр». Верно ведь, Пикеринг?

Пикеринг. Да, это неизменная формула: «Вы ни о чем не думаете, сэр». Так кончатся у нее все разговоры об Элизе.

Хиггинс. А я только и думаю, что об этой девушке и об ее проклятых гласных и согласных. Даже устал — сколько мне приходится о ней думать. И не только думать, но и изучать каждое движение ее губ, ее челюстей, ее языка, не говоря уж об ее душе, — а это самое непонятное.

Миссис Хиггинс. Дети вы, дети! Завели себе живую куклу и играете с ней.

Хиггинс. Хороша игра! Да это самая трудная работа, за какую я когда-либо брался, помните это, мама. Но если бы вы знали, как это интересно, — взять человека и, научив его гово... и... он говорил до сих пор, сделать из него

совершенно другое, новое существо. Ведь это значит — уничтожить пропасть, которая отделяет класс от класса и душу от души.

Пикеринг (*придвигая свое кресло к миссис Хиггинс и в пылу разговора даже наклоняясь к ней*). Да, да, это замечательно. Уверяю вас, миссис Хиггинс, мы очень серьезно относимся к Элизе. Каждую неделю, можно сказать, каждый день в ней появляется что-нибудь новое. (*Придвигается еще ближе.*) Каждая стадия у нас фиксируется. Мы уже сделали сотни фотографий, десятки граммофонных записей.

Хиггинс (*штурмует другое ее ухо*). Да, черт побери! Такого увлекательного эксперимента мне еще никогда не удавалось поставить! Она заполнила всю нашу жизнь. Верно, Пикеринг?

Пикеринг. Мы постоянно говорим об Элизе.

Хиггинс. Учим Элизу.

Пикеринг. Одеваем Элизу.

Миссис Хиггинс. Что?

Хиггинс. Придумываем каждый раз новую Элизу.

Хиггинс	{	У нее совершенно исключительный слух...
Пикеринг		Уверяю вас, дорогая миссис Хиггинс, эта девушка просто гениальна.

Хиггинс	{	Настоящий попугай...
Пикеринг		Она уже недурно играет на рояле...

Хиггинс	{	Я ее испытывал на всех звуках, которые только встречаются в человеческой речи...
Пикеринг		

Хиггинс	{	...в континентальных диалектах, в африканских наречиях, в готтентотских говорах...
Пикеринг		

Хиггинс	{	Звуки, которые я сам годами учился произносить...
Пикеринг		

Хиггинс	{	...даются ей с такой легкостью, как будто она...
Пикеринг		

Хиггинс	{	...всю жизнь только этим и занималась.
Пикеринг		

Миссис Хиггинс (заткнув уши, так как теперь оба уже орут во все горло, стараясь перекричать друг друга). Шшш-шш!

Они замолкают.

Пикеринг. Простите, пожалуйста. (Смущенный, отодвигает свое кресло.)

Хиггинс. Извините. Этот Пикеринг когда начинает кричать, так никому больше слова нельзя вставить.

Миссис Хиггинс. Замолчи, Генри. Полковник Пикеринг, вам не приходит в голову, что, когда Элиза появилась на Уимпол-стрит, вместе с ней появилось еще кое-что?

Пикеринг. Там еще появлялся ее отец. Но Генри его быстро спровадил.

Миссис Хиггинс. Естественнее было бы, если бы явилась мать. Но я не об этом говорю. Вместе с ней появилась...

Пикеринг. Что же, что?

Миссис Хиггинс (невольнo выдавая этим словом, к какому поколению она принадлежит). Проблема...

Пикеринг. Ага, понимаю! Проблема, как сделать, чтобы она могла сойти за даму из общества.

Хиггинс. Эту проблему я разрешу. Я ее уже почти решил.

Миссис Хиггинс. Да нет же! До чего может дойти мужская тупость! Проблема, что с ней делать после.

Хиггинс. Не вижу, где тут проблема. Будет жить, как ей хочется, пользуясь всеми преимуществами моей науки.

Миссис Хиггинс. Да, вот так, как живет эта бедная женщина, которая только что вышла отсюда. Привычки и манеры светской дамы, но только без доходов светской дамы, при полном неумении заработать себе на хлеб,— это ты называешь преимуществом?

Пикеринг (снисходительно; эти рассуждения кажутся ему скучными). О, это все как-нибудь устроится, миссис Хиггинс. (Встает, чтобы проститься.)

Хиггинс (тоже встает). Мы ей найдем какую-нибудь работу полегче.

Пикеринг. Она очень довольна своей судьбой. Не беспокойтесь о ней. До свидания. (Пожимает руку миссис Хиггинс с таким видом, словно утешает испуганного ребенка, затем идет к двери.)

Хиггинс. И во всяком случае, сейчас уже не о чем говорить. Дело сделано. До свидания, мама. (Целует ее и идет за Пикерингом.)

Пикеринг (обернувшись, в виде особого утешения). Есть масса возможностей. Мы сделаем все, что нужно. До свидания.

Хиггинс (Пикерингу, на пороге). Давайте свезем ее на шекспировскую выставку в Эрл-корт.

Пикеринг. Давайте, очень хорошо! Представляю, какие она будет отпускать забавные замечания!

Хиггинс. А потом, когда мы вернемся домой, станет передразнивать всю публику.

Пикеринг. Чудесно!

Слышно, как они оба смеются, спускаясь по лестнице.

Миссис Хиггинс (*порывисто встает с тахты и возвращается к своему письменному столу. Усевшись, отбрасывает в сторону лежащие в беспорядке бумаги; достает чистый лист из бювара и решительно берется за перо. Но, написав три строчки, она отказывается от своего намерения, бросает перо, сердито упирается ладонями в стол и восклицает*). Ах, мужчины! Мужчины!! Мужчины!!!

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Лаборатория на Уимпол-стрит. Полночь. В комнате никого нет. Камин не топится: лето. Часы на камине бьют двенадцать. На лестнице слышны голоса Хиггинса и Пикеринга.

Хиггинс (*окликает Пикеринга*). Пик, вы там, пожалуйста, закройте парадную дверь. Я сегодня уже никуда не пойду.

Пикеринг. Хорошо. Миссис Пирс может идти спать? Нам больше ничего не понадобится?

Хиггинс. Да нет, пусть ее ложится!

Отворяется дверь, и в освещенном квадрате показывается Элиза—в роскошном вечернем туалете, в манто, в брильянтах, с цветами и веером в руках и при всех прочих аксессуарах. Она подходит к камину и зажигает лампу. Видно, что она очень утомлена; темные волосы и глаза резко оттеняют бледность лица, выражение почти трагическое. Она снимает манто, кладет на фояль веер и цветы, садится на скамью и печально молчит. Входит Хиггинс во фраке, пальто и цилиндре; под мышкой у него домашняя куртка, которую он захватил внизу. Он снимает цилиндр и пальто, бросает то и другое на журнальный столик, бесцеремонно стаскивает фрак, надевает домашнюю куртку и устало разваливается в кресле у камина. Входит Пикеринг в столь же парадном облачении. Он тоже снимает пальто и цилиндр и уже собирается отправить их вслед за пожитками Хиггинса, но в последнее мгновение спохватывается.

Пикеринг. Попадет нам завтра от миссис Пирс, если мы бросим все вещи тут.

Хиггинс. Ну, откройте дверь и спустите их по перилам в холл. Утром она их найдет и повесит на место. Она подумает, что мы пришли домой пьяные.

Пикеринг. А есть немножко. Что, писем не было?

Хиггинс. Я не смотрел.

Пикеринг берет цилиндр и пальто и идет вниз.

(Хиггинс, вперемежку с зевками, принимается мурлыкать арию из «La fanciulla del Golden Vest»¹. Вдруг он обрывает пение и восклицает.) Хотел бы я знать, черт подери, где мои туфли?

Элиза мрачно смотрит на него, потом порывисто встает и выходит из комнаты. Хиггинс зевает и снова затягивает свою арию. Возвращается Пикеринг с пачкой писем в руках.

Пикеринг. Только проспекты и вам какой-то billet-doux с графской короной. *(Бросает проспекты в топку и становится у камина, прислонясь спиной к каминной топке.)*

Хиггинс *(взглянув на billet-doux)*. Кредитор. *(Швыряет письмо туда же.)*

Элиза возвращается, держа в руках пару больших стоптанных туфель. Она ставит их на коврик перед Хиггинсом и садится на прежнее место, не проронив ни слова.

Хиггинс *(зевая снова)*. Господи! Что за вечер! Что за публика! Что за балаган! *(Поднимает ногу, чтобы расшнуровать ботинок, и замечает туфли. Забыв про ботинок, смотрит на них так, как будто они появились тут сами по себе.)* А! Вот они, туфли.

Пикеринг *(потягиваясь)*. Сказать по правде, я все-таки устал. Пикник, званый обед, а потом еще опера! Что-то уж слишком много удовольствий сразу. Но пари вы выиграли, Хиггинс: Элиза справилась с ролью, и как еще справилась!

Хиггинс *(с жафом)*. Слава богу, что все уже кончено!

Элизу передефигирует, но они не обращают на нее внимания. Она, овладев собой, снова сидит неподвижно, как каменная.

Пикеринг. Вы волновались на пикнике? Я волновался. А Элиза, по-моему, ничуть.

Хиггинс. Элиза? Даже и не думала. Да я и знал, что все сойдет хорошо. Просто переутомился за все эти месяцы, вот оно теперь и сказалось. Первое время, пока мы занимались только фонетикой, это было интересно, но потом мне до смерти надоело. Если б не пари, я бы уже давно послал

¹ «La fanciulla del Golden Vest» («Девушка с Золотого Запада») — опера итальянского композитора Джакомо Пуччини.

это к черту. Глупая в общем была затея; все оказалось гораздо скучнее, чем мы думали.

Пикеринг. Ну, что вы! На пикнике было много острых моментов. У меня даже сердце замирало.

Хиггинс. Да, первые три минуты. А когда стало ясно, что мы побеждаем без боя, я почувствовал себя, как медведь, запертый в клетке и не знающий, куда деваться от безделья. А обед был еще хуже: сиди и жуй целый час, и даже слова сказать не с кем, кроме какой-то модной дуры. Нет, Пикеринг, можете быть уверены, с меня довольно. Больше я производством герцогинь не занимаюсь. Это была сплошная пытка.

Пикеринг. Вам просто не хватает настоящей светской дрессировки. *(Шагает по направлению к фоялю.)* А я иногда люблю окунуться в эту атмосферу: как-то чувствуешь себя опять молодым. Во всяком случае, это был успех, потрясающий успех! Раз два я даже испугался, настолько хорошо Элиза себя держала. Понимаете, настоящие герцогини очень часто не умеют себя держать; они так глупы, что воображают, будто к людям их положения хорошие манеры приходят сами собой, и поэтому не хотят им учиться. Когда что-нибудь делается не просто хорошо, а превосходно, в этом всегда чувствуется профессионализм.

Хиггинс. Да, вот это меня и бесит: болваны, которые даже болванами не умеют быть по всем правилам. *(Встает.)* Ну, так или иначе, дело кончено и все уже позади; можно по крайней мере лечь спать без страха перед завтрашним днем.

Красота Элизы становится зловещей.

Пикеринг. Да, и я, пожалуй, на боковую. Все-таки это было большое событие; мы одержали блестящую победу. Спокойной ночи. *(Уходит.)*

Хиггинс *(идет за ним)*. Спокойной ночи. *(Обернувшись на пороге.)* Элиза, погасите свет и скажите миссис Пирс, чтобы она не варила мне утром кофе, я буду пить чай. *(Уходит.)*

Элиза, всячески сдерживая себя и стараясь казаться равнодушной, встает и идет к выключателю. Когда она достигает камина, она уже на последнем взводе. Она опускается в кресло Хиггинса и сидит с минуту, судорожно вцепившись в ручки. Но в конце концов нервы у нее сдают, и она в порыве бессильной злобы бросается на пол.

Хиггинс *(за дверью, раздраженно)*. Куда опять девались эти чертовы туфли? *(Появляется на пороге.)*

Элиза *(хватает туфли и одну за другой с силой швыряет ему прямо в лицо)*. Вот вам ваши туфли! И вот вам ваши туфли!

Возьмите их, и чтоб вы в них минуты покоя не знали. Хиггинс (изумленный). Что за черт!.. (Подходит к ней.) В чем дело? Вставайте. (Тащит ее за плечи.) Что-нибудь случилось?

Элиза (задыхаясь). С вами ничего не случилось. Я вам выиграла ваше пари, да? Ну и прекрасно! А до меня вам никакого дела нет.

Хиггинс. Вы мне выиграла пари! Вы! Пигалица несчастная! Я сам выиграл пари. Зачем вы бросили в меня туфли?

Элиза. Потому что я хотела разбить вам голову. Я бы вас задушила сейчас, себялюбивое, толстокожее животное. Вы меня вытащили из грязи! А кто вас просил? Теперь вы благодарите бога, что все уже кончилось и можно выбросить меня обратно в грязь. (В ярости ломает пальцы.)

Хиггинс (глядя на нее с холодным любопытством). Оказывается, это существо все-таки нервничает.

Элиза издает сдавленный крик ярости и бросается на него, словно хочет выцарапать ему глаза.

(Хиггинс, схватив ее за руки.) Этого еще не хватало! Когти долой, кошка! Как вы смеете распускаться передо мной? Садитесь и молчите. (Швыряет ее в кресло.)

Элиза (подавленная его превосходством в силе и весе). Что со мной будет? Что со мной будет?

Хиггинс. А я откуда знаю, что с вами будет? И какое мне, черт дери, до этого дело?

Элиза. Вам нет дела. Я знаю, что вам нет дела. Пусть я даже умру,—вам все равно нет дела! Я для вас ничто, хуже вот этих туфлей.

Хиггинс (громовым голосом). Туфель!!!

Элиза (с горькой покорностью). Туфель! Мне кажется, теперь это уже неважно.

Пауза. Элиза поникла в безвыходном отчаянии; Хиггинс проявляет признаки некоторого беспокойства.

Хиггинс (собрав все свое высокомерие). Что это вообще все обозначает? Я бы хотел знать, вы чем-нибудь недовольны, с вами здесь плохо обращались?

Элиза. Нет.

Хиггинс. Кто-нибудь вас обижал? Полковник Пикеринг? Миссис Пирс? Кто-нибудь из прислуги?

Элиза. Нет.

Хиггинс. Надеюсь, вы не посмеете сказать, что я вас обижал?

Элиза. Нет.

Хиггинс. Очень рад это слышать. (Сбавив тон.) Вы, может быть, просто устали после этого тяжелого дня? Хотите бокал шампанского? (Делает движение к двери.)

Элиза. Нет. *(Вспомнив прежние уроки.)* Благодарю вас. Хиггинс *(к которому вернулось обычное добродушие)*. Это уж у вас несколько дней накапливается. Вы немножко побаивались этого пикника. Что ж, вполне естественно. Но ведь теперь все уже кончено. *(Ласково треплет ее по плечу.)*

Она съезживается.

Больше не о чем беспокоиться.

Элиза. Да. Вам больше не о чем беспокоиться. *(Она вдруг встает и, обойдя его, возвращается на прежнее свое место у роаяля, садится на скамью и закрывает лицо руками.)* О господи! Как бы я хотела умереть!

Хиггинс *(смотрит на нее с искренним удивлением)*. Но почему? Объясните вы мне, ради бога, почему? *(Подходит к ней и старается ее урезонить.)* Послушайте, Элиза, ваше раздраженное состояние вызвано чисто субъективными причинами.

Элиза. Не понимаю. Слишком умно для меня.

Хиггинс. Все это вы сами себе внушили. Дурное настроение, и ничего больше. Никто вас не обидел. Ничего не случилось. Будьте умницей, идите ложитесь спать, и к утру все пройдет. Поплачьте немного, прочитайте молитву, сразу легче станет.

Элиза. Спасибо, вашу молитву я слышала: «Слава богу, что все уже кончилось».

Хиггинс *(нетерпеливо)*. Ну хорошо, а разве для вас это не «слава богу»? Вы теперь свободны и можете делать, что хотите.

Элиза *(отчаяние вдруг придает ей силы)*. А на что я гожусь? К чему вы меня приспособили? Куда мне идти? Что мне делать? Что теперь будет со мной?

Хиггинс *(уразумевший, наконец, истину, но ничуть ею не тронутый)*. Ах, так вот что вас тревожит! *(Засовывает руки в карманы и, побрякивая по своей привычке их содержимым, принимается шагать по комнате, как будто из любезности снисходя до разговора на тривиальную и неинтересную тему.)* Я бы на вашем месте об этом не задумывался. Не сомневаюсь, что вы без особого труда устроите тем или иным способом свою судьбу, хотя я еще как-то не думал о том, что вы уедете отсюда. *(Она бросает на него быстрый взгляд, но он на нее не смотрит; остановился перед вазой с фруктами, стоящей на роаяле, и после некоторого раздумья решает съесть яблоко.)* Вы, например, можете выйти замуж. *(Откусывает большой кусок яблока и шумно жует.)* Должен вам сказать, Элиза, что не все мужчины такие убежденные старые холостяки, как мы с полковником. Большинство мужчин—несчастные!—принадлежит к разряду женищихся; а вы совсем

не дурны собой, иногда на вас даже приятно посмотреть,—не сейчас, конечно, потому что сейчас лицо у вас распухло от слез и стало безобразным, как смертный грех. Но когда вы в своем виде, так сказать, я бы даже назвал вас привлекательной. То есть, конечно, для мужчин, расположенных к женитьбе. Вот послушайте меня, ложитесь в постель и хорошенько выспитесь, а утром, когда встанете, посмотритесь в зеркало, и у вас сразу настроение исправится.

Элиза опять поднимает на него глаза, не шевелясь и не произнося ни слова. Но взгляд ее пропадает даром: Хиггинс усердно жует с мечтательно-блаженным видом, так как яблоко попалось хорошее.

(Осененный внезапной мыслью.) Знаете что? Я уверен, что мама могла бы подыскать вам какого-нибудь подходящего субъекта.

Элиза. Как я низко скатилась после Тоттенхем-Корт-Род. Хиггинс *(просыпаясь)*. То есть как это?

Элиза. Там я торговала цветами, но не торговала собой. Теперь вы сделали из меня леди, и я уже ничем не могу торговать, кроме себя. Лучше бы вы меня не трогали.

Хиггинс *(решительно зашвыривает огрызок яблока в камин)*. Что за вздор, Элиза! Вы просто оскорбляете человеческие отношения этими ханжескими разглагольствованиями о купле и продаже. Можете не выходить за него, если он вам не понравится.

Элиза. А что же мне делать?

Хиггинс. Да мало ли что! Вот вы раньше мечтали о цветочном магазине. Пикеринг мог бы вам устроить это дело, у него куча денег. *(Фыркнув.)* Ему еще придется заплатить за ваши сегодняшние тряпки; а если присчитать сюда плату за прокат брильянтов, то с двухсот фунгов он не много получит сдачи. Черт возьми! Полгода назад вы даже мечтать не смели о такой райской доле, как собственный цветочный магазин. Ну, ладно; все будет хорошо. А теперь я иду спать, у меня прямо глаза слипаются. Да, позвольте: я ведь сюда за чем-то пришел... Черт меня побери, если я помню, за чем именно...

Элиза. За туфлями.

Хиггинс. Ах, да, да—ну конечно, за туфлями. А вы их побросали в меня. *(Подбирает обе туфли и уже собирается уходить, но в это время Элиза поднимается и останавливает его)*.

Элиза. Одну минутку, сэр...

Хиггинс *(услышав такое обращение, роняет туфли от неожиданности)*. Что?

Элиза. Скажите, платья, которые я ношу,—они мои или полковника Пикеринга?

Хиггинс (*возвращаясь на середину комнаты с таким видом, как будто ее вопрос—высшая степень бессмыслицы*). На кой черт Пикерингу дамские платья!

Элиза. Они могут пригодиться для следующей девушки, над которой вы будете экспериментировать.

Хиггинс (*пораженный и уязвленный*). Хорошего же вы о нас мнения!

Элиза. Я не хочу больше беседовать на эту тему. Я хочу знать только одно: что из моих вещей принадлежит мне?

Хиггинс. А не все ли равно? Зачем вам вдруг понадобилось выяснять это в час ночи?

Элиза. Я хочу знать, что я имею право взять с собой. Я не желаю, чтоб меня потом называли воровкой.

Хиггинс (*на этот раз глубоко оскорбленный*). Воровкой! Как вам не стыдно так говорить, Элиза. Я ожидал от вас больше чувства.

Элиза. Извините. Я простая, темная девушка, и в моем положении мне приходится быть очень осторожной. Между такими, как вы, и такими, как я, не может быть речи о чувствах. Будьте так добры сказать мне точно, что здесь мое и что не мое.

Хиггинс (*сердится*). Можете прихватить с собой весь этот хлам и самого черта в придачу! Оставьте только брильянты; они прокатные. Устраивает это вас? (*Поворачивается, чтобы уйти, вне себя от возмущения.*)

Элиза (*она упивается его волнением, словно божественным нектаром, и готовит новую фидирку, чтобы продлить удовольствие*). Постойте, еще минутку. (*Снимает драгоценности.*) Будьте добры, возьмите это к себе в спальню. Я не хочу рисковать—еще пропадет что-нибудь.

Хиггинс (*в бешенстве*). Давайте сюда.

Она передает ему драгоценности.

Если б это были мои брильянты, а не прокатные, я бы вас заставил подавиться ими. (*Рассовывает драгоценности по карманам, неожиданно украсив при этом свою особу свесившимися концами ожерелья.*)

Элиза (*снимая кольцо с пальца*). Это кольцо не прокатное: это то, которое вы мне купили в Брайтоне. Теперь оно мне не нужно.

Хиггинс с размаху швыряет кольцо в камин и оборачивается к ней с таким свирепым видом, что она, закрывая лицо руками, жметя к форлю.

Ай! Не бейте меня!

Хиггинс. Бить вас! Неблагодарная тварь! Как вы смеете обвинять меня в таких гнусностях! Это вы меня ударили! Вы ранили меня в самое сердце.

Элиза (*затрепетав от скрытой радости*). Очень рада. Значит, я хоть немножко с вами посчиталась.

Хиггинс (*с достоинством, самым своим изысканным профессорским тоном*). Вы заставили меня потерять терпение, чего со мной почти никогда не бывало. Будем считать разговор на сегодня оконченным. Я иду спать.

Элиза (*дерзко*). Вы лучше оставьте миссис Пирс записку насчет кофе, потому что я ей ничего не скажу.

Хиггинс (*негромко и вежливо*). К черту миссис Пирс, и к черту кофе, и к черту вас, и к черту меня самого, за то, что я, дурак, тратил свои упорным трудом приобретенные знания и драгоценные сокровища своей души на бессердечную уличную девчонку! (*Выходит, величественно и гордо подняв голову, но, впрочем, под конец портит весь эффект, изо всех сил хлопнув дверью.*)

Элиза улыбается, в первый раз за все время, потом дает выход своим чувствам в бурной пантомиме, в которой подражание торжественному выходу Хиггинса чередуется с изъявлениями восторга по поводу одержанной победы, наконец опускается на колени перед камином и шарит в нем в поисках кольца.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Гостиная миссис Хиггинс. Хозяйка дома опять у письменного стола. Входит горничная.

Горничная (*в дверях*). Мистер Генри внизу, мэм, и с ним полковник Пикеринг.

Миссис Хиггинс. Просите их сюда.

Горничная. Они говорят по телефону, мэм. Кажется, они вызывают полицию.

Миссис Хиггинс. Что?

Горничная (*подходит ближе и говорит, понизив голос*). Мистер Генри как будто не в духе, мэм. Я хотела вас предупредить.

Миссис Хиггинс. Если бы вы мне сказали, что мистер Генри в духе, это было бы гораздо более удивительно. Когда они покончат с полицией, попросите их подняться сюда. У мистера Генри, вероятно, что-нибудь пропало.

Горничная. Слушаю, мэм.

Миссис Хиггинс. Ступайте наверх и скажите мисс Дулиттл, что мистер Генри и полковник здесь. Попросите ее не выходить, пока я за ней не пришло.

Горничная. Слушаю, мэ.

В комнату врывается Хиггинс. Горничная была права: он явно не в духе.

Хиггинс. Послушайте, мама, как вам нравится эта история?!

Миссис Хиггинс. Это ты, мой милый? Доброе утро.

Хиггинс подавляет свое раздражение и целует мать; горничная выходит.

Какая история?

Хиггинс. Элиза сбежала.

Миссис Хиггинс (*невозмутимо продолжая писать*). Вы, вероятно, напугали ее чем-нибудь?

Хиггинс. Чепуха! Никто ее не пугал. Вчера вечером мы ушли спать, а она, как всегда, осталась гасить лампы и тому подобное; а потом, вместо того чтобы лечь, переоделась и ушла: ее постель даже не смята. В половине седьмого утра она приезжала в кебе за своими вещами; и эта дура, миссис Пирс, ни слова не сказав мне, отдала ей вещи и отпустила ее. Что мне теперь делать?

Миссис Хиггинс. Привыкать обходиться без нее. Девушка имела полное право уйти, если ей захотелось.

Хиггинс (*рассеянно блуждая по комнате*). Но я не могу найти ни одной своей вещи. Я не знаю, когда и куда я должен идти. Я...

Входит Пикеринг. Миссис Хиггинс откладывает перо и отодвигается от письменного стола.

Пикеринг (*пожимая ей руку*). Доброе утро, миссис Хиггинс. Генри уже рассказал вам? (*Садится на тахту*).

Хиггинс. Ну, что говорит этот осел инспектор? Вы сказали, чтоб они назначили награду?

Миссис Хиггинс (*поднимается, удивленная и негодующая*). Вы что, в самом деле собрались разыскивать Элизу через полицию?

Хиггинс. Конечно! А что мы еще можем сделать? Полиция на то и существует. (*Усаживается в елизаветинское кресло.*)

Пикеринг. С инспектором очень нелегко было сговориться. Мне кажется, он нас заподозрил в каких-то неблагоприятных намерениях.

Миссис Хиггинс. И не удивительно. Кто дал вам право заявлять об этой девушке в полицию, как будто она воровка или потерянный зонтик? Это уж слишком. (*Садится на свое место, возмущенная до глубины души.*)

Хиггинс. Но мы хотим ее найти.

Пикеринг. Поймите, миссис Хиггинс, мы не можем допустить, чтобы она вот так исчезла навсегда. Что ж нам делать?

Миссис Хиггинс. У вас у обоих здравого смысла не больше, чем у пятилетних младенцев. Почему...

Разговор прерывает вошедшая горничная.

Горничная. Мистер Генри, там вас спрашивает какой-то джентльмен, по срочному делу. Он был у вас, и его направили сюда.

Хиггинс. А ну его к черту! Мне сейчас не до срочных дел. Кто он такой?

Горничная. Какой-то мистер Дулиттл, сэр.

Пикеринг. Дулиттл! Это что же, мусорщик?

Горничная. Мусорщик! Нет, что вы, сэр! Это джентльмен.

Хиггинс (*вскакивает в волнении*). Ах, черт подери! Пик! Это, верно, какой-нибудь родственник, у которого она укрылась. Кто-нибудь, кого мы не знаем. (*Горничной.*) Давайте его сюда, живее.

Горничная. Слушаю, сэр. (*Выходит.*)

Хиггинс (*подходя к матери, оживленно*). Родственник-джентльмен! Ну, сейчас мы услышим что-нибудь интересное. (*Усаживается в чиппендейлевское кресло.*)

Миссис Хиггинс. А вы знаете кого-нибудь из ее родственников?

Пикеринг. Только отца; мы вам о нем рассказывали.

Горничная (*докладывает*). Мистер Дулиттл. (*Уходит.*)

Входит Дулиттл. Он разодет по последней моде: безукоризненный новый фрак, белый жилет и серые брюки. Цветок в петлице, ослепительный цилиндр и лакированные ботинки дополняют картину. Он настолько поглощен целью своего визита, что не замечает миссис Хиггинс. Он прямо подступает к Хиггинсу и обрушивается на него с упреками.

Дулиттл (*указывая на себя*). Посмотрите! Вы видите! Это все вы наделали!

Хиггинс. Позвольте, что «все»?

Дулиттл. Вот это все! Взгляните, я вас прошу. Взгляните на эту шляпу. Взгляните на этот фрак.

Пикеринг. Это Элиза вас так нарядила?

Дулиттл. Элиза! Еще что! С какой это стати Элиза меня будет наряжать?

Миссис Хиггинс. Доброе утро, мистер Дулиттл. Садитесь, пожалуйста.

Дулиттл (*сконфуженный тем, что не сразу заметил хозяйку дома*).

Прошу извинить, мэм. (*Подходит к ней и жмет протянутую руку.*) Покорнейше благодарен. (*Усаживается на тахту, справа от Пикеринга.*) Так это меня расстроило, то, что со мной случилось, просто больше ни о чем думать не могу.

Хиггинс. Да что же, черт дери, с вами случилось?

Дулиттл. Если б еще это просто случилось; ну что ж, случиться с каждым может; тут все, как говорится, от бога. Но это не случилось, это все вы со мной сделали! Да, вы, Генри Хиггинс!

Хиггинс. Вы нашли Элизу? Остальное меня не интересует.

Дулиттл. А вы разве ее потеряли?

Хиггинс. Да.

Дулиттл. Ну и везет же вам! Нет, я ее не находил; но вот она меня теперь живо найдет—после того, что вы со мной сделали.

Миссис Хиггинс. Но что же с вами сделал мой сын, мистер Дулиттл?

Дулиттл. Что он со мной сделал? Погубил меня. Отравил мой покой. Связал меня и отдал в лапы буржуазной морали.

Хиггинс (*возмущенно встает и надвигается на Дулиттла*). Вы бредите. Вы пьяны. Вы с ума сошли! Я дал вам пять фунтов. После этого я разговаривал с вами еще два раза, по полкроны в час. И больше я вас в глаза не видел.

Дулиттл. Ах, я пьян? Ах, я сумасшедший? Хорошо! Тогда вы мне скажите: писали вы письмо одному шкодливому старикашке в Америке, который пять миллионов отвалил на устройство по всему свету Общества моральных реформ и хотел, чтоб вы ему выдумали международный язык? Писали или не писали?

Хиггинс. Что такое? Вы говорите об Эзре Д. Уоннафеллере? Но он же умер. (*Успокоившись, садится на место.*)

Дулиттл. Да, он умер, а я погиб. Нет, вы мне скажите, писали вы ему письмо про то, что самый сейчас оригинальный моралист во всей Англии—это Альфред Дулиттл, простой мусорщик? Писали или не писали?

Хиггинс. Кажется, после нашего последнего разговора я действительно отпустил какую-то глупую шутку в этом роде.

Дулиттл. Хороша шутка! Она меня в гроб уложила, эта ваша шутка! Ведь ему только того и нужно было—показать, что вот, мол, американцы не такие, как мы, что они признают и уважают в человеке его достоинство, к какому бы классу общества он ни принадлежал. Так это и сказано в его завещании черным по белому; а еще там сказано, по вашей, Генри Хиггинс, милости, что он оставляет мне пай в своем

сыроваренном тресте «Друг желудка» на три тысячи годового дохода, при условии, что я буду читать лекции в его, уоннафеллеровской, Всемирной лиге моральных реформ, когда только меня позовут,—до шести раз в год.

Хиггинс. Вот черт! (*Внезапно просияв.*) А ведь неплохо придумано!

Пикеринг. Вы ничем не рискуете, Дулиттл. Больше одного раза вас не позовут.

Дулиттл. Да я лекций не боюсь. Это мне нипочем: такого им начитаю, что у них глаза на лоб полезут. Но вот что из меня джентльмена сделали, этого я не могу стерпеть. Кто его просил делать из меня джентльмена? Жил я в свое удовольствие, тихо, спокойно, ни от кого не зависел, у всякого умел деньги вытянуть, если нужно было,—вы это знаете, Генри Хиггинс. Теперь я минуты покоя не знаю; я связан по рукам и ногам; теперь всякий у меня норовит вытянуть деньги. «Вам счастье выпало»,—говорит мой адвокат. «Вот как,—говорю я.—Вы, верно, хотите сказать, что вам выпало счастье». Когда я был бедным человеком, пришлось мне раз иметь дело с адвокатом,—это когда у меня в мусорном фургоне детская коляска оказалась,—так он только и смотрел, как бы ему скорей покончить с этим делом, да и отвязаться от меня. Доктора тоже: рады, бывало, выглоткать меня из больницы, когда я еще и на ногах не держусь; зато денег не стоило. А теперь вот находят, что я слабоват здоровьем и того гляди помру, если они ко мне не будут наведываться по два раза в день. Дома мне пальцем не дают шевельнуть самому; все за меня делают другие, а с меня денежки тянут за это. Год тому назад у меня не было никаких родственников, кроме двух-трех, которые меня знать не хотели. А теперь их объявилось штук пятьдесят, и у всех на хлеб не хватает. Живи не для себя, а для других: вот вам буржуазная мораль. А вы говорите—Элиза потерялась! Не беспокойтесь, пари держу, что она сейчас уже звонит у моего подъезда; а ведь отлично обходилась своими цветочками, пока из папаша не сделали почтенного буржуа. Теперь вот и вы с меня будете деньги тянуть, Генри Хиггинс. Придется мне у вас учиться разговаривать по-буржуазному; ведь просто по-человечески мне уже теперь не к лицу говорить. Тут-то и настает ваш черед: уж не для того ли вы это все и подстроили?

Миссис Хиггинс. Но, мой милый мистер Дулиттл, если вам действительно так это все неприятно, зачем же терпеть это? Вы вправе отказаться от наследства. Никто вас не может заставить. Не правда ли, полковник Пикеринг?

Пикеринг. Конечно.

Дулиттл *(несколько смягчая свой тон из уважения к ее полу)*.

В том-то и трагедия, мэм. Легко сказать: откажись! А если у меня духу не хватает? Да у кого хватило бы? Все мы запуганы, мэм. Да, вот именно: запуганы. Пусть я откажусь: что меня тогда ждет в старости—рабочий дом? Мне и сейчас уже приходится красить волосы, чтоб не потерять своего места мусорщика. Если б я был из породы достойных бедняков и успел отложить кое-что, тогда б еще можно отказаться: но тогда бы оно и ни к чему, потому что достойным беднякам живется не лучше, чем миллионерам. Они даже и не понимают, что это значит—жить в свое удовольствие. Но мне, бедняку недостойному, только и спасенье от казенной койки, что эти несчастные три тысячи в год, которые тащат меня в компанию буржуазной сволочи,—извините за выражение, мэм, но вы бы и сами без него не обошлись, если б побыли в моей шкуре. Тут как ни вертись, а не отвертись: приходится выбирать между Цецилией рабочего дома и Харитой буржуазии, а выбрать рабочий дом у меня духу не хватает. Я же вам говорю: я запуган. Я сдался. Меня купили. Другие счастливы будут вывозить мой мусор и получать с меня на чай, а я буду смотреть на них и завидовать. И во всем этом виноват ваш сын. *(Волнение мешает ему продолжать.)*

Миссис Хиггинс. Ну, я очень рада, мистер Дулиттл, что вы приняли такое благоразумное решение. Тем самым разрешается вопрос о будущем Элизы. Теперь вы можете о ней заботиться.

Дулиттл *(с меланхолической покорностью судьбе)*. Да, мэм. Я теперь обо всех должен заботиться—все на эти три тысячи в год.

Хиггинс *(вскакивая)*. Чепуха! Он не может о ней заботиться. Он не будет о ней заботиться. Она не его. Я заплатил ему за нее пять фунтов. Дулиттл, вы честный человек или вы мошенник?

Дулиттл *(кратко)*. И того и другого понемножку, Генри. Как все мы: и того и другого понемножку.

Хиггинс. Ну так вот: вы взяли за эту девушку деньги—значит, вы не имеете права забирать ее обратно.

Миссис Хиггинс. Генри! Перестань говорить глупости. Если ты хочешь знать, где Элиза, я скажу тебе. Она здесь, наверху.

Хиггинс *(пораженный)*. Наверху! О, так она у меня живо спустится вниз! *(Решительно направляется к двери.)*

Миссис Хиггинс *(встает и идет за ним)*. Успокойся, Генри. Сядь, пожалуйста.

Хиггинс. Я...

Миссис Хиггинс. Сядь, мой милый, и слушай, что я тебе скажу.
Хиггинс. Ах, ну хорошо, хорошо, хорошо! (*Бросается на тахту и не слишком любезно поворачивается спиной ко всем.*) Только все-таки вы могли бы сказать мне об этом полчаса тому назад.

Миссис Хиггинс. Элиза пришла сюда рано утром. Она часть ночи металась по улицам, не помня себя от обиды; часть провела у реки—хотела утопиться, но не решилась; часть—в отеле Карлтон. Она мне рассказала, как грубо вы оба с ней обошлись.

Хиггинс (*снова вскакивая*). Что-о?

Пикеринг (*также вскакивая*). Дорогая миссис Хиггинс, она наговорила вам глупостей. Никто с ней грубо не обходился. Мы вообще почти с ней не разговаривали и расстались самыми лучшими друзьями. (*Обернувшись к Хиггинсу.*) Хиггинс, может быть, у вас с ней что-нибудь вышло, когда я ушел спать?

Хиггинс. Не у меня с ней, а у нее со мной. Она запустила в меня туфлями. Она вела себя совершенно возмутительно. Я ей не давал к этому ни малейшего повода. Я только открыл дверь, как обе туфли полетели мне в лицо. Даже слова не успел сказать. А потом она еще говорила всякие гадости.

Пикеринг (*недоумевающе*). Но почему? Что мы ей сделали?

Миссис Хиггинс. Мне кажется, я понимаю, что вы сделали.

Девушка, по-видимому, от природы очень чувствительна.

Верно, мистер Дулиттл?

Дулиттл. Золотое сердце, эм. Вся в меня.

Миссис Хиггинс. Ну вот, видите. Она очень привязалась к вам обоим. Она так старалась для тебя, Генри! Ты даже не представляешь, чего для такой девушки должна стоить умственная работа. И вот, когда миновал великий день испытания и она выполнила свою трудную задачу без единого промаха, вы пришли домой и, не обращая на нее никакого внимания, уселись толковать о том, как хорошо, что все уже кончилось, и как это вам все надоело. И ты еще удивляешься, что она запустила в тебя туфлями? Я бы в тебя кочергой запустила на ее месте.

Хиггинс. Мы только говорили, что устали и хотим спать, больше ничего. Ведь верно, Пик?

Пикеринг (*пожимая плечами*). Решительно ничего.

Миссис Хиггинс (*с иронией*). Вы уверены?

Пикеринг. Абсолютно уверен. Больше ничего.

Миссис Хиггинс. Вы не поблагодарили ее, не похвалили, не приласкали, ничего не сказали о том, как блестяще она провела свою роль.

Хиггинс (*нетерпеливо*). Но это все она и сама знает. Да, мы не произносили поздравительных речей — если вы это хотите сказать.

Пикеринг (*чувствуя угрызения совести*). Пожалуй, в самом деле, мы были немножко невнимательны. Она очень сердится?

Миссис Хиггинс (*усаживается в свое кресло за письменным столом*). Боюсь, что она не захочет вернуться на Уимпол-стрит, в особенности сейчас, когда благодаря мистеру Дулиттлу она может сохранить то положение, которое вы ей навязали. Но она говорит, что готова все забыть и встретиться с вами, как с добрыми знакомыми.

Хиггинс (*с яростью*). Ах, вот как? Скажите!

Миссис Хиггинс. Если ты обещаешь вести себя прилично, Генри, я сейчас попрошу ее сюда. А если нет, иди домой: ты уже отнял у меня достаточно времени.

Хиггинс. Ладно. Хорошо. Вы слышали, Пик? Ведите себя прилично. Достанем из сундука наши лучшие воскресные манеры ради этой девчонки, которую мы выбрали в уличной грязи! (*Сердито бросается в елизаветинское кресло.*)

Дулиттл (*укоризненно*). Но, но, Генри Хиггинс! Вы совсем не щадите мои чувства почтенного буржуа.

Миссис Хиггинс. Помни, Генри: ты обещал. (*Нажимает кнопку звонка на письменном столе.*) Мистер Дулиттл, будьте добры, пройдите пока на балкон. Мне не хочется, чтобы Элиза узнала о перемене в вашей судьбе, прежде чем она помирится с этими двумя джентльменами. Вы не возражаете?

Дулиттл. С удовольствием, мэм. Что угодно, лишь бы помочь Генри избавить меня от нее. (*Выходит на балкон.*)

На звонок является горничная. Пикеринг садится на место Дулиттла.

Миссис Хиггинс. Попросите, пожалуйста, мисс Дулиттл сюда.

Горничная. Слушаю, мэм. (*Выходит.*)

Миссис Хиггинс. Смотри, Генри...

Хиггинс. По-моему, я себя веду идеально.

Пикеринг. Он делает все, что может, миссис Хиггинс.

Пауза. Хиггинс откидывает голову назад, вытягивает ноги и принимается насвистывать.

Миссис Хиггинс. Генри, милый, тебе совсем не идет эта поза. Хиггинс (*подобрав ноги и выпрямившись*). А я и не забочусь о том, что мне идет.

Миссис Хиггинс. Это не важно, милый. Мне просто нужно было, чтоб ты заговорил.

Хиггинс. Почему?

Миссис Хиггинс. Потому что, когда ты говоришь, ты не можешь свистеть.

Хиггинс издает стон. Новая весьма томительная пауза.

Хиггинс (*вскакивает, потеряв терпение*). Да где же эта чертова девчонка? Что нам, целый день ее дожидаться?

Входит Элиза, сияющая, спокойная; в ее непринужденной манере нельзя заподозрить ни малейшей фальши. В руках у нее рабочая корзинка, и она явно чувствует себя здесь как дома. Пикеринг до того потрясен, что даже не встает ей навстречу.

Элиза. Здравствуйте, профессор Хиггинс. Как ваше здоровье? Хиггинс (*задохнувшись*). Как мое... (*Он больше не может.*)

Элиза. Вероятно, хорошо? Ведь вы никогда не болеете. Полковник Пикеринг, очень рада вас видеть.

Он поспешно встает и пожимает ей руку.

Прохладно сегодня с утра, не правда ли? (Садится слева; Пикеринг садится рядом с ней.)

Хиггинс. Вы бросьте со мной ломать комедию. Я сам вас этому выучил, и на меня не действует. Вставайте, идем домой, и не будьте дурой.

Элиза вынимает из корзинки вышиванье и принимается за работу, не обращая ни малейшего внимания на его вспышку.

Миссис Хиггинс. Прелестно, Генри! Право, прелестно! Какая женщина может устоять против такого приглашения?

Хиггинс. А вы ей не помогайте, мама. Пускай сама говорит. Сразу увидите, найдется ли у нее хоть одна мысль, которую не я вложил ей в голову, хоть одно слово, которое не я научил ее произносить. Я, я сам сделал это существо из пучка гнилой моркови с Ковентгарденского рынка, а теперь она осмеливается разыгрывать со мной знатную леди!

Миссис Хиггинс (*умиротворяюще*). Да, да, мой милый, но, может быть, ты все-таки сядешь?

Хиггинс садится, с силой стукнув креслом.

Элиза (*Пикерингу, по-прежнему не замечая Хиггинса и проворно вода иглой*). Теперь вы меня больше знать не захотите, полковник Пикеринг,— эксперимент закончен...

Пикеринг. Не надо. Не говорите об этом только как об эксперименте. Мне неприятно это слышать.

Элиза. Правда, я всего лишь пучок гнилой моркови...

Пикеринг (*порывисто*). О нет!

Элиза (*невозмутимо продолжая*). ...но я вам стольким обязана, что мне было бы очень грустно, если б вы совсем меня забыли.

Пикеринг. Я очень рад это слышать, мисс Дулиттл.

Элиза. Не потому, что вы платили за мои наряды. Я знаю, что денег вам ни для кого не жаль. Но именно от вас я научилась хорошим манерам, а ведь это и отличает леди от уличной девчонки, не правда ли? Мне очень трудно было этому научиться, постоянно находясь в обществе профессора Хиггинса. Я ведь с детства привыкла себя держать в точности, как держит себя он: шуметь, кричать, ругаться за каждым словом. И я так и не узнала бы, что среди джентльменов и леди принято вести себя иначе, если б не вы.

Хиггинс. О!!!

Пикеринг. Но это ведь у него просто как-то так выходит. Он ничего такого не думает.

Элиза. Вот и я ничего такого не думала, когда была цветочницей. Это у меня просто так выходило. Но я это делала, вот что важно.

Пикеринг. Вы правы. Но все-таки это он научил вас правильно говорить; я бы этого не мог сделать, знаете.

Элиза (*небрежно*). Ну что ж—ведь это его профессия.

Хиггинс. А, дьявольщина!

Элиза (*продолжая*). Это все равно что научить человека танцевать модные танцы, не более того. А вы знаете, когда по-настоящему началось мое воспитание?

Пикеринг. Когда?

Элиза (*оставив свое вышивание*). В ту минуту, когда вы назвали меня мисс Дулиттл... я тогда только что пришла на Уимпол-стрит. Это впервые пробудило во мне уважение к себе. (*Она снова берет за иглу.*) И потом были еще сотни мелочей, которых вы даже не замечали, потому что для вас это было естественно. Ну вот то, что вы вставали, говоря со мной, что вы снимали передо мной шляпу, что вы никогда не проходили первым в дверь...

Пикеринг. Но это же все пустяки.

Элиза. Да, но эти пустяки показывали, что вы относитесь ко мне иначе, чем, скажем, к судомойке; хоть я уверена, что и с судомойкой вы вели бы себя точно так же, если б она случайно очутилась в гостиной. Вы никогда не снимали при мне ботинок в столовой.

Пикеринг. Вы не должны обижаться на это. Хиггинс всюду снимает ботинки.

Элиза. Я знаю. Я его не виню. Это у него просто так выходит, не правда ли? Но для меня так много значило, что вы этого

никогда не делали. Видите ли, помимо тех вещей, которым всякий может научиться,—уменье хорошо одеваться, и правильно говорить, и все такое,—леди отличается от цветочницы не тем, как она себя держит, а тем, как с ней себя держат. Для профессора Хиггинса я всегда останусь цветочницей, потому что он себя со мной держит как с цветочницей; но я знаю, что для вас я могу стать леди, потому что вы всегда держите себя со мной как с леди. Миссис Хиггинс. Пожалуйста, Генри, не скрежещи зубами. Пикеринг. Право, я очень, очень рад это все слышать, мисс Дулиттл.

Элиза. Теперь мне бы хотелось, чтоб вы меня называли Элизой, если вы не возражаете.

Пикеринг. Благодарю вас. С удовольствием буду называть вас Элизой.

Элиза. И еще мне хотелось бы, чтобы профессор Хиггинс называл меня мисс Дулиттл.

Хиггинс. Сдохнете—не дождетесь!

Миссис Хиггинс. Генри! Генри!

Пикеринг *(со смехом)*. Отвечайте ему в таком же духе, Элиза. Не молчите. Ему это будет полезно.

Элиза. Не могу. Раньше я могла так разговаривать, но теперь—нет. Вчера ночью, когда я бродила по улицам, какая-то девушка заговорила со мной; я хотела ей ответить по-старому, но у меня ничего не вышло. Помните, вы как-то говорили мне, что ребенок, попавший в чужую страну, в несколько недель привыкает к чужому языку, а свой родной забывает? Вот я—такой ребенок в вашей стране. Я забыла свой родной язык и могу теперь говорить только на вашем. С Тоттенхем-Корт-Род покончено навсегда. Именно теперь, когда я покинула Уимпол-стрит.

Пикеринг *(в сильной тревоге)*. Но ведь вы же вернетесь на Уимпол-стрит? Вы простите Хиггинса?

Хиггинс *(поднимаясь)*. Простите?! Она меня будет прощать, а! Пускай уходит. Пускай попробует прожить одна. Без меня она через три недели скатится обратно в уличную канаву.

В среднем окне появляется Дулиттл. Бросив на Хиггинса укоризненный и полный достоинства взгляд, он бесшумно подходит к дочери, которая стоит спиной к окнам и поэтому не видит его.

Пикеринг. Он неисправим, Элиза. Но ведь вы не скатитесь, правда?

Элиза. Нет. Теперь уже нет. Я хорошо заучила свой урок. Теперь я уже не могу издавать такие звуки, как раньше, даже если б хотела.

Дулиттл сзади кладет ей руку на плечо.

(Она фроняет вышиванье, оглядывается, и при виде отцовского великолетия вся ее выдержка сразу испаряется.) У-у-аааа-у!

Хиггинс (торжествующе). Ага! Вот, вот! У-у-ааа-у! У-у-аааа-у! Победа! Победа! (Разваливается на угловом диванчике, скрестив руки на груди.)

Дулиттл. Зря вы девушку обижаете. Не смотри на меня так, Элиза. Я не виноват. У меня, понимаешь, деньги завелись.

Элиза. Видно, тебе на этот раз миллионер подвернулся?

Дулиттл. Угадала. Но я сегодня разоделся для особого случая. Еду сейчас в церковь святого Георгия на Ганноверсквер. Твоя мачеха выходит за меня замуж.

Элиза (сердито). Ты унизишься до женитьбы на этой простой, вульгарной бабе?

Пикеринг (мягко). Это его долг, Элиза. (Дулиттлу.) Но почему она изменила свое решение?

Дулиттл (печально). Запугана, хозяин. Запугана, как и все мы. Буржуазная мораль требует жертв. Надевай шляпу, Элиза, поедешь посмотришь, как твоего отца окручивать будут.

Элиза. Если полковник находит, что так нужно, я... я... (чуть не со слезами) я пойду на это. И в награду, вероятно, еще наслушаюсь оскорблений.

Дулиттл. Можешь не бояться. Она, бедняга, теперь ни с кем уже не лается. Как попала в почтенные, так сразу присмирела.

Пикеринг (слегка сжимая локоть Элизы). Не огорчайте их, Элиза. Будьте умницей.

Элиза (сияясь улыбнуться ему, несмотря на свое раздражение). Ну хорошо, я поеду, только чтобы показать, что я не злопамятна. Подожди меня минутку. (Выходит.)

Дулиттл (усаживаясь рядом с Пикерингом). Что-то я, знаете, робею перед этой церемонией, полковник. Может, вы поедете тоже, чтоб придать мне духу?

Пикеринг. Но ведь вам это не впервые, друг мой. Венчались же вы с матерью Элизы?

Дулиттл. Кто это вам сказал?

Пикеринг. Собственно мне никто не говорил. Просто я... естественно было предполагать...

Дулиттл. Нет, полковник, вовсе это не естественно. Это только так принято у буржуазии. А я всегда поступал так, как принято у недостойных. Только вы Элизе не говорите. Она не знает: я из деликатности никогда не говорил ей.

Пикеринг. И правильно делали. Если не возражаете, мы просто не будем вспоминать об этом.

Дулиттл. Ладно, полковник; а теперь вы поедете со мной в церковь и поможете мне благополучно справиться с этим делом.

Пикеринг. С удовольствием. Если только я, как холостяк, могу вам быть полезен.

Миссис Хиггинс. А меня вы не приглашаете, мистер Дулиттл? Мне бы очень хотелось быть на вашей свадьбе.

Дулиттл. Сочту за честь, мэм, если вы нас удостоите. А уж хозяйка моя не будет знать, куда деваться от радости. Она все грустит, бедняга, что кончилось наше счастливое житье.

Миссис Хиггинс (вставая). Так я велю подавать экипаж, а сама пойду одеваться.

Мужчины, кроме Хиггинса, встают.

Я не задержу вас больше чем на четверть часа. *(Идет к двери и на пороге сталкивается с Элизой; та уже в шляпе и застегивает перчатки.)* Элиза, я тоже еду в церковь. Вам удобнее ехать со мной, а полковник Пикеринг будет сопровождать жениха.

Миссис Хиггинс выходит. Элиза останавливается посреди комнаты, между окнами и тахтой. Пикеринг подходит к ней.

Дулиттл. Жених! Вот это слово! От него как-то сразу становится ясно, на что идешь. *(Берет свой цилиндр и направляется к двери.)*

Пикеринг. Ну, Элиза, пока я еще не ушел... простите Хиггинса и обещайте вернуться к нам.

Элиза. Боюсь, что папа мне не позволит. Правда, папочка?

Дулиттл *(он опечален, но исполнен великодушия)*. Они тебя здорово разыграли, Элиза, эти два шутника. Если бы ты имела дело с одним, уж он бы от тебя не ушел. Но, понимаешь, вся штука в том, что их было двое и один вроде как бы оберегал другого. *(Пикерингу.)* Хитро придумано, полковник. Но я на вас не в обиде: я бы и сам так сделал. всю мою жизнь меня тиранили женщины, одна за другой; так что, если вам удалось провести Элизу,— не возражаю. Я в это дело вмешиваться не буду. Ну, полковник, пора нам ехать. Будьте здоровы, Генри. Элиза, увидимся в церкви. *(Выходит.)*

Пикеринг *(умильно)*. Не покидайте нас, Элиза. *(Идет вслед за Дулиттлом.)*

Элиза выходит на балкон, чтобы не оставаться наедине с Хиггинсом. Он встает и идет за ней. Она тотчас же снова входит в комнату и направляется к двери, но он, пробежав по балкону, успевает опередить ее и загоразживает ей дверь.

Хиггинс. Ну, Элиза, вы уже немножко посчитались со мной, как вы выражаетесь. Может быть, хватит теперь? Может быть, вы, наконец, образумитесь? Или вам еще мало?

Элиза. А зачем я вам нужна? Только для того, чтобы подавать вам туфли, и сносить все ваши капризы, и быть у вас на побегушках?

Хиггинс. Я вовсе не говорил, что вы мне нужны.

Элиза. Ах, вот как? В таком случае о чем вообще разговор?

Хиггинс. О вас, а не обо мне. Если вы вернетесь на Уимпол-стрит, я буду обращаться с вами так же, как обращался до сих пор. Я не могу изменить свой характер и не желаю менять свое поведение. Я веду себя точно так же, как полковник Пикеринг.

Элиза. Неправда. Полковник Пикеринг с цветочницей обращается как с герцогиней.

Хиггинс. А я с герцогиней обращаюсь как с цветочницей.

Элиза. Понимаю. *(Спокойно отворачивается от него и садится на тахту, лицом к окнам.)* Со всеми одинаково.

Хиггинс. Вот именно.

Элиза. Как мой отец.

Хиггинс *(с улыбкой, немного смягчившись)*. Я не вполне согласен с этим сравнением, Элиза, но все же признаю, что ваш отец далек от снобизма и легко свыкается с любым положением, в которое его может поставить его прихотливая судьба. *(Серьезно.)* Секрет, Элиза, не в уменье держать себя хорошо или плохо или вообще как бы то ни было, а в уменье держать себя со всеми одинаково. Короче говоря, поступать так, будто ты на небе, где нет пассажиров третьего класса и все бессмертные души равны между собой.

Элиза. Аминь. Вы прирожденный проповедник.

Хиггинс *(раздраженно)*. Вопрос не в том, плохо ли я с вами обращаюсь, а в том, видали ли вы, чтобы я с кем-нибудь обращался лучше.

Элиза *(в неожиданном порыве искренности)*. Мне все равно, как вы со мной обращаетесь. Можете ругать меня, пожалуйста. Можете даже бить: колотушками меня не удивишь. Но *(встает и подходит к нему вплотную)* раздавить я себя не позволю.

Хиггинс. Так уходите с дороги, останавливаться из-за вас я не буду. Что вы обо мне так говорите, как будто я автобус?

Элиза. Вы и есть автобус: прете себе вперед, и ни до кого вам дела нет. Но я и без вас могу обойтись; вот увидите, что могу.

Хиггинс. Я знаю, что вы можете. Я вам сам это говорил.

Элиза *(оскорбленная, отодвигается на другой конец тахты и поворачивается лицом к камину)*. Я знаю, что вы говорили, бессердечный вы человек. Вы хотели избавиться от меня.

Хиггинс. Врете.

Элиза. Спасибо. *(С достоинством выпрямляется.)*

- Хиггинс. Вам, конечно, не пришло в голову спросить себя, могу ли я без вас обойтись?
- Элиза (*внушительно*). Пожалуйста, не старайтесь улестить меня. Вам придется без меня обойтись.
- Хиггинс (*надменно*). И обойдусь. Мне никто не нужен. У меня есть моя собственная душа, моя собственная искра божественного огня. Но (*с неожиданным смирением*) мне вас будет недоставать, Элиза. (*Садится на тахту рядом с ней.*) Ваши идиотские представления о вещах меня все-таки кое-чему научили, я признаю это и даже благодарен вам. Потом я как-то привык к вашему виду, к вашему голосу. Они мне даже нравятся.
- Элиза. Что ж, у вас есть мои фотографии и граммофонные записи. Когда соскучитесь обо мне, можете завести граммофон,—по крайней мере без риска оскорбить чьи-нибудь чувства.
- Хиггинс. В граммофоне я не услышу вашей души. Оставьте мне вашу душу, а лицо и голос можете взять с собой. Они—не вы.
- Элиза. О, вы настоящий дьявол! Вы умеете ухватить человека за самое сердце, как другой хватает за горло, чтобы придушить. Миссис Пирс предупреждала меня. Сколько раз она собиралась уйти от вас, и всегда в последнюю минуту вам удавалось ее улестить. А ведь она вас ни капельки не интересуется. Точно так же, как не интересую вас я.
- Хиггинс. Меня интересуется жизнь, люди, а вы—кусок этой жизни, который попался мне на пути и в который я вложил частицу самого себя. Чего еще вы можете требовать?
- Элиза. Тот, кого я не интересую, никогда не будет интересовать меня.
- Хиггинс. Ну, это торгашеский принцип, Элиза. Все равно что (*с профессиональной точностью воспроизводит ее ковентгарденский акцент*) фиялочки придавать.
- Элиза. Не кривляйтесь, пожалуйста. Как вам не стыдно передо мной кривляться?
- Хиггинс. Я в своей жизни никогда не кривлялся. Кривлянье не идет ни человеческому лицу, ни человеческой душе. Я просто выражаю свою справедливую ненависть к торгашеству. Для меня чувства никогда не были и не будут предметом сделки. Вы меня называли бессердечным, потому что, подавая мне туфли и отыскивая мои очки, вы думали купить этим право на меня,—и ошиблись. Глупая вы, глупая! По-моему, женщина, которая подает мужчине туфли,—это просто отвратительное зрелище. Подавал я вам когда-нибудь туфли? Вы гораздо больше выиграли

в моих глазах, когда запустили в меня этими самыми туфлями. Вы рабски прислуживаете мне, а потом жалуетесь, что я вами не интересуюсь: кто ж станет интересоваться рабом? Хотите вернуться ради добрых человеческих отношений—возвращайтесь, но другого не ждите ничего. Вы и так получили от меня в тысячу раз больше, чем я от вас; а если вы осмелитесь сравнить ваши собачьи поноски с сотворением герцогини Элизы, я просто захлопну дверь перед вашим глупым носом.

Элиза. А зачем же вы делали из меня герцогиню, если я вас не интересую?

Хиггинс (*простодушно*). Как зачем? Это ведь моя работа.

Элиза. Вы даже не подумали о том, сколько беспокойства вы причиняете мне.

Хиггинс. Мир не был бы сотворен, если б его творец думал, как бы не причинить кому-нибудь беспокойства. Творить жизнь—и значит творить беспокойство. Есть только один способ избежать беспокойства: убивать. Вы замечаете, что трус всегда радуется, когда убивают беспокойных людей?

Элиза. Я не проповедник, и я ничего такого не замечаю. Я замечаю только одно: что вы не замечаете меня.

Хиггинс (*вскакивая и принимаясь гневно шагать по комнате*).

Элиза. Вы идиотка. Я зря трачу сокровища моего мильтоновского духа, выкладывая их перед вами. Поймите раз навсегда: я иду своим путем и делаю свое дело, и при этом мне в высокой степени наплевать на то, что может произойти с любым из нас. Я не запуган, как ваш отец и ваша мачеха. А потому выбирайте сами: хотите—возвращайтесь, не хотите—идите ко всем чертям.

Элиза. Ради чего мне возвращаться?

Хиггинс (*становится на тахте на колени и наклоняется к Элизе*).

Единственно ради собственного удовольствия. Так же, как и я затеял всю эту свою возню с вами ради собственного удовольствия.

Элиза (*не глядя на него*). А завтра, если я не буду делать все, что вам нравится, вы меня выкинете на улицу?

Хиггинс. Да, а если я не буду делать все, что вам нравится, вы от меня уйдете.

Элиза. И буду жить с мачехой?

Хиггинс. Да, или продавать цветы.

Элиза. Ах, если б я только могла взяться опять за свою корзинку с цветами! Я бы не зависела ни от вас, ни от отца, ни от кого на свете! Зачем вы отняли у меня мою независимость? Зачем я согласилась на это! Теперь я только жалкая раба, несмотря на все мои наряды.

- Хиггинс. Ничего подобного. Хотите, я удочерю вас или положу на ваше имя деньги. А может быть, вы хотите выйти замуж за Пикеринга?
- Элиза (*с яростью поворачивается к нему*). Я даже за вас не пошла бы замуж, если б вы меня попросили; а уж вы мне по возрасту больше подходите, как он.
- Хиггинс (*терпеливо*). Больше, чем он, а не больше, как он.
- Элиза (*вскакивает, окончательно выйдя из себя*). Буду говорить так, как мне нравится. Вы мне больше не учитель.
- Хиггинс (*задумчиво*). Хотя Пикеринг едва ли согласится. Он такой же закоренелый холостяк, как и я.
- Элиза. Очень мне это нужно! Вы и не воображайте. Если захочу выйти замуж, охотники всегда найдутся. Вот Фредди Эйнсфорд Хилл пишет мне по три письма в день, страниц на десять каждое.
- Хиггинс (*неприятно пораженный*). Вот нахал мальчишка! (*Он наклоняется назад и, потеряв равновесие, садится на пятки.*)
- Элиза. Он имеет полное право писать мне, раз ему хочется. Он так меня любит, бедный мальчик.
- Хиггинс (*слезая с тахты*). Но вы не имеете права поощрять его.
- Элиза. Каждая девушка имеет право на то, чтоб ее любили.
- Хиггинс. Кто? Такие дураки?
- Элиза. Фредди вовсе не дурак. А если он слабенький и бедный и я нужна ему, наверно я с ним буду счастливее, чем с теми, кто лучше меня и кому я не нужна.
- Хиггинс. Да, но сумеет ли он из вас что-нибудь сделать? Вот в чем вопрос.
- Элиза. Может быть, я из него сумею что-нибудь сделать. Но я вообще никогда не думаю о таких вещах; это вы только о них и думаете. Я хочу быть такой, как я есть.
- Хиггинс. Короче, вы хотите, чтобы я таял перед вами, как тает Фредди? Да?
- Элиза. Глупости. Совсем не такое чувство мне от вас нужно. Но вы напрасно так уж уверены в себе и во мне. Я могла бы быть очень нехорошей, если б захотела. Я в жизни видела много такого, о чем вы и понятия не имеете, несмотря на всю вашу ученость. Девушке вроде меня ничего не стоит завлечь джентльмена так, чтоб он в нее влюбился. Только от такой любви назавтра смотреть друг на друга тошно.
- Хиггинс. Конечно тошно. Но из-за чего же мы тогда ссоримся, черт подери?
- Элиза (*взволнованно*). Мне хочется ласкового слова, внимания. Я знаю, я простая, темная девушка, а вы джентльмен и ученый; но все-таки я ведь человек, а не пустое место. Если я чего делала (*спешит поправиться*), если я что-нибудь делала, так это не за платье и не за такси; я делала это

потому, что нам было хорошо вместе, и я... я... ну, немножко привязалась к вам; не так, чтобы завлекать вас или забыть, кто вы и кто я, но просто по-дружески.

Хиггинс. Ну да, конечно. И я то же самое чувствую.

И Пикеринг тоже. Элиза, вы дура.

Элиза. Это не ответ. *(Садится в кресло у письменного стола, на глазах у нее слезы.)*

Хиггинс. Другого не ждите, пока не перестанете валять дурака.

Если вы желаете стать леди, вам прежде всего нужно отделаться от представления, что все мужчины, которых вы знаете, должны всю свою жизнь либо вздыхать у ваших ног, либо угощать вас колотушками,— а если этого нет, вы чувствуете себя обиженной. Если такая жизнь, какой живу я,— деятельная и свободная от страстей,— вам не по душе, возвращайтесь в свою канаву. Трудитесь, пока не потеряете облик человеческий, а потом свернитесь клубочком, поворчите немного, выпейте виски и засните. Ах, приятная жизнь в канаве! Вещественная, теплая, крепкая, даже самую толстую кожу прошибает! Чтобы чувствовать ее запах и цвет, не нужно ни знаний, ни усилий. Не то, что наука, или литература, или классическая музыка, или философия, или искусство. По-вашему, я эгоист, ледышка, человек без сердца? Вот и чудесно: ступайте к тем, которые вам нравятся. Выберите себе в мужа какого-нибудь чувствительного борова с тугим кошельком, который будет целовать вас толстыми губами и дубасить толстой палкой. Не умеете ценить то, что у вас есть, так пусть у вас будет то, что вы цените.

Элиза *(в отчаянии)*. Жестокий вы, злой человек. Я не могу с вами разговаривать: вы все поворачиваете против меня, я всегда выхожу неправа. Но ведь вы сами отлично знаете, что вы просто мучитель и больше ничего. Вы знаете, что я не могу, как вы говорите, вернуться в канаву и что у меня в сущности никого не свете нет, кроме вас и полковника. Вы знаете, что после вас мне тяжело будет ужиться с простыми, вульгарными людьми; и это очень нехорошо с вашей стороны — говорить, будто я могу выйти замуж за такого. Вы думаете, что мне придется вернуться на Уимпол-стрит, потому что к отцу я не хочу, а больше мне некуда пойти. Вам кажется, что я уже лежу на земле и остается только наступить на меня и растоптать. Но погодите радоваться. Я выйду замуж за Фредди — вот что я сделаю, — как только у него будет достаточно денег, чтобы жениться.

Хиггинс *(усаживаясь рядом с ней)*. Вздор! Вы выйдете замуж за иностранного посла. Вы выйдете за генерал-губернатора Индии, или за ирландского лорда-наместника или за

какого-нибудь принца, которому нужна королева-регентша. Я не допущу, чтобы мой шедевр достался какому-то Фредди.

Элиза. Вы хотите сказать мне приятное, но я не забыла того, что вы говорили две минуты тому назад; я не ребенок и не щенок, и меня нельзя купить кусочком сахара. Если уж мне отказывают в ласковом слове, я по крайней мере сохранию независимость!

Хиггинс. Независимость! Это кощунственная выдумка буржуазии. Мы все зависим друг от друга, все живые люди.

Элиза (*решительно вставая*). А вот увидите, завишу я от вас или нет! Если вы годитесь в проповедники, то я гожусь в учительницы. Буду давать уроки.

Хиггинс. Какие же это вы будете давать уроки?

Элиза. Такие, какие вы давали мне. Уроки фонетики.

Хиггинс. Ха-ха-ха!

Элиза. Пойду в ассистентки к профессору Непину.

Хиггинс (*вскакивая в неистовстве*). Что-о? К этому шарлатану? К этому старому дураку? К этому невежде и подхалиму? Выдать ему мои методы, мои открытия! Посмейте только шаг ступить, я вам шею сверну. (*Хватает ее за плечи.*) Слышите?

Элиза (*демонстративно не пытаясь сопротивляться*). Можете. Мне все равно. Я так и знала, что рано или поздно вы меня начнете бить.

Он выпускает ее, взбешенный собственной несдержанностью, и так стремительно отступает назад, что, споткнувшись, падает с размаху на свое прежнее место на тахте.

Ага! Теперь я знаю, как с вами обращаться! Какая же я была дура, что не догадалась раньше. Тех знаний, которые я от вас получила, вам уже не отнять обратно. Вы сами говорили, что слух у меня тоньше, чем у вас. И кроме того, я умею быть с людьми вежливой и приятной, чего вы не умеете. Ага! Теперь вы попались, Генри Хиггинс, теперь вы попались! Теперь все ваши насмешки и все ваши умные слова для меня вот чего стоят! (*Прищелкивает пальцами.*)

Я дам объявление в газеты, что ваша герцогиня—это девчонка-цветочница, которой вы давали уроки, и что под ее руководством каждая может стать герцогиней—курс шесть месяцев, плата тысяча гиней! Боже мой, когда я только подумаю, как я пресмыкалась перед вами, а вы стопали меня, и ругали, и мучили,—и все это время мне стоило только пальцем шевельнуть, чтоб сбить с вас спесь,—я бы, кажется, задушила себя.

Хиггинс (*глядя на нее с изумлением*). Ах вы дерзкая, нахаль-

ная девчонка! Но это ничего, это хорошо, гораздо лучше, чем хныкать или подавать туфли и отыскивать очки, верно? *(Вставая.)* Черт подери, Элиза, я ведь сказал, что я из вас сделаю женщину,—и я сдержал слово. Вы мне нравитесь такая.

Элиза. Да, да, теперь вы будете хитрить и подлизываться, когда увидите, что я вас не боюсь и могу без вас обойтись.

Хиггинс. Конечно, несносная вы дурочка. Пять минут тому назад вы были жерновом у меня на шее. Теперь вы — крепостная башня, броненосец-консорт. Вы, я и Пикеринг... мы теперь будем не просто двое мужчин и одна глупая девушка, а три дружных старых холостяка.

Возвращается миссис Хиггинс, уже одетая для выезда. Элиза тотчас же замыкается в светскую холодность.

Миссис Хиггинс. Элиза, экипаж подан. Вы готовы?

Элиза. Вполне. А профессор не едет?

Миссис Хиггинс. Конечно, нет. Он не умеет вести себя в церкви. Он все время громко критикует произношение священника.

Элиза. Значит, мы больше не увидимся, профессор. Всего хорошего. *(Идет к двери.)*

Миссис Хиггинс *(подходя к Хиггинсу)*. До свидания.

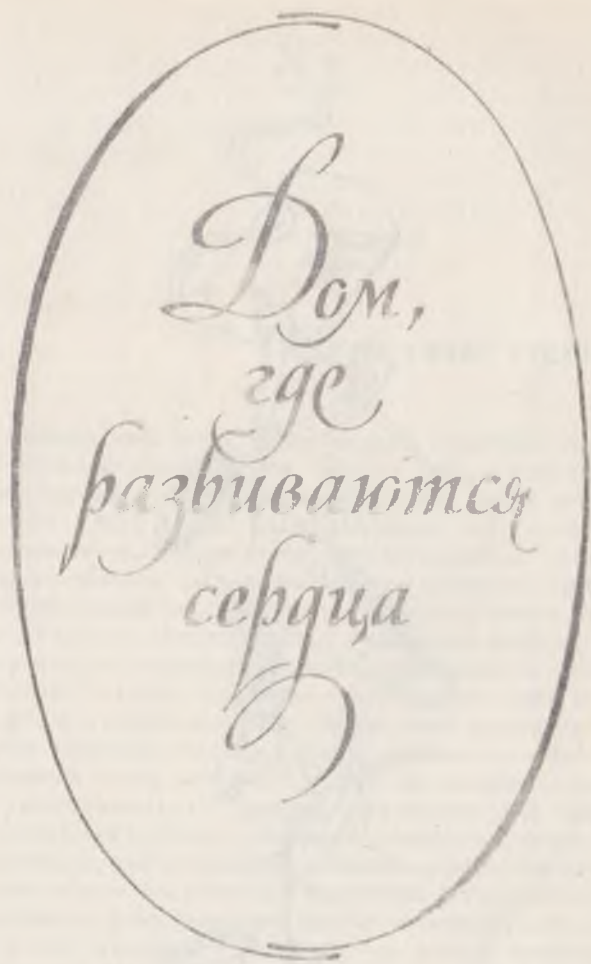
Хиггинс. До свидания, мама. *(Хочет поцеловать ее, но вдруг спохватывается.)* Да, кстати, Элиза, на обратном пути закажите копченый окорок и головку стилтоновского сыру. Потом зайдите к Илу и Бинмэну и купите мне пару замшевых перчаток восьмой номер и галстук к моему новому костюму. Цвет выберите по своему вкусу. *(Его веселый, беспечный тон показывает ясно, что он неисправим.)*

Элиза *(презрительно)*. Можете купить сами. *(Выплывает из комнаты.)*

Миссис Хиггинс. Боюсь, что вы избаловали девушку, Генри. Но ты не огорчайся, милый, я куплю тебе галстук и перчатки.

Хиггинс *(сияя)*. Нет, нет, не беспокойся. Она все купит, как я сказал. До свидания.

Целуется с матерью. Миссис Хиггинс быстро выходит. Хиггинс, оставшись один, звенит мелочью в кармане, посмеиваясь с лукавым видом; совершенно очевидно, что он вполне доволен собой.

Фантазия в русском стиле
на английские темы

1913—1917

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Ясный сентябрьский вечер. Живописный гористый пейзаж северного Суссекса открывается из окон дома, построенного наподобие старинного корабля с высокой кормой, вокруг которой идет галерея. Окна в виде иллюминаторов идут вдоль всей стены настолько часто, насколько это позволяет ее устойчивость. Ряд шкафчиков под окнами образует ничем не обшитый выступ, прерывающийся примерно на полдороге, между ахтерштевнем и бортами, двустворчатой стеклянной дверью. Вторая дверь несколько нарушает иллюзию, она приходится как бы на левом борту корабля, но ведет не в открытое море, как ей подобало бы, а в переднюю дома. Между этой дверью и галереей стоят книжные полки. У двери, ведущей в переднюю, и у стеклянной двери, которая выходит на галерею, — электрические выключатели. У стены, изображающей правый борт, — столярный верстак, в тисках его закреплена доска. Пол усеян стружками, ими же доверху наполнена корзина для бумаги. На верстаке лежат два рубанка и коловорот. В этой же стене, между верстаком и окнами, узкий проход с низенькой дверцей, за которой видна кладовая с полками; на полках бутылки и кухонная посуда. На правом борту, ближе к середине, дубовый чертежный стол с доской, на которой лежат рейшина, линейки, угольники, вычислительные приборы; тут же блюдечко с аквафелью, стакан с водой, мутной от красок, тушь, карандаш и кисти. Доска положена так, что окно приходится с левой стороны от стула чертежника. На полу, справа от стола, корабельное кожаное ведро. На левом борту, рядом с книжными полками, спинкой к окнам, стоит диван; это довольно массивное сооружение из красного дерева престранно покрыто вместе с изголовьем брезентом, на спинке дивана висят два одеяла.

Между диваном и чертежным столом, спиной к свету,— большое плетеное кресло с широкими ручками и низкой покатою спинкой; у левой стены, между дверью и книжной полкой,— небольшой, но добротный столик тикового дерева, круглый, с изогнутыми ножками. Это единственный предмет убранства в комнате, который — впрочем, отнюдь не убедительно — позволяет допустить, что здесь участвовала и женская рука. Голый, из узких досок, ничем не покрытый пол проконопачен и начищен пемзой, как палуба.

Сад, куда ведет стеклянная дверь, спускается на южную сторону, а за ним уже виднеются склоны холмов. В глубине сада возвышается купол обсерватории. Между обсерваторией и домом — маленькая эспланада, на ней флажок; на восточной стороне эспланады висит гамак, на западной стоит длинная садовая скамья.

Молодая девушка, в шляпе, перчатках и дорожном плаще, сидит на подоконнике, повернувшись всем телом, чтобы видеть растилающийся за окном пейзаж. Она сидит, опершись подбородком на руку, свесив небрежно другую руку, в которой она держит томик Шекспира, заложив палец на той странице, где она читала. Часы бьют шесть.

Молодая девушка поворачивается и смотрит на свои часы. Она встает с видом человека, который давно ждет и уже выведен из терпенья. Это хорошенькая девушка, стройная, белокурая, у нее вдумчивое личико, она одета очень мило, но скромно, — по всей видимости, это не праздная модница. Со вздохом усталой покорности она подходит к стулу у чертежного стола, садится, начинает читать Шекспира. Постепенно книга опускается на колени, глаза девушки закрываются, и она засыпает.

Пожилая служанка входит из передней с тремя неоткупоренными бутылками рома на подносе. Она проходит через комнату в кладовую, не замечая молодой девушки, и ставит на полку бутылки с ромом, а с полки снимает и ставит на поднос пустые бутылки. Когда она идет обратно, книга падает с колен гостьи, девушка просыпается, а служанка от неожиданности так вздрагивает, что чуть не роняет поднос.

Служанка. Господи помилуй!

Молодая девушка поднимает книгу и кладет на стол.

Простите, что я разбудила вас, мисс. Только я что-то вас не знаю. Вы кого же здесь ждете?

Девушка. Я жду кого-нибудь, кто бы дал мне понять, что в этом доме знают о том, что меня сюда пригласили.

Служанка. Как, вы приглашены? И никого нет? Ах ты господи!

Девушка. Какой-то сердитый старик подошел и посмотрел в окно. И я слышала, как он крикнул: «Няня, тут у нас на корме молоденькая хорошенькая женщина, подите-ка узнайте, что ей нужно». Это вы няня?

Служанка. Да, мисс. Я няня Гинесс. А это значит, был старый капитан Шотовер, отец миссис Хэшебай. Я слышала, как он кричал, но я подумала, что он насчет чего-нибудь другого. Верно, это миссис Хэшебай вас и пригласила, деточка моя?

Девушка. По крайней мере я так поняла. Но, пожалуй, мне, право, лучше уйти.

Няня. Нет, что вы, бросьте и думать, мисс. Если даже миссис Хэшебай и забыла, так это будет для нее приятный сюрприз.

Девушка. Признаться, для меня это был довольно неприятный сюрприз, когда я увидела, что меня здесь не ждут.

Няня. Вы к этому привыкнете, мисс. Наш дом полон всяческих сюрпризов для того, кто не знает наших порядков.

Капитан Шотовер (*неожиданно заглядывает из передней; это еще вполне крепкий старик с громадной белой бородой; он в двубортной куртке, на шее висит свисток*). Няня, там прямо на лестнице валяются портплед и саквояж; по-видимому, брошены нарочно для того, чтобы каждый о них спотыкался. И еще теннисная ракетка. Кой черт это там все набросал?

Девушка. Боюсь, что это мои вещи.

Капитан Шотовер (*подходит к чертежному столу*). Няня, кто эта заблудившаяся юная особа?

Няня. Они говорят, мисс Гэсси пригласила их, сэр.

Капитан Шотовер. И нет у нее, бедняжки, ни родных, ни друзей, которые могли бы ее предостеречь от приглашения моей дочери? Хорошенький у нас дом, нечего сказать! Приглашают юную привлекательную леди, вещи ее полдня валяются на лестнице, а она здесь, на корме, предоставлена самой себе — усталая, голодная, заброшенная. Это у нас называется гостеприимством! Хорошим тоном! Ни комнаты не приготовлено, ни горячей воды. Нет хозяйки, которая бы встретила. Гостье, по-видимому, придется ночевать под навесом и идти умываться на пруд.

Няня. Хорошо, хорошо, капитан. Я сейчас принесу мисс чаю, и пока она будет пить чай, комната будет готова. (*Обращается к девушке.*) Снимите, душенька, шляпку. Будьте как дома. (*Идет к двери в переднюю.*)

Капитан Шотовер (*когда няня проходит мимо него*). Душенька! Ты воображаешь, женщина, что если эта юная особа

оскорблена и оставлена на произвол судьбы, ты имеешь право обращаться с ней так, как ты обращаешься с моими несчастными детьми, которых ты вырастила в полнейшем пренебрежении к приличиям?

Няня. Не обращайтесь на него внимания, деточка. *(С невозмутимым спокойствием проходит в переднюю и направляется в кухню.)*

Капитан Шотовер. Окажите мне честь, сударыня, сообщите, как вас зовут? *(Усаживается в большое плетеное кресло.)*

Девушка. Меня зовут Элли Дэн.

Капитан Шотовер. Дэн... Был у меня как-то давно боцман, который носил фамилию Дэн. Он, в сущности, был китайским пиратом, потом открыл лавочку, торговал всякой корабельной мелочью; и у меня имеется полное основание полагать, что все это он украл у меня. Можно не сомневаться, что он разбогател. Так вы—его дочь?

Элли *(возмущенная)*. Нет. Конечно, нет! Я с гордостью могу сказать о своем отце, что хотя он и не преуспел в жизни, зато ни одна душа не может сказать про него ничего дурного. Я считаю, что мой отец—лучший из людей.

Капитан Шотовер. Должно быть, он очень переменялся. Не достиг ли он седьмой степени самосозерцания?

Элли. Я вас не понимаю.

Капитан Шотовер. Но как это ему удалось, если у него есть дочь? У меня, видите ли, сударыня, две дочери. Одна из них Гесиона Хэшебай, которая вас сюда пригласила. Я вот стараюсь поддерживать порядок в этом доме, а она его переворачивает вверх дном. Я стремлюсь достигнуть седьмой степени самосозерцания, а она приглашает гостей и предоставляет мне занимать их.

Няня возвращается с чайным подносом и ставит его на тиковый столик.

Есть у меня еще дочь, которая, слава богу, находится в весьма отдаленной части нашей империи со своим чурбаном-мужем. Когда она была маленькой, она считала резную фигуру на носу моего корабля, который назывался «Неустрашимый», самой прекрасной вещью на свете. Ну, а он несколько напоминал эту фигуру. У него было точь-в-точь такое же выражение лица; деревянное, но в то же время предприимчивое. Вышла за него замуж. И ноги ее больше не будет в этом доме.

Няня *(подвигает столик с чайным прибором к стулу)*. Вот уж, можно сказать, вы маху дали. Как раз она сию минуту в Англии. Вам уж три раза на этой неделе говорили, что она едет домой на целый год, для поправления здоровья. И вы

должны бы радоваться, что увидите свою родную дочь после стольких лет разлуки.

Капитан Шотвер. А я нисколько не радуюсь. Естественный срок привязанности человеческого животного к своему детенышу — шесть лет. Моя дочь Ариадна родилась, когда мне было сорок шесть, сейчас мне восемьдесят восемь. Если она явится сюда, меня нет дома. Если ей что-нибудь нужно, пусть берет. Если она будет спрашивать обо мне — внушить ей, что я дряхлый старик и совершенно ее не помню.

Няня. Ну что это за разговоры при молодой девушке! Нате, душечка, выпейте чайку. И не слушайте его. *(Наливает чашку чаю.)*

Капитан Шотвер *(гневно поднимаясь)*. Силы небесные! Они поят невинного ребенка индийским чаем, этим зельем, которым они дубят свои собственные кишки. *(Хватает чашку и чайник и выливает все в кожаное ведро.)*

Элли *(чуть не плача)*. Ах, прошу вас, я так устала. И мне так хотелось пить.

Няня. Ну что же это вы делаете! Глядите, ведь бедняжка едва на ногах держится.

Капитан Шотвер. Я вам дам моего чаю. И не прикасайтесь к этому обсиженному мухами сухарю. Этим только собак кормить. *(Исчезает в кладовой.)*

Няня. Ну что за человек! Недаром говорят, будто б он, перед тем как его произвели в капитаны, продал душу черту там, на Занзибаре. И чем он старше становится, тем я все больше этому верю.

Женский голос *(из передней)*. Есть кто-нибудь дома? Гесиона! Няня! Папа! Да пойдите же вы кто-нибудь сюда. Возьмите мои вещи.

Слышен глухой стук, словно кто-то бьет зонтиком по деревянной панели.

Няня. Господи ты боже мой! Это мисс Эдди. Леди Эттеруорд, сестра миссис Хэшебай. Та самая, о которой я капитану говорила. *(Откликается.)* Иду, мисс, иду!

Она ставит столик обратно на место около двери и поспешно идет к выходу, но сталкивается с леди Эттеруорд, которая врывается в комнату в страшном волнении. Леди Эттеруорд — очень красивая, прекрасно одетая блондинка. У нее такие стремительные манеры и она так быстро говорит, что с первого взгляда производит ошибочное впечатление смешной и глуповатой.

Леди Эттеруорд. Ах, это ты, няня. Как поживаешь? Ты ни чуточки не постарела. Что, никого нет дома? А где

Гесиона? Разве она меня не ждет? Где прислуга? А чей это багаж там на лестнице? Где папа? Может быть, все спать легли? (*Замечает Элли.*) Ах, простите, пожалуйста. Вы, верно, одна из моих племянниц. (*Подходит к ней с раскрытыми объятиями.*) Поцелуйте свою тетю, душечка.

Элли. Я здесь только гостя. Это мои вещи на лестнице.

Няня. Я сейчас пойду принесу вам, душенька, свежего чайку. (*Берет поднос.*)

Элли. Но ведь старый джентльмен сказал, что он сам приготовит чай.

Няня. Да бог с вами! Он уже и позабыл, за чем пошел. У него все в голове мешается да с одного на другое перескакивает.

Леди Эттеруорд. Это о папе?

Няня. Да, мисс.

Леди Эттеруорд (*сердито*). Не будь дурой, нянька, не смей называть меня мисс.

Няня (*спокойно*). Хорошо, милочка. (*Уходит с подносом.*)

Леди Эттеруорд (*стремительно и шумно опускается на диван*).

Представляю себе, что вы должны испытывать. Ах, этот дом, этот дом! Я возвращаюсь сюда через двадцать три года. И он все такой же: вещи валяются на лестнице; невыносимо распушенная прислуга; никого дома; гостей принять некому; для еды нет никаких установленных часов; и никто никогда и есть не хочет, потому что вечно все жуют хлеб с маслом или грызут яблоки. Но самое ужасное — это тот же хаос и в мыслях, и в чувствах, и в разговорах. Когда я была маленькая, я, по привычке, не замечала этого — просто потому, что я ничего другого и не видела, — но я чувствовала себя несчастной. Ах, мне уже и тогда хотелось, мне так хотелось быть настоящей леди, жить как все другие, чтобы не приходилось обо всем думать самой. В девятнадцать лет я вышла замуж, лишь бы вырваться отсюда. Мой муж, сэр Гастингс Эттеруорд, был губернатором всех колоний британской короны по очереди. Я всегда была хозяйкой правительственной резиденции. И я была счастлива. Я просто забыла, что люди могут жить вот так. Но мне захотелось повидать отца, сестру, племянников и племянниц — ведь это же так приятно, вы сами понимаете. Я просто мечтала об этом. И вот в каком состоянии я нахожу родительский дом! Как меня принимают! Невозмутимая наглость этой Гинесс, нашей старой няньки. И право же, Гесиона могла бы хоть дома-то быть; могли бы они хоть что-нибудь для меня приготовить. Вы уж простите меня, что я так разоткровенничалась, но я, в самом деле, ужасно расстроена, обижена и разочарована. Если бы я только знала, что так будет, я бы не поехала

сюда. У меня большое искушение — повернуться и уехать, не сказав им ни слова. *(Чуть не плачет.)*

Элли *(тоже очень огорченная)*. Меня тоже никто не встретил. Мне тоже кажется, что лучше уехать. Но как это сделать, леди Эттеруорд! Вещи мои на лестнице, дилижанс уже уехал.

Из кладовой появляется капитан Шотовер, у него в руках лакированный китайский поднос с очень красивым чайным прибором. Он ставит его сначала на край стола, стаскивает чертежную доску на пол и прислоняет ее к ножке стола, а затем подвигает поднос на середину. Элли с жадностью наливает чай.

Капитан Шотовер. Вот вам чай, юная леди! Как? Еще одна дама? Надо еще чашку принести. *(Поворачивается к двери).*

Леди Эттеруорд *(поднимается с дивана, задыхаясь от волнения)*. Папа, что же ты, не узнаешь меня? Я твоя дочь.

Капитан Шотовер. Глупости. Моя дочь спит наверху. *(Исчезает в дверях.)*

Леди Эттеруорд отходит к окну, чтобы не видно было, что она плачет.

Элли *(подходит к ней с чашкой в руках)*. Не огорчайтесь так. Вот выпейте чашку чая. Он очень старый и ужасно странный. Вот так же он и меня встретил. Я понимаю, что это ужасно. Мой отец для меня все на свете. Я уверена, он это не нарочно.

Капитан Шотовер возвращается с чашкой.

Капитан Шотовер. Ну, вот, теперь на всех хватит. *(Ставит чашку на поднос.)*

Леди Эттеруорд *(истерическим голосом)*. Папа, но ты же не мог забыть меня. Я Ариадна. Маленькая Пэдди Пэткинс. Что же ты даже не поцелуешь меня? *(Бросается к нему на шею.)*

Капитан Шотовер *(стоически перенося ее объятия)*. Как это может статься, чтобы вы были Ариадной? Вы, сударыня, женщина в годах. Прекрасно сохранившаяся женщина, но уже немолодая.

Леди Эттеруорд. Да ты вспомни, сколько лет ты меня не видал, папа. Ведь я же должна была стать старше, как и все люди на свете.

Капитан Шотовер *(освобождаясь из объятий)*. Да, пора бы уж вам почувствовать себя постарше и перестать бросаться на шею к незнакомым мужчинам. Может быть, они стремятся достигнуть седьмой степени самосозерцания.

Леди Эттеруорд. Но я твоя дочь! Ты не видал меня столько лет!

Капитан Шотовер. Тем более. Когда наши родственники дома, нам приходится постоянно помнить об их хороших качествах — иначе их невозможно было бы выносить. Но когда их нет с нами, мы утешаем себя в разлуке тем, что вспоминаем их пороки. Вот так-то я и привык считать мою отсутствующую дочь Ариадну сушим дьяволом. Так что не пытайтесь снискать наше расположение, выдавая себя за нее. *(Решительным шагом уходит на другой конец комнаты.)*

Леди Эттеруорд. Снискать расположение... Нет, это уж в самом деле... *(С достоинством.)* Прекрасно! *(Садится к чертежному столу и наливает себе чашку чая.)*

Капитан Шотовер. Я, кажется, плохо выполняю свои хозяйские обязанности. Вы помните Дэна? Вилли Дэна?

Леди Эттеруорд. Этого гнусного матроса, который ограбил тебя?

Капитан Шотовер *(представляя ей Элли)*. Его дочь. *(Садится на диван.)*

Элли *(протестуя)*. Да нет же!

Входит няня со свежим чаем.

Капитан Шотовер. Унесите вон это свиное пойло. Слышите?

Няня. А ведь действительно приготовил чай. *(Элли.)* Скажите, мисс, как это он про вас не забыл? Видно, вы произвели на него впечатление.

Капитан Шотовер *(мрачно)*. Юность! Красота! Новизна! Вот чего недостает в этом доме. Я глубокий старик. Гесиона весьма относительно молода. А дети ее не похожи на детей.

Леди Эттеруорд. Как дети могут быть детьми в этом доме? Прежде чем мы научились говорить, нас уже пичкали всякими идеями, которые, может быть, очень хороши для языческих философов лет под пятьдесят, но отнюдь не подобают благопристойным людям в каком бы то ни было возрасте.

Няня. Помню, вы и раньше всегда говорили о благопристойности, мисс Эдди.

Леди Эттеруорд. Няня, потрудитесь запомнить, что я леди Эттеруорд, а не мисс Эдди, и никакая не деточка, не цыпочка, не крошечка.

Няня. Хорошо, душенька. Я скажу всем, чтобы они называли вас — миледи. *(С невозмутимым спокойствием берет поднос и уходит.)*

Леди Эттеруорд. И это называется удобство! Какой смысл держать в доме такую неотесанную прислугу?

Элли (*поднимается, подходит к столу и ставит пустую чашку*).

Леди Эттеруорд, как вам кажется, миссис Хэшебай на самом деле ждет меня или нет?

Леди Эттеруорд. Ах, не спрашивайте. Вы ведь сами видите, я только что приехала — единственная сестра, после двадцати трех лет разлуки, — и по всему видно, что меня здесь не ждали.

Капитан Шотовер. А какое это имеет значение, ждали эту юную леди или не ждали? Ей здесь рады. Есть кровать, есть еда. И я сам приготовлю ей комнату. (*Направляется к двери.*)

Элли (*идет за ним, пытается остановить его*). Ах, пожалуйста, прошу вас...

Капитан уходит.

Леди Эттеруорд, я просто не знаю, что мне делать. Ваш отец, по-видимому, твердо убежден, что мой отец — это тот самый матрос, который его ограбил.

Леди Эттеруорд. Лучше всего сделать вид, что вы этого не замечаете. Мой отец очень умный человек, но он вечно все забывает. А теперь, когда он такой старик, разумеется, это еще усилилось. И надо вам сказать, иной раз очень трудно бывает поверить всерьез, что он действительно забыл.

Миссис Хэшебай порывисто вбегает в комнату и обнимает Элли. Она на год, на два старше леди Эттеруорд и, пожалуй, даже еще красивей. У нее прекрасные черные волосы, глаза как колдовские озера и благородная линия шеи, короткая сзади и удлиняющаяся меж ключицами. Она, в отличие от сестры, в роскошном халате из черного бархата, который оттеняет ее белую кожу и скульптурные формы.

Миссис Хэшебай. Элли! Душечка моя, детка! (*Целует ее.*) Давно ли вы здесь? Я все время дома. Я ставила цветы и убирала вашу комнату. И только на минуточку присела, чтобы посмотреть, удобно ли я вам поставила кресло, как сразу и задремала. Папа разбудил меня и сказал, что вы здесь. Представляю себе, что вы почувствовали, когда вас никто не встретил и вы очутились здесь совсем одна и думали, что про вас забыли. (*Снова целует ее.*) Бедняжка! (*Сажает Элли на диван.*)

В это время Ариадна отходит от стола и направляется к ним, желая обратить на себя внимание.

Ах, вы приехали не одна? Познакомьте меня.

Леди Эттеруорд. Гесиона, может ли это быть, что ты не узнаешь меня?

Миссис Хэшебай *(со светской учтивостью)*. Разумеется, я прекрасно помню ваше лицо. Но где мы с вами встречались?

Леди Эттеруорд. Да разве папа не сказал тебе, что я здесь? Нет, это уж чересчур. *(В негодовании бросается в кресло.)*

Миссис Хэшебай. Папа?

Леди Эттеруорд. Да, папа. Наш папа! Негодная ты, бесчужденная кукла! *(Возмущенная, поднимается.)* Сию минуту уезжаю в гостиницу.

Миссис Хэшебай *(хватает ее за плечи)*. Господи, боже мой! Силы небесные! Неужели это Эдди?

Леди Эттеруорд. Ну, конечно, я, Эдди. И не настолько уж я изменилась, что ты не узнала бы меня, если бы хоть немножко любила. А папа, по-видимому, даже не считал нужным и упомянуть обо мне.

Миссис Хэшебай. Вот история! Садись. *(Толкает ее обратно в кресло, вместо того чтобы обнять, и становится позади.)* Но у тебя прекрасный вид! Ты стала гораздо красивее, чем была. Ты, конечно, познакомилась с Элли? Она собирается выйти замуж за настоящего борова, миллионера. Жертвует собой, чтобы спасти отца, который беден, как церковная мышь. Ты должна мне помочь уговорить ее, чтобы она этого не делала.

Элли. Ах, пожалуйста, не надо, Гесиона.

Миссис Хэшебай. Душенька, этот субъект сегодня приедет сюда с вашим отцом и будет приставать к вам. И не пройдет и десяти минут, как всем все станет ясно. Так зачем же делать из этого тайну?

Элли. Он совсем не боров, Гесиона. Вы не знаете, как он был добр к моему отцу и как я ему благодарна.

Миссис Хэшебай *(обращается к леди Эттеруорд)*. Ее отец замечательный человек, Эдди. Его зовут Мадзини Дэн. Мадзини был знаменитостью, и это был близкий знакомый Эллиных бабушки и дедушки. А они были поэты — ну, как Броунинги... И когда Эллин отец появился на свет, Мадзини сказал: «Вот еще один солдат свободы». Так они его и называли Мадзини. И он тоже по-своему борется за свободу, поэтому-то он так и беден.

Элли. Я горжусь тем, что он беден.

Миссис Хэшебай. Ну конечно, душечка. Но почему же не оставить его в этой бедности и не выйти за того, кого вы любите?

Леди Эттеруорд *(внезапно вскакивает, не владея собой)*. Гесиона, ты меня поцелуешь или нет?

Миссис Хэшебай. А зачем это тебе нужно, чтобы тебя целовали?

Леди Эттеруорд. Мне не нужно, чтобы меня целовали, но мне нужно, чтобы ты вела себя прилично и как подобает. Мы сестры, мы не виделись двадцать три года. Ты должна меня поцеловать.

Миссис Хэшебай. Завтра утром, дорогая моя. Прежде, чем ты намажешься. Терпеть не могу, когда пахнет пудрой.

Леди Эттеруорд. Бесчувственная...

Ее прерывает вернувшийся капитан.

Капитан Шотовер (обращаясь к Элли). Комната вам готова.

Элли встает.

Простыни были совершенно сырые, но я переменял. *(Идет на левый борт, к двери в сад.)*

Леди Эттеруорд. Хм... А как мои простыни?

Капитан Шотовер *(останавливаясь в двери)*. Могу вам дать совет — проветрите их или просто снимите и спите завернувшись в одеяло. Вы будете спать в прежней комнате Ариадны.

Леди Эттеруорд. Ничего подобного. В этой жалкой каморке? Я имею право рассчитывать на лучшую комнату для гостей.

Капитан Шотовер *(невозмутимо продолжает)*. Она вышла замуж за чурбана. Она говорила, что готова выйти за кого угодно, лишь бы вырваться из дома.

Леди Эттеруорд. Ты, по-видимому, просто притворялся, что не узнаешь меня. Я ухожу отсюда.

Из передней входит Мадзини Дэн. Это маленький пожилой человек, глаза навывкате, взгляд доверчивый, степенные манеры. Он в синем саржевом костюме и в расстегнутом макинтоше. В руках мягкая черная шляпа, вроде тех, что носят священники.

Элли. Наконец-то! Капитан Шотовер, вот мой отец.

Капитан Шотовер. Этот? Чепуха! Ни капельки не похож. *(Выходит в сад, сердито хлопая дверью.)*

Леди Эттеруорд. Я не допущу, чтобы меня умышленно не замечали и делали вид, что принимают за кого-то другого.

Я пойду и сию же минуту объяснюсь с папой. *(Мадзини.)*

Простите, пожалуйста. *(Уходит за капитаном, небрежно на ходу кивая Мадзини, который на ее кивок отвечает поклоном.)*

Миссис Хэшебай *(радушно пожимая руку Мадзини)*. Как это мило с вашей стороны, что вы приехали, мистер Дэн. Вы не обижаетесь на папу, не правда ли? Он у нас совсем сумасшедший, но абсолютно безобидный. И при этом необыкновенно умный. Вы еще побеседуете с ним, и с большим удовольствием.

Мадзини. Я надеюсь. (Элли.) А вот и ты, Элли, милочка. (С нежностью берет ее под руку.) Я вам очень признателен, миссис Хэшебай, за то, что вы так добры к моей дочери. Боюсь, что у нее не вышло бы никакого праздника, если бы не ваше приглашение.

Миссис Хэшебай. Да нет, что вы. Это так мило с ее стороны, что она к нам приехала, она будет привлекать сюда молодых людей.

Мадзини (улыбаясь). Боюсь, что Элли мало интересуется молодыми людьми, миссис Хэшебай. В ее вкусе скорее положительные, серьезные люди.

Миссис Хэшебай (с внезапной резкостью). Может быть, вы снимете пальто, мистер Дэн? Там, в углу в передней — шкаф для пальто, шляп и всего прочего.

Мадзини (поспешно выпуская руку Элли). Да, благодарю вас. Мне, конечно, надо было... (Уходит.)

Миссис Хэшебай (выразительно). Старая скотина!

Элли. Кто?

Миссис Хэшебай. Кто! Да он — вот этот, он самый. (Показывает пальцем вслед Мадзини.) «Положительные, серьезные»... скажите!

Элли (пораженная). Неужели это может быть, чтобы вы сказали так о моем отце!

Миссис Хэшебай. Сказала. И вы это отлично знаете.

Элли (с достоинством). Я немедленно уйду из вашего дома. (Поворачивается к двери.)

Миссис Хэшебай. Если вы только посмеете, я сейчас же доложу вашему отцу, почему вы это сделали.

Элли (оборачиваясь). Но как вы можете так обращаться с вашим гостем, миссис Хэшебай?

Миссис Хэшебай. Мне казалось, что вы зовете меня Гесиона.

Элли. Теперь — конечно, нет.

Миссис Хэшебай. Отлично. Я все расскажу вашему отцу.

Элли (в страшном огорчении). Ах!

Миссис Хэшебай. Если вы только двинете пальцем, если только хоть на минуту станете на его сторону, против меня и против вашего собственного сердца... я поговорю с этим прирожденным солдатом свободы так, что он потом целую неделю будет стоять на голове, этот старый эгоист.

Элли. Гесиона! Мой отец эгоист? Как мало вы знаете...

Ее прерывает Мадзини, который врывается; запыхавшийся и взволнованный.

Мадзини. Элли! Менген приехал. Я думал, может быть, лучше тебя предупредить. Простите меня миссис Хэшебай, этот престранный старый джентльмен...

Миссис Хэшебай. Папа? Вполне согласна с вами.

Мадзини. Ах, простите... Ну да, разумеется. Меня несколько смутило его обращение. Он заставил Менгена что-то там делать в саду. И требует, чтобы и я тоже...

Раздается громкий свисток.

Голос капитана. Боцман, наверх!

Снова громкий свисток.

Мадзини *(растерянно)*. О господи, мне кажется, это он меня зовет... *(Поспешно выбегает.)*

Миссис Хэшебай. Вот мой отец — это действительно замечательный человек!

Элли. Гесиона, выслушайте меня. Вы просто не понимаете. Мой отец и мистер Менген были еще детьми, и мистер Мен...

Миссис Хэшебай. Мне совершенно все равно, чем они были. Только давайте лучше сядем, если вы собираетесь начать так издали. *(Обнимает Элли за талию и усаживает на диван рядом с собой.)* Ну, душенька, рассказывайте мне все про этого мистера Менгена. Его все зовут Босс Менген, хозяин Менген, правда? Настоящий Наполеон промышленности и отвратительно богат. Верно я говорю? А почему же отец ваш не богат?

Элли. Да папе вовсе и не следовало бы заниматься коммерческими делами. Его отец и мать были поэты. Они внушали ему самые возвышенные идеи. Только у них не хватало средств, чтобы дать ему законченное образование.

Миссис Хэшебай. Воображаю себе ваших дедушку и бабушку, как они во вдохновенном экстазе закатывают глаза... Итак, значит, вашему бедному отцу пришлось заняться коммерцией. И он не преуспел в этом?

Элли. Он всегда говорил, что он добился бы успеха, если бы у него был капитал. А ему всю жизнь приходилось сводить концы с концами, только чтобы не оставить нас без крова и дать нам хорошее воспитание. И вся его жизнь — это была сплошная борьба. Вечно одно и то же препятствие — нет денег. Я просто не знаю, как вам это рассказать.

Миссис Хэшебай. Бедняжка Элли! Я понимаю. Вечно изворачиваться...

Элли *(уязвленная)*. Нет, нет, совсем не так. Он во всяком случае никогда не терял достоинства.

Миссис Хэшебай. А это еще трудней. Я бы не могла изворачиваться и при этом сохранять достоинство. Я бы изворачивалась не щадя себя *(сжав зубы)*, не щадя. Ну хорошо, а дальше?

Элли. Наконец, все-таки пришло время, когда нам стало казаться, что все наши несчастья кончились: мистер

Менген из чистой дружбы и из уважения к моему отцу совершил необыкновенно благородный поступок — он спросил папу, сколько ему нужно денег, и дал ему эти деньги. И знаете, он не то чтобы дал их ему в займы или, как говорится, вложил в сто дело, — нет, он просто подарил их ему! Разве это не замечательно с его стороны?

Миссис Хэшебай. При условии, что вы будете его женой?

Элли. Ах, да нет, нет, нет! Я еще тогда была совсем маленькая. Он даже меня и в глаза не видал. Он тогда еще не бывал у нас в доме. Он сделал это совершенно бескорыстно. Из чистого великодушия.

Миссис Хэшебай. О, в таком случае прошу прощения у этого джентльмена. Так. Ну и что же случилось с этими деньгами?

Элли. Мы все оделись с ног до головы и переехали в другой дом.

Меня отдали в другую школу, и я училась там два года.

Миссис Хэшебай. Только два года?

Элли. Да. Вот и все. Потому что через два года оказалось, что мой отец совершенно разорен.

Миссис Хэшебай. Как же это так?

Элли. Не знаю. Никогда не могла понять. Только это было ужасно. Пока мы были бедны, у отца не было долгов, но как только он стал ворочать большими делами, ему пришлось брать на себя всякие обязательства. И вот, когда все предприятие ликвидировалось, то вышло как-то так, что долгов у него оказалось больше, чем то, что ему дал мистер Менген.

Миссис Хэшебай. По-видимому, цапнул больше, чем мог проглотить.

Элли. Мне кажется, вы относитесь к этому как-то ужасно бесчувственно.

Миссис Хэшебай. Детка моя, вы не обращайте внимания на мою манеру разговаривать. Я была когда-то такая же чувствительная и недотрога, вот как вы. Но я нахваталась ужасного жаргона от моих детей и совершенно разучилась разговаривать прилично. Очевидно, у вашего отца не было способностей к подобного рода вещам, и он просто запутался.

Элли. Ах, вот тут-то и видно, что вы его совершенно не понимаете. Дело это потом необыкновенно расцвело. Оно дает теперь сорок четыре процента дохода, за вычетом налога на сверхприбыль.

Миссис Хэшебай. Так вы должны бы купаться в золоте, почему же этого нет?

Элли. Не знаю. Мне все это кажется ужасной несправедливостью. Видите ли, папа обанкротился. Он чуть не умер от

горя, потому что он уговорил некоторых своих друзей вложить деньги в это дело. Он был уверен, что дело пойдет успешно, и, как потом оказалось, он был прав,— но все они потеряли свои вклады. Это было ужасно. И я не знаю, что бы мы стали делать, если бы не мистер Менген.

Миссис Хэшебай. Что? Босс опять пришел на выручку? И это после того, как все его денежки полетели на ветер?

Элли. Да. Он нас выручил. И даже ни разу не упрекнул отца. Он купил все, что осталось от этого дела,— помещение, оборудование, ну и все прочее,— через коронного стряпчего за такую сумму, что отец мог заплатить по шесть шиллингов восемь пенсов за фунт и выйти из предприятия. Все очень жалели папу, и так как все были убеждены, что он абсолютно честный человек, никто не возражал против того, чтобы получить шесть шиллингов восемь пенсов вместо десяти шиллингов за фунт. А потом мистер Менген организовал компанию, которая взяла это дело в свои руки, а отца моего сделал управляющим... чтобы мы не умерли с голоду... потому что тогда ведь я еще ничего не зарабатывала.

Миссис Хэшебай. Боже, да это настоящий роман с приключениями! Ну, а когда же Босс воспылал нежными чувствами?

Элли. О, это уже спустя несколько лет. Совсем недавно. Он как-то случайно взял билет на один благотворительный концерт. Я там пела. Ну просто, знаете, в качестве любительницы, мне платили полгиней за три номера и еще за три выхода на бис. И ему так понравилось, как я пела, что он попросил разрешения проводить меня до дому. Вы просто представить не можете, до чего он удивился, когда я привела его к нам домой и представила его моему отцу, его же собственному управляющему. И вот тут-то отец и рассказал мне о его благородном поступке. Ну, разумеется, все считали, что для меня это необыкновенно счастливый случай... ведь он такой богатый. Ну, и вот, мы пришли к чему-то вроде соглашения. Мне кажется... я должна считать это почти... помолвкой. *(Она страшно расстроена и не может больше говорить.)*

Миссис Хэшебай *(вскакивает и начинает ходить взад и вперед)*. Помолвка, вы говорите? Ну, моя деточка, эта помолвка живо обратится в размолвку, если я только возьмусь за это как следует.

Элли *(безнадежно)*. Нет, вы напрасно так говорите. Меня вынуждает к этому честь и чувство благодарности. Я уж решилась.

Миссис Хэшебай *(останавливается у дивана и, перегнувшись*

через спинку, отчитывает Элли). Вы, конечно, сами прекрасно понимаете, что это совсем не честно и не благородно — выйти замуж за человека, не любя его. Вы любите этого Менгена?

Элли. Д-да. Во всяком случае...

Миссис Хэшебай. Меня совершенно не интересуют эти ваши «всякие случаи», я хочу, чтобы вы мне выложили все начистоту. Девушки в вашем возрасте способны влюбиться в самых невообразимых идиотов, особенно стариков.

Элли. Я очень хорошо отношусь к мистеру Менгену. И я всегда...

Миссис Хэшебай (*нетерпеливо заканчивая ее фразу, стремительно переходит на правый борт*). «... буду благодарна ему за его доброту к моему дорогому папе». Это я уж все слышала. А еще кто есть?

Элли. То есть... что вы хотите сказать?!

Миссис Хэшебай. Есть кто-нибудь еще? Вы в кого-нибудь влюблены по-настоящему?

Элли. Конечно, нет — ни в кого.

Миссис Хэшебай. Гм... (*Ей попадает на глаза книга, лежащая на чертежном столе, она берет ее в руки, и заглавие книги, по-видимому, ее поражает: она смотрит на Элли и вкрадчиво спрашивает.*) А вы не влюблены в какого-нибудь актера?

Элли. Нет, нет! Почему... почему вам это пришло в голову?

Миссис Хэшебай. Ведь это ваша книга? Что это вам вдруг вздумалось читать «Отелло»?

Элли. Отец научил меня любить Шекспира.

Миссис Хэшебай (*швыряя книгу на стол*). Действительно! Ваш отец, по-видимому, правда не в себе!

Элли (*наивно*). А вы разве никогда не читаете Шекспира, Гесиона? Мне просто это кажется удивительным. Мне так нравится Отелло.

Миссис Хэшебай. Отелло нравится? Потому что он ревнивец?

Элли. Ах, нет, не это. Все, что там насчет ревности, — просто ужасно. Но вы не находите, что это было просто непостижимое счастье для Дездемоны, которая мирно росла дома, вдруг встретиться с таким человеком... Ведь он скитался по всему свету, жил в таком кипучем мире, совершал всякие чудеса храбрости, столько испытал всяких ужасов — и вот все же что-то нашел в ней, что притягивало его, и он мог часами сидеть и рассказывать ей обо всем этом.

Миссис Хэшебай. Ах, вот вам какие романы по вкусу?

Элли. Почему же непременно роман? Это могло и на самом деле случиться. (*По глазам Элли видно, что она не спорит, а мечтает.*)

Миссис Хэшебай внимательно глядявается в нее, потом не спеша подходит к дивану и усаживается с ней рядом.

Миссис Хэшебай. Элли, милочка! А вы не обратили внимания, что все эти истории, которые он Дездемоне рассказывает, ведь на самом деле их не могло быть?

Элли. Ах, нет. Шекспир думал, что все это могло случиться.

Миссис Хэшебай. Гм... Вернее, Дездемона думала, что все это так и было. Но этого не было.

Элли. Почему вы говорите об этом с таким загадочным видом? Вы прямо сфинкс какой-то. Никогда не могу понять, что вы, в сущности, хотите сказать?

Миссис Хэшебай. Если бы Дездемона осталась в живых, она бы вывела его на чистую воду. Иногда мне, знаете, приходит в голову, не потому ли он и задушил ее?

Элли. Отелло не мог лгать.

Миссис Хэшебай. Откуда вам это известно?

Элли. Шекспир так и сказал бы, что Отелло лгал. Гесиона, ведь есть же на свете мужчины, которые действительно делают замечательные вещи. Мужчины, похожие на Отелло; только, конечно, они белые, очень красивые и...

Миссис Хэшебай. Ага! Наконец-то мы пришли к сути дела. Ну, теперь расскажите мне про него все. Я так и знала, что тут кто-то есть. Потому что иначе вы не чувствовали бы себя такой несчастной из-за Менгена. Вам даже улыбалось бы выйти за него замуж.

Элли *(вспыхивая)*. Гесиона, вы просто ужасны. Но я не хочу делать из этого тайны, хотя, конечно, я не стала бы об этом рассказывать направо и налево. И к тому же я с ним незнакома.

Миссис Хэшебай. Незнакомы?

Элли. Ну, конечно, немножко знакома, разговаривала с ним.

Миссис Хэшебай. Но вам хочется узнать его поближе?

Элли. Нет, нет. Я знаю его очень близко...

Миссис Хэшебай. Вы с ним незнакомы... вы знаете его очень близко... Как это все ясно и просто!

Элли. Я хочу сказать, что у нас он не бывает... я... я просто разговорилась с ним случайно, на концерте.

Миссис Хэшебай. Вы, по-видимому, очень весело проводите время на ваших концертах, Элли?

Элли. Да нет. Вообще нет. Вообще мы все разговариваем друг с другом в артистической, когда дожидаемся своей очереди. Я думала, что это кто-нибудь из артистов. У него такое замечательное лицо. Но оказалось, он просто один из членов комитета. Я, между прочим, сказала ему, что хожу копировать одну картину в Национальной галерее.

Я немножко зарабатываю этим. Я не очень хорошо рисую, но так как это всегда одна и та же картина, то я теперь могу скопировать ее очень быстро и получаю за это два или три фунта. И вот как-то раз он пришел в Национальную галерею.

Миссис Хэшебай. В студенческий день, конечно. Заплатил шесть пенсов, чтобы толкаться там среди всех этих мольбертов, хотя в другой день можно было прийти бесплатно и без всякой толкотни. Разумеется, это вышло совершенно случайно.

Элли (*торжествующе*). Нет. Он пришел нарочно. Ему нравилось разговаривать со мной. У него масса блестящих знакомых, светские женщины от него без ума,— но он сбежал от всех, чтобы прийти повидать меня в Национальной галерее. И упросил меня поехать кататься с ним в Ричмонд-парк.

Миссис Хэшебай. И вы, душечка, согласились. Просто удивительно, что только вы, добродетельные девушки, можете себе позволить, и о вас никто слова не скажет.

Элли. Но я не выезжаю в свет, Гесиона. Если бы у меня не было знакомств, которые завязываются вот так, то у меня вообще не было бы знакомых.

Миссис Хэшебай. Да нет, конечно, тут нет ничего дурного, если вы умеете постоять за себя. А можно узнать его имя?

Элли (*медленно и нараспев*). Марк Дарнли!

Миссис Хэшебай (*повторяя за ней*). Марк Дарнли. Какое замечательное имя!

Элли. Ах, я так рада, что вам нравится. Мне тоже ужасно нравится, но я все боялась, что это просто мое воображение.

Миссис Хэшебай. Ну, ну. Он что — из эбердинских Дарнли?

Элли. Никто этого не знает. Нет, вы только подумайте, его нашли в старинном ларце...

Миссис Хэшебай. Что? В чем?

Элли. В старинном ларце. В саду, среди роз, летним утром. А ночью была страшная гроза.

Миссис Хэшебай. Что ж он там делал, в этом ларце? Спрятался туда от молнии, что ли?

Элли. Ах нет, нет. Он же был тогда совсем малюткой. Имя Марк Дарнли было вышито на его детской рубашечке. И пятьсот фунтов золотом...

Миссис Хэшебай (*строго смотрит на нее*). Элли!

Элли. В саду виконта...

Миссис Хэшебай. Де Ружемона.

Элли (*невинно*). Нет. Де Лярошжаклена. Это французский род. Виконты. А его жизнь — это сплошная сказка. Тигр...

Миссис Хэшебай. Убитый его собственной рукой?

Элли. Да нет, вовсе не так банально. Он спас жизнь тигру во время охоты. Это была королевская охота, короля Эдуарда, в Индии. Король страшно рассердился. Вот потому-то его военные заслуги и не были оценены по достоинству. Но ему это все равно. Он социалист, он презирает титулы и чины. И он участвовал в трех революциях, дрался на баррикадах...

Миссис Хэшебай. Ну как это вы только можете — сидеть вот так и рассказывать мне все эти небылицы? И это вы, Элли! А я-то считала вас простодушной, прямой, хорошей девушкой.

Элли (*поднимается с достоинством, но в страшном негодовании*). Вы хотите сказать, что вы мне не верите?

Миссис Хэшебай. Ну, конечно, не верю. Сидите и выдумываете — ни одного слова правды. Да что, вы считаете меня совсем дурой?

Элли (*смотрит на нее широко раскрытыми глазами; искренность ее до того очевидна, что миссис Хэшебай озадачена*). Прощайте, Гесиона. Мне очень жаль. Я теперь вижу, что все это звучит невероятно, когда это рассказываешь. Но я не могу оставаться здесь, если вы так обо мне думаете.

Миссис Хэшебай (*хватает ее за платье*). Никуда вы не пойдете. Нет, так ошибаться просто невысказано! Я слишком хорошо знаю вралей. По-видимому, вам действительно кто-то рассказывал все это.

Элли (*вспыхивая*). Гесиона, не говорите, что вы не верите ему. Я этого не вынесу.

Миссис Хэшебай (*успокаивая ее*). Ну, конечно, я верю ему, милочка моя. Но вы должны были преподнести это мне по крайней мере не все сразу, а как-нибудь по частям. (*Снова усаживает ее рядом с собой*.) Ну, теперь рассказывайте мне о нем все. Итак, вы влюбились в него?

Элли. Ах, нет. Я не такая дурочка. Я не влюбляюсь так сразу. Я вовсе уж не такая глупенькая, как вам кажется.

Миссис Хэшебай. Понятно. Это просто, чтобы было о чем помечтать, чтобы жить было интереснее и радостнее.

Элли. Да, да. Вот и все.

Миссис Хэшебай. И тогда время бежит быстро. Вечером не томишься от скуки и не ждешь, когда можно лечь спать, не думаешь о том, что вот будешь вертеться без сна или приснится что-нибудь неприятное. А какое счастье просыпаться утром! Лучше самого чудесного сна! Вся жизнь преобразается. Уж не мечтаешь почитать какую-нибудь интересную книгу, жизнь кажется интересней всякой книги. И никаких желаний, только чтобы остаться одной и ни с кем не разговаривать. Сидеть одной и просто думать об этом.

Элли (обнимая ее). Гесиона, вы настоящая колдунья. Откуда вы все это знаете? Вы самая чуткая женщина на свете.

Миссис Хэшебай (поглаживая ее). Милочка моя, детка! Как я завидую вам! И как мне жаль вас!

Элли. Жаль? Почему?

Очень красивый человек лет пятидесяти, с усами мушкетера, в широкополой, франтовато загнутой шляпе, с изысканной тросточкой, входит из передней и останавливается как вкопанный при виде двух женщин на диване.

(Увидя его, поднимается с радостным изумлением.) О Гесиона! Это мистер Марк Дарнли.

Миссис Хэшебай (поднимаясь). Вот так штука! Это мой муж.

Элли. Но как же... *(Внезапно умолкает, бледнеет и пошатывается.)*

Миссис Хэшебай (подхватывает ее и усаживает на диван). Успокойтесь, детка.

Гектор Хэшебай *(в некотором замешательстве и в то же время с каким-то наглым спокойствием кладет шляпу и трость на стол)*. Мое настоящее имя, мисс Дэн, Гектор Хэшебай. Я предоставляю вам судить— может ли тонко чувствующий человек спокойно признаться в том, что он носит такое имя. Когда у меня есть возможность, я стараюсь обходиться без него. Я уезжал на целый месяц. И я не подозревал, что вы знакомы с моей женой и можете появиться здесь. Тем не менее я чрезвычайно рад приветствовать вас в нашем скромном домике.

Элли *(в настоящем отчаянии)*. Я не знаю, что мне делать. Пожалуйста... можно мне поговорить с папой? Оставьте меня. Я этого не вынесу.

Миссис Хэшебай. Уходи, Гектор.

Гектор. Я...

Миссис Хэшебай. Живо, живо! Убирайся вон!

Гектор. Ну, если ты думаешь, что так лучше... *(Уходит, захватив свою шляпу, трость остается на столе.)*

Миссис Хэшебай *(укладывает Элли на диван)*. Ну вот, деточка, он ушел. Здесь никого нет, кроме меня. Можете дать себе волю. Не сдерживайтесь. Поплачьте хорошенько.

Элли *(поднимая голову)*. К черту!

Миссис Хэшебай. Вот это здорово! Замечательно! Я думала, вы сейчас скажете, что у вас сердце разбилось. Вы меня не стесняйтесь. Выругайтесь еще раз.

Элли. Я не его ругаю. Я себя ругаю. Как я могла быть такой дурой! *(Вскакивает.)* И как это я позволила так себя одурочить! *(Быстро ходит взад и вперед; вся ее цветущая свежесть куда-то пропала, она сразу стала как-то старше и жестче.)*

Миссис Хэшебай. Ну, почему бы и нет, милочка? Очень многие молодые женщины могут устоять перед Гектором. Я вот сама не устояла в вашем возрасте. Он поистине великолепен.

Элли (*поворачиваясь к ней*). Великолепен? Да, великолепная внешность, конечно. Но как можно любить лгуна?

Миссис Хэшебай. Не знаю. Но, к счастью, оказывается можно. Иначе в мире было бы очень немного любви.

Элли. Но так лгать! Оказаться хвастунишкой, трусом!

Миссис Хэшебай (*вскакивает в смятении*). Нет, милочка, только не это, прошу вас. Если вы выразите хотя малейшее сомнение в храбрости Гектора, он пойдет и наделает черт знает чего, только бы убедить себя, что он не трус. Он иногда проделывает ужасные штуки — вылезет из окна на третьем этаже и влезет в другое. Просто чтобы испытать свои нервы. У него целый ящик медалей Альберта за спасение погибающих.

Элли. Он никогда не говорил мне об этом.

Миссис Хэшебай. Он никогда не хвастается тем, что он сделал на самом деле. Он терпеть этого не может. Даже если кто-нибудь другой это говорит, он стыдится. Зато все его рассказы — это сказки, выдумки.

Элли (*подходит к ней*). Так вы, значит, хотите сказать, что он действительно храбрый и у него были всякие приключения, а рассказывает он небылицы?

Миссис Хэшебай. Да, милочка. Вот именно. Ведь у людей их добродетели и пороки не разложены по полочкам. Все это вместе перемешано.

Элли (*задумчиво смотрит на нее*). В вашем доме, Гесиона, что-то есть странное. И даже в вас самой. И я не знаю... как это я так спокойно разговариваю с вами. У меня какое-то ужасное чувство, как будто у меня сердце разбилось. Но это, оказывается, совсем не то, что я себе представляла.

Миссис Хэшебай (*обнимая ее*). Просто это жизнь начинает воспитывать вас, деточка. Ну, а что же вы сейчас испытываете к Боссу Менгену?

Элли (*вырывается из объятий Гесионы, на лице ее написано отвращение*). О Гесиона, как вы можете мне напоминать о нем!

Миссис Хэшебай. Простите, детка. Мне кажется, я слышу шаги Гектора. Вы сейчас не возражаете, если он придет?

Элли. Ничуть. Я совершенно излечилась.

Из передней входят Мадзини Дэн и Гектор.

Гектор (*открывает дверь и пропускает Мадзини вперед*). Еще секунда, и она бы упала мертвой.

Мадзини. Нет, подумайте, какое чудо! Элли, деточка моя! Мистер Хэшебай только что рассказал мне совершенно удивительную...

Элли. Да, я уже слышала. *(Отходит в другой конец комнаты.)*

Гектор *(идет за ней)*. Нет, этого вы еще не слышали. Я вам расскажу после обеда. Мне кажется, это должно вам понравиться. По правде сказать, я сочинил это для вас и уже предвкушал удовольствие рассказать вам, но с досады, когда меня отсюда выгнали, я истратил этот заряд на вашего отца.

Элли *(отступая, спиной к верстаку, презрительно, но с полным самообладанием)*. Вы истратили не зря. Он верит вам. Я бы не поверила.

Мадзини *(добродушно)*. Элли — она у меня очень своенравная, мистер Хэшебай. Конечно, на самом деле она так не думает. *(Идет к книжным полкам и разглядывает корешки.)*

Из передней входит Бос Менген, за ним капитан. Менген в сюртучной пафе, точно он собрался в церковь или на заседание директората. Ему лет пятьдесят пять; у него озабоченное, недоверчивое выражение лица; во всех его движениях чувствуются тщетные потуги держать себя с неким воображаемым достоинством. Лицо серое, волосы прямые, бесцветные, черты лица до того заурядны, что о них просто нечего сказать.

Капитан Шотовер *(знакома миссис Хэшебай с новым гостем)*. Говорит, что его зовут Менген. К службе не годен.

Миссис Хэшебай *(очень любезно)*. Добро пожаловать, мистер Менген.

Менген *(пожимая ей руку)*. Очень рад.

Капитан Шотовер. Дэн порастерял все свои мускулы, но зато приобрел бодрость духа. Редкий случай, после того как человек пережил три приступа белой горячки. *(Уходит в кладовую.)*

Миссис Хэшебай. Поздравляю вас, мистер Дэн.

Мадзини *(в недоумении)*. Да я всю жизнь в рот не брал спиртного.

Миссис Хэшебай. Вам будет гораздо меньше хлопот, если вы предоставите папе думать то, что ему хочется, а не будете пытаться объяснить ему то, что есть на самом деле.

Мадзини. Ну, знаете, три приступа белой горячки...

Миссис Хэшебай *(обращаясь к Менгену)*. Вы знакомы с моим мужем, мистер Менген? *(Показывает на Гектора.)*

Менген *(идет к Гектору, который приветливо протягивает ему руку)*. Очень рад. *(Оборачивается к Элли.)* Я надеюсь, мисс Элли, вы не очень устали с дороги. *(Здоровается с ней.)*

Миссис Хэшебай. Гектор, покажи мистеру Дэну его комнату.

Гектор. Да, да, конечно. Идемте, мистер Дэн. *(Уходит с Мадзини.)*

Элли. Вы еще не показали мне моей комнаты, Гесиона.

Миссис Хэшебай. Ах, господи, какая я глупая! Идемте. Пожалуйста, будьте как дома, мистер Менген. Папа составит вам компанию. *(Кричит капитану.)* Папа, иди покажи дом мистеру Менгену. *(Уходит с Элли.)*

Капитан Шотовер. Вы думаете жениться на дочери Дэна? Не делайте этого. Вы слишком стары.

Менген *(пораженный)*. Вот как! Не слишком ли вы сплеча рубите, капитан?

Капитан Шотовер. Но ведь это правда.

Менген. Она этого не думает.

Капитан Шотовер. Думает.

Менген. Люди и постарше меня...

Капитан Шотовер *(доканчивает за него)*. ...оказывались в дураках. Это тоже правда.

Менген *(переходя в наступление)*. Не понимаю, почему вы считаете себя вправе в это вмешиваться.

Капитан Шотовер. Каждый должен в это вмешиваться. Звезды содрогаются в небесах, когда происходят подобные вещи.

Менген. И тем не менее я женюсь на ней.

Капитан Шотовер. Откуда это вам известно?

Менген *(старается показать себя человеком с сильным характером)*. Я намерен это сделать. Я так решил. Ясно? Со мной еще не бывало, чтобы я что-нибудь решил и не довел до конца. Такой уж я человек. И мы с вами лучше пойдем друг друга, если вы это твердо и раз навсегда усвоите, капитан.

Капитан Шотовер. Вы любите кинематограф!

Менген. Возможно. Кто это вам сказал?

Капитан Шотовер. Разговаривайте как человек, а не как кукла на экране. Вам хочется сказать, что вы зарабатываете сто тысяч в год.

Менген. Я этим не хвастаюсь. Но когда я встречаю человека, который зарабатывает сто тысяч в год, я снимаю перед ним шляпу, пожимаю ему руку и называю его братом.

Капитан Шотовер. Значит, вы тоже зарабатываете сто тысяч в год? Не так ли?

Менген. Нет, этого я не сказал бы. Пятьдесят — возможно.

Капитан Шотовер. Значит, брат наполовину. *(С обычной своей резкостью поворачивается спиной к Менгену и собирает со стола на китайский поднос пустые чашки.)*

Менген *(раздраженно)*. Послушайте, капитан Шотовер, мне не совсем понятно мое положение в этом доме. Я приехал сюда по приглашению вашей дочери. Я в ее доме или в вашем?

Капитан Шотовер. Вы под небесным кровом, в доме господнем. Что истинно внутри этих стен, то правильно и вне их. Идите в море, взберитесь на гору, спуститесь в долины, все равно она слишком молода для вас.

Менген *(ослабевая)*. Но ведь мне всего лишь чуть-чуть за пятьдесят.

Капитан Шотовер. Точнее сказать, чуть-чуть не шестьдесят. Босс Менген, вы не женитесь на дочери пирата. *(Уносит поднос в кладовую.)*

Менген *(идет за ним к двери)*. На какой дочери пирата? Что вы такое говорите?

Капитан Шотовер *(из кладовой)*. Элли Дэн. Вы не женитесь на ней.

Менген. А кто же мне помешает?

Капитан Шотовер *(появляясь)*. Моя дочь. *(Направляется к двери в переднюю.)*

Менген *(идет за ним)*. Миссис Хэшебай? Вы хотите сказать, что она пригласила меня сюда, чтобы расстроить это дело?

Капитан Шотовер *(останавливается и поворачивается к нему)*. Я знаю только то, что я видел по ее глазам. Да, она расстроит это. Послушайте моего совета, женитесь на негритянке из Вест-Индии; прекрасные из них выходят жены. Я сам когда-то два года был женат на негритянке.

Менген. Черт возьми!

Капитан Шотовер. Да уж взял! Меня тоже сцапал когда-то. И на много лет. Негритянка спасла меня.

Менген *(беспомощно)*. Престранная история! Я собственно должен был бы покинуть этот дом.

Капитан Шотовер. Почему?

Менген. Ну, знаете, многие люди были бы обижены вашей манерой разговаривать.

Капитан Шотовер. Глупости! Ссоры, видите ли, возникают совсем из-за другой манеры разговаривать. Со мной никто никогда не ссорился.

Из передней появляется джентльмен, прекрасный костюм и безупречные манеры которого свидетельствуют о его принадлежности к Вест-Индю. Он производит приятное впечатление молодого холостого человека, но при ближайшем рассмотрении ему по меньшей мере за сорок.

Джентльмен. Простите, пожалуйста, что я вторгаюсь таким образом. Но дело в том, что молотка на двери нет, а звонок, если не ошибаюсь, не действует.

Капитан Шотовер. А зачем вам молоток? Зачем звонок? Двери открыты.

Джентльмен. Вот именно. Поэтому-то я и осмелился войти.

Капитан Шотовер. Ну и отлично. Я сейчас поищу вам комнату. *(Идет к двери.)*

Джентльмен *(удерживая его.)* Боюсь, что вы не знаете, кто я такой.

Капитан Шотовер. Неужели вы думаете, что люди моего возраста делают различие между одним человеческим созданием и другим? *(Уходит.)*

Менген и гость стоят и смотрят друг на друга.

Менген. Станный человек этот капитан Шотовер.

Джентльмен. Да. Очень.

Капитан Шотовер *(кричит снаружи.)* Гесиона! Приехал еще один. Надо ему комнату. Хлыщ. Щеголь. Лет под пятьдесят.

Джентльмен. Представляю себе, что должна подумать Гесиона. Разрешите узнать—вы член этой семьи?

Менген. Нет.

Джентльмен. А я да. Некоторым образом родственник.

Входит миссис Хэшебай.

Миссис Хэшебай. Добро пожаловать! Как это мило, что вы приехали.

Джентльмен. Я так рад познакомиться с вами, Гесиона. *(Целует ее.)*

В дверях появляется капитан.

Вы, конечно, простите меня, капитан, что я целую вашу дочь; когда я скажу вам...

Капитан Шотовер. Чуть. Все целуют мою дочь. Целуйте, сколько хотите. *(Направляется к кладовой.)*

Джентльмен. Благодарю вас. Одну минутку, капитан.

Капитан останавливается, оборачивается. Джентльмен предусмотрительно подходит к нему.

Вы, быть может, помните,—а возможно, и нет, это ведь было так много лет тому назад,—что ваша младшая дочь вышла замуж за чурбана.

Капитан Шотовер. Помню. Она сказала, что выйдет за кого угодно, лишь бы уйти из этого дома. Не узнал бы вас. Голова у вас теперь не похожа на грецкий орех. Вы размякли. Похоже, вас много лет кипятили в молоке с хлебным мякишем, как это делают с мужьями. Бедняга! *(Исчезает в кладовой.)*

Миссис Хэшебай *(подходит к джентльмену и испытующе смотрит на него.)* Я не верю, что вы Гастингс Эттеруорд.

Джентльмен. Нет, я не он.

Миссис Хэшебай. Тогда с какой же стати вы меня целуете? Джентльмен. Да просто мне очень захотелось. Дело в том, что я Рэнделл Эттеруорд, недостойный младший брат Гастингса. Я был за границей на дипломатической службе, когда он женился.

Леди Эттеруорд (*врывается в комнату*). Гесиона, где ключи от шкафа в моей комнате? У меня все мои брильянты в сумке. Я хочу спрятать их. (*Останавливается как вкопанная при виде нового лица*) Рэнделл, как вы осмелились? (*Направляется к нему.*)

Миссис Хэшебай отходит и усаживается на диване, рядом с Менгеном.

Рэнделл. Как я осмелился — что именно? Я ничего не сделал.

Леди Эттеруорд. Кто вам сказал, что я здесь?

Рэнделл. Гастингс. Я был у Клариджей и узнал, что вы только что уехали. И я последовал за вами сюда. Вы чудесно выглядите.

Леди Эттеруорд. Не смейте так со мной разговаривать.

Миссис Хэшебай. А в чем дело с мистером Рэнделлом, Эдди?

Леди Эттеруорд. (*сдерживая себя*). Ах, ни в чем. Но он не имел права приезжать сюда без приглашения и беспокоить тебя и папу. (*Идет к подоконнику и садится; в раздражении отворачивается от всех и глядит в сад, где прогуливаются Гектор и Элли.*)

Миссис Хэшебай. Ты, кажется, незнакома с мистером Менгеном, Эдди?

Леди Эттеруорд (*оборачивается и холодно кивает Менгену*).

Простите. Рэнделл, вы меня так расстроили, что я поставила себя в совершенно дурацкое положение.

Миссис Хэшебай. Леди Эттеруорд. Моя сестра. Моя младшая сестра.

Менген (*отвешивая поклон*). Чрезвычайно счастлив познакомиться с вами, леди Эттеруорд.

Леди Эттеруорд (*с явным интересом*). Кто этот джентльмен, который разгуливает там в саду с мисс Дэн?

Миссис Хэшебай. Не знаю. Всего только десять минут тому назад она насмерть поссорилась с моим мужем. И я не видала, кто там еще приехал. Вероятно, новый гость. (*Подходит к окну и смотрит.*) Ах, это Гектор. Они помирились.

Леди Эттеруорд. Твой муж? Этот красавец мужчина?

Миссис Хэшебай. Гм. Скажите! А почему же мой муж не может быть красавцем?

Рэнделл (*присоединяется к ним*). Мужья никогда не бывают красавцами, Ариадна. (*Садится около леди Эттеруорд справа.*)

Миссис Хэшебай. А вот мужья сестер, мистер Рэнделл, обычно очень недурны.

Леди Эттеруорд. Не будьте пошляком, Рэнделл; и ты, Гесиона, тоже не лучше.

Элли и Гектор входят из сада в двери с правого борта. Рэнделл встает. Элли проходит в угол, к кладовой. Гектор выходит вперед. Леди Эттеруорд поднимается во всем своем великолепии.

Миссис Хэшебай. Гектор, это Эдди.

Гектор (*явно изумленный*). Не может быть, эта леди?

Леди Эттеруорд (*улыбаясь*). А почему же нет?

Гектор (*смотрит на нее пронизывающим взглядом глубокого, но почтительного восхищения, усы его торчатся*). Я думал (*спохватывается*)... прошу извинить меня, леди Эттеруорд. Несказанно счастлив приветствовать вас, наконец, под нашей кровлей. (*С проникновенной учтивостью протягивает руку.*)

Миссис Хэшебай. Она жаждет, чтобы ты ее поцеловал, Гектор.

Леди Эттеруорд. Гесиона! (*Но продолжает улыбаться.*)

Миссис Хэшебай. Зови ее Эдди, поцелуй ее, как добрый зять, и кончайте с этой церемонией. (*Представляет друг другу.*)

Гектор. Веди себя прилично, Гесиона. Леди Эттеруорд вправе рассчитывать здесь не только на гостеприимство, но и на культурное обращение.

Леди Эттеруорд (*признательно*). Благодарю вас, Гектор.

Дружески пожимают друг другу руки. В саду под окнами от правого борта к левому проходит Мадзини Дэн.

Капитан Шотовер (*выходя из кладовой и обращаясь к Элли*). Ваш отец умылся.

Элли (*с полным самообладанием*). Он это часто делает, капитан Шотовер.

Капитан Шотовер. Странное перерождение! Я наблюдал за ним из окна кладовой.

Мадзини Дэн входит в дверь с правого борта, свежесмытый и причесанный, и, благодушно улыбаясь, останавливается между Менгеном и миссис Хэшебай.

Миссис Хэшебай (*знакома*). Мистер Мадзини Дэн — леди Этте... ах, я совсем забыла — вы уже знакомы. (*Показывает на Элли.*) Мисс Дэн.

Мадзини (*подходит к Элли, берет ее за руку, радуясь своей собственной дерзкой находчивости*). С мисс Дэн мы тоже встречались — это моя дочь. (*Ласково берет под руку.*)

Миссис Хэшебай. Ах, ну конечно! Как глупо. Мистер Эттеруорд, мм... моей сестры...

Рэнделл (*любезно пожимая руку Мадзини*). Ее деверь, мистер Дэн. Очень приятно.

Миссис Хэшебай. А это мой супруг.

Гектор. Мы знакомы, дорогая. Не трудись представлять нас еще раз. (*Подходит к большому креслу.*) Не хотите ли присесть, леди Эттеруорд?

Леди Эттеруорд благосклонно усаживается.

Миссис Хэшебай. Простите. Терпеть не могу знакомить. Все равно, что спрашивать у людей — «ваш билет?».

Мадзини (*нравоучительно*). В конце концов как мало это о нас говорит. Вопрос ведь не в том, кто мы, а в сущности: что мы такое.

Капитан Шотовер. Гм-да. Вот вы, скажем, что вы такое? Мадзини (*недоуменно*). Что я такое?

Капитан Шотовер. Вор, пират, убийца.

Мадзини. Уверяю вас, вы заблуждаетесь.

Капитан Шотовер. Жизнь авантюриста. А к чему это привело? К респектабельности. Дочка — настоящая леди. Речь, манеры столичного проповедника. Пусть это будет предостережением для всех нас. (*Выходит в сад.*)

Мадзини. Надеюсь, здесь никто не верит, что я вор, пират и убийца? Миссис Хэшебай, простите, я на минутку удалюсь. Нет, в самом деле, надо пойти и объясниться. (*Идет за капитаном.*)

Миссис Хэшебай (*ему вслед*). Бесполезно. Вы бы лучше... (*Но Мадзини уже исчез.*) Нам всем, пожалуй, лучше пойти выпить чаю. У нас никогда не бывает чаю в положенные часы. Но можно пить всегда, когда только захотите. Он кипит у прислуги целый день. А спросить лучше всего на галерее около кухни. Хотите, я покажу вам. (*Идет к двери направо.*)

Рэнделл (*идет рядом с ней*). Благодарю вас. Мне совсем не хочется чаю. Но если бы вы показали мне ваш сад...

Миссис Хэшебай. В нашем саду нечего показывать, разве только папину обсерваторию. И песочную яму с погребом, где он держит динамит и всякие такие вещи. Впрочем, на воздухе все-таки приятней, чем в комнате. Идемте.

Рэнделл. Динамит! Ведь это довольно рискованно.

Миссис Хэшебай. Ну, что вы! Мы же не лезем в эту песочную яму во время грозы.

Леди Эттеруорд. Это уже что-то новое. А зачем это — динамит?

Гектор. Чтобы взорвать человечество, если оно зайдет слиш-

ком далеко. Он пытается найти некий психический луч, который взорвет все взрывчатые вещества по повелению Махатмы.

Элли. У капитана восхитительный чай, мистер Эттеруорд. Миссис Хэшебай (*останавливается в двери*). Неужели отец угощал вас своим чаем? Как это вам удалось обойти его, не успев пробыть в доме и десяти минут?

Элли. Видите, удалось.

Миссис Хэшебай. Вот маленький бесенок! (*Выходит с Рэнделлом.*)

Менген. А вы не хотите прогуляться, мисс Элли?

Элли. Я устала. Я лучше возьму книжку с собой в комнату и отдохну немножко. (*Подходит к книжной полке.*)

Менген. Ну, прекрасно. Лучше и не придумаешь. Но я крайне огорчен. (*Уходит вслед за Рэнделлом и миссис Хэшебай.*)

Остаются Элли, Гектор и леди Эттеруорд. Гектор стоит у кресла леди Эттеруорд. Они смотрят на Элли, дожидаясь, чтобы она ушла.

Элли (*рассматривая заглавия книг*). Вы любите романы с приключениями, леди Эттеруорд?

Леди Эттеруорд (*покровительственно*). Разумеется, дорогая.

Элли. В таком случае оставляю вас мистеру Хэшебай. (*Выходит в переднюю.*)

Гектор. Эта девчонка помешана на приключениях. Чего только я для нее не выдумывал.

Леди Эттеруорд (*ни капельки не интересуясь Элли*). Когда вы меня увидели, вы хотели сказать что-то; вы начали: «я думал» — и потом вдруг остановились. Что именно вы думали?

Гектор (*скрестив руки и гипнотизируя ее взглядом*). Вы разрешите сказать?

Леди Эттеруорд. Ну конечно.

Гектор. Это звучит не очень любезно. Я собирался сказать: «Я думал, что вы обыкновенная женщина...»

Леди Эттеруорд. О, как вам не стыдно, Гектор! Кто вам дал право замечать, обыкновенная я или нет?

Гектор. Послушайте меня, Ариадна. До сегодняшнего дня я видел только вашу фотографию. Но никакая фотография не может передать то очарование, которым обладают дочери этого сверхъестественного старца. В них есть какая-то дьявольская черточка, которая разрушает моральную силу мужчины и уводит его за пределы чести и бесчестия. Вы ведь знаете это, не так ли?

Леди Эттеруорд. Возможно, что я знаю это, Гектор. Но разрешите мне предупредить вас раз навсегда, что я

женщина твердых правил. Вы, может быть, думаете, что если я из семьи Шотовер, так во мне есть что-то от богемы, потому что мы все — ужасная богема. Но я нет. Я ненавижу богему всеми силами души. Ни один ребенок, воспитанный в пуританской семье, так не страдал от пуританства, как я от богемы.

Гектор. Вот и у нас дети точь-в-точь такие же. Они проводят каникулы у своих респектабельных друзей.

Леди Эттеруорд. Я приглашу их на рождество к себе.

Гектор. В их отсутствие мы остаемся без наших домашних наставников.

Леди Эттеруорд. Дети, конечно, иногда ужасная помеха. Но разумные люди всегда умеют устроиться, если только у них дома не богема.

Гектор. Вы не богема. Но и пуританского в вас ничего нет. Живое и властное очарование — вот ваша сила. Скажите, какого рода женщиной вы сами себя считаете?

Леди Эттеруорд. Я светская женщина, Гектор. И уверяю вас, если только взять на себя труд вести себя всегда совершенно корректно и говорить всегда только корректные вещи, то в остальном вы вольны поступать как вам угодно. Плохо воспитанная, распущенная женщина просто не может иметь успеха. Плохо воспитанный, распущенный мужчина никогда не может подойти ни к одной достойной женщине.

Гектор. Теперь я понимаю. Вы не богема. И вы не пуританка. Вы — опасная женщина.

Леди Эттеруорд. Напротив. Я безопасная женщина.

Гектор. Вы чертовски пленительная женщина. Заметьте, я отнюдь не ухаживаю за вами. Я не люблю чувствовать себя плененным. Но если вы намерены остаться у нас, то, конечно, вам лучше знать, что я думаю о вас.

Леди Эттеруорд. Вы чрезвычайно искусный сердцеед. И изумительно красивы. Я сама очень неплохой партнер в такого рода игре. Ведь это само собой разумеется, что мы только играем?

Гектор. Ну ясно. Я спокойно позволяю себя дурачить, сознавая свое полное ничтожество.

Леди Эттеруорд (*оживленно поднимаясь*). Итак, вы мой зять. Гесиона велела вам поцеловать меня.

Гектор хватается за объятия и усердно целует.

О, это, пожалуй, несколько больше, чем игра, дорогой зять. (*Внезапно отталкивает его.*) Больше вы этого не сделаете.

Гектор. По правде сказать, вы запустили в меня ваши когти глубже, чем я думал.

Миссис Хэшебай (*входит из сада*). Не обращайтесь на меня внимания, я вам мешать не буду. Я только хочу взять па-

пину фуражку. Солнце садится, я боюсь, как бы он не простудился. *(Идет к двери в переднюю.)*

Леди Эттеруорд. Твой супруг совершенно очарователен, дорогая. Наконец-то он снизошел и поцеловал меня. Я иду в сад; как будто стало прохладнее. *(Выходит в дверь с левого борта.)*

Миссис Хэшебай. Берегись, дитя мое! Я не думаю, чтобы кто-нибудь из мужчин мог поцеловать Эдди и не влюбиться в нее. *(Идет в переднюю.)*

Гектор *(бьет себя в грудь)*. Дурак! Козел!

Миссис Хэшебай возвращается с фуражкой капитана.

Твоя сестра на редкость предприимчивая старуха. Где мисс Дэн?

Миссис Хэшебай. Менген сказал, что она поднялась к себе наверх, отдохнуть. Эдди тебе с ней разговаривать не позволит. Она уже тебя отметила, теперь ты ее собственность.

Гектор. У нее есть это ваше семейное дьявольское обаяние. И я машинально начал за ней ухаживать. Но что мне делать? Влюбиться не способен, а оскорбить женское чувство, признаться ей в этом, когда она влюбляется в меня, я тоже не могу. А так как женщины вечно влюбляются в мои усы, у меня заводится масса всяких скучных, бессмысленных флиртов, которые меня несколько не занимают.

Миссис Хэшебай. То же самое и Эдди. Она за всю жизнь ни разу не была влюблена. Хотя вечно стремилась влюбиться по уши. Она еще хуже тебя. У тебя хоть один такой случай был — со мной.

Гектор. Это было настоящее безумие. Не могу себе представить, чтобы такие изумительные переживания были доступны всем. Они оставили во мне глубокий след. И вот поэтому-то я и думаю, что они неповторимы.

Миссис Хэшебай *(смеясь, хлопывая его по руке)*. Мы были ужасно влюблены друг в друга, Гектор. Это был такой волшебный сон, что я потом потеряла способность ревновать тебя или кого бы то ни было,— я понимала, что это такое. Я всегда старалась приглашать к нам побольше хорошеньких женщин, чтобы доставить тебе еще такой случай, но у тебя что-то ни разу не вышло.

Гектор. Не знаю, хотел ли я, чтобы вышло. Это дьявольски опасно. Ты околдовала меня. Но я любил тебя. И это был рай. А эта твоя сестрица околдовывает меня, но я ненавижу ее. И получается ад. Убью ее, если она будет продолжать.

Миссис Хэшебай. Ничто не может убить Эдди. Здорова, как

лошадь. *(Выпуская его руку.)* Ну, а теперь я пойду околдовывать кого-нибудь еще.

Гектор. Вот этого хлыща из министерства иностранных дел, Рэнделла?

Миссис Хэшебай. Боже упаси. Нет! Зачем я буду его околдовывать?

Гектор. Надеюсь, не этого надутого толстосума Менгена.

Миссис Хэшебай. Хм... Мне кажется, что уж лучше пусть он будет околдован мной, а не Элли. *(Идет в сад.)*

Навстречу ей идет капитан с какими-то брусочками в руке.

Что это у тебя такое, папочка?

Капитан Шотовер. Динамит.

Миссис Хэшебай. Ты лазил в песочную яму? Смотри не урони эту штуку где-нибудь в доме. Ты, мой дорогой! *(Уходит в сад, где все пронизано красным закатным светом.)*

Гектор. Выслушай меня, о мудрец. Сколь долго осмеливаешься ты сосредоточиться на каком-нибудь чувстве, не опасаясь, что оно запечатлется в твоём сознании на всю твою остальную жизнь?

Капитан Шотовер. Девяносто минут. Полтора часа. *(Уходит в кладовую.)*

Гектор, оставшись один, сдвигает брови и погружается в мечты. Некоторое время он сидит неподвижно, затем скрецивает руки на груди, потом встает и, заложив руки за спину, с трагическим видом ходит взад и вперед. Внезапно хватает со столика свою трость и, обнажив находящуюся внутри нее рапиру, вступает в отчаянный поединок с воображаемым противником; после ряда удачных и неудачных выпадов он вонзает в него шпагу по самую рукоять, затем прячет свое оружие обратно в трость, бросает ее на диван и снова погружается в задумчивость; вперив взор в глаза воображаемой женщины, он хватается за руки и говорит глухим, проникновенным голосом: «Ты меня любишь». В эту минуту из кладовой показывается капитан, и Гектор, пойманный врасплох с вытянутыми руками и сжатými кулаками, делает вид, что занимается гимнастикой, и продельывает ряд упражнений.

Капитан Шотовер. Такого рода сила не имеет смысла. Ты все равно никогда не будешь таким сильным, как, например, горилла.

Гектор. Зачем вам динамит?

Капитан Шотовер. Уничтожить вот этих вроде Менгена.

Гектор. Бесполезно. У них всегда будет возможность купить еще больше динамита.

Капитан Шотовер. Я сделаю такой динамит, что им его не взорвать.

Гектор. А вы взорвете?

Капитан Шотовер. Да. Когда достигну седьмой степени самосозерцания.

Гектор. Не стоит стараться, Вы никогда не достигнете ее.

Капитан Шотовер. А что же делать? Так, значит, нам вечно и барахтаться в грязи из-за этих свиней, для которых вселенная это что-то вроде кормушки, в которую они тычутся своим щетинистым рылом, чтобы набить себе брюхо?

Гектор. Разве щетина Менгена много хуже, чем завиточки Рэнделла?

Капитан Шотовер. Мы должны быть властны в жизни и в смерти того и другого. И я не умру, пока не найду к этому пути.

Гектор. Кто мы, чтобы судить их?

Капитан Шотовер. А кто они, чтобы судить нас? Однако они делают это не задумываясь. Между их семенем и семенем нашим вечная вражда. Они знают это и поэтому делают все, чтобы раздавить наши души. Они верят в самих себя. Когда мы поверим в себя, мы одолеем их.

Гектор. Семя одно. Вы забываете, что у вашего пирата очень миленькая дочка. Сын Менгена может быть Платоном. А сын Рэнделла — Шелли. Что такое был мой отец?

Капитан Шотовер. Отъявленнейший негодяй. *(Кладет на место чертежную доску, усаживается за стол и начинает подбирать кистью краски.)*

Гектор. Именно. Так вот осмелитесь ли вы убить его невинных внуков?

Капитан Шотовер. Они и мои внуки.

Гектор. Совершенно верно. Мы все части один другого. *(Небрежно разваливается на диване.)* Я вам скажу. Я нередко думал об истреблении человекоподобных гадин. Многие думали об этом. Порядочные люди — это вроде Даниила во рву львином*. Как они выживают — это настоящее чудо. И не всегда, конечно, выживают. Мы живем среди Менгенов, Рэнделлов, Билли Дэнов, как они, несчастные, живут среди вирулентных микробов, докторов, адвокатов, попов, ресторанных метрдотелей, торгашей, прислуги и всяких иных паразитов — шарлатанов. Что наши страхи по сравнению с тем, как они рясутся? Дайте мне власть уничтожить их, и я пощажу их из чистого...

Капитан Шотовер *(резко обрывает его)*. Чувства товарищества?

Гектор. Нет. Я бы должен был покончить с собой, если бы я думал так. Я должен верить, что моя искорка, как бы она ни была мала, божественного происхождения, а багровый

свет над их дверью—это пламя преисподней. Я бы их пощадил просто из великодушной жалости.

Капитан Шотовер. Ты не можешь пощадить их, пока ты не имеешь власти истребить их. Сейчас они обладают этой властью по отношению к тебе. Там, за океаном, миллионы чернокожих, которых они вымуштруют и обрушат на нас. Они готовятся к этому. Они делают это уже сейчас.

Гектор. Они слишком глупы, чтобы воспользоваться своей властью.

Капитан Шотовер (*бросает кисть и подходит к дивану*). Не обманывай себя. Они пользуются ею. Каждый день мы убиваем в себе лучшее, что в нас есть, чтобы их умилостивить. Одно сознание, что эти люди всегда здесь, начеку, чтобы сделать бесполезными все наши стремления, не дает этим стремлениям даже родиться внутри нас. А когда мы пытаемся уничтожить их, они посылают на нас демонов, чтобы обольстить нас,— демонов, принимающих облик красивых дочерей, певцов, поэтов и им подобных, ради которых мы щадим и их самих.

Гектор (*садится и наклоняется к нему*). А не может быть так, что Гесиона и есть демон, порожденный вами, чтобы я не убил вас?

Капитан Шотовер. Возможно. Она выжала вас целиком и не оставила вам ничего, кроме грез,— так делают некоторые женщины.

Гектор. Женщины-вампиры, демонические женщины.

Капитан Шотовер. Мужчины думают, что мир потерян для них, и действительно теряют его. А кто вершит дела в этом мире? Мужья сварливых и пьяниц; мужчины, у которых сидит заноза в теле. (*Рассеянно идет к кладовой.*) Я должен об этом хорошенько подумать. (*Круто поворачивается.*) Но все же я буду продолжать работать с динамитом. Я открою луч более мощный, чем все икс-лучи, духовный луч, который взорвет гранату на поясе у моего врага раньше, чем он успеет бросить ее в меня. И мне надо спешить. Я стар. У меня нет времени на разговоры. (*Он уже на пороге кладовой, а Гектор идет в переднюю.*)

В это время возвращается Гесиона.

Миссис Хэшебай. Папочка! Ты и Гектор—вы должны помочь мне занять эту публику. И о чем это вы тут так кричите?

Гектор (*взявшись за ручку двери*). Он совсем спятил; он сегодня хуже, чем всегда.

Миссис Хэшебай. Все мы спятили.

Гектор. Я должен переодеться. (*Нажимает ручку двери.*)

Миссис Хэшебай. Постой, постой. Вернитесь вы оба. Подите сюда.

Они неохотно возвращаются.

У меня нет денег.

Гектор. Денег? А где мои апрельские дивиденды?

Миссис Хэшебай. Где снег прошлогодний?

Капитан Шотовер. А где все деньги за патент на мою спасательную лодку?

Миссис Хэшебай. Пятьсот фунтов! С самой пасхи я их тянула.

Капитан Шотовер. С пасхи! И четырех месяцев не прошло! Чудовищная расточительность! Я мог бы прожить семь лет на пятьсот фунтов.

Миссис Хэшебай. Только не на такую широкую ногу, как у нас в доме.

Капитан Шотовер. За такую спасательную лодку — и всего только пятьсот фунтов! А за прошлое свое изобретение я получил двенадцать тысяч.

Миссис Хэшебай. Да, дорогой. Но ведь это было судно с каким-то магнетическим килем для охоты за подводными лодками. Разве при нашем образе жизни можно позволить себе тратить время на какие-то спасательные приспособления? Ты бы лучше придумал что-нибудь такое, что сразу, одним махом, прихлопнет пол-Европы.

Капитан Шотовер. Нет. Я старею. Быстро старею. Мозг мой не способен теперь сосредоточиться на убийстве, как прежде, когда я был мальчишкой. Почему это твой муж ничего не изобретает? Он только и умеет, что врать всякую чепуху женщинам.

Гектор. Н-да, но ведь это тоже своего рода изобретательство. А впрочем, вы правы. Я должен содержать жену.

Миссис Хэшебай. Ничего ты такого не должен. Тогда тебя с утра до поздней ночи не увидишь. Мне нужно, чтобы мой муж был со мной.

Гектор (*с горечью*). С тем же успехом я мог бы быть твоей комнатной собачкой.

Миссис Хэшебай. А тебе бы хотелось быть моим кормильцем, как, знаешь, есть такие несчастные мужья?

Гектор. Нет, черт возьми! Но что это за трижды проклятое создание — муж!

Миссис Хэшебай (*капитану*). А как насчет гарпунной пушки?

Капитан Шотовер. Никакого толку. Это на китов, а не на людей.

Миссис Хэшебай. А почему бы и нет? Ты стреляешь

гарпуном из пушки, гарпун попадает прямо в неприятельского генерала — и ты его вытаскиваешь. Вот тебе и все.

Гектор. Ты дочь своего отца, Гесиона.

Капитан Шотовер. Да, тут можно что-нибудь придумать, конечно. Не затем, чтобы ловить генералов, — они не опасны. Но можно было бы стрелять железной кошкой и выуживать пулеметы, даже танки. Я над этим подумую.

Миссис Хэшебай (*нежно поглаживая капитана по плечу*). Вот и спасены. Ты прямо прелесть, папочка. А теперь надо нам идти ко всем этим ужасным людям и занимать их.

Капитан Шотовер. Ведь они не обедали, ты не забудь об этом.

Гектор. И я тоже не обедал. А уже темно. И, должно быть, бог знает который час!

Миссис Хэшебай. Ах, Гинесс придумает им какой-нибудь обед. Прислуга никогда не забывает позаботиться о том, чтобы в доме была еда.

Капитан Шотовер (*испускает какой-то странный вопль в темноте*). Что за дом! Что за дочь!

Миссис Хэшебай (*восторженно*). Какой отец!

Гектор (*вторит*). Какой супруг!

Капитан Шотовер. Или гром, что ли, иссяк в небесах?

Гектор. Или красота и отвага иссякли на земле?

Миссис Хэшебай. И что только нужно мужчинам? Сыты, одеты, и у себя дома, и любовью нашей дарим мы их перед тем, как отойти ко сну. И все-то они недовольны. Почему они завидуют той муке, с какой мы производим их на свет, и сами создают для себя какие-то непостижимые опасности и мучения, только для того, чтобы не отстать от нас.

Капитан Шотовер (*нараспев, словно читает заклинание*). Я дом дочерям построил и настезь открыл для гостей, чтоб дочери, выйдя замуж, хороших рожали детей.

Гектор (*подхватывает*). Но вышла одна за чурбана, другая лжецом увлеклась...

Миссис Хэшебай (*оканчивает строфу*). И ложе его разделила и любит лжеца и сейчас.

Леди Эттеруорд (*кричит из сада*). Гесиона, Гесиона, где ты?

Гектор. Кот на крыше!

Миссис Хэшебай. Иду, дорогая, иду. (*Быстро уходит в сад.*)

Капитан возвращается к столу.

Гектор (*уходя в переднюю*). Зажечь вам свет?

Капитан Шотовер. Не надо. Дайте мне тьму еще поглубже. Деньги при свете не делаются.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Та же комната. Горит свет, шторы спущены. Входит Элли и за ней Менген, оба одеты к обеду. Она подходит к чертежному столу. Он становится между столом и плетеным креслом.

Менген. Что за обед! По-моему, это не обед, а так что-то всухомятку к чаю.

Элли. Я привыкла к сухомятке, мистер Менген, и очень рада, когда она есть. Кроме того, капитан сварил мне немножко макарон.

Менген (*передергиваясь, желчно*). Какая роскошь! Я не могу этого есть. Я думаю, это потому, что у меня слишком напряженная мозговая работа. Это самое тяжелое в жизни делового человека. Вечно приходится думать, думать, думать. Кстати, сейчас — пока мы одни — разрешите мне воспользоваться случаем, чтобы выяснить, так сказать, наши взаимоотношения.

Элли (*усаживаясь на табурет у чертежного стола*). Да, да, я как раз этого и хочу.

Менген (*оторопев*). Вы хотите? Это меня, знаете, удивляет. Потому что, мне кажется, я заметил сегодня днем, вы всячески старались избежать меня. И это уж не первый раз.

Элли. Просто я устала. И мне было как-то не по себе. Я тогда еще не привыкла к этому необыкновенному дому. Пожалуйста, простите меня.

Менген. О, это пустяки. Я не обижаюсь. Но капитан Шотовер говорил со мной о вас. Понимаете — о вас и обо мне.

Элли (*заинтересовавшись*). Капитан? И что же он говорил?

Менген. Да, он, видите ли, обратил внимание на... разницу наших ... лет.

Элли. Он все замечает.

Менген. Вы, значит, не придаете этому значения?

Элли. Конечно, я очень хорошо знаю, что наша помолвка...

Менген. Ах, так вы называете это помолвкой?

Элли. А разве нет?

Менген. О, конечно, конечно, если вы так говорите. Ведь вы в первый раз произносите это слово. Мне просто было не совсем ясно. Вот и все. (*Усаживается в плетеное кресло и предоставляет Элли вести разговор.*) Простите, вы, кажется, что-то начали говорить...

Элли. Разве? Я забыла. Напомните. Вам нравится здесь? Я слышала, как вы спрашивали миссис Хэшебай за обедом, не сдастся ли поблизости какой-нибудь хороший особняк.

Менген. Мне понравились эти места. Здесь как-то легко дышится. Возможно, что я и поселюсь здесь.

Элли. Я бы ничего лучшего не желала. Здесь, правда, легко дышится. И я хотела бы быть поближе к Гесионе.

Менген *(все больше мнетя)*. Воздух-то здешний, конечно, нам подходит, а вот вопрос в том, подходим ли мы друг к другу. Вы об этом подумали?

Элли. Мистер Менген, мы должны быть с вами рассудительными, вы не находите? Нам нет нужды разыгрывать Ромео и Джульетту. Но мы очень хорошо можем поладить, если оба возьмем на себя труд приложить к этому некоторые усилия. Ваше доброе сердце намного облегчит для меня все это.

Менген *(наклоняется вперед, и в голосе его прорывается явное неудовольствие)*. Доброе сердце?.. Гм. Ведь я же разорил вашего отца; вам это известно?

Элли. О, но ведь это было не умышленно?

Менген. Вот именно. Я сделал это с умыслом.

Элли. С умыслом?

Менген. Ну, не из личной злобы, разумеется. Вы сами знаете, что я дал ему работу, когда с ним было все кончено. Но дело всегда остается делом. Я уничтожил его как человека, который может влиять на дела и деловую жизнь.

Элли. Не понимаю, как это может быть. Вы, верно, хотите заставить меня почувствовать, что я вам ничем не обязана, чтобы я могла решить совершенно свободно,— так?

Менген *(встает, с вызывающим видом)*. Нет. Я хочу сказать именно то, что я говорю.

Элли. Но какая же вам была польза разорять моего отца? Ведь деньги, которые он потерял, это же были ваши деньги?

Менген *(с язвительным смехом)*. Да. Мои. Они и есть мои, мисс Элли. И все деньги, которые вместе с ним потеряли его друзья, тоже мои деньги. *(Засовывает руки в карманы и ухмыляется.)* Я просто их выкурил, как выкуривают пчел из улья. Что вы на это скажете? Вас это несколько потрясает, не так ли?

Элли. Сегодня утром это могло бы меня потрясти. А сейчас вы даже и представить себе не можете, как мало это для меня значит. Но это очень любопытно. Только вы должны объяснить мне. Я не совсем понимаю. *(Облокотившись на стол и уткнув подбородок в ладони, она приготовилась слушать; на лице ее написано явное любопытство и в то же время невольное презрение, которое раздражает его все больше и больше и вместе с тем внушает ему желание просветить ее в ее невежестве.)*

Менген. Ну конечно, вы не понимаете. Что вы можете понимать в делах? А вот вы слушайте и учитесь. Дело вашего отца было новое дело. А я не имею обыкновения

начинать дела. Я обычно предоставляю другим начинать. Они вкладывают в это все свои деньги и деньги своих друзей, отдаются этому душой и телом, только чтобы поставить предприятие на ноги. Это, как говорится, самые настоящие энтузиасты. Но для них всякий, хотя бы временный, застой в делах — сущий зарез. У них нет финансового опыта. И обычно, так через год либо два, они или терпят крах, или продают свое предприятие за бесценок, в рассрочку каким-нибудь пайщикам. И это еще если повезет, а то может статься, что они и вовсе ничего не получают. Ну, чаще всего то же самое происходит и с новой компанией. Те вкладывают еще деньги, тоже стараются, из кожи вон лезут, тянут еще год или два — и в конце концов им опять-таки приходится перепродавать дело в третьи руки. Если это действительно крупное предприятие, то и третьи покупатели тоже ухлопают только в него свои труды и деньги — и опять-таки перепродадут. И вот тут-то и появляются настоящие дельцы. Тут появляюсь я. Но я похитрее многих других. Я не пожалею истратить немножко денег, чтобы подтолкнуть такое дело. Я сразу раскусил вашего отца. Я видел, что идея у него хорошая и что он будет из кожи вон лезть, если ему дать возможность претворить ее в жизнь. И я видел, что в делах он сущий младенец и не сумеет уложить в бюджет и выжидать время, чтобы завоевать рынок. Я знал, что самый верный способ разорить человека, который не умеет обращаться с деньгами, это дать ему денег. Я поделился моей идеей кое с кем из друзей в Сити, и они нашли деньги. Потому что я сам, видите ли, не вкладываю деньги в идеи, даже когда это мои собственные идеи. Ваш отец и его друзья, которые рискнули вместе с ним своим капиталом, были для меня все равно что кучка выжатых лимонов. Так что вы зря расточали вашу благодарность, и эти разговоры о моем добром сердце — чистейший вздор. Меня тошнит от них, когда я вижу, как ваш отец, весь расплываясь, глядит на меня своими влажными, признательными глазами и прямо захлебывается от благодарности, меня так и разбирает сказать ему всю правду, — а не то, кажется, я вот-вот лопну. И останавливает меня только то, что я знаю, он мне все равно не поверит. Он подумает, что это моя скромность, — вот так же, как и вы сейчас подумали. Допустит все что угодно, только не правду. А это-то вот и доказывает, что он круглый дурак, а я человек, который умеет о себе позаботиться. *(Откидывается в кресле с видом полного самодовольствия.)* Н-да... так вот, что вы теперь обо мне скажете, мисс Элли?

Элли (*опуская руки*). Как странно, что моя мать, которая ничего не понимала в делах, была совершенно права относительно вас! Она всегда говорила — конечно, не в присутствии папы, а нам, детям, — что вы вот именно такой человек. Менген (*выпрямляется, сильно задетый*). Ах, она так говорила? И тем не менее она не возражала против того, чтобы вы вышли за меня.

Элли. Видите ли, мистер Менген, моя мать вышла замуж за очень хорошего человека — потому что, как бы вы там ни оценивали моего отца с деловой точки зрения, он — сама доброта, — и ей совсем не хотелось, чтобы я повторила ее опыт.

Менген. Во всяком случае, вы-то теперь уж не пойдете за меня замуж, не правда ли?

Элли (*совершенно спокойно*). Да нет, почему же?

Менген (*встает ошеломленный*). Почему?

Элли. Я не вижу оснований, почему бы мы не могли с вами поладить.

Менген. Да, но, послушайте, вы понимаете... (*Он умолкает, совершенно сбитый с толку.*)

Элли (*терпеливо*). Да?

Менген. Я думал, что вы более щепетильны в ваших взаимоотношениях с людьми.

Элли. Если бы мы, женщины, были слишком щепетильны по отношению к мужчинам, нам тогда вовсе не пришлось бы выходить замуж, мистер Менген.

Менген. Такой ребенок, как вы, и слышать от вас: «Мы, женщины!» Куда же дальше! Нет, не может быть, чтобы вы это говорили серьезно.

Элли. Совершенно серьезно. А разве вы — нет?

Менген. Вы хотите сказать, что вы не собираетесь от меня отказываться.

Элли. А вы хотите отказаться?

Менген. Да нет. Не то чтобы отказаться...

Элли. Так в чем же дело?

Менген не находит, что ответить. С протяжным свистом он падает в плетеное кресло и смотрит перед собой с видом проигравшегося в пух и прах игрока. Потом вдруг по лицу его проскальзывает что-то хитренькое, он облакачивается на ручку кресла и говорит вкрадчиво и понизив голос.

Менген. А что, если бы я вам сказал, что я влюблен в другую женщину?

Элли (*в тон ему*). А если бы я вам сказала, что я влюблена в другого мужчину?

Менген (*в раздражении вскакивает*). Я не шучу.

Элли. А почему вы думаете, что я шучу?

Менген. Повторяю вам, что я говорю совершенно серьезно.

Вы слишком молоды, чтобы быть серьезной, но вам придется поверить мне. Я хочу быть поближе к вашей приятельнице, миссис Хэшебай. Я влюблен в нее. Ну вот, теперь я все выложил.

Элли. А я хочу быть поближе к вашему приятелю, мистеру Хэшебай. Я влюблена в него. *(Встает и с видом совершенного чистосердечия заканчивает.)* Ну, теперь, когда мы во всем открылись друг другу, мы будем настоящими друзьями. Благодарю вас за то, что вы доверились мне.

Менген *(вне себя)*. И вы воображаете, что я позволю так злоупотреблять моей персоной?

Элли. Полно вам, мистер Менген. Вы же нашли возможным злоупотребить моим отцом в этих ваших делах. Брак для женщины—это такое же дело. Так почему же мне не злоупотребить вами в семейном смысле?

Менген. Потому что я не позволю этого! Потому что я не круглый простофиля, как ваш отец, вот почему!

Элли *(со спокойным презрением)*. Вы не достойны ботинки чистить моему отцу, мистер Менген. Я делаю для вас громадную любезность, снисходя до того, чтобы злоупотребить вашей милостью, как вы изволили выразиться. Разумеется, у вас есть полная возможность расторгнуть нашу помолвку, раз уж вам так хочется. Но если вы только это сделаете, вы больше не переступите порога дома Гесионы. Я уж позабочусь об этом.

Менген *(задыхаясь)*. Ах вы чертенок!.. Вы меня положили на обе лопатки. *(Сраженный, совсем было уже падает в кресло, но вдруг его словно что-то осеняет.)* Нет, нет, погодите. Вы не так хитры, как вы думаете. Вам не удастся так просто провести Босса Менгена. А что, если я сейчас прямехонько отправлюсь к миссис Хэшебай и объявлю ей, что вы влюблены в ее мужа?

Элли. Она знает.

Менген. Вы ей сказали!!!

Элли. Она мне это сказала.

Менген *(хватается за виски)*. Это какой-то сумасшедший дом!

Или это я сошел с ума! Да что она, сговорилась, что ли, с вами—заполучить вашего супруга в обмен на своего?

Элли. А разве вы хотите нас обеих?

Менген *(совершенно оторопев, падает в кресло)*. Нет, мои мозги этого не выдержат. У меня голова лопается. Помогите! Мой череп! Скорей! Держите его, сожмите его! Спасите меня!

Элли подходит к нему сзади, крепко охватывает его голову, потом начинает тихонько проводить руками от лба к ушам.

Спасибо. *(Сонным голосом.)* Как это освежает. *(Борься со сном.)* Только не вздумайте гипнотизировать меня. Я видел, как люди становились круглыми дураками от этой штуки.

Элли *(внушительно)*. Успокойтесь. Я видела, как люди становились дураками без всякого гипноза.

Менген *(кротко)*. Надеюсь, вам не противно трогать меня? Потому что ведь до сих пор вы никогда не трогали меня.

Элли. Ну конечно, пока вы не влюбились самым естественным образом во взрослую, симпатичную женщину, которая никогда не позволит вам приступить к ней. И я никогда не позволю ему приступить ко мне.

Менген. А он все-таки будет пытаться.

Элли *(продолжая ритмически свои пассы)*. Шшш... Засыпайте. Слышите? Вы будете спать-спать-спать. Будьте спокойны, совсем, совсем спокойны. Спите-спите-спите-спите.

Менген засыпает. Элли тихонько отходит, выключает свет и уходит в сад. Няня открывает дверь и появляется в полосе света, пробивающегося из передней.

Няня *(говорит кому-то в передней)*. Мистера Менгена нет здесь, душенька. Здесь никого нет. Темно совсем.

Миссис Хэшебай *(снаружи)*. Посмотрите в саду. Мы с мистером Дэном будем у меня в будуаре. Проводите его к нам.

Няня. Хорошо, душенька. *(Идет в темноте к двери в сад, спотыкается о спящего Менгена, кричит.)* Ах! Господи ты боже! Простите уж, пожалуйста! Не разглядела впотьмах. Да кто же это такой? *(Возвращается к двери и включает свет.)* Ах, мистер Менген, надеюсь, я не ушибла вас? Вот ведь, шлепнулась прямо на колени! *(Подходит к нему.)* А я вас-то и ищу. Миссис Хэшебай просила вас... *(Замечает, что он совершенно неподвижен.)* Ах ты господи! Да уж не убила ли я его! Сэр! Мистер Менген! Сэр! *(Трясет его, он безжизненно валится с кресла, она подхватывает его и прислоняет к подушке.)* Мисс Гесси! Мисс Гесси! Скорей сюда, голубушка! Мисс Гесси!

Миссис Хэшебай входит из передней с Мадзини и Дэном.

Ах, мисс Гесси! Похоже, я убила его!

Мадзини обходит кресло с правой стороны от Менгена и видит, что, по-видимому, няня говорит правду.

Мадзини. Что побудило вас, женщина, совершить такое преступление?

Миссис Хэшебай *(удерживаясь, чтобы не расхохотаться)*. Ты хочешь сказать, что ты это умышленно?

Няня. Да разве это похоже на меня, чтобы я нарочно человека погубила? Наткнулась на него в темноте, да и придавила. Вес-то у меня большой. А он слова не сказал и не пошевелился, пока я не трянула его. Потом, гляжу — валится замертво на пол. Экая беда вышла!

Миссис Хэшебай (*подходит к Мадзини, обойдя няньку, и критически разглядывает Менгена*). Глупости! Ничуть он не мертвый. Просто спит. Вижу, как дышит.

Няня. А почему ж он не просыпается?

Мадзини (*очень вежливо говорит Менгену в самое ухо*). Менген, дорогой Менген! (*Дует ему в ухо.*)

Миссис Хэшебай. Так не годится. (*Изо всех сил встряхивает его.*) Мистер Менген, извольте проснуться! Слышите?

Он начинает сползать ниже, на пол.

Ах, няня, няня! Он падает, помоги мне!

Няня бросается на помощь. Вместе с Мадзини они снова втаскивают Менгена на подушки.

Няня (*стоя за креслом, наклоняется и нюхает*). Может, он пьян, как ты думаешь, душенька?

Миссис Хэшебай. Может быть, хлебнул папиного рома?

Мадзини. Нет, этого быть не может. Он человек воздержанный. Кажется, когда-то пил изрядно, но теперь в рот не берет спиртного. Вы знаете, миссис Хэшебай, я думаю, он под гипнозом.

Няня. Под гип-но... чем, сэр?

Мадзини. Как-то раз вечером у нас дома, после того как мы были на гипнотическом сеансе, дети устроили игру в это, и Элли стала гладить меня по голове. И представьте, я заснул мертвым сном. Пришлось им посылать за специалистом, чтобы разбудить меня, после того как я проспал восемнадцать часов. Да они еще вздумали нести меня наверх в спальню, а так как дети, бедняжки, не могут похвастать силой, они меня уронили, и я скатился вниз по всей лестнице — и все-таки не проснулся.

Миссис Хэшебай еле удерживается от смеха.

Да, вам, конечно, смешно, миссис Хэшебай, а я ведь мог разбиться насмерть.

Миссис Хэшебай. Все равно, это ужасно смешно, и я не могу не смеяться, даже если бы вы и разбились насмерть, мистер Дэн. Так, значит, это Элли загипнотизировала его. Вот потеха!

Мадзини. Ах, нет, нет, нет. Это для нее был такой ужасный урок. Я думаю, она ни за что на свете не решится повторить это.

Миссис Хэшебай. Тогда кто же это сделал? Я не делала. Мадзини. Я думаю, может быть это капитан, как-нибудь так, не нарочно. Он ведь такой магнетический. Я чувствую, как я весь начинаю вибрировать, чуть только он приближается ко мне.

Няня. Уж капитан во всяком случае сумеет разбудить его, сэр. Об этом-то я постараюсь. Пойду приведу его. *(Идет в кладовую.)*

Миссис Хэшебай. Постой немножко. *(Мадзини.)* Вы говорите, что он может спокойно проспать восемнадцать часов?

Мадзини. То есть это я проспал восемнадцать часов.

Миссис Хэшебай. И вам после этого не было плохо?

Мадзини. Что-то я не совсем помню. Они вливали в меня бренди, знаете...

Миссис Хэшебай. Отлично. Во всяком случае, вы остались живы. Няня, милая, поди попроси мисс Дэн прийти сюда к нам. Скажи, что очень нужно, что я хочу поговорить с ней. Наверно, они где-нибудь с мистером Хэшебай.

Няня. Не думаю, душенька. Мисс Эдди, вот кто с ним. Но я сейчас пойду поищу и пришлю ее к вам. *(Уходит в сад.)*

Миссис Хэшебай *(показывает Мадзини на фигуру в кресле)*. Ну, мистер Дэн, смотрите. Вы только посмотрите! Да хорошенько. Вы все еще настаиваете на том, чтобы принести вашу дочь в жертву этому чучелу?

Мадзини *(смущенно)*. Меня прямо всего перевернуло, миссис Хэшебай, от того, что вы мне сказали. И чтобы кто-нибудь мог подумать, что я, я, прирожденный солдат свободы, если можно так выразиться, мог кому-нибудь или чему-нибудь пожертвовать моей Элли или что у меня когда-нибудь могла возникнуть мысль насиловать ее чувства или склонности,—это такой тяжкий удар моему... ну, скажем, моему доброму мнению о самом себе.

Миссис Хэшебай *(довольно равнодушно)*. Простите.

Мадзини *(уныло глядя на сонное тело)*. Что вы собственно имеете против бедняги Менгена, миссис Хэшебай? По-моему, он хороший человек. Но, правда, я так привык к нему.

Миссис Хэшебай. Неужели у вас нет сердца, нет чувства? Вы только посмотрите на это животное. Подумайте о бедной, невинной, слабенькой Элли в лапах этого рабовладельца, который всю жизнь заставляет толпы грубых, непокорных рабочих подчиняться ему и потеть для его процветания. Человек, для которого паровые молоты куют огромные раскаленные массы железа! Который способен часами безжалостно препираться с женщинами и девушками из-за какого-нибудь полупенни! Капитан промышленности—так, что ли, вы его зовете? Неужели вы способны

бросить ваше нежное, хрупкое, беспомощное дитя в когти этого зверя? И только из-за того, что она будет жить у него в роскошном доме и он обвешает ее брильянтами, чтобы все видели, какой он богатый.

Мадзини (*смотрит на нее широко раскрытыми, изумленными глазами*). Дорогая миссис Хэшебай, да бог с вами, откуда у вас такие романтические представления о деловой жизни? Бедняга Менген совсем не такой.

Миссис Хэшебай (*презрительно*). Бедняга Менген — действительно!

Мадзини. Да он ничего не смыслит в машинах. Он никогда и близко-то не подходит к рабочим. Он не мог бы ими управлять. Он их боится. Мне никогда не удавалось его хоть сколько-нибудь заинтересовать производством. Он не больше вашего понимает в этом. Люди жестоко заблуждаются в Менгене. Они думают, что это такая грубая сила, — и все только потому, что у него плохие манеры.

Миссис Хэшебай. Не хотите ли вы уверить меня, что у него не хватит сил раздавить бедную малютку Элли?

Мадзини. Конечно, очень трудно сказать, как может обернуться тот или иной брак. Но я лично думаю, что у него решительно нет никаких шансов взять над ней верх. У Элли удивительно сильный характер. Я думаю, это потому, что, когда она была еще совсем маленькая, я научил ее любить Шекспира.

Миссис Хэшебай (*пренебрежительно*). Шекспир! Теперь вам еще только не хватает сказать мне, что вы способны загребать деньги лучше Менгена. (*Подходит к дивану и садится с левого края, страшно раздраженная.*)

Мадзини (*идет за ней и садится на другой конец*). Нет. Это я плохо умею. Да я, видите ли, и не очень стремлюсь. Я не честолюбив! Должно быть, поэтому. Менген — вот он насчет денег просто удивительный! Он ни о чем больше не думает. У него ужасный страх перед бедностью. А я всегда думаю о чем-нибудь другом. Даже на фабрике я думаю о вещах, которые мы делаем, а вовсе не о том, сколько они стоят. Но самое худшее во всем этом, что бедняга Менген не знает, что ему делать со своими деньгами. Это такой младенец, что он не знает даже, что ему есть, что пить. Он себе печень испортил тем, что ел и пил то, что ему совсем не полагалось. И сейчас почти ничего не может есть. Элли создаст ему режим и заставит соблюдать диету. Вы просто удивитесь, когда узнаете его поближе. Это, уверяю вас, самый беспомощный человек на свете. Проникаешься к нему таким, как бы сказать, покровительственным чувством.

Миссис Хэшебай. А скажите, пожалуйста, кто же в таком случае заворачивает всеми его предприятиями?

Мадзини. Я. И другие, вот такие же, как я.

Миссис Хэшебай. Которых он держит на побегушках?

Мадзини. Если смотреть с вашей точки зрения — да.

Миссис Хэшебай. А скажите на милость, почему же вы собственно не можете без него обойтись, если вы все настолько умнее его?

Мадзини. Ах, нет, мы без него пропадем. Мы погубим все дело за какой-нибудь год. Да я уж пробовал. Знаю. Мы бы слишком много тратили денег на разные разности, улучшили бы качество товаров. И все это обошлось бы нам очень дорого. И с рабочими тоже; мы, вероятно, в некоторых случаях пошли бы на уступки. Ну, а Менген держит нас в порядке. Он накидывается на нас из-за каждого лишнего пенни. Мы никак не можем без него обойтись. Вы знаете, он способен целую ночь просидеть, раздумывая, как бы ему сэкономить какой-нибудь шестипенсовик. Но Элли заставит его поплясать, когда она будет держать дом в руках.

Миссис Хэшебай. Так, значит, это ничтожество даже и в качестве капитана промышленности всего лишь шарлатан чистойшей воды?

Мадзини. Боюсь, что все наши капитаны промышленности такие вот, как вы говорите, шарлатаны, миссис Хэшебай. Конечно, есть фабриканты, которые действительно знают, что они говорят, знают свое дело. Но они не умеют добывать таких громадных барышей, как Менген. Уверяю вас, Менген по-своему хороший человек. Такой добродушный...

Миссис Хэшебай. Вид у него очень непривлекательный. И ведь он уж далеко не молод.

Мадзини. В конце концов, миссис Хэшебай, ни один супруг не пребывает очень долго в состоянии первой молодости. Да в наше время мужчины и не могут позволить себе жениться очень рано.

Миссис Хэшебай. Вот, видите ли, если бы я сказала так, это звучало бы остроумно. Почему же у вас получается как раз наоборот? Чего-то в вас не хватает. Почему вы никому не внушаете доверия, уважения?

Мадзини (*смирено*). Мне кажется, все дело в том, что я беден. Вы себе представить не можете, что это значит для семьи. Заметьте, я не хочу сказать, что они когда-нибудь жаловались. Всегда они по отношению ко мне держали себя замечательно. Они гордились моей бедностью. Они даже частенько подшучивали над этим. Но жене моей приходилось туго. Она готова была со всем примириться.

Миссис Хэшебай невольно вздрагивает.

Вот то-то и есть. Вы понимаете, миссис Хэшебай, я не хочу, чтобы и Элли пришлось мириться...

Миссис Хэшебай. И вы хотите, чтобы она примирилась с необходимостью жить с человеком, которого она не любит?

Мадзини (*грустно*). А вы уверены, что это хуже, чем жить с человеком, которого любишь, а он всю жизнь у кого-то на побегушках?

Миссис Хэшебай (*у нее исчезает презрительный тон, и она с интересом смотрит на Мадзини*). Знаете, я теперь думаю, что вы действительно очень любите Элли. Потому что вы становитесь положительно умником, когда говорите о ней.

Мадзини. Я не знал, что я до того уж глуп, когда говорю на другие темы.

Миссис Хэшебай. Бывает иной раз.

Мадзини (*отворачивается, потому что глаза у него влажны*). Я многое узнал о себе от вас, миссис Хэшебай. Вряд ли только мне будет веселей от вашей откровенности. Но если вы считаете, что это нужно было для того, чтобы я подумал о счастье Элли, то вы очень ошибаетесь.

Миссис Хэшебай (*наклоняется к нему в сердечном порыве*). Я отвратительно груба, правда?

Мадзини (*овладевая собой*). Да ну, что обо мне говорить, миссис Хэшебай! Я вижу, что вы любите Элли, и для меня этого достаточно.

Миссис Хэшебай. Я начинаю и вас любить немножко. Я просто ненавидела вас сначала. Я считала вас самым отвратительным, самодовольным, скучным старым ханжой.

Мадзини (*он уже решил принять ее тон за должное и заметно повеселел*). Что ж, может быть я такой и есть. Я никогда не был в чести у таких роскошных женщин, как вы. Я их всегда побаивался.

Миссис Хэшебай (*польщенная*). А я, по-вашему, роскошная женщина, Мадзини? Смотрите, как бы я в вас не влюбилась.

Мадзини (*с невозмутимой учтивостью*). Нет, вы не влюбитесь, Гесиона. Нет, со мной вы в совершенной безопасности. Поверьте мне, много женщин флиртовали со мной только потому, что они знали — со мной это совершенно безопасно. Но, конечно, именно поэтому им это очень быстро надоедало.

Миссис Хэшебай (*коварно*). Берегитесь. Вы, может быть, вовсе не так неуязвимы, как вы думаете.

Мадзини. О нет, совершенно неуязвим. Видите ли, я любил по-настоящему. То есть такой любовью, которая бывает только раз в жизни. (*Проникновенно*.) Потому-то Элли такая миленькая.

Миссис Хэшебай. Вы ... гм... Нет, знаете, вы начинаете раскрываться. Вы совершенно уверены, что не дадите мне совратить вас на второе такое же сильное чувство?

Мадзини. Вполне уверен. Это было бы противоестественно. Дело в том, что вы, как бы это сказать... от меня не загоритесь, и я от вас не загорюсь.

Миссис Хэшебай. Понятно. Ваш брак, по-видимому, это нечто вроде противопожарного крана.

Мадзини. Как вы остроумно перевернули мою мысль. Я бы никогда не додумался.

Входит Элли из сада; вид у нее удрученный.

Миссис Хэшебай (*поднимаясь*). Ах, вот, наконец, и Элли. (*Обходит диван сзади.*)

Элли (*остановившись в двери с правого борта*). Гинесс сказала, что вы хотели меня видеть. Вы и папа.

Миссис Хэшебай. Вы заставили нас так долго ждать, что это почти уже потеряло... Ну, впрочем, все равно. Ваш отец совершенно удивительный человек. (*Ласково ерошит ему волосы.*) Первый и единственный до сих пор, который мог устоять против меня, когда я изо всех сил старалась понравиться.

(*Подходит к большому креслу по левую сторону Менгена.*)
Подите сюда. Я хочу вам что-то показать.

Элли безучастно подходит к креслу с другой стороны.

Полюбуйтесь.

Элли (*смотрит на Менгена без всякого интереса*). Я знаю. Он спит. Мы с ним тут говорили после обеда, и он заснул среди разговора.

Миссис Хэшебай. Вы его усыпили, Элли?

Мадзини (*быстро вскакивает и подходит к спинке кресла*). Нет, надеюсь, это не ты. Разве ты, в самом деле, сделала это, Элли?

Элли (*устало*). Он сам меня попросил.

Мадзини. Но ведь это очень опасно. Ты помнишь, что тогда со мной было?

Элли (*совершенно равнодушно*). Да, я думаю, я сумею разбудить его. Ну, а не я, так другой кто-нибудь.

Миссис Хэшебай. В конце концов это не важно, потому что я, наконец, убедила вашего отца, что вам не следует выходить за него замуж.

Элли (*внезапно выходя из своего равнодушия, очень раздосадованная*). А зачем вы это делали? Я хочу выйти за него замуж. Я твердо решила выйти за него.

Мадзини. Ты вполне уверена в этом, Элли? Миссис Хэшебай

- дала мне почувствовать, что я в этом деле проявил, быть может, некоторый эгоизм и легкомыслие.
- Элли (*очень отчетливо, внятно и уверенно*). Папа, если когда-нибудь миссис Хэшебай еще раз возьмет на себя смелость объяснить тебе, что я думаю и чего я не думаю, ты заткни уши покрепче и закрой глаза. Гесиона ничего обо мне не знает. Она не имеет ни малейшего понятия, что я за человек — и никогда этого не поймет. Обещаю тебе, что я никогда не буду делать ничего такого, чего бы я не хотела и не считала бы нужным для собственного блага.
- Мадзини. Ты в этом вполне, вполне уверена?
- Элли. Вполне, вполне. Ну, а теперь иди и дай нам поговорить с миссис Хэшебай.
- Мадзини. Мне хотелось бы послушать. Разве я помешаю?
- Элли (*неумолимо*). Я предпочитаю поговорить с ней наедине.
- Мадзини (*нежно*). Ну хорошо, хорошо. Я понимаю. Родители — всегда помеха. Я буду паинькой. (*Идет к двери в сад.*) Да, кстати, ты не помнишь, как адрес того специалиста, который меня разбудил? Как ты думаешь, не послать ли ему сейчас телеграмму?
- Миссис Хэшебай (*направляясь к дивану*). Сегодня уж поздно телеграфировать.
- Мадзини. Да, пожалуй. Ну, я надеюсь, он ночью сам проснется. (*Уходит в сад.*)
- Элли (*едва только отец выходит из комнаты, круто поворачивается к Гесионе*). Гесиона, какого черта вы заводите такие неприятные разговоры с отцом из-за Менгена?
- Миссис Хэшебай (*сразу теряя самообладание*). Как вы смеете так разговаривать со мной, противная девчонка? Не забывайте, что вы у меня в доме!
- Элли. Чепуха! Зачем вы суетесь не в свое дело. Вам-то что, выйду я за Менгена замуж или нет?
- Миссис Хэшебай. Вы что, думаете запугать меня? Вы, маленькая авантюристка, которая ищет себе мужа!
- Элли. Всякая женщина, у которой нет денег, ищет себе мужа. Вам хорошо болтать. Вы никогда не знали, что это такое вечно быть без денег. Вы можете себе подхватывать мужчин, как цветочки по дороге. А я, бедная, порядочная...
- Миссис Хэшебай (*прерывает ее*). Ха! Порядочная. Как вы подцепили Менгена? Как вы подцепили моего мужа? И у вас хватает дерзости говорить мне, что я... я...
- Элли. Сирена, вот вы кто. Вы созданы для того, чтобы водить мужчин за нос. Если бы это было не так, Марк, может быть, дождался бы меня.
- Миссис Хэшебай (*внезапно остывая и уже полусмеясь*). Ах, бедняжка моя Элли, детка моя! Бедная моя крошка! Мне до

того жаль, что это так вышло с Гектором. Но что же я могу сделать? Ведь я не виновата. Я бы вам его уступила, если бы могла.

Элли. Я вас и не виню.

Миссис Хэшебай. Какая же я скотина, что начала с вами ругаться. Ну, идите ко мне, поцелуйте и скажите, что не сердитесь.

Элли *(злбно)*. Ах, перестаньте вы, пожалуйста, сюсюкать, изливаться и сентиментальничать. Неужели вы не понимаете, что если я не заставлю себя быть жестокой, жестокой, как камень, то я сойду с ума. Мне совершенно наплевать, что вы меня ругали и обзывали как-то. Неужели вы думаете, что для женщины в моем положении могут что-нибудь значить какие-то там слова?

Миссис Хэшебай. Беденькая вы моя женцинка! Такое ужасное положение!

Элли. Вам, наверно, кажется, что вы необыкновенно чуткая. А вы просто глупое, взбалмошное, эгоистическое существо. Вы видите, как меня ударило — ударило прямо в лицо, — и это убило целую и лучшую часть моей жизни — ту, что уже никогда теперь не вернется. И вы воображаете, что можно меня утешить вот этими поцелуями и сюсюканьем. Когда мне нужно собрать в себе всю силу, чтобы я могла хоть на что-нибудь опереться, на что-то железное, каменное, — все равно, как бы это ни было больно, — вы болтаете тут всякую чепуху и причитаете надо мной. Я не сержусь; я не чувствую к вам никакой вражды. Но только, бога ради, возьмите вы себя в руки и не думайте, пожалуйста, что если вы всю жизнь нежились в бархате и сейчас так живете, то женщины, которые жили в самом настоящем аду, могут так же легко ко всему относиться, как и вы.

Миссис Хэшебай *(пожимая плечами)*. Превосходно. *(Садится на диван, на старое место.)* Но я должна предупредить вас, что когда я не сюсюкаю, не целуюсь, не смеюсь, то я только об одном думаю: сколько еще я могу выдержать в этом проклятом мире, наполненном жестокостью. Сирены вам не нравятся. Хорошо, оставим сирен в покое. Вы хотите успокоить ваше израненное сердце на жернове. Отлично. *(Скрещивая руки на груди.)* Вот вам жернов.

Элли *(усаживается около нее, несколько успокоившись)*. Так-то вот лучше. У вас поистине удивительная способность — приладиться к любому настроению. Но все равно вы ничего не понимаете, потому что вы не из того сорта женщин, для которых существует только один мужчина и одна возможность.

Миссис Хэшебай. Я, конечно, совершенно не понимаю, каким образом, связав себя с этим чучелом, вы утешитесь в том, что не можете стать женою Гектора.

Элли. Вы, вероятно, не понимаете и того, почему сегодня утром я была такой милой девочкой, а сейчас я уже не девочка и не такая уж милая.

Миссис Хэшебай. Нет, это я понимаю. Потому что вы вбили себе в голову, что вы должны сделать что-то гадкое и мерзкое.

Элли. Нет, этого у меня нет в мыслях, Гесиона. Но я должна что-то постараться сделать с этим моим разбитым корытом.

Миссис Хэшебай. Ну-у! Все это вы переживете. И корыто ваше целехонько.

Элли. Конечно, переживу. Надеюсь, вы не воображаете, что я сяду, сложив руки, и буду ждать, когда я умру от разбитого сердца или останусь старой девой, которая живет на подаяние общества помощи престарелым инвалидам. Но все равно — сердце у меня разбито. Я просто хочу сказать этим, что я знаю — то, что было у меня с Марком, больше для меня никогда не повторится. И в мире для меня существует Марк и безликая масса других мужчин, которые все одинаковы. Но если мне отказано в любви, это еще не значит, что я к тому же должна жить в бедности. И если у Менгена нет ничего другого, так у него по крайней мере есть деньги.

Миссис Хэшебай. А разве нет на свете молодых людей с деньгами?

Элли. Для меня нет. Кроме того, молодой человек будет вправе ожидать от меня любви и, возможно, бросит меня, когда увидит, что ничего такого я ему дать не могу. Богатые молодые люди, вы сами знаете, имеют возможность очень легко отделаться от своих жен. А это чучело, как вы изволите выражаться, не может от меня ждать ничего, кроме того, что я намерена ему предоставить.

Миссис Хэшебай. Вы будете его собственностью, не забудьте. Если он вас купит, он постарается, чтобы эта сделка была выгодна ему, а вовсе не вам. Спросите-ка у вашего отца.

Элли *(встает, подходит к креслу и разглядывает предмет их разговора)*. Об этом вы можете не беспокоиться, Гесиона. Я могу больше дать Боссу Менгену, чем он мне. Это я его покупаю, и за хорошую цену. Женщины в такого рода сделках судят лучше мужчин. И десять Боссов Менгенов не помешают мне делать то, что мне заблагорассудится в качестве его жены, и много больше, чем если бы я осталась бедной девушкой. *(Наклоняясь над неподвижным телом.)* Ведь правда, не помешают, Босс? Я думаю, нет. *(Идет к*

чертежному столу, останавливается, прислонившись к нему, и смотрит в окно.) Во всяком случае мне не придется вечно думать о том, долго ли еще продержатся мои перчатки.

Миссис Хэшебай (*величественно поднимаясь*). Элли! Вы маленькое порочное, подленькое животное. И подумать только: я снизошла до того, что старалась пленить эту жалкую тварь, чтобы спасти вас от него. Так вот, разрешите заявить вам следующее: если вы вступите в этот омерзительный союз, вы больше никогда не увидите Гектора, поверьте мне.

Элли (*невозмутимо*). Я сразила Менгена, пригрозив ему, что если он не женится на мне, так он вас больше никогда в глаза не увидит. (*Она притоднимается на руках и садится на край стола.*)

Миссис Хэшебай (*содрогаясь*). Вы... вы...

Элли. Так что видите, этот ваш козырь—он для меня не неожиданность. А впрочем, ну что ж, попробуйте. Посмотрим. Я могла бы сделать из Марка человека, а не комнатную собачку.

Миссис Хэшебай (*вспыхивая*). Как вы смеете?

Элли (*с почти угрожающим видом*). А вот попробуйте, дайте ему повод думать обо мне; посмотрим, как вы посмеете.

Миссис Хэшебай. Нет, в жизни моей не видела такого наглого чертенка! Гектор говорит, что есть предел, после которого единственный ответ человеку, не желающему знать никаких правил, это хорошая оплеуха. Что, если я надеру вам уши?

Элли (*спокойно*). Вцеплюсь вам в волосы.

Миссис Хэшебай (*ехидно*). А я бы и не почувствовала. Может быть, я их снимаю на ночь.

Элли (*так поражена, что соскакивает со стола и подбегает к ней*). О нет, не может быть, Гесиона, чтобы эти чудесные волосы были фальшивые.

Миссис Хэшебай (*поглаживая свои волосы*). Только вы не говорите Гектору: он ведь думает, что они настоящие.

Элли (*со стоном отчаяния*). О, даже волосы, которыми вы опутали его,—все, все фальшивое!

Миссис Хэшебай. Ну-ка, потяните, попробуйте. Есть женщины, которые своими волосами ловят мужчин, как в сеть, а я вот на своих укачиваю младенца. А вам, золотые локончики, этого не сделать!

Элли (*убитая*). Нет, не сделать. Вы украли моих младенцев.

Миссис Хэшебай. Душенька, ведь я сейчас заплачу. Вы знаете, вот то, что вы сказали, будто я из него делаю комнатную собачку, это до некоторой степени правда. Может быть, ему следовало подождать вас. Ну разве

какая-нибудь другая женщина на свете простила бы вам это?

Элли. Ах, но по какому праву вы забрали его всего, всего целиком и только для себя! *(Овладевая собой.)* Ну довольно, вы тут ничем не виноваты. И никто не виноват. И он не виноват. Нет, нет, не говорите мне больше ничего. Я не могу этого вынести. Давайте разбудим наше чучело. *(Начинает поглаживать Менгена по голове в обратном направлении — от ушей ко лбу.)* Проснитесь, слышите? Вы должны сейчас же проснуться. Проснитесь. Проснитесь. Просни...

Менген *(подскакивает в кресле и в ярости накидывается на них)*. Проснитесь! Так вы думаете, я спал? *(В бешенстве отталкивает ногой стул и становится между ними.)* Вы меня вогнали в такой столбняк, что я не мог шевельнуть ни ногой, ни рукой. Меня могли бы так похоронить заживо! Хорошо, что до этого хоть не дошло. А они думают, что я просто спал! Если бы я свалился на пол оба раза, когда вы меня тут трясли, я бы сломал себе нос ко всем чертям и остался бы так на всю жизнь. Но зато теперь я вас всех знаю вдоль и поперек. Знаю, что вы за публика и куда я попал. Я слышал каждое ваше слово. И ваше — и вашего драгоценного папаши — и *(к миссис Хэшебай)* ваше тоже. Итак, значит, я чучело! Я ничтожество! Я дурак! Дурак, который даже не знает, что ему есть. Я, видите ли, боюсь рабочих, которые бы все подошли с голоду, если бы я не кормил их, давая им заработок. Я отвратительный старый скупердяй, который только и годится, чтобы им пользовались ловкие женщины и его собственные безмозглые управляющие. Я...

Миссис Хэшебай *(с апломбом самого изысканного свойства)*. Ш-ш-ш... ш-ш-ш... ш-ш-ш... Мистер Менген, ваше достоинство обязывает вас вычеркнуть из памяти все, что вы слышали в то время, когда вы так мило притворялись, что изволите спать. Это отнюдь не предназначалось для вашего слуха.

Менген. Притворялся! Неужели вы думаете, что, если бы я только притворялся, я бы лежал здесь беспомощный и выслушивал всю эту клевету, ложь, несправедливость? Терпел бы это ляганье в спину, это поношение... Если бы я только мог встать и сказать вам всем, что я о вас думаю! Удивляюсь, как меня не разорвало.

Миссис Хэшебай *(воркующим голосом)*. Вам все это приснилось, мистер Менген. Мы только говорили, какой у вас удивительно мирный вид во сне. Вот и все. Ведь правда, Элли? Поверьте мне, мистер Менген, все эти неприятные вещи причудились вам в самую последнюю секунду, перед

тем как вы проснулись. Это просто Элли погладила вас по голове против шерсти. И это пренеприятное ощущение вызвало у вас такой неприятный сон.

Менген (*угрюмо*). Я верю снам.

Миссис Хэшебай. Я тоже. Только они всегда сбываются наоборот.

Менген (*все его чувство бурно прорывается наружу*). Нет, я до самой смерти не забуду, что, когда вы кокетничали со мной в саду, вы просто дурачили меня. Это было грязно, подло, недостойно так поступать. Вы не имели права привлекать меня к себе, если я вам внушал такое отвращение. Не моя вина, что я не молод и что у меня усы не вроде бронзовых канделябров, как у вашего уважаемого супруга. Есть вещи, которые порядочная женщина не позволит себе по отношению к мужчине, как мужчина не позволит себе ударить женщину в грудь.

Гесиона, пристыженная, садится на диван и закрывает лицо руками. Менген тоже опускается в кресло и начинает всхлипывать, как ребенок. Элли переводит глаза с одного на другого. Миссис Хэшебай, услышав эти жалобные звуки, отнимает руки от лица и глядит на Менгена. Потом вскакивает и подбегает к нему.

Миссис Хэшебай. Не плачьте. Я не могу этого вынести. Неужели я разбила ваше сердце? Я не знала, что оно у вас есть. Разве я могла это знать?

Менген. Мужчина я или нет?

Миссис Хэшебай (*полуласкательно, полушутя и вместе с тем очень умильно*). Ах, нет. Не то, что я называю мужчиной. Вы — Босс. И больше ничего. Ну, а зачем же Боссу сердце?

Менген. Значит, вы нисколько не раскаиваетесь? Вам не стыдно?

Миссис Хэшебай. Мне стало стыдно в первый раз в жизни, когда вы сказали, что это то же, что ударить женщину в грудь. И я поняла, что я наделала. Я чуть не сгорела от стыда. Вы взяли свое, Босс. Разве вам этого мало?

Менген. Так вам и надо! Вы слышите — так и надо! Вы жестокая, только одно и можно сказать — жестокая!

Миссис Хэшебай. Ну что же, жестокость была бы очень приятной вещью, если бы можно было найти такую жестокость, которая не причиняла бы боли. Кстати (*усаживается около него на ручку кресла*), как вас зовут? Ведь не Босс же, наконец!

Менген (*отрывисто*). Если вам угодно знать, меня зовут Альфред.

Миссис Хэшебай (*вскакивает*). Альфред! Элли, его зовут, как Теннисона!

Менген (*вставая*). Меня так называли в честь моего дядюшки, от которого я никогда ни пенни не получил, будь он проклят. Но что из этого следует?

Миссис Хэшебай. Мне вдруг, знаете, пришло в голову, что ведь и вы тоже человек, что у вас была мать, как и у всякого другого. (*Кладет ему руки на плечи и разглядывает его.*) Крошка Альф.

Менген. Ну и характер же у вас!

Миссис Хэшебай. А у вас, оказывается, есть сердце, Альф. Крошечное такое, жалкое сердечко, но все-таки настоящее. (*Внезапно отпуская его.*) Ну, а теперь идите и помиритесь с Элли. У нее было достаточно времени, чтобы придумать, что вам сказать. Гораздо больше, чем у меня. (*Быстро уходит в сад через правую дверь.*)

Менген. Эта женщина своими руками вам всю душу наизнанку вывернет.

Элли. Вы по-прежнему еще влюблены в нее, несмотря на все, что мы о вас говорили.

Менген. Неужели все женщины такие, как вот вы с ней? Неужели они ничего больше не думают о мужчине, кроме того, что от него можно получить? А вы даже и этого не думали обо мне. Вы думали только о том, сколько времени проносятся ваши перчатки.

Элли. Когда мы с вами поженимся, мне не придется больше об этом думать.

Менген. И вы рассчитываете, что я женюсь на вас после того, что я здесь слышал?

Элли. Вы не слышали от меня ничего такого, чего бы я не говорила вам раньше.

Менген. Вы, верно, думаете, что я без вас жить не могу.

Элли. Я думаю, что теперь вы будете чувствовать себя одиноким без всех нас — теперь, когда вы нас так хорошо узнали.

Менген (*с каким-то воплем отчаяния*). Неужели за мной никогда не останется последнее слово?

Капитан Шотовер (*появляется в двери из сада*). Чья это душа предается здесь мучениям ада? Что тут случилось?

Менген. Эта девица не желает всю жизнь думать о том, сколько времени проносятся ее перчатки.

Капитан Шотовер (*проходит через комнату*). А зачем они? Я их никогда не ношу. (*Исчезает в кладовой.*)

Леди Эттеруорд (*появляясь из двери с левого борта в роскошном обеденном туалете*). Что это такое здесь происходит?

Элли. Этот джентльмен интересуется, останется ли за ним когда-нибудь последнее слово.

Леди Эттеруорд (*подходит к дивану*). Я бы ему позволила

сказать последнее слово, дорогая. Самое главное, это вовсе не сказать последнее слово, а поставить на своем.

Менген. Она хочет и того и другого.

Леди Эттеруорд. Этого ей не добиться, мистер Менген. Последнее слово всегда остается за провидением.

Менген (*в совершенном испуге*). Вот теперь вы еще будете меня религией пичкать. В этом доме человеком играют, точно футбольным мячом. Я ухожу. (*Направляется в переднюю, но его останавливает окрик капитана, появляющегося из кладовой.*)

Капитан Шотовер. Куда вы это, Босс Менген?

Менген. К черту из этого дома. Ну, довольно этого с вас? С вас и со всех остальных?

Капитан Шотовер. Двери открыты, вы свободно можете войти и уйти. Вся ширь земная, просторы морей и купол неба ожидают вас.

Леди Эттеруорд. А ваши вещи, мистер Менген? Ваши чемоданы, щетки, гребенки? Ваши пижамы?

Гектор (*появляясь в двери с правого борта в красивом костюме бедуина*). Зачем этот беглый раб потащит с собой свои цепи?

Менген. Правильно, Хэшебай. Оставьте себе мои пижамы, миледи. Может быть, пригодятся.

Гектор (*подходит слева к леди Эттеруорд*). Давайте все уйдем в мрак ночной и бросим все, оставим все позади.

Менген. Нет, вы оставьте там, где вы есть. В обществе я не нуждаюсь. Особенно в женском.

Элли. Пусть идет. Он чувствует себя здесь несчастным. Он рассердился на нас.

Капитан Шотовер. Ступайте, Босс Менген. И когда вы обретете страну, где есть счастье и нет женщин, сообщите мне ее координаты. Я присоединюсь к вам.

Леди Эттеруорд. Вам, конечно, будет очень неудобно без ваших вещей, мистер Менген.

Элли (*нетерпеливо*). Идите, идите. Почему же вы не уходите? Такая ночь чудесная. Уснете в поле или там, в вереске. Возьмите мой плащ, вы можете его себе постелить. Он висит в передней.

Гектор. Утренний завтрак у нас в девять. А то можете позавтракать с капитаном в шесть утра.

Элли. Покойной ночи, Альфред.

Гектор. Альфред! (*Бежит к двери и кричит в сад.*) Рэнделл! Менгена зовут Альфредом.

Рэнделл (*в смокинге появляется в двери слева*). Значит, Гесиона выиграла пари.

В двери с правого борта появляется миссис Хэшебай, левой рукой она обхватывает шею Гектора, увлекает его к дивану, а правой рукой обнимает за шею леди Эттеруорд.

Миссис Хэшебай. Они мне не верили, Альф.

Все с интересом смотрят на Менгена.

Менген. Может быть, тут еще кто-нибудь найдется, кто хочет прийти посмотреть меня, точно я последняя новинка в зверинце.

Миссис Хэшебай. Вы и есть последняя новинка в этом зверинце.

Прежде чем Менген успевает ответить, слышно, как наверху падает что-то тяжелое, затем раздается выстрел и чей-то пронзительный вопль. Трио, уставившееся на Менгена, в смутении рассыпается.

Голос Мадзини (*сверху*). Сюда! На помощь! Вор!

Гектор (*сверкая глазами*). Вор!

Миссис Хэшебай. Нет, нет, Гектор, тебя убьют!

Но уже поздно, он стрелой пронесется мимо Менгена, который поспешно сторонится к книжной полке, чтобы дать ему дорогу.

Капитан Шотовер (*свистит в свой корабельный свисток*). Все наверх! (*Шагает вслед за Гектором.*)

Леди Эттеруорд. Мои брильянты! (*Бросается за капитаном.*)

Рэнделл (*бежит за ней*). Нет, Ариадна, позвольте мне!

Элли. О, может быть, папу убили! (*Выбегает.*)

Миссис Хэшебай. Вам страшно, Альф?

Менген. Нет. Слава богу, это не мой дом.

Миссис Хэшебай. Если вора поймают, нам придется, наверно, выступить в суде в качестве свидетелей? И нам будут задавать всякие вопросы о нашей частной жизни.

Менген. Только не вздумайте говорить там правду, вам никто не поверит.

Из передней, страшно взволнованный, с громадным дуэльным пистолетом в руке, входит Мадзини и идет к чертежному столу.

Мадзини. Ах, дорогая миссис Хэшебай, я чуть было не уложил его. (*Бросает пистолет на стол и, шатаясь, подходит к стулу.*)

Надеюсь, вы не думаете, что я действительно собирался его ухлопать?

Входит Гектор, ведя перед собой за шиворот старого грязного оборванца, выводит его на середину комнаты и отпускает. Следом за ними входит Элли, тотчас же бежит к отцу и, перегнувшись через спинку стула, обнимает его за плечи.

Рэнделл (*входит с кочергой*). Посторожите-ка эту дверь, Менген. А я пока буду стеречь другую. (*Подходит к правой двери и становится там на страже.*)

Вслед за Рэнделлом входит леди Эттеруорд и становится между миссис Хэшебай и Менгеном. Последней появляется няня Гинесс и останавливается около двери, слева от Менгена.

Миссис Хэшебай. Что случилось?

Мадзини. Ваша экономка сказала мне, что кто-то забрался наверх, и дала мне пистолет, из которого мистер Хэшебай упражняется в стрельбе. Я собирался только припугнуть вора. Но едва я прикоснулся к этой штуке, как она выпала.

Вор. Да. И раскровянила мне ухо. Хорошо еще, что в лоб не угодила. Почему вы не заведете себе настоящий револьвер вместо этой штуковины, которая палит, стоит только на нее дунуть.

Гектор. Это один из моих дуэльных пистолетов. Простите. Мадзини. Он сейчас же поднял руки вверх и заявил, что он сдается, потому что его поймали по всем правилам.

Вор. Так оно и было. Посылайте за полицией.

Гектор. Нет, клянусь честью, его совсем не по правилам поймали: нас было четверо против одного.

Миссис Хэшебай. Что же они теперь с ним сделают?

Вор. Десять лет. И прямо в одиночную. Десять лет вон из жизни. Мне уж столько не отсидеть, я слишком стар. Это для меня гроб.

Леди Эттеруорд. Что же вы не подумали об этом перед тем, как лезть за моими брильянтами?

Вор. Но ведь вы же их получили обратно, леди. А вы сможете вернуть мне обратно десять лет моей жизни, которые вы у меня отнимаете?

Миссис Хэшебай. Нет, невозможно похоронить заживо человека на десять лет за несколько брильянтов.

Вор. Десять маленьких блестящих камешков. Десять долгих черных лет в аду.

Леди Эттеруорд. Только представить себе, что нам предстоит пройти через все ужасы уголовного суда! И все наши семейные дела попадут в газеты. Если бы вы были туземцем и Гастингс велел бы вас висеть как следует и вон выгнать, я бы слова не сказала. Но здесь, в Англии, у порядочных людей нет никакой защиты.

Вор. Я уж слишком стар для порки, леди. Посылайте за полицией, да и кончим дело. Это будет только справедливо. Вы правильно поступите.

Рэнделл (*убедившись в мирных намерениях вора, ослабляет свою бдительность и выходит вперед, покачивая кочергой, точно это аккуратно сложенный зонтик*). Друг мой, я не вижу ничего правильного и справедливого в том, что мы

обременим себя кучей неприятностей для облегчения вашей проснувшейся совести. Лучше убирайтесь-ка подобру-поздорову, пока вам предоставляется эта возможность.

Вор (*неумолимо*). Нет. Я должен снять грех с моей совести. Мне словно голос с неба провещал. Дайте мне провести остаток моей жизни в темнице, в раскаянии. Я получу мою награду на небесах.

Менген (*в негодовании*). Даже воры — и те не могут вести себя естественно в этом доме.

Гектор. Придется вам, милый человек, потрудиться заработать себе спасенье за чей-либо другой счет. Здесь никто не собирается передавать вас в руки закона.

Вор. Ах, так вы не хотите передавать меня в руки закона?

Гектор. Нет. Простите, что мы так негостеприимны, но не будете ли вы так добры убраться отсюда?

Вор. Отлично. Я отправляюсь в полицейский участок и сам повинюсь. (*Решительно направляется к двери, но Гектор останавливает его.*)

Гектор } Нет, вы этого не сделаете.

Рэнделл } Нет, нет, выкатывайтесь вон, милейший, не ломайте дурака.

Миссис } Да будет вам чудить! Что, вы не можете дома
Хэшебай } раскаяться?

(все вместе)

Леди Эттеруорд. Извольте делать то, что вам говорят.

Вор. Вы, значит, покрываете преступление. Вы это понимаете?

Миссис Хэшебай. Но это же совершеннейший абсурд. Кто может нас заставить преследовать человека, когда мы этого не хотим?

Вор. А что у меня похитят мое спасенье — и только из-за того, что вам не хочется провести один денек на заседании суда, это, по-вашему, справедливо? Это правильно? Это честно по отношению ко мне?

Мадзини (*поднимается и, перегнувшись через стол, говорит проникновенно-убедительным тоном, словно он стоит за пюпитром проповедника или за прилавком*). Ну, полно, полно. Хотите, я научу вас, как вы можете обратить в вашу пользу даже ваше преступление? Почему бы вам не сделаться слесарем? Вы в замках хорошо понимаете; лучше, чем большинство честных людей.

Вор. Это верно, сэр. Только, для того чтобы стать слесарем, надо иметь самое малое двадцать фунтов.

Рэнделл. Что вам стоит украсть двадцать фунтов? Подите в ближайший банк — и готово.

Вор (*в ужасе*). Но как же это джентльмен может вбивать такие

мысли в голову бедному преступнику, пытающемуся вы-
браться из греховной бездны? Стыдитесь, сэр! Да простит
вам бог. *(Бросается в кресло и закрывает лицо руками, словно
молясь.)*

Леди Эттеруорд. В самом деле, Рэнделл!

Гектор. Мне кажется, нам придется сделать сбор в пользу этого
некстати раскаявшегося грешника.

Леди Эттеруорд. Но двадцать фунтов — это просто смешно.
Вор *(быстро открывая лицо)*. Сколько мне придется купить
инструментов, леди!

Леди Эттеруорд. Глупости, у вас есть ваши воровские
инструменты.

Вор. Фомка, сверло, ацетиленовая лампа, связка отмычек — вот
и все. Что с этим сделаешь? Мне понадобится горн,
кузница, мастерская и всякое там оборудование. Да и на
двадцать-то не обойдешься.

Гектор. Почтеннейший, у нас нет двадцати фунтов.

Вор *(чувствуя себя хозяином положения)*. Но ведь вы бы могли
собрать между собой.

Миссис Хэшебай. Дай ему фунт стерлингов, Гектор, и
прогони его.

Гектор *(протягивает ему фунт)*. Вот. А теперь вон отсюда.

Вор *(встает, берет деньги без малейшей признательности)*.
Я ничего не могу вам обещать. У вас, я полагаю, могло бы
найтись и побольше, у всех-то.

Леди Эттеруорд *(энергично)*. Давайте-ка отправим его куда
следует и покончим с этим. У меня тоже есть совесть, я
полагаю. И я вовсе не уверена в том, что мы имеем право
отпускать его вот так на свободу, в особенности если он
дерзит, да еще и торгуется.

Вор *(поспешно)*. Ладно, ладно, леди. Я не собираюсь доставлять
вам никаких неприятностей. До свиданья, леди и джентль-
мены, премного вам благодарен. *(Поспешно идет к выходу, но
в дверях сталкивается с капитаном Шотовером.)*

Капитан Шотовер *(смотрит на него пронизывающим взгля-
дом)*. Это еще что такое? Да что, вас двое, что ли?

Вор *(падает на колени перед капитаном, трясясь от страха)*.
О господи, что я наделал. Неужели же это я к вам залез,
капитан Шотовер?

*Капитан хватая его за шиворот, ставит на ноги и ведет на
середину комнаты. Гектор отступает назад, к жене, чтобы
дать им дорогу.*

Капитан Шотовер *(поворачивает его к Элли)*. Это твоя дочь?
(Отпускает его.)

Вор. Да откуда же я могу это знать, капитан? Знаете ведь, какой
мы с вами вели образ жизни. Можно сказать, любая

молодая девушка этого возраста в любом уголке мира могла бы быть моей дочерью.

Капитан Шотовер (к *Мадзини*). Вы не Билли Дэн. Вот Билли Дэн. Вы обманывали меня?

Вор (возмущенно, к *Мадзини*). Вы выдавали себя за меня? И вы же чуть не всадили мне пулю в лоб? Выходит, вы, если можно так выразиться, за самим собой охотились.

Мадзини. Дорогой капитан Шотовер, с тех пор как я переступил порог вашего дома, я только и делал, что старался убедить вас, что я не мистер Вильям Дэн, а Мадзини Дэн, совершенно другой человек.

Вор. Он не по той линии, капитан. У нас в роду две ветви: Дэны-ученые и Дэны-пьянчуги. И каждая ветвь идет своей дорогой. Я из Дэнов-пьянчуг. А он из тех, которые мозгами ворочают. Но это не дает ему никакого права охотиться за мной.

Капитан Шотовер. Итак, значит, ты стал вором?

Вор. Нет, капитан. Я не позволю себе опорочить наше морское звание. Я не вор.

Леди Эттеруорд. А что же вы делали с моими брильянтами?

Няня. А зачем же ты в дом-то залез, коли ты не вор?

Рэнделл. Принял его за свой собственный? Ошибся окошком?

Вор. Теперь уж мне нет нужды врать. Я могу провести любого капитана, но только не капитана Шотовера, потому что он на Занзибаре продался черту, может достать воду из-под земли, знает, где лежит золото, может взорвать патрон у тебя в кармане одним взглядом и видит правду, скрытую в сердце человека. Только я не вор.

Капитан Шотовер. Что же, ты честный человек?

Вор. Я никогда не старался быть лучше моих ближних, как вы хорошо знаете, капитан. Но то, что я делаю,—это дело невинное и даже богоугодное. Я просто разужнаю по соседству насчет домов, где хорошие люди живут, ну и поступаю вот так, как я здесь поступил. Забираюсь в дом, кладу в карман несколько ложечек или там брильянтов, потом поднимаю шум, даю себя поймать, а затем делаю сбор. И вы представить себе не можете, какое это трудное дело заставить себя поймать, когда ты сам этого хочешь. Как-то раз в одном доме пришлось изломать все стулья, и хоть бы одна душа живая проснулась. В конце концов так и пришлось уйти.

Рэнделл. А когда так случается, вы кладете на место ложки и брильянты?

Вор. Да как вам сказать. Если уж вы хотите знать, я не перечу воле божьей.

Капитан Шотовер. Гинесс, вы помните этого человека?

Гинесс. Еще бы мне не помнить, раз я была замужем за ним, за душегубом.

Миссис Хэшебай }
Леди Эттеруорд } *(вместе)* Замужем за ним?
Гинесс!!!

Вор. Это был незаконный брак. Много у меня таких жен было. Нечего на меня клепать.

Капитан Шотовер. Отведите его на бак. *(Отпихивает его к двери с неожиданной для своего возраста силой.)*

Няня. Вы хотите сказать — в кухню. Да разве его туда пустят? Вы думаете, прислуга захочет водить компанию со всякими ворами и бродягами?

Капитан Шотовер. Воры сухопутные и воры морские — одной плоти и крови. Я боцмана у себя на шканцах не потеряю. Вон отсюда оба!

Вор. Есть вон отсюда, капитан. *(Покорно уходит.)*

Мадзини. А это не опасно, оставить его вот так, в доме?

Няня. И что же это вы его не убили, сэр? Знала бы я, кто это, так сама бы убила. *(Уходит.)*

Миссис Хэшебай. Садитесь, пожалуйста, господа. *(Усаживается на диван.)*

Каждый выбирает себе местечко, за исключением Элли. Мадзини садится на свое прежнее место. Рэнделл присаживается на подоконник у двери с правого борта и, снова покачивая свою кочергу наподобие маятника, пылливо, словно Галилей, наблюдает за нею. Гектор садится слева от него, посредине. Менген, всеми забытый, пристраивается в углу налево. Леди Эттеруорд усаживается в большое кресло. Капитан Шотовер в глубокой задумчивости уходит в кладовую. Все провожают его глазами, а леди Эттеруорд многозначительно кашляет.

Так, Билли Дэн — это герой романа нашей бедной няни. Я знала, что у нее что-то такое было.

Рэнделл. Теперь у них снова пойдут перепалки, и оба будут вкушать полное блаженство.

Леди Эттеруорд *(раздраженно)*. Вы не женаты. Ничего в этом не понимаете, Рэнделл. Придержите язык.

Рэнделл. Тиранша!

Миссис Хэшебай. Ну вот, у нас был необыкновенно занимательный вечер. Дальше уж все будет не так интересно. Пожалуй, лучше идти спать.

Рэнделл. А вдруг еще кто-нибудь залезет?

Мадзини. Ах нет, немисливо. Надеюсь, что нет.

Рэнделл. А почему? Ведь не один же у нас вор на всю Англию?

Миссис Хэшебай. А вы что скажете об этом, Альф?

Менген (*обиженно*). Ну что мое мнение значит? Обо мне забыли. Вор меня совершенно затмил. Ткните меня куда-нибудь в угол и забудьте обо мне.

Миссис Хэшебай (*вскакивает и с явно злонамеренным видом направляется к нему*). Не хотите ли прогуляться до верескового луга, Альфред? Со мной?

Элли. Ступайте, мистер Менген. Вам будет полезно. Гесиона вас утешит.

Миссис Хэшебай (*взяв его под руку, поднимает его*). Идемте, Альфред. Луна. Ночь. Прямо как в «Тристане и Изольде». (*Гладит его руку и тащит его к двери в сад.*)

Менген (*упирается, но поддается*). И как это у вас духу хватает, сердца... (*Чувства его прорываются наружу, из-за двери доносятся его рыдания.*)

Леди Эттеруорд. Что за непонятная манера вести себя? Что с ним такое, с этим человеком?

Элли (*странно спокойным голосом, устремив глаза в какую-то воображаемую даль*). У него разбивается сердце, вот и все.

В дверях кладовой появляется капитан и слушает.

Странное это ощущение — боль, которая милосердно уводит нас за пределы наших чувств. Когда сердце разбито, все корабли сожжены, тогда уж все, все равно. Конец счастья и начало покоя.

Леди Эттеруорд (*неожиданно вскакивает в бешенстве, ко всеобщему удивлению*). Как вы смеете?

Гектор. Боже милостивый. Да что случилось?

Рэнделл (*предостерегающе, шепотом*). Ш-шш... ш-шш... Тише!

Элли (*удивленно и надменно*). Я не обращаюсь лично к вам, леди Эттеруорд. И я не привыкла, чтобы меня спрашивали, как я смею.

Леди Эттеруорд. Разумеется, нет. Всякий может видеть, как вы дурно воспитаны.

Мадзини. Ах, нет! Надеюсь, нет, леди Эттеруорд. Нет, в самом деле!

Леди Эттеруорд. Я прекрасно понимаю, что вы хотите сказать. Какая наглость!

Элли. А что собственно вы хотите сказать?

Капитан Шотовер (*подходя к креслу*). Она хочет сказать, что ее сердце не разобьется. Всю жизнь она мечтала о том, чтобы как-нибудь разбить его. А теперь она боится, что разбивать собственно нечего.

Леди Эттеруорд (*бросается на колени и обнимает ноги отца*). Папа, неужели ты думаешь, что у меня нет сердца?

Капитан Шотовер (*поднимает ее с угрюмой нежностью*). Если бы у тебя не было сердца, дитя, как могла бы ты мечтать, чтобы оно у тебя разбилось?

Гектор (*вскакивает, как ужаленный*). Леди Эттеруорд, на вас нельзя положиться — вы устроили сцену. (*Убегает в дверь направо.*)

Леди Эттеруорд. О Гектор, Гектор! (*Бежит за ним.*)

Рэнделл. И все это только нервы, уверяю вас. (*Встает и идет за ней, в волнении размахивая кочергой.*) Ариадна! Ариадна! Бога ради, будьте осторожней... Вы... (*Уходит.*)

Мадзини (*вставая*). Как неприятно! Не могу ли я — как вы думаете — чем-нибудь быть полезным?

Капитан Шотовер (*быстро подвигает стул к чертежному столу и садится за работу*). Нет. Ступайте спать. Покойной ночи.

Мадзини (*оторопев*). О-о! А впрочем, пожалуй, вы и правы. Элли. Покойной ночи, дорогой. (*Целует его.*)

Мадзини. Покойной ночи, милочка. (*Направляется к двери, но потом подходит к книжной полке.*) Я только возьму какую-нибудь книжку. (*Достает книгу с полки.*) Покойной ночи. (*Уходит, оставляя Элли наедине с капитаном.*)

Капитан погружен в свои чертежи. Элли, словно на страже, стоит за его спиной и некоторое время смотрит на него молча.

Элли. Вас никогда ничего не волнует, капитан Шотовер?

Капитан Шотовер. Я выстаивал на мостике по восемнадцати часов во время тайфуна. Здесь, правда, еще более бурно. Но все же я могу выстоять.

Элли. Как вы думаете, следует мне выйти замуж за мистера Менгена или нет?

Капитан Шотовер (*не поднимая головы*). О тот или другой камень разбиться — не все ли равно?

Элли. Я его не люблю.

Капитан Шотовер. А кто это вам говорит, что вы любите?

Элли. Вас это не удивляет?

Капитан Шотовер. Удивляться! В моем возрасте!

Элли. Мне кажется, что это совершенно честно. Я ему нужна для одного, а он мне для другого.

Капитан Шотовер. Деньги?

Элли. Да.

Капитан Шотовер. Ну что ж — одна подставляет щеку, а другой ее целует. Один добывает деньги, а другая тратит.

Элли. Мне интересно, кому из нас выгодней эта сделка?

Капитан Шотовер. Вам. Эти люди всю жизнь сидят у себя в конторе. Вам придется терпеть его только с обеда до утреннего завтрака. Но большую часть этого времени вы оба будете спать. Весь день вы будете распоряжаться собой по собственному усмотрению. И будете тратить его деньги. Если и этого для вас слишком много, выходите замуж за

морьяка дальнего плавания. Он будет надоедать вам не больше, чем недели три за целый год.

Элли. Я думаю, что это было бы самое лучшее.

Капитан Шотовер. Опасное это дело увязнуть в браке с головой, как, например, муж моей старшей дочери. Он целый день торчит дома, словно проклятая душа в преисподней.

Элли. Мне это раньше никогда не приходило в голову.

Капитан Шотовер. Но если вы подходите к этому как к сделке, надо уж и рассуждать по-деловому.

Элли. Почему женщины всегда хотят иметь мужей других женщин?

Капитан Шотовер. Почему конокрады предпочитают объезженную лошадь дикой?

Элли (*с коротким смехом*). Это, пожалуй, верно. Какой подлый мир!

Капитан Шотовер. Меня это не касается. Я уж скоро уйду из него.

Элли. А я еще только вхожу.

Капитан Шотовер. Да. Так будьте начеку.

Элли. Мне кажется, что я действую очень осмотрительно.

Капитан Шотовер. Я не говорил — осмотрительно, я сказал: будьте начеку.

Элли. А в чем тут разница?

Капитан Шотовер. Можно из осмотрительности отдать душу за то, чтобы получить целый мир. Но не забывайте, что ваша душа сама льнет к вам, если вы ею дорожите. А мир — он стремится выскользнуть у вас из рук.

Элли (*устало отходит от него и беспокойно шагает взад и вперед по комнате*). Простите меня, капитан Шотовер, но это совершенно бесполезно разговаривать со мной таким образом. Люди старого уклада ничем не помогут. Люди старого уклада думают, что у человека может существовать душа без денег. Они думают, что чем меньше у тебя денег, тем больше души. А молодежь в наше время иного мнения. Душа, видите ли, очень дорого обходится. Содержать ее стоит гораздо дороже, чем, скажем, автомобиль.

Капитан Шотовер. Вот как? Сколько же она поглощает, ваша душа?

Элли. О, целую пропасть. Она поглощает и музыку, и картины, и книги, и горы, и озера, и красивые наряды, и общество приятных людей, — в этой стране вы лишены всего этого, если у вас нет денег. Вот потому-то наши души так изголодались.

Капитан Шотовер. Душа Менгена питается свиным пойлом.

Элли. Да. Деньги, когда они у него, — это деньги, брошенные

на ветер. Я думаю, может быть, его душа слишком изголодалась, когда он был еще очень молод. Но в моих руках они не будут брошены на ветер. И вот потому, что я хочу сохранить мою душу, я и выхожу замуж из-за денег. И все женщины, если у них мозги на месте, поступают так.

Капитан Шотовер. Есть и иные способы добыть деньги. Почему бы их просто не украсть?

Элли. Потому что я не хочу попасть в тюрьму.

Капитан Шотовер. Единственная причина? Вы уверены, что честность здесь никакой роли не играет?

Элли. Ах, вы ужасно старомодны, капитан! Неужели вы думаете, что есть сейчас на свете молодые девушки, которые считают, что законные и незаконные способы добывать деньги—это честные или нечестные способы? Менген ограбил отца и друзей моего отца. Я бы украла у Менгена все эти деньги, если бы полиция позволила мне это сделать. Но поскольку это не разрешается, я должна их получить обратно, выйдя за него замуж.

Капитан Шотовер. Не могу спорить. Я слишком стар. Мозг мой окончательно сложился. Одно я могу вам сказать: старомодно это или новомодно, но только если вы продадитесь, вы нанесете своей душе такой удар, что никакие книги, картины, концерты, ни все пейзажи мира не залечат его. *(Внезапно встает и направляется в кладовую.)*

Элли *(бежит за ним, хватая его за рукав)*. А почему же вы тогда продались черту на Занзибаре?

Капитан Шотовер *(останавливается изумленный)*. Что-о?

Элли. Нет, вы не уйдете, прежде чем не ответите. Я уж знаю эти ваши замашки. Если вы продались, почему мне нельзя?

Капитан Шотовер. Мне пришлось иметь дело с таким человеческим отребьем, что я только тогда мог заставить себя слушаться, когда ругал их последними словами, хватал за шиворот, бил кулаками. Глупцы забирали на улице несовершеннолетних воришек и отправляли их на учебное судно, где их учили бояться палки, вместо того чтобы бояться бога, думая, что такого рода служба сделает из них мужчин и моряков. Я обманул этих воришек, внушив им, что я продан черту. Это избавило меня от необходимости прибегать к ругани и побоям, которые день за днем ввергали в преисподнюю мою душу.

Элли *(отпуская его)*. Я сделаю вид, что продаюсь Боссу Менгену, чтобы спасти мою душу от нищеты, которая день за днем ввергает меня в преисподнюю.

Капитан Шотовер. Богатство в десять раз скорее ввергнет вас в преисподнюю. Богатство не пощадит и ваше тело.

Элли. Ну опять что-то старомодное. Мы теперь знаем, что душа—это тело, а тело—душа. Нам говорят, что это не одно и то же, потому что нас хотят убедить, что мы можем сохранить наши души, если мы позволим поработить наши тела. Боюсь, что я от вас никакого толку не добьюсь, капитан.

Капитан Шотовер. А чего бы вы собственно хотели? Спасителя, а? Неужели вы так старомодны, что верите в него?

Элли. Нет. Но я думала, что вы очень мудрый и можете помочь мне. А теперь я вижу вас насквозь. Вы делаете вид, что вы заняты, а сами придумываете всякие мудрые фразы и вот бегаете взад и вперед и бросаете их на ходу, всем на удивление; и тут же исчезаете, прежде чем вам успеют ответить.

Капитан Шотовер. Я теряюсь, когда мне возражают, меня это расхолаживает. Я не могу долго переносить ни мужчин, ни женщин. Мне приходится исчезать. Я и сейчас должен исчезнуть. *(Пытается уйти.)*

Элли *(хватает его за руку)*. Нет, вы от меня не уйдете. Я могу вас загипнотизировать. Вы единственный человек в доме, которому я могу сказать все, что мне придет в голову. Я знаю, что я вам нравлюсь. Садитесь. *(Тянет его к дивану.)*

Капитан Шотовер *(уступая)*. Берегитесь. Я ведь впал в детство. Старики—народ опасный. Им нет дела до того, что может произойти с миром.

Они садятся рядом на диване. Она нежно прижимается к нему, положив ему голову на плечо и полузакрыв глаза.

Элли *(мечтательно)*. А я думала, что у стариков, кроме этого, не может быть никаких других интересов. Ведь им же не может быть интересно, что случится с ними самими.

Капитан Шотовер. Интерес человека к миру—это просто переизбыток его интереса к самому себе. Когда вы еще дитя, ваше суденышко только спускается на воду, поэтому вы и не интересуетесь ничем, кроме своих собственных дел. Когда вы возмужаете, ваше судно входит в глубокую воду, и вот вы становитесь государственным деятелем, философом, исследователем, искателем приключений. В старости судно ваше изнашивается, оно уж не годится для дальнего плавания, и вы снова становитесь младенцем. Я могу подарить вам уцелевшие обрывки моей прежней мудрости. Жалкие остатки и крохи. Но в действительности я ничем не интересуюсь, кроме моих собственных маленьких потребностей и прихотей. Вот я сижу здесь и копаюсь в мо-

их старых изобретениях, стараясь обратить их в средство истребления моих ближних. Я вижу, как мои дочери и их мужья живут бессмысленной жизнью, все это — романтика, чувства, снобизм. Я вижу, как вы, более юное поколение, отворачиваетесь от их романтики, чувств и снобизма, предпочитая им деньги, комфорт и жестокий здравый смысл. И я знаю, что, когда я стоял на своем капитанском мостике во время тайфуна или когда мы, в полном мраке, на несколько месяцев вмерзали в арктические льды,— я был в десять раз счастливее, чем когда-либо будете вы или они. Вы ищете себе богатого мужа. Я в вашем возрасте искал лишений, опасностей, ужасов, смерти, чтобы всем существом своим ощущать, что я живу. Я не позволял страху смерти управлять моей жизнью. И наградой мне было то, что я жил. А вот вы позволяете, чтобы страх перед бедностью управлял вашей жизнью. Этим вы достигнете того, что вы будете есть, а жить вы не будете.

Элли (*нетерпеливо выпрямляясь*). Но что ж я могу сделать? Ведь я же не морской капитан. Я не могу стоять на мостике во время тайфуна или убивать китов и тюленей среди гренландских пловучих льдов. Ведь женщинам не позволяют быть капитанами. Что же вы хотите, чтобы я была стюардшей?

Капитан Шотовер. Бывают жизни и похуже. Стюардши могут сойти и на сушу, если им хотелось бы, но они плавают, плавают, плавают...

Элли. А что бы они стали делать на суше? Вышли бы замуж из-за денег. Не хочу быть стюардшей. Я плохой моряк. Придумайте для меня что-нибудь еще.

Капитан Шотовер. Я не в состоянии думать так долго. Я слишком стар. Я должен исчезать и появляться. (*Делает попытку подняться.*)

Элли (*тянет его назад*). Нет, вы не уйдете. Вам ведь хорошо здесь, разве нет?

Капитан Шотовер. Я уже вам говорил, что это опасно — удерживать меня. Я не могу долго бодрствовать.

Элли. А зачем вы бежите — спать?

Капитан Шотовер. Нет. Выпить стаканчик рому.

Элли. (*в страшном разочаровании*). Только за этим? Фу, как противно! Вам приятно, когда вы пьяны?

Капитан Шотовер. Нет. Я больше всего на свете боюсь напиться допьяна. Быть пьяным — это значит грезить, размякнуть, поддаться любому соблазну, любому обману. Попасть в когти женщинам. Вот что делает с вами вино, когда вы молоды. Но когда вы стары, очень-очень стары, вот как я, — вас осаждают сны. Вы не знаете, до чего это

ужасно. Вы молоды и спите только ночью, и спите крепко; потом вас начинает клонить ко сну днем; а в старости вам хочется спать даже и утром. И просыпаешься усталый, усталый от жизни. И никогда не бывает так, чтобы дрема и сны оставили вас в покое. Сон подкрадывается к вам во время вашей работы, каждые десять минут, если вы не разгоните его ромом. Я теперь пью для того, чтобы быть трезвым. Но сны побеждают. Ром теперь не такой, как раньше. Я уж выпил сегодня десять стаканов, с тех пор как вы приехали. И все равно как если бы я хлебнул воды. Подите-ка принесите мне еще стаканчик. Гинесс знает, где он. Вот вы сами увидите, какая это гадость, когда старый человек пьет.

Элли. Вы не будете пить. Вы будете грезить. Мне нравится, когда вы грезите. Вам не нужно быть в мире действительности, когда мы с вами разговариваем.

Капитан Шотовер. Я слишком устал, чтобы сопротивляться. Или слишком слаб. Ведь я снова переживаю детство. Я вижу вас не такой, какая вы на самом деле. Я не могу припомнить, какой я на самом деле. Я не ощущаю ничего, кроме этого дурацкого чувства счастья, которого я боялся всю мою жизнь; счастья, которое приходит, когда уходит жизнь; счастья уступать и грезить, вместо того чтобы сопротивляться и действовать. Это сладость гниющего плода.

Элли. Вы боитесь этого почти так же, как я боялась расстаться с моими мечтами, боялась того, что мне придется что-то делать. Но теперь все это для меня уже кончено: все мои мечты пошли прахом. Я бы хотела выйти замуж за очень старого, очень богатого человека. Я бы с удовольствием вышла замуж за вас. Гораздо приятнее выйти за вас, чем за Менгена. Вы очень богатый?

Капитан Шотовер. Нет, перебиваемся со дня на день. Да у меня и жена есть, где-то на Ямайке. Чернокожая. Моя первая жена! Если только не умерла.

Элли. Какая жалость! Мне так хорошо с вами! *(Берет его руку и почти бессознательным движением поглаживает ее.)* Я уж думала, мне никогда не будет хорошо.

Капитан Шотовер. Почему?

Элли. Разве вы не знаете?

Капитан Шотовер. Нет.

Элли. Сердце разбилось. Я влюбилась в Гектора, не зная, что он женат.

Капитан Шотовер. Сердце разбилось? Так, может быть, вы из числа тех, кто настолько довольствуется самим собой, что только тогда и может быть счастливым, когда судьба лишит его всего, даже надежды?

Элли (*хватает его за руку*). Да, похоже, что так. Вот я сейчас чувствую: нет ничего на свете, чего бы я не могла сделать,—потому что я ничего не хочу.

Капитан Шотовер. Это и есть единственная настоящая сила. Это и есть гений человека. Лучше рома.

Элли (*отбрасывает его руку*). Рома! Ну зачем вы все испортили?

Из сада в дверь правого борта входят Гектор и Рэнделл.

Гектор. Прошу прощения. Мы думали, тут никого нет.

Элли (*вставая*). Это, надо полагать, означает, что вы хотите рассказать мистеру Рэнделлу историю с тигром. Идемте, капитан. Я хочу поговорить с отцом, и лучше вам быть при этом.

Капитан Шотовер (*поднимаясь*). Глупости! Он уже лег спать.

Элли. Ага! Вот я вас и поймала. Настоящий мой отец лег спать. Но отец, которого вы мне выдумали, в кухне. И вы отлично знали это с самого начала. Идемте. (*Тащит его в сад, к двери с левого борта.*)

Гектор. Вот удивительная девчонка! Водит Старого Моряка за собой на цепочке, как комнатную собачку.

Рэнделл. Ну, вот, теперь, когда они ушли, может быть, мы с вами потолкуем по-дружески?

Гектор садится на стул у чертежного стола, повернувшись лицом к Рэнделлу, который стоит, небрежно прислонившись к верстаку.

Я полагаю, мы можем быть вполне откровенны. Я имею в виду леди Эттеруорд.

Гектор. Вы можете говорить откровенно. А мне нечего сказать. Я ни разу ее не видел до сегодняшнего дня.

Рэнделл (*выпрямляясь*). Что? Ведь вы муж ее сестры?

Гектор. Ну, если уж на то пошло, так ведь вы — брат ее мужа.

Рэнделл. Но ведь вы с ней, по-видимому, очень близки?

Гектор. Как и вы.

Рэнделл. Да. Но я с ней действительно близок. Я знаю ее уже много лет.

Гектор. По-видимому, ей понадобилось много лет для того, чтобы достичь с вами той короткости, которая со мной завязалась через пять минут.

Рэнделл (*оскорбленный*). Поистине, Ариадна — это предел. (*Отходит, надутый, к окну.*)

Гектор (*хладнокровно*). Она, как я уже говорил Гесионе, весьма предприимчивая женщина.

Рэнделл (*оборачивается в возбуждении*). Видите ли, Хэшебай, вы то, что женщины называют «красивый мужчина».

Гектор. В дни моего тщеславия я старался сохранить эту видимость. И Гесиона настаивает, чтобы я продолжал это и

сейчас. Она заставляет меня напрягать эти дурацкие штуки (*показывает на арабский костюм*), потому что ей кажется, что у меня нелепый вид во фраке.

Рэнделл. Вы отлично сохранились, дружище. Так вот, уверяю вас, в моем отношении нет ни капли ревности.

Гектор. Казалось бы, много уместнее было бы поинтересоваться, нет ли этой капли у вашего брата?

Рэнделл. Что? Гастингс? Насчет Гастингса вы не беспокойтесь. Он обладает способностью работать по шестнадцати часов в день над какой-нибудь скучнейшей мелочью, и ему это действительно доставляет удовольствие. Поэтому-то он и выдвигается всюду. Пока Ариадна заботится о том, чтобы он вовремя поел, он будет только благодарен всякому, кто поддержит ее хорошее настроение.

Гектор. А так как она обладает этим фамильным обаянием Шотоверов, то претендентов находится более чем достаточно.

Рэнделл (*свилено*). Она поощряет их. Ее поведение — это сплошной скандал. Уверяю вас, дорогой мой, что в моем отношении нет ни капли ревности. Но она своим легкомыслием заставляет говорить о себе везде, где бы она ни появилась. Вот ведь что. А на самом деле она совершенно равнодушна к мужчинам, которые увиваются вокруг нее. Но кто это может знать? И получается что-то довольно некрасивое по отношению к Гастингсу; некрасиво и по отношению ко мне.

Гектор. Она убеждена, что ведет себя столь безупречно...

Рэнделл. Безупречно! Она только тем и занимается, что с утра до вечера устраивает сцены. Берегитесь, дружище! Она вам наделает хлопот, — то есть, верней сказать, наделала бы, если бы всерьез заинтересовалась вами.

Гектор. Значит, она не интересуется мною?

Рэнделл. Ни чуточки. Ей просто хочется прибавить еще один скальп к своей коллекции. Настоящее ее чувство отдано уже давно — много лет тому назад. Так что советую вам поостеречься.

Гектор. Скажите, вы очень страдаете от этого чувства ревности?

Рэнделл. Ревности? Я! Ревную! Дорогой мой, я же вам сказал, что в моем отношении нет ни капли...

Гектор. Да... А вот леди Эттеруорд сказала мне, что она никогда не устраивает сцен. Так вот, бросьте вы расточать попусту вашу ревность на мои усы. Никогда не ревнуйте к настоящему живому мужчине. В конце концов всякого из нас вытесняет воображаемый герой. К тому же ревность ужасно как не идет к вашей непринужденной позе светско-

го человека, которой вы так успешно придерживаетесь во всех остальных случаях жизни.

Рэнделл. Ну, знаете, Хэшебай, мне кажется, мужчина может позволить себе быть джентльменом, и не обязательно обвинять его за это в позерстве.

Гектор. Это тоже поза, не меньше какой-либо другой. Мы здесь все позы наизусть знаем. У нас дома такая игра: найти, что за человек скрывается под той или иной позой. Насколько я понимаю, за вашей позой скрывается излюбленный герой Элли — Отелло.

Рэнделл. Позвольте уж сказать вам, что кой-какие игры в этом доме чрезвычайно раздражают.

Гектор. Да, я сам много лет был их жертвой. Сначала я прямо-таки корчился от этого. Потом, знаете, привык. А теперь и сам научился играть.

Рэнделл. Я бы вас попросил, если для вас это не составит труда, не разыгрывать этих игр со мной. Вы, по-видимому, абсолютно не понимаете ни моего характера, ни того, что я привык считать хорошим тоном.

Гектор. А это входит в ваше понятие хорошего тона — поносить леди Эттеруорд?

Рэнделл *(в его негодновании прорывается жалобная детская нотка)*. Я ни одного слова не сказал против леди Эттеруорд. Это опять какой-то заговор против меня.

Гектор. Какой заговор?

Рэнделл. Вы отлично знаете, сэр. Заговор, который имеет в виду выставить меня мелочным, ревнивцем, ребячливым, — то есть как раз наделить меня теми качествами, которых у меня нет. Все знают, что я представляю собой полную противоположность этому.

Гектор *(поднимаясь)*. По-видимому, в атмосфере нашего дома есть что-то, что скверно на вас действует. Это нередко бывает. *(Идет к двери в сад и подчеркнуто-повелительным тоном зовет леди Эттеруорд.)* Ариадна!

Леди Эттеруорд *(откуда-то издали)*. Да?

Рэнделл. Зачем вы ее зовете? Я хочу поговорить...

Леди Эттеруорд *(врывается, запыхавшись)*. Да? Нет, в самом деле, у вас страшно властная натура. Что такое?

Гектор. Да вот я что-то не могу управиться с вашим приятелем Рэнделлом. Вы, конечно, знаете, как к нему подступиться?

Леди Эттеруорд. Рэнделл, вы опять выкинули какую-нибудь глупость? Я вижу по вашему лицу. Нет, вы поистине самое мелочное существо на свете.

Рэнделл. Вы отлично знаете, Ариадна, что в моей натуре нет ни капли мелочности. Я держал себя здесь в высшей степени обходительно. Я остался совершенно невозмутим

при виде вора. Это моя особо отличительная черта — невозмутимость. Но... *(топает ногой и начинает сердито расхаживать)* я требую, чтобы со мной обращались с известным уважением. Я не позволю Хэшебао фамильярничать со мной. Я не потерплю, чтобы вы поощряли мужчин бегать за вами.

Гектор. Этот человек носит в себе сильно укоренившееся заблуждение в том, что он ваш супруг.

Леди Эттеруорд. Знаю. Он ревнует. Как будто у него есть на это какие-то права! Он вечно меня компрометирует. Устраивает сцены повсюду. Я этого не допущу, Рэнделл. Вы не имеете права пререкаться из-за меня с Гектором. Я не желаю быть предметом мужских пересудов.

Гектор. Будьте благоразумны, Ариадна. Ваша роковая красота сама по себе заставляет мужчин пререкаться.

Леди Эттеруорд. Ах, вот как! А что вы скажете о вашей роковой красоте?

Гектор. Что ж я могу с этим сделать?

Леди Эттеруорд. Вы можете сбрить себе усы. Я могу отрезать себе нос. Всю жизнь мне приходится терпеть из-за мужчин, которые в меня влюбляются. А потом Рэнделл говорит, что я бегаю за мужчинами.

Рэнделл. Я...

Леди Эттеруорд. Да, да, вы говорили. Вы только что это сказали. Почему вы ни о чем не можете подумать, кроме женщин? Наполеон был совершенно прав, когда говорил, что женщины — это занятие для бездельников. А уж из всех бездельников самый отъявленный — это Рэнделл Эттеруорд...

Рэнделл. Ариа...

Леди Эттеруорд *(прерывая его целым потоком слов)*. Да, да, бездельник. И нечего спорить. Сделали ли вы хоть что-нибудь за всю свою жизнь? На что вы годитесь?хлопот с вами больше, чем с трехлетним младенцем. Вы шагу ступить не можете без чужих услуг.

Рэнделл. Это...

Леди Эттеруорд. Лень! Воплощенная лень! Сплошной эгоизм! Самый скучный человек на земле. Даже когда вы сплетничаете, вы ни о чем говорить не можете, кроме как о себе самом, о своих огорчениях, своих болезнях и о том, кто вас обидел. *(Обращается к Гектору.)* Знаете, как его прозвали, Гектор?

Гектор } *(оба* Пожалуйста, не говорите мне этого.

Рэнделл } *вместе)*. Я не потерплю этого.

Леди Эттеруорд. Рэнделл-слюнтяй — вот как его зовут в обществе.

Рэнделл (*кричит*). Я не допущу этого, повторяю вам. Выслушайте меня, вы, дьявольская... (*Задыхается.*)

Леди Эттеруорд. Ну-ну, я вас слушаю. Как это вы собирались меня назвать? Дьявольская... что? Каким противным животным я стану на этот раз?

Рэнделл (*захлебываясь от негодования*). Нет в мире такого омерзительного животного, каким способна быть женщина. Вы сущий дьявол, который может с ума свести человека! Вы не поверите мне, Хэшебай, если я вам скажу, что я любил этого демона всю мою жизнь. Но бог свидетель, как я был за это наказан. (*Опускается на табурет и плачет.*)

Леди Эттеруорд (*останавливается перед ним, глядя на него с презрительным торжеством*). Нюня!

Гектор (*подходя к нему, серьезным тоном*). Друг мой, эти сестры Шотовер имеют в своем распоряжении две колдовские штуки против мужчин: они могут их заставить любить себя и могут заставить их плакать. Благодарите вашу звезду, что вы не женаты ни на одной из них.

Леди Эттеруорд (*надменно*). Прошу вас, Гектор...

Гектор (*внезапно берет ее за плечи, круто поворачивает ее от Рэнделла к себе и хватает рукой за горло*). Ариадна! Если вы только посмеете начать эти штуки со мной, я вас задушу. Слышите? Игра в кошки-мышки с прекрасным полом — премилая игра, но я могу с вами до того доиграться, что голову вам оторву. (*Толкает ее без всяких церемоний в большое кресло и продолжает уже не так свирепо, но твердо.*) Наполеон верно сказал, что женщины — это занятие для бездельников. Но он сказал еще, что женщина — это утеха воина. Так вот, я — воин. Берегитесь!

Леди Эттеруорд (*ничуть не обиженная, а скорей даже польщенная этим неистовством*). Дорогой Гектор, я ведь сделала только то, что вы просили.

Гектор. Как вас прикажете понять? Будьте добры объясниться.

Леди Эттеруорд. Вы позвали меня сюда, чтобы утихомирить Рэнделла. Вы сказали, что сами не можете с ним справиться.

Гектор. Ну и что из того, что я сказал, — я не просил вас доводить человека до сумасшествия.

Леди Эттеруорд. Да ничуть он не сходит с ума. Просто это такой способ унять его. Будь вы матерью, вы бы меня поняли.

Гектор. Матерью? Что вы тут такое рассказываете?

Леди Эттеруорд. Да очень просто. Когда дети у меня капризничали и не слушались, я их шлепала как следует, чтобы поревели хорошенько, — это была для них такая

полезная встряска. После этого они прекрасно спали и потом на другой день отлично вели себя. Но ведь не могу же я отшлепать Рэнделла. Он слишком велик. Поэтому, когда у него нервы не в порядке и он раскапризничается, я просто довожу его до слез. Вот теперь он будет хорошо вести себя. Посмотрите, он уже совсем спит. *(Так оно в сущности и есть.)*

Рэнделл *(просыпается с возмущением)*. Я не сплю. Какая вы жестокая, Ариадна! *(Расчувствовавшись.)* Но я, кажется, готов простить вас, как всегда. *(Подавляет зевоту.)*

Леди Эттеруорд *(Гектору)*. Ну, грозный воин, вы удовлетворены моим объяснением?..

Гектор. Когда-нибудь, если вы зайдете слишком далеко, я вас зарежу. Я думал раньше, что вы просто дура.

Леди Эттеруорд *(смеясь)*. Все почему-то так думают сначала. Но я не такая дура, как это может показаться с первого взгляда. *(Очень довольная, встает.)* Ну, Рэнделл, теперь марш спать. И утром вы будете пай-мальчиком.

Рэнделл *(слабо сопротивляясь)*. Я пойду спать, когда мне захочется. Сейчас еще и десяти нет.

Леди Эттеруорд. Десять уже давно было. Пожалуйста, Гектор, посмотрите, чтобы он сейчас же пошел спать. *(Уходит в сад.)*

Гектор. Есть ли на свете рабство более гнусное, чем это рабство мужчин у женщин?

Рэнделл *(решительно поднимается)*. Я завтра не стану с ней разговаривать. Целую неделю не буду с ней говорить. Я ее так проучу... И сейчас пойду спать, не простившись с ней *(Идет к двери в переднюю.)*

Гектор. Околдовали вас, человеке. Старик Шотовер продан дьяволу на Занзибаре. И дьявол дал ему за это чернокожую ведьму в жены. Эти две чертовки-дочки — мистический плод сего союза. Я привязан к юбке Гесионы, но я муж ей. И если я даже и совершенно спятил из-за нее, то мы хоть поженились по крайней мере. Но почему вы позволяете, чтобы Ариадна швыряла вас и таскала, как ребенок таскает и колотит игрушечного слоника? Какая вам от этого радость? Вы что, любовник ее, что ли?

Рэнделл. Вы не должны это так дурно понимать. Может быть, в высшем смысле, в платоническом...

Гектор. Фью-ю... В платоническом! Она держит вас на побегушках. А когда приходит время расплачиваться, она надувает вас. Так это надо понимать?

Рэнделл *(вяло)*. Мне кажется... если я против этого не возражаю... то вам-то до этого какое дело? Кроме того, я же вам сказал, что я проучу ее. Вот увидите. Я знаю, как надо

обращаться с женщинами. А правда, я, кажется, совсем засыпаю. Пожелайте миссис Хэшебай от меня покойной ночи, не сочтите за труд. Спокойной ночи. (*Поспешно уходит.*)

Гектор. Бедняга! О, женщины! Женщины! Женщины! Женщины! (*Поднимает кулаки к небу и потрясает ими, точно произнося заклинание.*) Разверзись! Разверзись и сокруши! (*Уходит в сад.*)

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Гектор выходит в сад через стеклянную дверь кормовой галереи. С восточной стороны от эспланады, в свете дугового фонаря, который в своем матовом колпаке похож на луну, леди Эттеруорд томно раскинулась в гамаке; рядом с изголовьем гамака стоит складной стул. С другой стороны флажштока, на длинной садовой скамье, спит капитан Шотовер, рядом с ним сидит Элли, нежно прикорнувшая к его плечу; по левую сторону от них палубный стул. Позади, в темноте прогуливаются Гесиона с Менгеном. Прекрасная тихая безлунная ночь.

Леди Эттеруорд. Какая чудесная ночь! Как будто нарочно для нас.

Гектор. Никакого ей до нас дела нет. Что мы ей? (*Угрюмо садится на стул.*)

Элли (*сонно прижимаясь к капитану*). Эта ее красота прямо проникает во все мои жилки. Ночь несет в себе покой для старых и надежду для юных.

Гектор. Это вы что — сами придумали?

Элли. Нет. Это последняя фраза капитана перед тем, как он заснул.

Капитан Шотовер. Я не сплю.

Гектор. Рэнделл спит. И мистер Мадзини Дэн. И Менген, должно быть, тоже.

Менген. А вот и нет.

Гектор. Ах, вы здесь? Я думал, Гесиона уже отправила вас спать.

Миссис Хэшебай (*подходит сзади к скамье и появляется в круге света вместе с Менгеном*). Да, пожалуй, пора. Менген без конца повторяет мне, что у него предчувствие, будто он умрет. В жизни не видела человека, который бы с такой жадностью добивался, чтобы его пожалели.

Менген (*жалобно*). Но у меня правда такое предчувствие. Правда же. А вы не хотите слушать.

Миссис Хэшебай. Я слушала что-то другое. Тут было какое-то чудесное жужжанье в небе. Никто не слышал? Откуда-то донеслось издалека, а потом замерло.

Менген. Я же вам сказал, что это поезд.

Миссис Хэшебай. А я вам говорю, Альф, что в эти часы никакого поезда нет. Последний приходит в девять сорок пять.

Менген. Может быть, какой-нибудь товарный.

Миссис Хэшебай. По нашей маленькой ветке они не ходят. Просто прицепляют к пассажирскому один товарный вагон. Что бы это такое могло быть, Гектор?

Гектор. Это грозное рычанье неба, знаменующее его отвращение к нам, жалким, бесполезным тварям. *(Истукленно.)* Я вам говорю, вот увидите, что-нибудь случится. Одно из двух—или из тьмы выйдет какое-то новое существо на смену нам, как мы пришли на смену животным, или небосвод с грохотом обрушится и уничтожит нас.

Леди Эттеруорд *(хладнокровно, поучительным тоном, укладываясь поуютнее в своем гамаке)*. Вовсе мы не приходили на смену животным, Гектор. Почему вы призываете небо обрушиться на этот дом, в котором можно было бы устроить такую уютную жизнь, если бы только Гесиона имела хоть малейшее представление о том, как надо жить. Разве вы не понимаете, в чем главный недостаток этого дома?

Гектор. Мы—главный недостаток. Смысла в нас нет ни малейшего. Мы бесполезны, опасны. И нас следует уничтожить.

Леди Эттеруорд. Глупости! Гастингс в первый же день, как только приехал сюда,—это было тому назад года двадцать четыре, кажется,—сразу же сказал мне, какой у нас недостаток.

Капитан Шотовер. Что? Чурбан сказал, что в моем доме какой-то недостаток?

Леди Эттеруорд. Я сказала, что это Гастингс сказал, а он вовсе не чурбан.

Капитан Шотовер. Какой же это недостаток в моем доме?

Леди Эттеруорд. Такой же, как и на корабле, папа. Разве не тонко было со стороны Гастингса подметить это?

Капитан Шотовер. Дурак он. Какой может быть недостаток на корабле? Там все на месте.

Леди Эттеруорд. Нет, не все.

Миссис Хэшебай. Ну, а что же такое? Да не тяни ты, Эдди.

Леди Эттеруорд. Угадайте.

Гектор. Дьяволицы, дщери ведьмы занзибарской! Дьяволицы!

Леди Эттеруорд. А вот и нет. Уверяю вас, все, что нужно,

чтобы сделать этот дом разумным, здоровым, приятным, чтобы у всех был хороший аппетит и здоровый сон,— это лошади.

Миссис Хэшебай. Лошади! Какая чушь!

Леди Эттеруорд. Да, лошади. Почему мы никогда не могли сдать этот дом внаймы? Потому что тут нет конюшен. Поезжайте куда угодно в Англии, где живут нормальные, здоровые, довольные, настоящие, порядочные англичане, и вы увидите, что главный стержень всего дома—это конюшни; а если кому-нибудь из гостей вздумается побренчать на рояле, так, прежде чем открыть его, надо всю комнату перевернуть вверх дном—чего-чего только не навалено на крышке. Я до тех пор не почувствовала, что существую, пока не научилась ездить верхом. Но я никогда по-настоящему, как следует, ездить не буду, потому что меня с детства этому не учили. Настоящее английское общество делится на два круга: это круг лошадиников и круг невротиков. И это вовсе не условность. Всякому ясно, что люди, которые занимаются охотой,—это порядочные люди, а те, кто не охотится,—это не настоящие люди.

Капитан Шотовер. В этом есть доля правды. Мужчину из меня сделал мой корабль, а корабль—это конь морской.

Леди Эттеруорд. Вот именно поэтому-то, как мне Гастингс объяснял, ты и джентльмен.

Капитан Шотовер. Не так уж глупо для чурбана. Можешь его привезти в следующий раз. Надо поговорить с ним.

Леди Эттеруорд. Почему Рэнделл такой слюняй? Воспитывали его хорошо, был в колледже и университете, работал в министерстве иностранных дел, всю жизнь вращался в лучшем обществе. А почему он какой-то такой недоделанный, никчемный? Почему ни один слуга не уживается у него больше, чем два-три месяца? Потому что он слишком ленив и слишком падок на всякие развлечения и поэтому не может быть ни охотником, ни стрелком. Он бренчит на рояле, рисует, волочится за замужними женщинами, читает беллетристику, стихи. Он даже на флейте играет. Но я никогда не позволяла ему являться с флейтой ко мне в дом. Посмел бы он только... *(Ее прерывают меланхолические звуки флейты, доносящиеся из открытого окна сверху. Она в негодованием приподнимается в гамаке.)* Рэнделл! Вы до сих пор не легли спать? Вы, что же, подслушиваете?

Флейта задорно отвечает.

Боже, какая пошлость! Сейчас же в кровать, Рэнделл! Как вы смеете!

Окно со стуком закрывается.

(Снова укладывается в гамак.) Ну кто может заинтересоваться таким ничтожеством?

Миссис Хэшебай. Эдди, как ты думаешь, следует Элли выйти замуж за бедного Альфреда только из-за его денег?

Менген (в ужасном смятении). Ну что же это такое? Миссис Хэшебай, неужели вы будете обсуждать мои дела вот так, перед всеми?

Леди Эттеруорд. Я думаю, Рэнделл сейчас уже не слушает. Менген. Все слушают. Так, право, нельзя.

Миссис Хэшебай. Да ведь сейчас темно. Ну не все ли вам равно? Элли не возражает. Правда, Элли?

Элли. Правда. Вы что думаете об этом, леди Эттеруорд? У вас так много здравого смысла.

Менген. Нет, это нехорошо. Это... это...

Миссис Хэшебай зажимает ему рот рукой.

Ах, ну отлично!

Леди Эттеруорд. Сколько у вас денег, мистер Менген? Менген. Ну знаете!.. Нет, это просто невозможно!

Леди Эттеруорд. Глупости, мистер Менген. Ведь весь вопрос в вашем капитале?

Менген. Ну, уж если на то пошло,—сколько у нее денег?

Элли. Ничего нет.

Леди Эттеруорд. Ну вот, она ответила, мистер Менген. А теперь, после того как вы заставили мисс Дэн бросить карты на стол, извольте показать и ваши.

Миссис Хэшебай. Ну, Адольф, выкладывайте—сколько же? Менген (разозленный до того, что теряет всякую осторожность).

Ну, если уж вам угодно знать, то у меня нет денег и никогда не было.

Миссис Хэшебай. Альфред, зачем вы нам рассказываете такие нелепые сказки?

Менген. Это не сказки. Голая правда.

Леди Эттеруорд. На что же вы тогда живете, мистер Менген?

Менген. Я живу на разъездные; ну а потом немножко еще комиссионных.

Капитан Шотовер. А у кого из нас есть что-нибудь, кроме разъездных на путешествие по жизни?

Миссис Хэшебай. Но ведь у вас же есть фабрика, капиталы и все такое?

Менген. Это все так думают, что у меня есть. Меня считают промышленным Наполеоном. Поэтому-то мисс Элли и хочет выйти за меня. Но я вам говорю, что у меня ничего нет.

Элли. Вы хотите сказать—эти фабрики вроде тигров Марка?

Они на самом деле не существуют?

Менген. Они отлично существуют. Только это не мои фабрики.

Они принадлежат синдикатам, акционерам и всяким там ленивым, ни на что не пригодным капиталистам. Я беру у них деньги и пускаю фабрики в ход. Отыскиваю людей вроде папаша мисс Дэн, которые кладут все свои силы на то, чтобы наладить дело, и сам принимаю все меры к тому, чтобы оно приносило доход. Конечно, я ставлю условие, чтобы мне платили приличное содержание, но это собачья жизнь. А собственности у меня никакой нет.

Миссис Хэшебай. Альфред, вы очень неискусно пытаетесь увильнуть от брака с Элли.

Менген. Первый раз в жизни сказал правду насчет своих денег—и первый раз в жизни ни одна душа не верит!

Леди Эттеруорд. Как это грустно! Почему бы вам не заняться политикой, мистер Менген?

Менген. Политикой? Да что вы, с луны свалились? Чем же я занимаюсь, как не политикой!

Леди Эттеруорд. Простите, но я ни разу о вас не слыхала.

Менген. Разрешите объяснить вам, леди Эттеруорд, что премьер-министр нашей страны предложил мне войти в правительство и безо всякой этой чепухи вроде выборов—на правах диктатора одного крупного ведомства.

Леди Эттеруорд. В качестве консерватора или либерала?

Менген. Ну, это все ерунда. Просто в качестве делового человека.

Все разражаются хохотом.

Над чем вы собственно смеетесь?

Миссис Хэшебай. Ах, Альфред, Альфред!

Элли. Это вас-то, который не может ступить шагу без моего отца? Ведь он все за вас делает.

Миссис Хэшебай. Вас, который боится собственных рабочих?

Гектор. Вас, с которым три женщины целый вечер играют в кошку-мышку?

Леди Эттеруорд. Вы, должно быть, дали той партии, которая выдвинула вас, огромную сумму, мистер Менген?

Менген. Ни пенни из своего кармана. Деньги нашел синдикат. Они понимали, насколько я буду для них полезен в правительстве.

Леди Эттеруорд. Все это необыкновенно интересно и неожиданно, мистер Менген. Ну, и каковы же ваши административные достижения?

Менген. Достижения? Гм... не знаю, что вы подразумеваете. Но я ловко расстроил планы молодчиков из других

ведомств. Каждый из них стремился выступить в роли спасителя страны, а меня хотели оттеснить, лишить доверия и всякой надежды заработать титул. Но я заранее позаботился,— на тот случай, если бы они захотели мне пакостить,— чтобы у них ничего не вышло. Я, может быть, ничего не понимаю в моих машинах, но зато я прекрасно умею сунуть палку в чужую машину. Вот теперь они остались в совершенных дураках.

Гектор. А вы с чем остались?

Менген. Я остался с тем, что перехитрил всех остальных. Если это не торжество деловитости, то как это еще назвать?

Гектор. Где мы: в Англии или в сумасшедшем доме?

Леди Эттеруорд. Так вы собираетесь спасти страну, мистер Менген?

Менген. А кто же еще ее спасет? Может быть, ваш мистер Рэнделл?

Леди Эттеруорд. Рэнделл-слюнтяй? Нет, конечно.

Менген. Или, может быть, ваш зятек с этими его усами и пышными фразами?

Гектор. О да, если бы мне позволили.

Менген (*насмешливо*). А-а! А позволят?

Гектор. Нет. Вы им больше по душе.

Менген. То-то же. Ну а раз вы живете в мире, где меня ценят, а вас нет, вам не мешает обращаться со мной повежливее. Кто тут еще найдется, кроме меня?

Леди Эттеруорд. Гастингс! Бросьте вашу нелепую демократию, дайте Гастингсу власть и хороший запас бамбуковых палок, чтобы привести британских туземцев в чувство,— и он без всякого труда спасет страну.

Капитан Шотовер. Пусть уж она лучше погибнет. С палкой в руках всякий дурак сумеет управлять. И я бы мог так управлять. Это не божий путь. Этот твой Гастингс — чурбан.

Леди Эттеруорд. Он стоит всех вас вместе взятых. А вы что скажете, мисс Дэн?

Элли. Я думаю, что мой отец отлично мог бы управлять, если бы люди не клеветали на него, не обманывали его и не презирали за то, что он такой хороший.

Менген (*презрительно*). Представляю себе: Мадзини Дэн в парламенте и пробивает себе путь в правительство! Слава богу, до этого мы еще не дошли. Что вы скажете, миссис Хэшебай?

Миссис Хэшебай. О, я думаю, что это ровно ничего не значит, кто из вас управляет страной, пока мы управляем вами.

Гектор. Мы? Кто это мы, позвольте узнать?

Миссис Хэшебай. Внучки дьявола, дорогой. Прекрасные женщины.

Гектор (*снова вздымая руки к небесам*). Обрушья, говорю я, и избавь нас от чар сатанинских!

Элли. Выходит, что в мире нет ничего настоящего, кроме моего отца и Шекспира. Тигры Марка поддельные. Миллионы мистера Менгена поддельные. Даже в Гесионе нет ничего по-настоящему сильного и неподдельного, кроме ее прекрасных черных волос. А леди Эттеруорд слишком красива, чтобы быть настоящей. Единственная вещь, которая еще для меня существовала, это была седьмая степень самосозерцания капитана. Но и это, оказывается...

Капитан Шотовер. Ром.

Леди Эттеруорд (*спокойно*). Большая часть моих волос отнюдь не поддельная. Герцогиня Дитеринг предлагала мне за это (*поглаживает свою прическу*) пятьдесят гиней. Она думала, что это парик. Но это все мое собственное, за исключением цвета, разумеется.

Менген (*в совершенном неистовстве*). Нет, слушайте, я сейчас разденусь, я сниму с себя все, что есть. (*Начинает стаскивать с себя стортук.*)

Леди

Эттеруорд

Капитан

Шотовер

Гектор

Элли

*(все вместе,
в ужасе).*

Мистер Менген!

Что это такое! Ха-ха-ха! Валяйте!

Раздевайтесь!

Пожалуйста, не надо.

Миссис Хэшебай (*хватает его за руку*). Альфред! Как вам не стыдно! Да что вы, с ума сошли?

Менген. Стыдно! Где тут стыд, в этом доме? Нет, давайте все разденемся догола. Уж если что делать, так надо доводить до конца. Морально мы все уж разоблачились догола. Так давайте обнажимся и телесно. И посмотрим, как это нам понравится. Я вам говорю, что я не в состоянии это выдержать. Меня с детства учили быть приличным. Я не возражаю против того, чтобы женщины красили волосы, а мужчины пили,—это в человеческой натуре. Но совсем не в человеческой натуре рассказывать об этом направо и налево. Стоит только кому-нибудь из вас рот открыть, как меня всего передергивает (*ежится, словно в него запустили камнем*) от страха — что еще сейчас тут ляпнут? Как можно сохранять хоть какое-нибудь уважение к себе, если мы не стараемся показать, что мы лучше, чем на самом деле.

Леди Эттеруорд. Совершенно согласна с вами, мистер Менген. Все это я испытала. Я знаю, по опыту знаю, что мужчины и женщины—это хрупкие цветы, и их надо выращивать под стеклом. А у нас в семье привычка

швырять камнями куда ни попало и устраивать сквозняки — и это не только невыносимо грубо, но положительно опасно. Но если уж вы не убереглись от моральной простуды, то зачем же еще простужаться и физически. Нет, уж вы, пожалуйста, не снимайте ваше платье.

Менген. Я буду делать так, как мне хочется, а не так, как вы говорите. Что я, ребенок или взрослый? Хватит с меня этой родительской тирании. Уеду в Сити, там меня ценят и уважают.

Миссис Хэшебай. Прощайте, Альф. Вспоминайте нас иногда там, в вашем Сити. Вспоминайте, какая она юная, Элли.

Элли. Вспоминайте, какие глаза и волосы у Гесионы.

Капитан Шотовер. Вспоминайте про наш сад, где вам не приходилось быть сторожевым псом, который лает, дабы преградить дорогу правде.

Гектор. Вспоминайте красоту леди Эттеруорд. Ее здравый смысл. Ее изящество.

Леди Эттеруорд. Лысец! Нет, мистер Менген, вы лучше вспоминайте, есть ли на свете другое такое место, где вам было лучше, чем здесь. Это ведь самое главное.

Менген (*сдаваясь*). Хорошо, хорошо. Сдаюсь. Пусть будет по-вашему. Только отвяжитесь. Я понять не могу, где я, что со мной, — когда вы все так на меня накидываетесь. Остаюсь, женюсь на ней. Все сделаю, только чтобы жить спокойно. Ну, теперь вы довольны?

Элли. Нет. Я, в сущности, никогда не собиралась женить вас на себе, мистер Менген. В глубине души — никогда. Я только хотела испытать свои силы. Проверить, можете ли вы устоять, если я захочу.

Менген (*в негодовании*). Как! Вы хотите сказать, что теперь, после того как я так благородно поступил, вы собираетесь отказать от меня?

Леди Эттеруорд. На вашем месте я бы не стала так торопиться, мисс Дэн. Вы в любое время, до самой последней минуты, успеете отказать от мистера Менгена. В его положении разориться довольно трудно. Вы можете вести очень комфортабельную жизнь, пользуясь тем, что он слышет таким богачом.

Элли. Я не могу пойти на двоемужество.

Миссис	} (все спраш.)	Двоемужество! Что вы такое городите?
Хэшебай		Двоемужество! Что вы хотите сказать, мисс
Леди		Дэн?
Эттеруорд		Двоемужество! Вы хотите сказать, что вы
Менген		уже замужем?
Гектор		Двоемужество! Действительно, загадка!

Элли. Всего только полчаса тому назад капитан Шотовер взял меня в белые жены.

Миссис Хэшебай. Элли! Что за чушь! Где?

Элли. В небесах, где совершаются все истинные браки.

Леди Эттеруорд. Ну, знаете, мисс Дэн! Ну, знаешь, папа!

Менген. И он еще говорил мне, что слишком стар! А сам-то, мумия этакая!

Гектор (*цитируя Шелли*).

Им алтарем был темный лес,

Венчал их ветер вольный.

Элли. Да, я, Элли Дэн, отдала свое разбитое сердце, мою сильную, здоровую душу ее естественному капитану, моему духовному супругу и отцу. (*Она подсовывает руку капитана под свою и нежно ее поглаживает.*)

Капитан крепко спит.

Миссис Хэшебай. Ах, как это умно с вашей стороны, деточка. Необыкновенно умно! Альфред, вам никогда не сравняться с Элли. Куда там! Вы должны удовольствоваться маленькой порцией меня.

Менген (*сопит и вытирает глаза*). Это бессердечно... (*Задыхается от огорчения.*)

Леди Эттеруорд. Вы удачно отделались, мистер Менген. Мисс Дэн — такая самонадеянная молодая особа, я первый раз вижу такую, с тех пор как вернулась в Англию.

Миссис Хэшебай. О, Элли вовсе не самонадеянная. Ведь правда, милочка?

Элли. Теперь я знаю свою силу, Гесиона.

Менген. Бесстыжая, вот как ее надо назвать.

Миссис Хэшебай. Ш-шшш... ш-шшш... Альфред, не надо грубить. Разве вы не чувствуете, как прекрасна эта брачная ночь, этот брак, заключенный в небесах? Разве вы не счастливы, вы и Гектор? Откройте глаза. Эдди и Элли достаточно хороши, чтобы понравиться самому требовательному мужчине. Мы живем и любим и ни о чем не думаем. И все это мы, женщины, устроили для вас. Почему же, скажите, во имя здравого смысла, вы все еще продолжаете вести себя так, будто вы два жалких, брошенных человека?

Капитан Шотовер. Я вам говорю, что от счастья проку мало. Вы можете быть счастливы только тогда, когда вы наполовину живы. Вот я сейчас — наполовину мертвец, а счастливее, чем я был когда-то в молодости. Но и моему счастью нет благословения божьего.

Элли (*с просветленным лицом*). Жить в благословении! Вот что мне надо. Теперь я понимаю, почему я на самом деле не

могу выйти замуж за мистера Менгена. В нашем браке не могло быть благословения. Благословение в моем разбитом сердце. Благословение в вашей красоте, Гесиона. Благословение в душе вашего отца. Даже в выдумках Марка есть благословение. Но в деньгах мистера Менгена никакого благословения нет.

Менген. Ни звука не понимаю.

Элли. Я тоже. Но я знаю, что это что-то значит.

Менген. Не думайте только, что у меня могут быть какие-нибудь заминки с благословением. Я готов откопать епископа, чтобы он нас благословил и повенчал.

Миссис Хэшебай. Ну, не болван ли он, милочка?

Гектор (*гневно*). Довольно вам издеваться над этим человеком. Все вы болваны.

Мадзини, в пижаме и в ярком шелковом халате, выходит из дому и подходит к леди Эттеруорд.

Миссис Хэшебай. А! Вот идет единственный человек, который сумел устоять против меня. Что такое случилось, мистер Дэн? Уж не пожар ли?

Мадзини. Нет, что вы! Ничего не случилось. Но как можно спать, когда у тебя под окном такая интересная беседа, да еще при этом такая замечательная ночь. Просто не утерпел и решил присоединиться к вам. О чем это здесь шла речь?

Миссис Хэшебай. О, здесь происходят удивительные вещи, солдат свободы.

Гектор. Вот, например, Менген, в качестве практика и дельца, пытался раздеться здесь при всех. И потерпел позорное поражение. Тогда как вы, в качестве идеалиста, блестяще преуспели в этом.

Мадзини. Надеюсь, вы не в претензии, что я в таком виде? (*Садится на складной стул.*)

Миссис Хэшебай. Напротив. Я бы предпочла вас всегда в таком виде.

Леди Эттеруорд. Брак вашей дочери, мистер Дэн, расстроился. У мистера Менгена, которого мы все считали капиталистом, оказывается, ровно ничего нет.

Мадзини. Ну, я-то, разумеется, знал это, леди Эттеруорд. Но, если люди верят в него и дают ему деньги, тогда как в меня они не верят и денег мне не дают, то как я могу настаивать, чтобы бедняжка Элли рассчитывала на меня?

Менген. Пожалуйста, только не воображайте, будто у меня ничего нет. Я...

Гектор. Ах, ради бога, без объяснений! Мы поняли. У вас есть тысячи фунтов в долгосрочных векселях, пятьдесят тысяч паев, которым цена десять пенсов за дюжину, и полдюжи-

ны таблеток цианистого калия, чтобы покончить с собой в ту минуту, когда вас прижмут к стенке. Вот и все ваши миллионы.

Мадзини. Нет, нет, нет! Он вполне честный человек. Все предприятия, с которыми он имеет дело, совершенно подлинные и вполне законные предприятия.

Гектор (*с отвращением*). Гм. Даже и плут-то не крупный.

Менген. Это вы так думаете. Но для кой-кого из честных людей оказался даже слишком крупным.

Леди Эттеруорд. Вам никак не угодишь, мистер Менген. Вы решили быть сразу и не богатым и не бедным, и не честным и не нечестным.

Менген. А вы опять за свое. С тех пор как я вступил в этот дурацкий дом, из меня все время шута делают. А я ведь такой же человек, как в Сити, так и здесь.

Элли (*мелодично*). Да, это дурацкий дом... Это нелепо счастливый дом, это душераздирающий дом, дом безо всяких основ. Я буду называть его домом, где разбиваются сердца.

Миссис Хэшебай. Перестаньте, Элли. А то я завою, как зверь.

Менген начинает понемногу всхлипывать.

Ну вот, вы уже довели Альфреда.

Элли. Мне он больше нравится, когда он воет.

Капитан Шотовер. Молчать!

Менген затихает.

Пусть сердца разбиваются в безмолвии.

Гектор. А вы согласны с этим именем для вашего дома?

Капитан Шотовер. Это не дом мой, это моя берлога.

Гектор. Мы слишком зажились здесь. Мы не живем в этом доме, мы в нем просто на ролях привидений.

Леди Эттеруорд (*с надрывом*). Это просто ужасно представить себе, что вы здесь сидели все эти годы, когда я весь свет успела объехать. Мне удалось бежать отсюда еще в юности. А теперь этот дом потянул меня обратно. Он хочет разбить и мое сердце. Но это у него не выйдет. Я простилась с ним и с вами. Глупо было возвращаться. Но я как-то расчувствовалась — вспомнила папу, Гесиону и старые места... Мне казалось, будто они зовут меня.

Мадзини. Но ведь это совершенно естественное, хорошее человеческое чувство, леди Эттеруорд.

Леди Эттеруорд. Вот и я так думала, мистер Дэн. Но теперь я вижу, что это были просто последствия гриппа. И я убедилась, что меня здесь не помнят и не хотят.

Капитан Шотовер. Ты уехала, потому что ты не нуждалась

в нас. Разве это не разбило сердце твоего отца? Ты вырвала себя отсюда с корнем. А земля залечила раны и вырастила свежие ростки. И мы забыли тебя. Какое ты имела право возвращаться и беречь старые раны?

Миссис Хэшебай. Ты сначала показалась мне совершенно чужой, Эдди. Но сейчас мне кажется, что ты никогда и не уезжала.

Леди Эттеруорд. Спасибо тебе, Гесиона; но мой грипп теперь совершенно прошел. И пусть этот дом будет домом разбитых сердец — для вас, мисс Дэн, и для этого господина из Сити, который так плохо владеет собой; а для меня это просто бестолковая и неряшливая вилла, и даже без конюшни.

Гектор. Где обитает...

Элли. Старый, выживший из ума капитан и юная певица, которая преклоняется перед ним.

Миссис Хэшебай. И беспутная матрона, старающаяся скрыть второй подбородок и расплывающиеся телеса и тщетно пытающаяся пленить прирожденного солдата свободы.

Мадзини. Ну что вы, миссис Хэшебай!..

Менген. И еще член правительства его величества короля, награжденный здесь званием болвана. Не забудьте о нем, леди Эттеруорд.

Леди Эттеруорд. И весьма очаровательный джентльмен, основная профессия которого — быть мужем моей сестры.

Гектор. Целая серия идиотов с разбитыми сердцами.

Мадзини. Ах нет! Я бы сказал, если вы разрешите, — весьма и весьма удачные образцы всего, что только есть лучшего в нашей английской культуре. Вы прямо обаятельные люди, очень передовые, без всяких предрассудков, открытые, человечные, не считающиеся ни с какими условностями, демократы, свободомыслящие — словом, у вас все качества, которыми дорожит мыслящий человек.

Миссис Хэшебай. Вы слишком превозносите нас, Мадзини.

Мадзини. Нет, я не лщу, серьезно. Где бы я мог чувствовать себя так непринужденно в пижаме? Я иногда вижу во сне, что я нахожусь в очень изысканном обществе и вдруг обнаруживаю, что на мне нет ничего, кроме пижамы. А иногда и пижамы нет. И я всякий раз чувствую, что я просто сгораю от стыда. А здесь я ничего этого не испытываю; мне кажется, что так и надо.

Леди Эттеруорд. Совершенно безошибочный признак того, что вы не находитесь в действительно изысканном обществе, мистер Дэн. Если бы вы были у меня в доме, вы бы чувствовали себя очень неловко.

Мадзини. Я приложу все старания, чтобы держаться подальше от вашего дома, леди Эттеруорд.

Леди Эттеруорд. Вот и неправильно, мистер Дэн. Я позаботилась бы о том, чтобы вы чувствовали себя вполне удобно. И вам не пришлось бы ломать себе голову над тем, в каком халате вам надо появиться за обедом: в пурпурно-золотом или малиново-изумрудном. Делая такие нелепые вещи, вы усложняете жизнь, вместо того чтобы упростить.

Элли. В вашем доме сердца не разбиваются, не правда ли, леди Эттеруорд?

Гектор. Нет, она сама разбивает сердца в этом своем удобном доме. И тот несчастный там наверху со своей флейтой воеет так же, когда она выворачивала ему сердце наизнанку, как воеет Менген, когда моя жена проделывает то же с ним.

Леди Эттеруорд. Это потому, что Рэнделлу больше нечего делать, как позволять разбивать себе сердце. Это для него такое же занятие, как мытье головы. Поищите кого-нибудь, кто разбил бы сердце Гастингсу!

Капитан Шотовер. Чурбан в конце концов оказывается в выигрыше.

Леди Эттеруорд. Я с величайшим удовольствием вернусь к моему чурбану, когда мне до смерти надоест эта ваша компания умников.

Менген *(обиженно)*. Я и не думал выдавать себя за умника.

Леди Эттеруорд. Ах, я и забыла о вас, мистер Менген.

Менген. Ну, я что-то этого не вижу.

Леди Эттеруорд. Вы, может быть, не очень умны, мистер Менген, но вы человек преуспевающий.

Менген. Но я совсем не хочу, чтобы на меня смотрели только как на преуспевающего человека. У меня тоже есть воображение, как и у всякого другого. Вот, например, сейчас у меня предчувствие...

Миссис Хэшебай. Нет, вы просто невозможны, Альфред. Целый вечер я за вами ухаживаю, а вы ни о чем другом не думаете, кроме ваших нелепых предчувствий. Вы мне прямо надоели с этим. Идемте. Вы мне будете читать стихи при свете звезд. *(Тащит его в глубь сада в темноту.)*

Менген *(плакливо, из темноты)*. Вам хорошо потешаться надо мной. Но если бы вы только знали...

Гектор *(досадливо)*. Чем все это кончится?

Мадзини. Ничем не кончится, мистер Хэшебай. Жизнь — она ведь не кончается. Она идет себе и идет.

Элли. О, вечно так не может идти. Я всегда чего-то жду. Я не знаю, что это такое, только жизнь должна ведь прийти к какой-то цели.

Леди Эттеруорд. Для молодой женщины вашего возраста — это ребенок.

Гектор. Да, черт побери, но у меня тоже такое чувство. А я не могу родить ребенка.

Леди Эттеруорд. Передав ваши полномочия, Гектор...

Гектор. Да есть у меня дети. Все это для меня уже позади.

А все-таки я чувствую, что так это не может продолжаться. Вот мы сидим здесь, болтаем и предоставляем все на свете Менгенам, случаю и сатане. Подумайте только на минуту о тех разрушительных силах, которые имеются у Менгена и у его восхищающейся друг другом шайке. Ведь это истинное сумасшествие! Все равно как дать в руки невоспитанному ребенку в качестве игрушки заряженную торпеду, пусть поиграет в землетрясение.

Мадзини. Да, это верно. Я часто об этом думал, когда был молод.

Гектор. Думать! Что толку об этом думать?! Почему вы чего-нибудь не сделали?

Мадзини. Да нет, я делал. Я был в разных кружках, обществах, произносил речи, статьи писал. То есть все, что было в моих силах. Но, знаете ли, хоть люди в этих кружках и были уверены, что они знают больше, чем Менген, многие из них и не подумали бы сунуться туда, если бы они знали столько, сколько он знает. Видите ли, им никогда не приходилось иметь дело с деньгами или держать в повиновении людей. Каждый год я ждал революции или какого-нибудь ужасного взрыва: казалось просто невыносимым, что мы можем вечно вот так путаться и топтаться на месте. Но ничего не случилось. За исключением, конечно, обычных для нас явлений — нищеты, преступлений, пьянства, к чему все уж привыкли. И никогда ничего не случается. Просто удивительно, если принять во внимание все обстоятельства, до чего мы мирно и гладко существуем...

Леди Эттеруорд. Может быть, кто-нибудь поумнее вас с мистером Менгеном все время заботился об этом?

Мадзини. Возможно. Хотя меня воспитали в неверии, у меня часто бывает такое чувство, что в общем можно довольно много сказать в пользу теории о всемогущем провидении.

Леди Эттеруорд. Провидение! Я имела в виду Гастингса.

Мадзини. Ах, простите, я вас не понял, леди Эттеруорд.

Капитан Шотвер. Всякий пьяный шкипер верит в провидение. Но один из способов провидения обращаться с пьяными шкиперами — швырять их о скалы.

Мадзини. Конечно, на море так оно и есть. Но в политике, уверяю вас, они просто садятся в лужу. Ничего не случается.

Капитан Шотовер. На море с морем ничего не случается. И с небом ничего не случается. Солнце восходит с востока и садится на западе. Месяц из серпа превращается в дуговую лампу и появляется все позже и позже, пока не утонет в солнечном свете, как все остальное тонет во мраке. После тайфуна летучие рыбы на солнце сверкают, точно птицы. Удивительно — принимая во внимание все обстоятельства, как они существуют. Ничего не случается, кроме пустяков, о которых и говорить-то не стоит.

Элли. И что же это такое, о капитан, мой капитан?

Капитан Шотовер (*мрачно*). Ничего. Кроме того, что корабль пьяного шкипера разбивается о скалы, гнилые доски разлетаются в щепы, ржавые болты разъезжаются, и команда идет ко всем чертям, как крысы в капкане.

Элли. Мораль: не надо пить рома.

Капитан Шотовер (*запальчиво*). Это ложь, дитя. Пусть человек за день выпьет хоть десять бочек рома, он не пьяный шкипер, пока он ведет свой корабль. Пока он не сбивается с пути, стоит на мостике, держит руль — он не пьяница. А вот человек, который лежит у себя на койке, доверившись провидению, — вот этого я называю пьяным шкипером, хоть он, может быть, ничего не пил, кроме воды из реки Иорданской.

Элли. Замечательно! А все-таки вы за целый час не выпили ни капли. Вот видите, ром вам вовсе и не нужен. Ваша душа жива.

Капитан Шотовер. Это эхо. Только эхо. Последний выстрел прогремел много лет тому назад.

Гектор. А этот корабль, на котором мы все плывем? Эта темница душ, которую мы зовем Англией?

Капитан Шотовер. Капитан ее валяется у себя на койке и сосет прямо из бутылки сточную воду. А команда дуется на кубрике в карты. Налетят, разобьются и потонут. Вы что думаете, законы господни отменены в пользу Англии только потому, что мы здесь родились?

Гектор. Да не хочу я тонуть, как крыса в тюрьме. Я хочу жить. Но что я должен делать?

Капитан Шотовер. Что делать? Чего проще — изучить, в чем заключаются ваши обязанности настоящего англичанина.

Гектор. А разрешите узнать, в чем заключаются мои обязанности англичанина?

Капитан Шотовер. Навигация. Изучите ее и живите. Или пренебрегите ею и будьте прокляты во веки веков.

Элли. Тихонько, тихонько. Вы утомляетесь. Вам вредно.

Мадзини. Когда-то я об этом думал, капитан. Но, уверяю вас, все равно ничего не случится.

Слышится отдаленный глухой взрыв.

Гектор (*вскакивая*). Что это такое?

Капитан Шотовер. Что-то случилось. (*Свистит в свисток.*)
Буруны на носу.

Свет гаснет.

Гектор (*в бешенстве*). Кто погасил свет? Кто смел погасить свет?

Няня выбегает из дому на середину эспланады.

Няня. Я, сэр. Из полиции позвонили и сказали, что мы будем отвечать, если не погасим свет.

Гектор. Его сейчас будет видно на сотни миль. (*Бросается в дом.*)

Няня. Говорят, от дома приходского священника не осталось ничего, кроме груды кирпичей. Если мы его не приютим на ночь, ему негде будет голову приклонить.

Капитан Шотовер. Церковь швырнуло на скалы, ее разнесет в щепы. Я говорил ему, что так оно и случится, если она не будет держать курс в открытое море господне.

Няня. А вам всем велено идти в подвал.

Капитан Шотовер. Ступай туда сама. Ты и вся команда. И прикройте люки.

Няня. Чтобы я стала прятаться рядом с этим трусом, за которого я когда-то вышла замуж?! Да я лучше на крышу полезу.

Свет снова вспыхивает.

Вон мистер Хэшебай опять зажег.

Вор (*бежит бегом, взывая к няне Гинесс*). Да где же эта песочная яма? Мне мальчишка на кухне сказал, что там погреб есть. А от подвалов толку мало. Где песочная яма, где она, капитан?

Няня. Иди вон туда, все прямо, мимо флагштока. Так прямо и уткнешься туда — даст бог, сломаешь там свою проклятую шею. (*Презрительно толкает его в сторону, а сама идет к гамаку и становится у его изголовья, как когда-то она стояла у колыбели Ариадны.*)

Доносится второй, еще более громкий взрыв. Вор останавливается и стоит, дрожа всем телом.

Элли (*вставая*). Это уже ближе.

Капитан Шотовер. Следующий попадет к нам. (*Встает.*)
Встать всем перед судилищем.

Вор. О господи боже мой! (*В панике бежит мимо флагштока и исчезает в темноте.*)

Миссис Хэшебай (*задыхаясь, появляется из темноты*). Кто это

тут пробежал? (*Подходит к Элли.*) Вы слышали взрывы? А этот звук в небе? Чудесно! Точно настоящий оркестр! Бетховен.

Элли. Вот правда, Гесиона, это Бетховен.

В неистовом восторге бросаются друг к другу в объятия. Свет становится ярче.

Мадзини (*в беспокойстве*). Свет что-то уж очень яркий.

Няня (*смотрит на дом*). Это мистер Хэшебай зажигает свет во всем доме и срывает шторы.

Рэнделл (*выбегает в пижаме, растерянно размахивая флейтой*). Ариадна, душа моя, радость моя! Идемте в подвал! Умоляю вас!

Леди Эттеруорд (*совершенно невозмутимо лежа в гамаке*). Жена резидента—в подвале, с прислугой! Ну, Рэнделл!

Рэнделл. А что ж мне делать, если вас убьют?

Леди Эттеруорд. Вас, вероятно, тоже убьют, Рэнделл. А ну-ка покажите, что вы не трусите, и поиграйте нам на флейте. Пожалуйста, сыграйте нам «Пылайте, огни очагов».

Няня (*мрачно*). Уж насчет того, чтобы пылало, они позаботятся, вон эти... эти...

Рэнделл (*пытается играть*). У меня губы трясутся. Не могу ни звука сыграть.

Мадзини. Надеюсь, бедняга Менген цел и невредим?

Миссис Хэшебай. Он спрятался в песочной яме.

Капитан Шотовер. Мой динамит привлек его туда. Десница божья.

Гектор (*выходит из дома и большими шагами идет на прежнее место*). Мало света. Нам бы надо до небес пылать.

Элли (*вся дрожа от возбуждения*). Зажгите дом, Марк.

Миссис Хэшебай. Мой дом? Ни за что!

Гектор. Я уж думал об этом. Да не поспеть теперь.

Капитан Шотовер. Час суда настал. Мужество не спасет вас. Но оно покажет, что души ваши еще живы.

Миссис Хэшебай. Ш-шшш... Слушайте. Слышите, вот сейчас? Как это великолепно!

Все поворачиваются спиной к дому и прислушиваются, глядя вверх.

Гектор (*внушительно*). Мисс Дэн, вам совершенно не годится оставаться здесь. Мы все из этого дома—мошки, летящие на огонь. А вам бы лучше в подвал пойти.

Элли (*презрительно*). Не думаю.

Мадзини. Элли, дорогая... пойти в подвал, в этом же нет ничего унижительного. Всякий офицер скомандовал бы

своим солдатам: марш под прикрытия! Мистер Хэшебай ведет себя здесь как любитель. Менген и бродяга поступили совершенно разумно. Вот они-то и уцелеют.

Элли. Пусть уцелеют. Я буду вести себя как любитель. А вот ты зачем подвергаешь себя опасности?

Мадзини. Подумать только, какой опасности подвергают себя эти бедняги — там, наверху.

Няня. О них еще думать! Убийцы проклятые! Скажете тоже.

Страшный взрыв сотрясает землю. Они откидываются на своих сиденьях, кое-кто хватается за ближайшую опору. Слышно, как из окон со звоном вылетают разбитые стекла.

Мадзини. Никто не ранен?

Гектор. Куда попало?

Няня (*со злорадством*). Прямо в песочную яму. Своими глазами видела. Так ему и надо. Сама видела. (*Со злобным смехом бежит к песочной яме.*)

Гектор. Одним мужем стало меньше на свете.

Капитан Шотовер. Тридцать фунтов первоклассного динамита — и попусту!

Мадзини. Ах, бедный Менген!

Гектор. Да что вы, бессмертный, что ли, что жалеете его? Теперь наша очередь.

Все молча, в страшном напряжении, ждут. Гесиона и Элли крепко держат друг друга за руки. Доносится отдаленный взрыв.

Миссис Хэшебай (*выпуская руку Элли*). Ах, они пролетели мимо!

Леди Эттеруорд. Опасность миновала. Рэнделл, идите спать.

Капитан Шотовер. Все по местам. Корабль невредим. (*Садится и тут же засыпает.*)

Элли (*в отчаянии*). Невредим!

Гектор (*с омерзением*). Да. Невредим. И до чего же опять стало невыносимо скучно. (*Садится.*)

Мадзини (*сидясь*). Как я, оказывается, ошибся,— ведь вот мы все уцелели, а Менген и бродяга...

Гектор. Два вора...

Леди Эттеруорд. ... два деловых человека.

Мадзини. ...оба погибли. А бедному священнику придется, по-видимому, строить себе новый дом.

Миссис Хэшебай. Но какое замечательное ощущение! Я думаю — может быть, они завтра опять прилетят.

Элли (*сияя в предвкушении этого*). Ах, я тоже думаю!

Рэнделлу удается, наконец, изобразить на флейте «Пылайте, огни очагов...»

СОДЕРЖАНИЕ

3. Гражданская. **Бернард Шоу** 3

ПЬЕСЫ

Профессия миссис Уоррен. Перевод Н. Дарузес 19

Цезарь и Клеопатра. Перевод М. Богословской и С. Боброва 83

Пигмалион. Перевод Е. Калашниковой 177

Дом, где разбиваются сердца. Перевод М. Богословской и С. Боброва 253

БЕРНАРД ШОУ

ПЬЕСЫ

Редактор Н. А. Преснова

Оформление художника В. И. Сидоренко

Художественный редактор Л. И. Королева

Технический редактор К. И. Заботина

ИБ 303

Сдано в набор 20.12.79. Подписано к печати 08.05.80.

Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Эксельсиор».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 22,00. Уч.-изд. л. 22,44. Тираж 500 000 экз.

Цена 2 руб.

Набор и фотоформы изготовлены в ордена ~~Октябрьской~~
и ордена Октябрьской Революции
типографии газеты «Правда» имени ~~В. И. Ленина~~
125865. Москва, А-137, ГСП, улица «Правды», 24.

Отпечатано в типографии издательства

Татарского обкома ~~Казанского~~ г. Казань, ул. Декабристов, 2. Заказ № 147

2 руб.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»